

**ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА**

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY
SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., О. А. Козадеров, д-р хим. наук, доц.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: Э. К. Алгазинов, д-р физ.-мат. наук, проф., В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. Д. Баев, д-р физ.-мат. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., Сирота А.А., д-р техн. наук, проф., Ю. Н. Стариков, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., В. И. Федотов, д-р геогр. наук, проф., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р филол. наук, проф. Члены редколлегии: Геруля (Gierala) Мариан, д-р филол. наук, проф. (Институт политических наук и журналистики Силезского университета в г. Катовице, Польша); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); В. Ф. Олешко, д-р филол. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); И. А. Стернин, д-р филол. наук, проф.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по филологии и журналистике (10.01.00 – литературоведение, 10.01.01 – русская литература, 10.01.09 – фольклористика, 10.01.10 – журналистика, 10.02.00 – языкознание, 10.02.01 – русский язык).

Адрес редакции: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7 (473) 274-52-71

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Берберова Л. Б., Берберов А. Б. ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И МАШИНОЙ В РОМАНЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА «ЖЕЛЕЗНАЯ ПЯТА»</i>	5
<i>Воротникова А. Э. ОБРАЗНОСТЬ В КРЕОЛИЗОВАННОМ ТЕКСТЕ У ЦЮРН «ЖАСМИНОВЫЙ ЧЕЛОВЕК»</i>	10
<i>Вострикова И. Ю. НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СТРУКТУРЫ ЗОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ</i>	15
<i>Думан И. В. ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В РАБОТАХ В. О. ПЕЛЕВИНА</i>	18
<i>Есаулов И. А., Сытина Ю. Н. ОБЪЯСНЕНИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПОНИМАНИЕ В ИЗУЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ ЛИТЕРАТУРЫ</i>	21
<i>Жидкова Ю. Б. СИНОНИМИЧНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЭКВИВАЛЕНТНЫЕ ЗАМЕНЫ В НАУЧНОМ СТИЛЕ РЕЧИ</i>	26
<i>Житенев А. А. СЕМИОЗИС «НОВОГО» КАК ПОСТРОЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ АЛЬТЕРНАТИВ (ПЕРВЫЙ ТОМ «ПОЕЗДОК ЗА ГОРОД»)</i>	29
<i>Кольцова Л. М., Чуриков С. А. ЦИТАТЫ И КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ И. С. НИКИТИНА В РУССКОМ ДИСКУРСЕ</i>	34
<i>Коржова И. Н. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПОЛЕМИКА С К. СИМОНОВЫМ В СТИХОТВОРЕНИИ М. ЛУКОНИНА «ТЫ В ЭТИ ДНИ ЖИЛА ВДАЛИ...»</i>	38
<i>Корноголуб Е. В. ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ФЕНОМЕН БИЛИНГВИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ИОНА ДРУЦЭ</i>	42
<i>Кухтина Н. И. МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ В ПРОСТРАНСТВЕ СНОВИДЕНИЙ: РАССКАЗЫ Л. ТОЛСТОГО «СОН» И «АЛЬБЕРТ»</i>	45
<i>Лемякина Н. А. ТЕМАТИКА РАССКАЗОВ-ИСТОРИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ</i>	49
<i>Сальникова О. С. ГРАФИЧЕСКИЙ ОБЛИК СЛОВА: СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ДЕВИАЦИИ В ПИСЬМЕ ДЕТЕЙ</i>	51
<i>Сафрон Е. А. КАРНАВАЛЬНОЕ НАЧАЛО В РОМАНЕ В. В. ОРЛОВА «ШЕВРИКУКА, ИЛИ ЛЮБОВЬ К ПРИВИДЕНИЮ»</i>	54
<i>Скрипникова Т. И. ЭСХАТОЛОГИЯ СМЕРТИ В РАССКАЗЕ И. А. БУНИНА «КОНЕЦ»</i>	59
<i>Соколова А. А. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ КАСАТЕЛЬСТВА</i>	63
<i>Сузрюкова Е. Л. СОЛНЦЕ В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА «ДЕТСТВО»</i>	66
<i>Тимошина Т. В. МИКРОГРУППОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА</i>	72
<i>Фролова Т. В. ЭПИГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ПОСЕЛКА</i>	74
<i>Шпилева Г. А., Скобелев Д. А., Беляева Н. П. ОБРАЗ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ТВОРЧЕСТВЕ А. ГАЛИЧА, Б. ОКУДЖАВЫ И В. ВЫСОЦКОГО: «О НЕСХОДСТВЕ СХОДНОГО»</i>	77

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Зулхумор Акбарова.</i> ДРАМАТИЗАЦИЯ — МЕТОД ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЖУРНАЛИСТСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ	83
<i>Антропова В. В.</i> МОДУСНЫЕ КОНЦЕПТЫ КАК ЧАСТЬ МЕТАКОНЦЕПТА «ДУХОВНОСТЬ» В ТЕКСТАХ ЭЛИТАРНЫХ, КАЧЕСТВЕННЫХ И МАССОВЫХ ИЗДАНИЙ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ.....	86
<i>Буй Чи Чунг</i> ВЬЕТНАМСКОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО: УРОКИ ТАСС	90
<i>Дмитровский А. Л.</i> ЭССЕИСТИКА КАК ЭВРИСТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ТВОРЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	92
<i>Дрогайцева М. А.</i> ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНЫХ ОЖИДАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАНОМИНАЦИИ.....	97
<i>Клюев Ю. В.</i> ПАРЛАМЕНТАРИЗМ, ПРОТЕСТЫ И КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ: ДИСКУРСЫ, КОММУНИКАЦИИ, ЭФФЕКТЫ	99
<i>Козлова Н. Н.</i> ВОПРОС О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» РУБЕЖА XIX–XX ВВ.	105
<i>Корнилова К. С.</i> МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ ...	113
<i>Макаренко Е. Ю.</i> ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕТСКИХ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ ЖУРНАЛОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕДИАСРЕДЫ.....	116
<i>Марчан К. В.</i> ЖЕНСКАЯ ПРЕССА: ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС РАССМОТРЕНИЯ.....	123
<i>Ничеговская М. А.</i> ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ В ОБЫДЕННОМ ДИСКУРСЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ «ОТКРЫТАЯ»	127
<i>Петренко О. А., Горбачев А. М.</i> ПОТЕНЦИАЛ ПОДКАСТОВ ЭФИРНОГО РАДИО В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ АУДИТОРИИ	130
<i>Рустамова Д. А.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЖУРНАЛИСТСКАЯ ЭТИКА КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	135
<i>Страшнов С. Л.</i> О ВЫРАЗИТЕЛЬНО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ПРИРОДЕ ПУБЛИЦИСТИКИ	139
<i>Хорольский В. В.</i> АУДИТОРИЯ КАК ТОВАР: ДИАЛЕКТИКА «БОЛЬШИХ ДАННЫХ» В МЕДИАИНДУСТРИИ	143
<i>Цуканова М. И.</i> РАДИО В ВОРОНЕЖЕ: РАДИОФИКАЦИЯ И НАЧАЛО ВЕЩАНИЯ	149
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	156

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2019. № 2. April – June

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Berberova L. B., Berberov A. B.</i> THE PROBLEM OF THE DIALOGUE BETWEEN MAN AND MACHINE IN THE JACK LONDON NOVEL IRON HEEL.....	5
<i>Vorotnikova A. E.</i> IMAGERY IN THE CREOLIZED TEXT « THE MAN OF JASMINE» U. ZURN.....	10
<i>Vostrikova I. Y.</i> NATIONAL SPECIFICITY OF RUSSIAN AND ENGLISH LEXICO-SEMANTIC FIELD 'LABOUR ACTIVITY' ZONE STRUCTURE.....	15
<i>Duman I. V.</i> OCCASIONAL FOREIGN INCLUSIONS IN V. O. PELEVIN'S WORKS	18
<i>Esaulov I. A., Sytina Yu. N.</i> EXPLANATION, INTERPRETATION AND UNDERSTANDING IN THE STUDY AND TEACHING OF LITERATURE.....	21
<i>Zhidkova Ju. B.</i> SYNONYMOUS AND FUNCTIONAL EQUIVALENT SUBSTITUTIONS IN SCIENTIFIC STYLE OF SPEECH	26
<i>Zhitenev A. A.</i> SEMIOSIS OF THE «NEW» AS CONSTRUCTION OF CONCEPTUAL ALTERNATIVES (FIRST VOLUME OF «TRIPS TO THE COUNTRY»).....	29
<i>Koltsova L. M., Churikov S. A.</i> QUOTATIONS AND WINGED EXPRESSIONS OF I. S. NIKITIN IN RUSSIAN DISCOURSE.....	34
<i>Korzhova I. N.</i> ARTISTIC CONTROVERSY WITH K. SIMONOV IN M. LUKONIN'S POEM «YOU LIVED FAR AWAY THESE DAYS ...»	38
<i>Kornogolub E. V.</i> PROBLEMS OF LITERARY WORKS RECEPTION AND THE PHENOMENON OF BILINGUALISM IN THE WORKS OF ION DRUTA	42
<i>Kukhtina N. I.</i> MALE AND FEMALE IN THE SPACE OF DREAMS: TOLSTOY'S STORIES «DREAM» AND «ALBERT»	45
<i>Lemyaskina N. A.</i> SUBJECTS OF STORIES-STORIES OF YOUNGER STUDENTS.....	49
<i>Salnikova O. S.</i> GRAPHICAL APPEARANCE OF THE WORD: SPECIFIC DEVIATIONS IN THE WRITING OF CHILDREN	51
<i>Safron E. A.</i> CARNIVAL PROPOSED IN V. V. ORLOV'S NOVEL «SHEVRIKUKA, OR LOVE TO THE GHOST».....	54
<i>Skripnikova T. I.</i> THE ESCHATOLOGY OF DEATH IN THE STORY OF I. A. BUNIN «THE END»	59
<i>Sokolova A. A.</i> PROCESS PHRASEOLOGICAL UNITS WITH CONCERN MEANING	63
<i>Suzryukova E. L.</i> THE SUN IN THE STORIES CYCLE «THE CHILDHOOD» BY V. A. NIKIFOROV-VOLGIN	66
<i>Timoshina T. V.</i> MICROGROUP MEANINGS OF WORDS IN LANGUAGE SYSTEM.....	72
<i>Frolova T. V.</i> EPIGRAPHIC PORTRAIT OF FAR EASTERN VILLAGE.....	74
<i>Shpilevaja G. A., Skobelev D. A., Belyaeva N. P.</i> THE IMAGE OF THE «LITTLE MAN» IN THE WORK OF A. GALICH, B. OKUDZHAHA AND V. VYSOTSKY: «ON THE DISSIMILARITY OF THE SIMILAR»	77

JOURNALISM

<i>Akbarova Zulkhumor</i> . DRAMATIZATION IS A METHOD OF INCREASING THE EFFECTIVENESS OF JOURNALISTIC WORKS.....	83
<i>Antropova V. V.</i> MODUS CONCEPTS AS PART OF METACONCEPT «SPIRITUALITY» IN THE TEXTS OF THE ELITE, HIGH-QUALITY AND THE MASS MEDIA: THE AXIOLOGICAL DOMINANTS.....	86
<i>Bui Chi Chung</i> . COMMUNICATION MODEL OF VIETNAMESE NEWS AGENCY.....	90
<i>Dmitrovski A. L.</i> ESSAYS AS A HEURISTIC STRATEGY: PHILOSOPHICAL, METHODOLOGICAL AND CREATIVE ASPECTS.....	92
<i>Drogaitseva M. A.</i> ABOUT USING OF THE METHOD OF THE SUBJECTIVE EXPECTATIONS IN RESEARCHING NOWADAYS MEDIANOMINATION	97
<i>Klyuev Y. V.</i> PARLIAMENTARISM, PROTESTS AND THE CONSTITUTIONAL PROCESS IN RUSSIA: DISCOURSES, COMMUNICATIONS, EFFECTS.....	99
<i>Kozlova N. N.</i> THE QUESTION ABOUT THE WAYS OF RUSSIA'S DEVELOPMENT IN JOURNALISM OF THE MAGAZINE «VESTNIK EVROPY» AT THE TURN OF XIX-XX CENTURIES.....	105
<i>Kornilova K. S.</i> MUSEUM AND EXHIBITION ACTIVITIES IN THE SYSTEM OF MARKETING COMMUNICATIONS.....	113
<i>Makarenko E. Yu.</i> TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CHILDREN'S ILLUSTRATED MAGAZINES IN THE CONDITIONS OF MEDIA SPACE TRANSFORMATION.....	116
<i>Marchan K. V.</i> WOMEN'S PRESS: HISTORICAL AND TYPOLOGICAL PERSPECTIVE	123
<i>Nichegovskaya M. A.</i> REFLECTION OF SOCIAL WELL-BEING IN EVERYDAY DISCOURSE PUBLIC-POLITICAL NEWSPAPER «OTKRYTAYA»	127
<i>Petrenko O. A., Gorbachev A. M.</i> POTENTIAL BROADCASTING RADIO PODCASTS IN THE FORMATION OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF THE AUDIENCE.....	130
<i>Rustamova D. A.</i> PROFESSIONAL JOURNALISTIC ETHICS AS A FACTOR OF PRESERVING NATIONAL IDENTITY.....	135
<i>Strashnov S. L.</i> ABOUT THE EXPRESSIVE-FIGURAL ENVIRONMENT OF PUBLICISM	139
<i>Khorolsky V. V.</i> AUDIENCE AS A COMMODITY: THE DIALECTICS OF BIG DATA IN THE MEDIA INDUSTRY	143
<i>Tsukanova M. I.</i> BROADCASTING OF VORONEZH: RADIO SERVICE AREA AND BEGAN BROADCASTING.....	149
SUBMISSION GUIDELINES.....	156

ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И МАШИНОЙ В РОМАНЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА «ЖЕЛЕЗНАЯ ПЯТА»

Л. Б. Берберова, А. Б. Берберов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Поступила в редакцию 6 мая 2019 г.

Аннотация: на материале антиутопического романа американского писателя Джека Лондона «Железная пята» авторы статьи рассматривают целый комплекс вопросов, связанных с негативными последствиями научно-технической революции, конфликтом между человеком и машиной, дегуманизацией труда, технологической безработицей, поиском новых ориентиров цивилизационного развития. Отмечая художественное мастерство писателя, авторы выделяют такие экспрессивные средства, как женский нарратив, плотность интертекстуального пространства романа, символику соматических, номинологических и зооморфных образов.

Ключевые слова: литература, Джек Лондон, роман, художественный конфликт, машина, человек, труд, дегуманизация, цивилизация.

Abstract: on the basis of the anti-utopian novel by the American writer Jack London «The Iron Heel», the authors of the article consider a whole range of issues related to the negative consequences of the scientific and technological revolution, the conflict between man and machine, the dehumanization of labor, technological unemployment, the search for new civilizational development guidelines. Noting the writer's artistic mastery, the authors distinguish such expressive means as the female narrative, the density of the intertextual space of the novel, the symbolism of somatic, nominological, and zoomorphic images.

Keywords: literature, Jack London, novel, artistic conflict, machine, man, labor, dehumanization, civilization.

Каждый профессиональный и честный писатель является своего рода «регистратором» истории, запечатлевающим посредством образного, художественного языка текущие события и закономерности социально-политического и экономического бытия. По прошествии многих лет такого рода произведения служат бесценным источником исторической информации.

Одним из самых честных и объективных художников является Джек Лондон (1876–1916), который в своем «мемуарно-футурологическом» романе воссоздал полный синхронический срез американского капитализма. Как отмечается в предисловии к роману, «величайшее достоинство произведения в том, что оно воскрешает для нас атмосферу той страшной эпохи» [6, 6].

По самым строгим литературным меркам роман «Железная пята» является антиутопическим произведением. Б. А. Ланин пишет: «Если утописты предлагали человечеству рецепт спасения от всех социальных и нравственных бед, то антиутописты, как правило, предлагают читателю разобраться, как расплачивается простой обыватель за всеобщее счастье» [5, 38]. Как далее отмечает ученый, вся современная антиутопическая литература может быть подразделена на следующие жанровые модификации: сатирическая, детективная и антиутопия-«катастрофа» [5,

39]. По нашему наблюдению, последняя разновидность отмечена знаком наибольшей востребованности и актуальности в последнее время, поскольку человечество все явственнее осознает, что «прогресс цивилизации, техники и комфорта не есть прогресс в нравах» [3, 6]. Об этом свидетельствует появление на российской литературной арене в новом тысячелетии сразу нескольких интересных антиутопических «романов-предупреждений», среди которых выделяются: «Когда падают горы (Вечная невеста)» Ч. Айтматова [1], «Не отпускай меня» Кадзуо Исигуро [4], «О дивный новый мир» О. Хаксли [10], «Червивая луна» С. Гарднера [2]. С этой точки зрения особый научный интерес вызывает ретроспективное обращение к художественному опыту классиков антиутопического жанра, в частности, к роману Джека Лондона «Железная пята», где выражено «понимание исчерпанности прежних идеалов жизни» [9, 13].

Для своего романа автор избрал весьма оригинальную художественную форму. Весь текст представляет собой эпистолярные записи молодой американской революционерки Эвис Эвергард, которая «по горячим следам» буквально стенографирует события американской действительности рубежа XIX–XX веков. Как в предисловии автор предупреждает читателя, молодая женщина, опасаясь преследований со стороны агентуры, в «далеком» 1913 году свою рукопись спрятала в «дупле векового дуба в Уэйк-Робинлодже», где спустя 7 столетий, 27 ноября 4192 г.

эры Братства людей ее обнаружил и опубликовал с комментариями «человек 27-го века» [6, 9].

Плод литературной мистификации Джека Лондона можно назвать «эвисовским манускриптом», по ходу отметив, что сознательно предложенный автором «женский взгляд на вещи» в какой-то мере увеличивает качество объективности и достоверности излагаемых фактов, приправленных еще и вниманием к психологическим деталям. По мнению современных гендерологов, особенностью женского нарратива является также присутствие в тексте «множества так называемых эмоциональных интенсификаторов» [11, 162].

Важное место в романе занимает любимый друг (а впоследствии — муж) главной героини социалиста Эрнест Эвергард, который не только «вылепил» из вполне буржуазной профессорской дочки заступницу пролетариата, но фактически «провел ее через ад» [6, 35], чтоб она собственными глазами увидела гримасы капитализма, «зверскую систему эксплуатации, которую установил класс капиталистов» [6, 31], «ужасы промышленного века» [6, 35].

В социально заостренном романе Дж. Лондона в числе других большое внимание уделяется и такой проблеме, как «пролетариат и машина». Устами главного героя озвучивается история возникновения этой проблемы: «Вам конечно, известно, что с появлением машин и возникновением фабрик во второй половине восемнадцатого века огромное большинство трудящегося населения было оторвано от земли. Условия труда в корне изменились. Бросив родные деревни, рабочий люд вынужден был селиться в тесных, скученных кварталах больших городов. Не только мужчины, но и матери семейств и дети были приставлены к машинам. Рабочий не имел семьи. Его жизнь была ужасна. Эти страницы истории залиты кровью» [6, 32].

Машина сама по себе является гениальным изобретением человечества, призванным, казалось бы, добром и правдой служить рабочему, облегчить его труд, превратить монотонный индустриальный процесс в радость, высвободить для *homo faber* чуть больше свободного времени, чем раньше. Однако в порочно организованном обществе, с неправильно расставленными приоритетами этого не происходит. В мире с перевернутыми ценностями вместо того, чтобы служить рабочему классу, машина парадоксальным образом становится его антагонистом. Финансовыми воротилами она превращена в мощное средство еще более изощренной эксплуатации простого человека, выжимания из него последних сил. С появлением механически заведенных станков и конвейеров трудящийся, теряя свое биологическое начало, становится «винтиком» или «болтиком» автоматки. В новых условиях отвлечься от трудового процесса, задуматься, устать — не просто нарушение трудовой дисциплины, а громадный риск для

здоровья и жизни. В капиталистическом мире изначально «дегуманизированная» машина служит надзорным органом и карательной силой по отношению к человеку.

Джек Лондон, всегда подкрепляющий «философию рабочего класса» [6, 27] красноречивыми фактами, в романе приводит трагическую историю Джексона — молодого рабочего Сьеррской компании: «Джексон — жертва несчастного случая. Его погубило желание сберечь Компании несколько долларов. Ему бы оставить без внимания кусочек кремня, попавший в зубья барабана, — поломались бы два ряда спиц, зато рука была бы цела. А Джексон потянулся за кремнем; вот ему и разmozжило руку по самое плечо. Дело было ночью. Работали сверхурочно. Те месяцы принесли акционерам особенно жирные прибыли. Джексон простоял у машины много часов, мускулы его потеряли упругость и гибкость, движения замедлились. Тут-то его и зацапала машина. А ведь у него жена и трое детей» [6, 37].

В приведенном отрывке содержатся несколько культурных смыслов. Первое — груда железа поставлена выше человека. Второй символический смысл связан с соматическим образом — рукой. Казалось бы, научным интеллектом изобретателей машина придумана для того, чтобы «удлинить» руку рабочего человека, дать ему больше технологических возможностей, а на практике выходит наоборот — машина «пожирает» человеческие руки, превращает его в инвалида, выбрасывает его на улицу как отработанный биосоциальный мусор.

На «юридических» страницах своего романа Дж. Лондон дает весьма не лестную характеристику правоохранительной системе капиталистического государства, которая в открытую служит не правде, а власти имущим. Писатель приводит интересное свидетельство президента США Теодора Рузвельта, который в 1905 году, выступая перед студентами Гарвардского университета, заметил: «Ни для кого не секрет, что у большинства наших крупных предприятий имеются высокооплачиваемые юристы, чьи остроумные и смелые советы позволяют их богатым клиентам, будь то отдельные лица или корпорации, успешно обходить законы, принятые в интересах общества для упорядочения деятельности крупного капитала» [6, 42]. И в другом месте, характеризуя аппарат власти железнодорожных магнатов, автор отмечает: «Сорок тысяч юристов защищают интересы компании в суде против интересов трудового народа. Компания выпускает тысячи бесплатных проездных билетов для подкупа судей, банкиров, журналистов, министров, профессоров, членов конгресса и законодательных собраний» [6, 114].

Яркий пример тому — история Джексона, которому по божьим и государственным законам, казалось бы, полагается обязательная компенсация за физическое увечье, полученное на производ-

стве. Однако, прибегнув к всевозможным судебным хитросплетениям, юристы Сьеррской компании во главе с полковником Ингрэмом весьма виртуозно доказали, что в случившейся трагедии виновен исключительно сам покалеченный работник и «не в правилах компании награждать рабочих за небрежность». Как апогей юридического цинизма звучит заключение правоведов о том, что выдавать дивиденды ка лекам «значило бы вводить в соблазн бедняков, все они, пожалуй, так и начнут себя калечить» [6, 56].

Всему этому огромному репрессивному организму в виде «государственной машины», куда включаются и автоматизированные средства производства, Джек Лондон дает емкое метафорическое название «Железная пята». Будучи тонким стилистом, писатель мастерски использует в тексте многочисленные тропы с «металлическим компонентом», интертекстуально связанные с «Железной пятой», тем самым усиливая впечатление раздавленности маленького человека под тяжестью колоссальной железной «ступни» мирового капитализма. Приведем несколько экспрессивных примеров: «удары кузнечного *молота*» [6, 17], «*металлические нотки голоса*» [6, 22], «чистый звон *металла*» [6, 24], «*банковский сейф*» [6, 38], «*картечь и стрекот пулемета*» [6, 74], «разрушители *машин*» [6, 88], «*механические станки*» [6, 98], «*игольное ушко*» [6, 165], «*косить пулеметами*» [6, 164], «*железная рука*» [6, 166], «*бросить бомбу*» [6, 181], «*железнодорожное полотно*» [6, 231] и многие другие.

В романе Джека Лондона поднимается один из самых главных парадоксальных вопросов цивилизационной истории человечества: почему машина не сделала рабочего человека счастливым? Пытаясь докопаться до истины, автор приводит логическую цепочку рассуждений своего рефлексирющего героя. Эрнест исходит из того, что «благодаря развитию техники и общественных отношений производительность труда современного человека увеличилась по сравнению с производительностью дикаря в тысячу раз». По его подсчетам, «пятеро рабочих выпекают хлеб для тысячи человек. Один рабочий изготавливает хлопчатобумажной ткани на двести пятьдесят, шерстяной ткани на триста, обуви на тысячу человек». «Естественно было бы думать, — умозаключает Эрнест, — что в правильно организованном обществе современному цивилизованному человеку живется в тысячу раз лучше, нежели предку. Но так ли это?» [6, 67]. Далее обличитель и аналитик, обращаясь большей частью к засекреченным статистическим данным, приводит многочисленные факты, свидетельствующие о том, что «в Соединенных Штатах десять миллионов человек влачат нищенское существование» [6, 67].

Детский труд — отдельная серьезная тема, которая затронута в романе. Исследуя динамику разви-

тия производственного тандема «человек и машина», автор отмечает тот фатальный момент, когда хозяева-капиталисты смекнули, что гораздо выгоднее «приставить к ткацким станкам детей», поскольку «им можно платить дешевле, чем взрослым» [6, 93]. Данное кадровое «ноу-хау» привело к огромной и непредвиденной социальной проблеме, связанной с тем, что «постепенно детский труд начал вытеснять труд взрослых ткачей» [6, 94]. Кстати, в примечаниях догошный Джек Лондон отмечает, что согласно переписи 1900 года «в Соединенных Штатах занято на фабрично-заводской работе 1 752 187 детей» [6, 67].

Этими фактами Дж. Лондон показывает, насколько далеко в своем «экономическом цинизме» зашло капиталистическое общество, которое сначала столкнуло между собой (взрослых) рабочих и машины, а далее породило еще более немыслимый конфликт между взрослыми и детьми. Убеденный в том, что лик капитализма во всех странах един, Эрнест Эвергард обращается к историческому опыту Великобритании, где в аналогичной ситуации «рабочие причину зла видели в машинах и начинали уничтожать машины» [6, 94]. Этому деструктивному явлению, основанному на несознательности рабочего класса, Дж. Лондон целиком посвятил восьмую главу своего романа с примечательным названием «Разрушители машин» [6, 88].

Коротеньким, но емким словом «нажива» Эвергард вскрывает истинную причину социального зла под названием «машина — киллер человека» и ставит точный диагноз капиталистической системе. Выступая перед многочисленными дельцами в роли «кандидата по социалистическому списку» [6, 88], он прямо говорит: «Смысл жизни вы видите только в наживе. Каждый из вас уверен, что родился на свет с единственной целью — наживаться» [6, 93].

Идею дегуманизированности и бездуховности капиталистического общества Дж. Лондон подчеркивает многочисленными зооморфными метафорическими номинациями. По его мнению, современный бизнесмен может надеть фрак, цилиндр и внешне выглядеть вполне благопристойно, но в решающий момент в нем просыпается «хищный зверь», который, «лязгая зубами и огрызаясь, рычит над костью» [6, 59]. Процесс угасания, «уменьшения» человеческого начала в промышленных магнатах показан и в следующих зооморфных образах — «праздные трутни» [6, 68], «мычание мужчин» [6, 69], «словно комары, жужжащие вокруг медведя» [6, 74], «хищник пожирает хищника» [6, 94], «тщедушный ягненок между львом и тигром» [6, 112], «лисья физиономия» [6, 196], «скотские нравы» [6, 210] и др.

Как отмечает С. М. Толстая, «животные» метафоры, в отличие от «растительных», чаще связаны с отрицательными оценками человека» [7, 685]. Однако для сравнения можно привести пример использования Дж. Лондоном зооморфной метафоры

и с положительной коннотацией, когда речь заходит об «идеальном» герое, социалисте Эрнесте Эвергарде, которого автор называет «бесстрашным с телом гладиатора и душой орла» [6, 131].

По художественной логике романа, нарастающее противостояние между «Железной пятой» и рабочим классом должно завершиться социальной революцией. Эвергард доказал, что с экономической и нравственной точек зрения «капитализм окончательно обанкротился» [6, 72]. О его морально-политической деградации на государственном уровне свидетельствует яркий эпизод, связанный с одной «бедной, но честной женщиной», которая, спасаясь от преследования алчных кредиторов, «завернулась в полотнище американского флага, встала на пороге» и думала, что она под надежной защитой. Однако представителями государственной власти «незадачливая патриотка была признана душевнобольной и отправлена в сумасшедший дом» [6, 87].

Особое место среди прогрессивных людей, готовых отдать свою жизнь за социальное переустройство страны, занимает священнослужитель Морхауз, не устающий напоминать окружающим людям о Христе, храме, библейских заповедях, вечных категориях добра и зла. Его ужасает эгоизм представителей господствующего класса, «удивляет полное отсутствие у них духовных интересов» [6, 63].

Акцентируя внимание на великих гуманистах мировой истории, Дж. Лондон использует интертекстуальные отсылки к трудам великого французского просветителя XVIII века Жан-Жака Руссо. Обращает на себя внимание хрестоматийное высказывание классика русской литературы Ф. М. Достоевского о «слезинке ребенка», в несколько перефразированной форме оживающее в устах английского социалиста: «Я общался с людьми горячего сердца, для которых человек, его душа и тело дороже долларов и центов и которых плач голодного ребенка волнует больше, нежели шумиха по поводу торговой экспансии и мирового владычества» [6, 62].

«Поэтика незавершенного» — одно из понятий в литературоведческой науке, которое обозначает открытость финала, неопределенность исторической перспективы. Дж. Лондон обрывает свой роман на полуфразе «Если вспомнить», за которой следует весьма выразительный знак многоточия, побуждающий каждую личность, каждый народ помнить об уроках всемирной истории. Следует взять на заметку и «говорящее» имя главного героя (Эрнест Эвергард), которое при переводе с английского языка складывается в единый смысловой комплекс: «честь (благородство) всегда на страже». Это своего рода нравственный ориентир и «навигатор сознания» [8,

3] для всех людей мира.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Роман классика американской литературы Джека Лондона «Железная пята» является интересным источником информации об издержках промышленной революции, которая вызывает антагонистические отношения между «адской машиной» и рабочим.

2. Решение остросоциальной и политической проблемы «машина против человека» авторы видят в гуманизации института власти, правильной расстановке ценностных приоритетов, искоренении культа наживы и повышении общей культуры населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айтматов Ч. Т. Когда падают горы: (Вечная невеста): Роман, повесть, новелла / Ч. Т. Айтматов. — СПб.: Азбука-классика, 2007. — 480 с.
2. Гарднер С. Червивая луна / С. Гарднер. — М.: Гаятри, 2015. — 288 с.
3. Гачев Г. Д. О том, как жить и как умирать / Г. Д. Гачев // Предисловие к кн.: Айтматов Ч. Т. Когда падают горы: (Вечная невеста): Роман, повесть, новелла. — СПб.: Азбука-классика, 2007. — С. 5–16.
4. Исигуро Кадзуо. Не отпускай меня / Кадзуо Исигуро; [пер. с англ. Л. Ю. Мотылева]. — М.: Издательство «Э», 2018. — 352 с.
5. Ланин Б. А. Антиутопия / Б. А. Ланин // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. — М.: НПК «Интелвак», 2003. — 1600 стб. — С. 38–39.
6. Лондон Дж. Железная пята; Время-не-ждет: Пер. с англ. / Дж. Лондон / Ил. П. Пинкисевича. — М.: Правда, 1984. — 544 с.
7. Толстая С. М. «Человек живет, как трава растет»: вегетативная метафора человеческой жизни / С. М. Толстая // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 685–693.
8. Идентичность как навигатор сознания: монография / Х. Г. Тхагапсоев [и др.]. — СПб.: Астерион, 2016. — 170 с.
9. Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма / Сост. и отв. ред. О. А. Богданова, А. Г. Гачева. — М.: Индрик, 2016. — 712 с.
10. Хаксли О. О дивный новый мир: Роман / О. Хаксли; пер. с англ. О. Сороки; Обезьяна и сущность: Роман / Пер. с англ. И. Русецкого; Через много лет: Роман / Пер. с англ. В. Бабкова; Сост., вступ. ст. А. Шишкина; Примеч. В. Бабкова. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2002. — 624 с.
11. Хараева Л. Ф. Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы) / Л. Ф. Хараева, З. А. Кучкова. — Нальчик: Принт Центр, 2018. — 192 с.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Берберова Л. Б., кандидат педагогических наук, ст. преподаватель Департамента языковой подготовки

E-mail: berberova.liana@yandex.ru

Берберов А. Б., аспирант Департамента экономической теории

E-mail: berberro@yandex.ru

The Financial University under the Government of the Russian Federation

Berberova L. B., Candidate of Pedagogical Sciences, senior lecturer of the Department of Language Training

E-mail: berberova.liana@yandex.ru

Berberov A. B., Postgraduate Student of Department of Economic Theory

E-mail: berberro@yandex.ru

ОБРАЗНОСТЬ В КРЕОЛИЗОВАННОМ ТЕКСТЕ У. ЦЮРН «ЖАСМИНОВЫЙ ЧЕЛОВЕК»

А. Э. Воротникова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 6 мая 2019 г.

Аннотация: в статье исследуется сюрреалистическая образность, создаваемая в креолизованном тексте У. Цюрн «Жасминовый человек» средствами двух видов искусства — словесного и изобразительного. Семантическая многослойность, антиномичность и интертекстуальность образов, рожденных фантазией безумной героини, не только раздвигает границы представлений о мире и искусстве, но и обнаруживает дискуссионность проблематики сюрреализма и художественного творчества в целом.

Ключевые слова: креолизованный текст, вербальный и невербальный текст, образность, семантика, сюрреализм, антиномия, интертекстуальность.

Abstract: the article deals with the surreal imagery in the creolized text “The of Jasmine” by U. Zürn created by means of two art forms — verbal and pictorial. Multilayer semantics, antinomy and intertextuality of images produced by the insane heroine’s phantasy not only extend the horizons of the ideas about the world and art but also reveal controversial issues of Surrealism and artistic creation in general.

Keywords: creolized text, verbal and non-verbal text, imagery, semantics, Surrealism, antinomy, intertextuality.

Творческое наследие немецкой писательницы и художницы Уники Цюрн (1916–1970) относительно невелико: наибольшую известность ей принесли сборник поэтических анаграмм «Тексты ведьмы» («Hexentexte») (1954) и полуавтобиографические повести «Темная весна» («Dunkler Frühling») (1967) и «Жасминовый человек» («Der Mann im Jasmin») (посмертно опубликованный в 1971 г.). Несколько недооцененное и недостаточно изученное в зарубежном литературоведении и практически полностью выпавшее из поля зрения отечественных исследователей, сюрреалистическое искусство Цюрн, несомненно, заслуживает того, чтобы стать предметом более пристального внимания и более глубокого анализа.

В предлагаемой статье мы обратимся к одному из ключевых произведений писательницы «Жасминовый человек», воссоздающему историю безумия безымянной героини, полуавтобиографического образа. Повесть представляет собой креолизованный текст, комбинирующий средства разных семиотических систем [1, 109]. Цюрновское творение не ограничивается только вербальной составляющей, но включает в себя еще и изобразительный компонент. Здесь соседствуют, взаимопроникая, комментируя и иллюстрируя друг друга, проза, поэзия и живопись. Отношения между рисунками и словесным текстом, по выражению В. Подороги, «концептуально-зрительные и высказывательные» [2, 101]. Интерес к подобной форме характерен для сюрреализма в целом. Известно множество фактов соединения ли-

тературы и изобразительного искусства как в рамках индивидуального, так и коллективного творчества писателей и художников-сюрреалистов [3, 304–306].

Вербальный и невербальный тексты в «Жасминовом человеке» объединяют сквозные образы, одним из которых является глаз, семантически многослойный, интертекстуально нагруженный и предлагающий множественность интерпретаций. В классической западной традиции глаза связаны со светом, который, в свою очередь, символизирует разум. Соответственно противоположный образ слепоты ассоциируется с неразумием, сумасшествием, а также с состоянием сна и в конечном итоге со смертью. Однако отсутствие физического зрения может компенсироваться даром внутреннего видения, устанавливающего связь с иными мирами, недоступными обычному поверхностному восприятию. Образ слепоты — зрения, широко используемый в культуре и чрезвычайно популярный в сюрреализме с его апологией онирических состояний творчества, многократно возникает и в «Жасминовом человеке».

В вербальном тексте повести начало очередного обострения душевной болезни героини знаменует нисхождение на нее невидимых и одновременно незрячих птиц. Поскольку «мифологические символы смерти ... связываются с невидимостью» [4, 306], возникает ассоциативная цепочка: птица — слепота/невидимость — безумие — смерть, которая неоднократно актуализировалась в культуре, начиная с древних времен. Например, почитаемая хозяйкой мира мертвых слепая Баба-яга, чей образ имеет индоевропейские корни (аналоги — немецкая Фрау

Холле, древнескандинавская Хель), появляется в сопровождении птицы [4, 306]. Более близкая в хронологическом отношении реминисценция адресует нас к кинофильму Альфреда Хичкока «Птицы» (1963), который может быть интерпретирован как оживший миф о гарпиях, полуженщинах-полуптицах, и как напоминание о враждебной современному человеку природе, соотносимой с иррациональным и губительным женским началом [5, 74].

В первом сне цюрновской протагонистки, возрождающем эсхатологическую тематику мифов, возникает аллегорически нагруженная фигура девушки-змеи, задумавшей уничтожить жизнь на земле. Лишенная всех органов, в том числе глаз и языка, она сохраняет нечеловеческую силу благодаря своим волосам (ремницентная отсылка к истории библейского Самсона) и воспринимается как символическое воплощение женственности, устрашающей и неодолимой для цивилизованного мужского начала, а также как предвестница безумия, связанного в культурной традиции прежде всего с феминной природой. Девушка-змея — это и напоминание о дающей и забирающей жизнь Великой матери, которая часто изображалась вместе со змеями, обвивающими ее вокруг тела или рук [4, 65]. Кроме того, волосы девушки — метонимия ее змееподобного тела — рождает аллюзию на змеиные волосы мифической Горгоны Медузы, чей взгляд представлял угрозу.

Главная героиня, у которой вырваны «оба сердца из ... глаз» [6, 17], ощущает внутреннее родство с девушкой-змеей. В воображаемом спектакле, срежиссированном жасминовым человеком (навязчивый образ из шизофренических галлюцинаций), протагонистка играет роль змеи, от которой остается только тело, а «голова исчезает в запутанном клубке ног и рук» [6, 87].

Образ вырываемого глаза возникает и в эпизоде описания пациентов психиатрической больницы: пытающаяся лишиться зрения умалишенная — женский двойник Эдипа, вершащего над собой суд за совершенный с матерью инцест. Сексуальные коннотации образа глаз особенно отчетливо проявляются в эпизоде временной слепоты главной героини — результата мастурбации, представленной в повести как разрушительный эротический опыт. Образ зрения вступает в аллюзивную перекличку с образами глаза из других произведений искусства — сюрреалистического фильма «Андалузский пес» Л. Бунюэля и С. Дали (кадры разрезаемого мужчиной при помощи бритвы женского глаза) и психоаналитического романа «История глаза» Ж. Батая, наполненного сценами насилия.

Упоминание вырванных глаз появляется в «Жасминовом человеке» и в библейском контексте — цитате из Послания к Галатам апостола Павла: «Как вы были блаженны! Свидетельствую о вас, вы исторгли бы очи свои и отдали мне» [6, 23], — на основе ко-

торой рождается одна из анаграмм героини. Галаты, принявшие Павла во время первого его путешествия к ним как небесного посланника-ангела, могли бы пожертвовать ему самое дорогое, чем они обладали, — зрение. Готовые обратиться в веру Христову галаты начинают видеть все глазами Павла, то есть глазами неколебимой веры: они прозревают духовно.

В «Жасминовом человеке» даром внутреннего зрения наделяется прежде всего художническая личность, которая за обыденными явлениями и предметами улавливает образы из потусторонних миров и наделяется силой демиурга, созидаящего собственную чудесную реальность. Образ «многоочистости», признающей в разных религиях божественной способностью к всеведению [ср. 7, 331], возникает как в вербальном, так и в невербальном текстах повести. Уже на одной из первых страниц героиня попадает в «Комнату глаз». «Исполнены очей» и ее рисунки, которые как будто оживают благодаря разнонаправленным взглядам изображенных на них многочисленных глаз.

Протагонистка приписывает чужому взгляду магическую способность влиять на ее жизнь. Находящаяся на грани самоубийства, она меняет свое решение при виде «больших прекрасных глаз» [6, 82] двух кошек. «Зверь-бог» [6, 80], которому открыт доступ к сокровенным тайнам бытия, — часто звучащая в произведении мысль о превосходстве животного над человеком. Не случайно любимая книга героини — роман Г. Мелвилла «Моби Дик» — посвящена гигантскому белому киту, вершащему суд над грешными людьми. На рисунке, представляющем идеальную семью, которая бы могла удочерить одинокую протагонистку, также изображены люди-кошки — образ, уже имевший место в сюрреалистической живописи: его можно встретить, например, на картине Виктора Браунера «Женщина по-кошачьи» (1940).

Образ кошки связан у Цюрн с темной хтонической природой женственности. Ее время — ночь, ее состояние — сон, которые являются базовыми составляющими сюрреалистической эстетики. Кошачьему взгляду, устремленному одновременно вовне и внутрь себя, К. Палья приписывает «иератическую двойственность» [5, 88], метафорически соединяющую аполлоническое видение и взгляд горгоны — антиномия, определяющая идейно-эстетическую концепцию повести. Западная культура по преимуществу визуальная. Ее метафора — взгляд, наблюдающий, контролирующий и организующий, то есть аполлонический. Но вместе с тем это культура, не забывшая о своих дионисийских языческих истоках, которые постоянно заявляют о себе. Погружение в хтоническую тьму соотносено также с образом незречести.

В сюрреалистическом искусстве противоборство света и тьмы, зрения и слепоты, рации и безумия, дня и ночи, бодрствования и сна, порядка и хаоса находит свое наиболее драматическое воплощение.

Творчество главной героини — это одновременно исток сумасшествия и его сублимация. Трудно сказать, где заканчивается одно и начинается другое: они завязаны друг на друге и образуют круг — центральный организующий принцип повествования в «Жасминовом человеке». Композиция повести, создающаяся по типу дурной повторяемости: бесконечное чередование периодов обострения и ремиссии заболевания, их зеркальное отражение, рождающее ощущение семантической опустошенности, — находит свой коррелят и в особенностях живописной техники. Использование в цюрновских рисунках однотипных, взаимозаменяемых и деиндивидуализированных образов, антропоморфных и анималистических, также таит угрозу утраты смыслового центра и распада значения.

В живописных работах, сопровождающих вербальный текст повести, неожиданно сочетаются тщательно выписанные множественные мелкие детали, проработанная орнаменталистика и общая причудливо размытая образность — необычный контраст, построенный на коллизии аполлонического, тяготеющего к четкости и определенности, и дионисийского, стихией которого является хаос. «Эстетизм настаивает на аполлонической линии, отделяющей предметы друг от друга и от природы. Отвращение — аполлонический страх перед исчезновением границ», — пишет К. Палья [5, 122]. Такой границей, в частности, является смерть и следующие за ней разложение, распад, то есть окончательное растворение в природе, а следовательно, исчезновение границ. Не случайно героиня дает следующий комментарий к своему рисунку «Recontre avec Monsieur M (ma Mort)» («Встреча с месье М (моя Смерть)»): «Я бы хотела продолжать и за краями листа — до бесконечности...» [6, 92].

Вместе с тем удовольствие от перешагивания границ, погружения в бесконечность сменяется ужасом перед бесформенностью «мертвого, безобразного и дурно пахнущего мяса» [6, 110], каковым предстают сумасшедшие пациенты в периоды депрессии. Глядя на них, протагонистка убеждается в истинности утверждения: «Дух формирует тело» [6, 11]. В названии присланного ей журнала «L'infini», переводимого как «бесконечное» или «незавершенное» [6, 64], содержится указание на уготованное ей постоянное возвращение в безумие, то есть невозможность превратить свою жизнь из замкнутого круга повторений в разомкнутую аполлонически строгую линию развития.

Геометрия замкнутости и разомкнутости, границы и безграничности, повторяемости и сингулярности определяет образное наполнение творчества героини. Наряду с глазами итеративными элементами на ее рисунках становятся вариации лиц, лишенных индивидуальной определенности, копирующих друг друга, проступающих друг сквозь друга — техника,

рождающая ассоциации с подводным миром. Морская тематика отчетливо проявляет себя в многократном использовании образов рыб и их отдельных частей (чешуи, плавников, хвостов, глаз), амёб, инфузорий, личинок, а также ящериц, саламандр, улиток. Мягкие очертания, отсутствие острых углов вызывают впечатление водной стихии, погруженности на дно. Причудливые предметы часто переданы в состоянии движения, но не по земле, а в воде. Сам процесс создания рисунка героиня представляет так: «Сперва перо задумчиво «плывет» по бумаге, потом находит место под глаз. Только когда на нее «смотрят» с бумаги, она начинает ориентироваться в своем рисунке и добавляет штрих за штрихом» [6, 105].

В зыбкой водной стихии нет места жесткому аполлоническому глазу. Взгляд лиц на рисунках, как правило, потусторонний, устремленный не на зрителя, а в сторону, в никуда. Глаза отделяются от лиц, существуют вне их, а взгляд перестает быть средоточием субъективации, воплощая значимую в концепции Цюрн идею творческого эскапизма, исхода художественно одаренной личности из мира, из собственной телесной оболочки. Призыв истребить лицо «на пути к азначающему и асубъективному» [8, 330] на рисунках повести получает непосредственное воплощение — в распаде лицевой организации, в отречении от индивидуализированного внешнего облика, итожащего самость.

Отказ от лица как границы, сковывающей процесс бесконечного внутреннего становления, заставляет героиню прибегать к различным воображаемым формам перевоплощения. От самой себя и от мира она укрывается в образах животных, утративших головы, существующих как тело. Прекрасные, в представлении героини, белые птицы безумия, нисходящие на нее, подобно Святому Духу, не имеют не только глаз, о чем уже говорилось выше, но и голов. В лицах ландшафтах человеческое растворяется в животном. Глаза уподобляются плывущим рыбам. Деталь лица, таким образом, обретает автономное бытие. Море органической жизни заполняет ячейистые клетки лишенных конкретики лиц, объединяя людей и животных в общей текучей субстанции.

На одном из рисунков лица словно наплывают волнообразно одно на другое, рождая ощущение нездешней атмосферы. Это таинственное прорастание, бесконечное умножение незнакомых, абстрактно-обобщенных надындивидуальных образов людей и животных воплощает ключевую в эстетике Цюрн идею метаморфозы, развоплощения как принципа бесконечности творческого процесса, неиссякаемости приапической силы художнической личности. Вода, обладающая семантикой переходности, нестабильности, разрушения границ, уносит героиню прочь от серой повседневности.

Однако амбивалентный образ воды наделяется божественными и дьявольскими коннотациями,

которые в свою очередь распространяются на метонимически соотнесенный с ней образ безумия. В Средние века сумасшедших, нарушающих спокойствие в городах, было принято грузить на корабль дураков и отправлять в плавание, которое часто завершалось их гибелью. В сфере воображаемого западноевропейской культуры на протяжении всего ее существования прослеживается «древний союз воды и безумия» [9, 34], отмечает в своем фундаментальном исследовании М. Фуко. В концепции И. Хайнроты сумасшествие трактуется как проявление в человеке некоего темного «водного» начала [см. 9, 34]. Сошедшая с ума героиня У. Цюрн боится «утонуть» «в море мучений» [6, 104]. Деструктивная семантика неизбежного трагического конца заключена и в названии последней лечебницы «La Fond», которое протагонистка прочитывает как «Le Fond» — «дно, глубина» [6, 109].

Вода — архетипическая стихия пограничья, порождающая и убивающая, соединяющая антимичные категории жизни и смерти, связана с женским началом, текучим и неопределенным [4, 240]. С экстраполирующим воздействием ее семантики сопряжена и смысловая размытость образов повести, наряду с рисунками отчетливо проявляющаяся в стихотворных анаграммах. Последние, основанные на перестановке одинаковых букв, повторяют живописную технику многократного варьирования одних и тех же мелких элементов.

Отсутствие центра и периферии, равнозначность мелких и крупных деталей, рожденная «подводной оптикой», — композиционные особенности как вербального, так и невербального текстов в «Жасминовом человеке». Пусковым механизмом внутренней событийности, актуализации жизни души в повести становятся малозначительные и неприметные в своей будничной заурядности детали внешнего мира, например звон моющейся посуды, стук молота по камню или первые буквы названия отеля, вышитые красной нитью на белых салфетках. Для больной протагонистки они служат знаком соприсутствия параллельной реальности, закрытой для психически здоровых обывателей, признающих посюстороннее существование в качестве единственно возможного.

В сфере воображения упраздняются привычные законы пространства и времени. Здесь происходит встреча с умершим отцом и пропавшим без вести на войне братом, здесь становится реальностью возвращение в дом детства, который, нарушая императив земного тяготения, парит в воздухе. Героиня утрачивает равенство самой себе, покидая пределы своей брэнной человеческой оболочки, легко переходя от одной роли к другой, играя на сцене собственных мыслей то змею, то птицу, то тигра, то скорпиона.

Однако удивительные приключения по бескрайним внутренним просторам собственного «я» разворачиваются по принципу безостановочной

амплификации все новых и новых фантастических эпизодов, по сути не имеющих кульминации, растворяющихся один в другом. Обрывочные видения возникают в недискретном семантическом пространстве, то есть не поддающемся смысловому членению: не успевает закончиться одна галлюцинация, как ее сменяет другая, не привносящая ничего принципиально нового в понимание первой. Смысловая пролиферация оборачивается опустошенностью. Образ, окончательно вышедший из-под контроля разума, «попадает в гравитационное поле собственного безумия» [9, 38].

Бесконечное манипулирование однотипными визуальными образами наблюдается и на рисунках Цюрн. Сходные живописные детали буквально теснят друг друга, взрывая определенность формы изнутри. «Поверхность изображения скрывает в себе столько различных значений, что предстает уже только загадочным ликом» [9, 39].

Повествование, построенное по принципу зеркального повторения событий из жизни умалишенной героини, создает гнетущее впечатление остановки движения, отсутствия качественных изменений, выпадения из хода времени. Говоря словами Ю. М. Лотмана, «то, что не имеет конца, не имеет и смысла» [10, 137]. Отказ от аполлонического упорядочивающего принципа, погружение в дионисийский хаос бессознательного, — сюрреалистическая установка, обнаруживающая свою явную уязвимость в повести «Жасминовый человек».

Итак, в креолизованном тексте Уники Цюрн сквозные образы отличает тематическая и формальная когерентность, а также параллелизм выразительных приемов их создания в вербальной и невербальной знаковых системах. Интертекстуальная образность «Жасминового человека» не только открывает перед читателем многомерность смыслов и значений, позволяя раздвинуть границы представлений о мире и искусстве, но и обнаруживает заостренную дискуссионность проблематики сюрреализма и художественного творчества как такового.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние / А. А. Бернацкая // Речевое общение: Специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т; Под редакцией А. П. Сковородникова. Вып. 3 (11). — Красноярск: Красноярский университет, 2000. — С. 104–109.
2. Фуко М. Это не трубка / Пер. с фр. И. Кулик; Подорога В. Навязчивость взгляда. М. Фуко и живопись / М. Фуко, В. Подорога. — СПб.: Художественный журнал, 1999. — 152 с.
3. Андреев Л. Г. Сюрреализм / Л. Г. Андреев. — М.: Гелос, 2004. — 352 с.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах) / Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Сов. энциклопедия, 1980. — Т. 1. А — К. — 672 с.

5. Палья К. Личины сексуальности / Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. С. Никитина / К. Палья. — Екатеринбург: У-Фактория; Изд-во Урал. ун-та, 2006. — 880 с.

6. Цюрн У. Жасминовый человек / У. Цюрн // Цюрн У. Темная весна / Пер. А. Глазовой. — Тверь: Kolonna Publications; Митин журнал, 2006. — С. 11–117.

7. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов / О. В. Вовк. — М.: Вече, 2006. — 528 с.

8. Подорога В. Феноменология тела. Введение в фи-

лософскую антропологию. (Материалы лекционных курсов 1992–1994 годов) / В. Подорога. — М.: Ad Marginem, 1995. — 340 с.

9. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко / Вступ. ст. З. Сокулер, предисл. М. Фуко, пер. с фр. И. Стаф. — СПб.: Университетская книга, 1997. — 698 с.

10. Лотман Ю. М. «Конец! как звучно это слово!» // Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПБ, 2001. — С. 137–141.

Воронежский государственный педагогический университет

Воротникова А. Э., доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей, факультета иностранных языков
E-mail: vorotnikovaanna2013@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University

Vorotnikova A. E., Doctor of Philology (PhD), professor of the Department of the French Language and Foreign Languages for Non-linguistic Specialities, the Faculty of Foreign Languages
E-mail: vorotnikovaanna2013@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СТРУКТУРЫ ЗОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

И. Ю. Вострикова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 января 2019 г.

Аннотация: в статье выявляется степень выраженности национальной специфики зонной организации лексико-семантического поля глагольных лексем «Трудовая деятельность» в русском и английском языках.

Ключевые слова: сопоставительно-параметрический метод, лексико-семантическое поле, национальная специфика.

Abstract: the paper presents the analysis of the national specificity of zone structure of the verbal lexico-semantic field 'Labour Activity' in English and Russian and reveals the degree of its intensity.

Keywords: comparative-parametric method, lexico-semantic field, national-specific character.

В настоящее время все больший интерес в современной лингвистике уделяется изучению национальной специфики языковых микросистем в разных языках и выявлению сходств и различий в рамках этих микросистем. Для более объективного и полного описания и выявления национальной специфики различных лексических единиц и группировок в сопоставляемых языках в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы сформировался сопоставительно-параметрический метод, разрабатываемый профессорами Воронежского государственного университета М. А. Стерниной и И. А. Стерниным [1]. Данный метод заключается в разработке и применении представленных в виде индексов формализованных параметров и ряда шкал, позволяющих доказательно продемонстрировать сходства и различия полученных результатов и оценить степень проявления национальной специфики [2].

Предлагаемая статья выполнена в рамках данного метода. Нами проводится сопоставление зонной организации лексико-семантических полей (ЛСП) глагольных лексем «Трудовая деятельность» в русском и английском языках. В обоих языках данные поля включают общие наименования трудовой деятельности (*делать/сделать, поработать, потрудиться, работать, трудиться* и др.; *act, do, elaborate, execute, function, make, manufacture, operate, perform, produce, serve, work* и др.), наименования процессов первичной (*строить/построить, пахать/вспахать, мастерить, учить, преподавать, руководить, переплетывать, лечить/вылечить* и др.; *build, farm, sail, educate, train, govern, learn, examine* и др.) и вторичной (*воспроизводить/*

воспроизвести, воссоздавать/воссоздать, восстанавливать/восстановить, выправлять/выправить, возрождать/возродить, воскрешать/воскресить, дублировать, исправлять/исправить, реставрировать и др.; *change, correct, duplicate, modernize, rebuild, reform, rewrite* и др.) трудовой деятельности, а также глаголы, характеризующие трудовую деятельность (*доделывать/доделать, стимулировать, приступать/приступить, ломать/сломать, халтурить* и др.; *complete, finish, initiate, inspire, increase, perfect, destroy, reform* и др.).

Проведенное исследование структурной и лексико-семантической организации ЛСП трудовой деятельности в русском и английском языках позволило определить их ядро, ближайшую, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию. Отметим, что в связи с ограниченным объемом статьи нами будут приведены только формализованные результаты полевого описания изученных группировок.

Деление поля на зоны осуществляется по следующим признакам — степень абстрактности значения лексем и тип семем, по которым лексемы входят в рассматриваемое поле.

Анализ показал, что лексемы с более абстрактным и обобщенным значением располагаются ближе к ядру поля, тогда как лексемы с конкретным значением оказываются на периферии поля. Соответственно, лексемы, входящие в поле по семеме Д1 [3, 31–32], находятся ближе к ядру, чем лексемы, входящие в поле по семеме Д2. Лексемы же, входящие в поле по семеме К1, меньше всего связаны с ядром и располагаются на крайней периферии поля. Лексемы, входящие в поле по нескольким семемам, находятся на пересечении соответствующих зон.

Анализ ЛСП «Трудовая деятельность» показал, что и в русском, и в английском языках ядро поля составляют лексемы, входящие в группу «Общие наименования трудовой деятельности». В русском языке таких лексем 6 (при номинативной плотности [4, 111] 816 лексических единиц), в английском — 21 (при номинативной плотности 1337 лексических единиц). Соответственно индекс представленности зоны ядра (данный индекс определяется через отношение количества лексических единиц в той или иной зоне поля к общему количеству лексем данного поля [5, 39]) ЛСП «Трудовая деятельность» в русском языке равен 0,74%, а в английском языке — 1,57%, т.е. почти вдвое больше. В русском языке все лексемы входят в ядро по семеме Д1 и оно является однородным, в английском языке выделяется центр ядра, состоящий из 15 лексем, которые входят в него по семеме Д1.

Ближайшую периферию в русском и английском языках составляют лексемы, входящие в микроподгруппы «Общие наименования» в соответствующих структурных единицах рассматриваемых полей. В русском языке эта зона включает 53 лексические единицы, в английском языке — 104. Индекс представленности ближайшей периферии в обоих языках отличается незначительно и составляет соответственно 6,5% и 7,78%. Отметим, что в обоих языках лексемы, входящие в ближнюю периферию по семемам Д1 (47 лексем в русском языке и 90 в английском), находятся ближе к ядру, чем те, которые входят в данную зону по семемам Д2 и К1.

Ближняя периферия анализируемых полей представлена лексемами с более конкретным значением, которые входят в поле по семеме Д1. В рассматриваемую зону в русском языке входят 543 лексемы, в английском языке — 781. Соответственно индекс представленности зоны ближней периферии в русском языке больше и составляет 66,54% по сравнению с 58,41% в английском языке.

Дальнюю периферию составляют лексемы, входящие в рассматриваемые поля по семеме Д2. Это 110 лексем в русском языке и 369 — в английском. Сравнение индексов представленности зоны дальней

периферии в русском и английском языках показало, что данная зона значительно ярче представлена в английском языке, где соответствующий индекс равен 27,6% по сравнению с 13,48% в русском языке.

В зоне крайней периферии находятся лексемы, которые входят в анализируемые ЛСП по семеме К1. В русском языке таких глагольных лексем 24, а в английском 95, соответственно индекс представленности зоны крайней периферии в английском языке оказывается почти в два с половиной раза больше и составляет 7,1% по сравнению с 2,94% в русском языке.

Зонный анализ рассматриваемых полей выявил, что в обоих полях в количественном аспекте заметно преобладает ближняя периферия, затем по количеству лексем следуют дальняя и ближайшая периферии. Крайняя периферия и ядро замыкают список зон в порядке убывания количества представленных в них единиц.

В целом различия в показателях формализованных параметров зонной организации сопоставляемых ЛСП в русском и английском языках выявлены во всех зонах рассматриваемых полей — в зоне ядра, в ближайшей, ближней, дальней и крайней периферии. Индекс представленности зон ядра, ближайшей, дальней и крайней периферии в обоих языках в количественном соотношении больше в английском языке, а индекс представленности ближней периферии в русском языке превышает соответствующий показатель в английском.

Для более объективной интерпретации полученных результатов используем разработанную в рамках сопоставительно-параметрического метода шкалу определения степени проявления национальной специфики лексических группировок, предложенную С. В. Колтаковой [6, 18]. Согласно данной шкале, национально-специфические различия по отдельным параметрам сопоставления могут быть охарактеризованы как существенные (разница между показателями составляет более 10%), заметные (разница от 5% до 10%), видимые (1%-5%) и несущественные (разница составляет менее 1%). Результаты проведенного анализа представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Характер национально-специфических различий сопоставляемых зон ЛСП

Индекс	Русский язык	Английский язык	Разница между показателями индексов	Характер национально-специфических различий
индекс представленности зоны ядра	0,74%	1,57%	0,83%	несущественные
индекс представленности зоны ближайшей периферии	6,5%	7,78%	1,28%	видимые
индекс представленности зоны ближней периферии	66,54%	58,41%	8,13%	заметные

индекс представленности зоны дальней периферии	13,48%	27,6%	14,12%	существенные
индекс представленности зоны крайней периферии	2,94%	7,1%	4,16%	видимые

Как видно из приведенной таблицы, в исследуемых зонах ЛСП «Трудовая деятельность» отмечены несущественные, видимые, заметные и существенные различия при преобладании несущественных и видимых. С учетом полученных результатов, по шкале определения выраженности национальной специфики лексических группировок [1, 106] национальную специфику зонной организации лексико-семантических полей «Трудовая деятельность» в русском и английском языках можно охарактеризовать как неярко выраженную.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернина М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: Монография / М. А. Стернина. — Воронеж: Истоки, 2014. — 115 с.
2. Стернин И. А. Методика индексализации и шкали-

рования в рамках сопоставительно-параметрического метода / И. А. Стернин, М. А. Стернина // Сопоставительные исследования 2016. — Воронеж: Истоки, 2016. — С. 22–29.

3. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. — Воронеж: издательство Воронеж. ун-та, 1989. — 191 с.

4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М.: ГНОЗИС, 2004. — 390 с.

5. Вострикова И. Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики): дис. ... канд. филол. наук / И. Ю. Вострикова — Воронеж, 2006. — 225 с.

6. Колтакова С. В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Колтакова. — Воронеж, 2008. — 20 с.

Воронежский государственный университет

Вострикова И. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка естественно-научных факультетов

E-mail: ivostrikova@mail.ru

Voronezh State University

Vostrikova I. Y., Candidate of Philology, Associate Professor of the English Chair for Science Departments

E-mail: ivostrikova@mail.ru

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В РАБОТАХ В. О. ПЕЛЕВИНА

И. В. Думан

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 января 2019 г.

Аннотация: статья посвящена изучению окказиональных иноязычных вкраплений в текстах произведений современного русского писателя В. О. Пелевина разных периодов его творчества. В работе рассматриваются основные типы окказиональных иноязычных вкраплений и способы их образования.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, окказионализмы, языковая игра, каламбур, Пелевин.

Abstract: The article deals with occasional foreign inclusions. The investigation is based on the texts of V. O. Pelevin's works of different periods of time. The paper reveals the main types of occasional foreign inclusions and the ways of their formation.

Keywords: foreign inclusions, occasionalisms, language game, pun, Pelevin.

Интерес к окказионализмам возрос еще с середины XX века (Г. О. Винокур, А. И. Смирницкий, Н. И. Фельдман, А. Г. Лыков, Э. И. Ханпира, Е. А. Земская и др.) и продолжается до сих пор (Н. Г. Бабенко, А. А. Кретов и пр.).

По мнению Е. А. Земской, «среди новообразований — производных слов много таких, которые как бы рисуют картину современной жизни» [1, 91].

Это высказывание справедливо по отношению к авторским новообразованиям самого яркого современного писателя В. О. Пелевина, произведения которого содержат множество окказионализмов, обнажающих суть значимых явлений действительности [2, 12].

В последние годы языковое творчество автора все больше связано с обозначением инокультурного пространства путем включения в тексты произведений *иноязычных вкраплений* [3], что в первую очередь связано с растущим билингвизмом, процессом глобализации и интенсивного межкультурного общения.

В настоящей работе предпринята попытка выявить основные типы подобных новообразований в текстах В. О. Пелевина разных временных периодов и проследить тенденции в области их образования, мы будем использовать термин *окказиональные иноязычные вкрапления* (далее ОИВ).

В процессе исследования выявлены случаи создания *фонетических иноязычных окказионализмов* [4], образованных посредством сращения и редупликации иноязычных словосочетаний в русской графике: «А вот как стучат колеса в <...> Америке — «джерл-джерл-джерл» <англ. «ginger ale»> [5, 34–35].

Лексические иноязычные окказионализмы [4] в произведениях В. О. Пелевина, которые составляют подавляющее большинство, как правило, пред-

ставляют собой сложные существительные, образованные сложением:

Сложение слов без интерфикса: «огмент-очки» <англ. «augment» в русской графике + «очки»> [6, 181], «ghostmodernizm» <англ. «ghost» + «модернизм» в латинской графике> [7, 135], «велферленд» <англ. «wellfare» в русской графике + англ. «land» в русской графике> [8, 188].

Сложение слов с помощью интерфикса: «vampoeconomics» <усеченная основа англ. слова «vamp(ire)» + «o» + полная основа англ. слова «economics»> [9, 412].

Более масштабное языковое творчество писателя можно наблюдать, когда на основе ОИВ создаются целые словообразовательные парадигмы. Так, основа окказионального слова «айфак» («iPhuck» по аналогии с англ. «iPhone») становится производящей для других слов: сложных существительных («айфак-десять», «айфак-барбекю», «айфак-фильмы») и отыменного глагола в безличной форме с помощью словообразовательного суффикса -и(-ть) с прибавлением постфикса -ся и чередованием в корне согласных к/ч («айфачиться») [8, 43–408].

В текстах произведений В. О. Пелевина встречаются «гибридные слова», образованные посредством *блендинга* [10, 48]: «<...> Лицемерие по-английски «hypocrisy». Я бы ввела новый термин — «hippopocrisy», от «гиппопотам» <англ. «hippo» + англ. «(hypo)crisy»> [11, 204].

В ряде произведений В. О. Пелевина образование ОИВ осуществляется *аббревиальным способом*:

Существующая в одном языке аббревиатура расшифровывается с помощью слов другого языка [12, 148]: «GULAG» (ГУЛАГ) — «Gay», «Unspecified», «Lesbian», «Anivalist», «Gloomy» [13, 268–269].

Иностранное узуальное слово представлено в виде аббревиатуры с авторской расшифровкой:

«S.N.U.F.F.— *Special Newsreel / Universal Feature Film*» [13, 359].

Гибридные аббревиатуры: PH-117.DIR [6, 219].

Редкими случаями можно считать производство автором *грамматических иноязычных окказионализмов* [4]: «*LovemarX*» <англ. «*Lovemar(ks)*» + нем. «*Karl Mar*»x> [9, 75].

Идиостилю писателя характерно активное использование языковой игры, которая создается за счет окказиональной полисемии и каламбуров.

Распространены *семантические иноязычные окказионализмы* [4], для которых ключевую роль играет контекст художественного произведения:

Русское слово или выражение приобретает дополнительное значение за счет фоно-графического сходства с иностранным: «<...> *annapam* (искаженное «*upper rat*») <...> это власть, которая кормится откатом, получаемым с бизнеса» [11, 112].

Иностранное слово или выражение приобретает дополнительное значение за счет фоно-графического сходства с другим иностранным словом: «*Manitou*» — «*monitor*» — «*money*» [13, 193].

Игра со смыслами на основе иноязычных вкраплений происходит у В. О. Пелевина и в каламбурах, анализ которых можно осуществлять на фонетической, лексической и фразеологической основе [14, 13]:

Каламбур строится на основе фонетического и графического сходства выражений из русского и иностранного языков, где смысловая сторона отходит на второй план: «*Izh Navertell*» <...> *Never tell, что ли?*» [15, 202].

Окказиональное слово образовано на основе фонетического и графического сходства узуальных слов иностранного языка, где смысловая сторона является главной: «*Донамен* <...> «*dope amen*», «наркотик» и «аминь». Пишется почти как «*dopamine*» [9, 340].

Окказиональное выражение образовано по аналогии с иностранным крылатым выражением или фразеологизмом: «*Но пасаран! Поэтому но финансан*» <исп. *No pasaran!*> [16, 203].

Однако в произведениях В. О. Пелевина нередко встречаются другие виды каламбуров:

Отрывок стихотворения приобретает окказиональную структуру и каламбурную рифму: «*My sister, do you still recall The blue Hasan and Khalkhin-Gol?*» <англ. *The blue Ladore and Ardis Hall?*> [9, 101].

Каламбур на основе игры с именами собственными [17, 4]: «*Вдобавок фамилия «Reagan» производилась точно так же, как «ray gun», лучевая пушка*» [11, 312].

В произведениях В. О. Пелевина широко распространены *фразеологические иноязычные окказионализмы* (Э. Ханпира) [4]:

Компонент устойчивого выражения заменяется на образованное по той же модели окказиональное слово: «*Sic transit glamuria mundi*» <«*Sic transit gloria mundi*»> [9, 284].

Компонент устойчивого выражения заменяется на похожее по звучанию и графике узуальное иностранное слово: «*casus belly*» <«*casus belli*»> [13, 23].

В некоторых романах писателя среди *иноязычных окказионализмов* наблюдаем *синтаксические* (Э. Ханпира) [4], построенные по модели традиционного мусульманского приветствия: «*Хайль Гитлер!* — *Гитлер хайль*» [18, 192].

Отдельного внимания заслуживают *графические* ОИВ, которые можно разделить по способам образования: 1) включение иноязычных графем: «*скиф*» [11, 6]; перераспределение графических маркеров: «*Height Reason*» — «*ХайТризон*» [9, 76]; морфемные сдвиги: «Биг Бен» — «*BI GBEN*» [13, 340]; включение знаков и интернет-символов: «Fuji» [19, 14].

Таким образом, в текстах произведений В. О. Пелевина окказиональное производство в большей степени выявлено в области имен существительных, которые образованы как узуальными способами (сложение, семантическая деривация), так и незуальными (контаминация).

Отмечено много случаев языковой игры на основе фразеологизмов, известных выражений и фоно-графического сходства слов и словосочетаний из разных языков.

Как правило, создание ОИВ осуществляется средствами русского и английского языков, что отражает их взаимодействие в российской действительности: в речи носителей русского языка, языке СМИ, интернет-коммуникации и т.д.

Разнообразна графика ОИВ, которые могут быть оформлены в графике языка-источника, в русской графике, средствами одновременно нескольких языков, а также с помощью различного рода знаков или символов, что позволяет автору расширить свои возможности игры со словом и смыслом, а частое переключение латиницы и кириллицы создает визуальный образ смешения языков» [20, 29].

ОИВ В. О. Пелевина представляют собой важный пласт лексики в текстах его произведений, т.к. они служат инструментом для внесения дополнительных смыслов в содержание сообщения или формирования его эмоционального фона. Процесс декодирования ОИВ становится своеобразной интеллектуальной игрой между автором и читателем.

В заключение хотелось бы отметить, что сделанные в настоящей работе наблюдения могут стать базой для функционально-семантического анализа ОИВ в художественных произведениях В. О. Пелевина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е. А. Активные процессы современного русского словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия: 1985–1995. — М., 1996. — С. 90–141.
2. Скоропанова И. С. Окказионализмы В. Пелевина как социальный диагноз (геополитический аспект) / И. С. Скоропанова // Язык и социум: материалы X Между-

нар. науч. конф., Минск, 15–17 октября 2015 г. — Минск: Колорград, 2016. — С. 12–18.

3. Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века / Ю. Т. Листрова-Правда. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. — 144 с.

4. Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: Учебное пособие / Н. Г. Бабенко. — Калининград, 1997. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/baben_okk.php (дата обращения: 24.12.2018).

5. Пелевин В. О. Жёлтая стрела / В. О. Пелевин. — М.: Вагриус, 2000. — 495 с.

6. Пелевин В. Relics: Избранные произведения / В. Пелевин. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 352 с.

7. Пелевин В. Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда: Избранные произведения / В. Пелевин. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 352 с.

8. Пелевин В. О. IPhuck 10 / В. О. Пелевин. — М.: Изд-во «Э», 2018. — 416 с.

9. Пелевин В. О. Ампи́р В: роман / В. О. Пелевин. — М.: Эксмо, 2006. — 408 с.

10. Шмелева Е. Я. Интернет-коммуникация: новые тенденции в русском словообразовании / Е. Я. Шмелева // Верхневолжский филологический вестник. — № 2, 2015. — С. 46–52.

11. Пелевин В. О. Священная книга оборотня: роман / В. О. Пелевин. — М.: Эксмо, 2012. — 416 с.

12. Широкова Е. Н. Языковое творчество и «Лингвистическая археология» В. Пелевина / Е. Н. Широкова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — № 5–1, 2014. — С. — 145–150.

13. Пелевин В. О. S.N.U.F.F. / В. О. Пелевин. — М.: Эксмо, 2012. — 480 с.

14. Влахов С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. К. Флорин. — М.: Международные отношения, 1980. — 342 с.

15. Пелевин В. О. Т / В. О. Пелевин. — М.: Эксмо, 2009. — 384 с.

16. Пелевин В. О. Бэтман Аполло: роман / В. О. Пелевин. — М.: Изд-во Эксмо, 2013. — 512 с.

17. Ковалев Г. Ф. Именной каламбур русских писателей / Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: Истоки, 2014. — 179 с.

18. Пелевин В. О. Чапаев и пустота: роман / В. О. Пелевин. — М.: Вагриус, 2003. — 413 с.

19. Пелевин В. О. Тайные виды на гору Фудзи / В. О. Пелевин. — М.: Эксмо, 2018. — 416 с.

20. Бабенко Н. Г. Иноязычные включения в языке прозы В. Пелевина: функционально-семантический анализ / Н. Г. Бабенко // Вестник КГУ. Серия «Языки, литература и культура стран Балтийского моря». — Вып. 1. — Калининград: Изд-во КГУ, 2004. — С. 28–34.

*Воронежский государственный университет
Думан И. В., соискатель кафедры славянской филологии
E-mail: mikhailova88@mail.ru*

*Voronezh State University
Duman I. V., Postgraduate student of the Slavic Philology
Department
E-mail: mikhailova88@mail.ru*

ОБЪЯСНЕНИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПОНИМАНИЕ В ИЗУЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ ЛИТЕРАТУРЫ¹

И. А. Есаулов

Литературный институт им. А. М. Горького

Ю. Н. Сытина

Московский государственный областной университет

Поступила в редакцию 12 марта 2019 г.

Аннотация: в статье дается методологическое обоснование необходимости разграничения анализа, интерпретаций и понимания в изучении литературы как принципиально различных познавательных актов. Актуализируется понятие «спектра адекватности», которое принципиально отличается от постмодернистской «множественности» признанием границ, пределов адекватных прочтений. Обосновывается необходимость учитывать аксиологическое созвучие сознания исследователя доминантным установкам изучаемого им писателя.

Ключевые слова: методология, интерпретации, понимание, анализ, прочтение, диалог согласия, спектр адекватности, аксиология.

Abstract: the article substantiates the need for a methodological distinction between analysis, interpretation and understanding in the study of literature. The concept of «spectrum of adequacy» is introduced. This «spectrum» is fundamentally different from the postmodern «multiplicity of text readings». Any methodological setting should take into account the need for axiological consonance of the researchers' mindset and the dominant attitudes of the writer.

Keywords: methodology, interpretations, understanding, analysis, reading, agreement dialogue, spectrum of adequacy, axiology.

Проблемы методологии с особой остротой встают в современной филологии вследствие засилья методологической эклектики и разногласия. Во многом сложившееся положение объясняется значительным разрывом между общими теоретико-методологическими и конкретными эмпирически-интерпретационными исследованиями. Порядок в хаотичное разномыслие «прочтений» произведений классики, ее рассмотрение в различных контекстах (от философских и эстетических до социологических и политических) может внести соотношение исследования с тремя познавательными актами (установками), различия между которыми с полной методологической отчетливостью выявились в мировой гуманитарной мысли уже в конце XIX — начале XX веков: анализом, интерпретациями и пониманием.

Проблемам разграничения этих актов и обоснованию их необходимости был посвящен методологический семинар, прошедший 6 марта 2019 года в Воронежском государственном университете. В об-

суждении тезисов главного докладчика — д. филол. н., профессора Литературного института им. А. М. Горького И. А. Есаулова — приняли участие декан филологического факультета Воронежского государственного университета д. филол. н., профессор О. А. Бердникова, заведующая кафедрой русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора, д. филол. н., проф. Т. А. Никонова, д. истор. н., профессор А. Ю. Минаков, к. филол. н. Ю. Н. Сытина и другие.

В центре обсуждения оказались вопросы, связанные с методологическим разграничением анализа, интерпретаций и понимания в изучении литературы, в том числе при ее преподавании в современной средней и высшей школе. Следует подчеркнуть, что речь далеко не всегда идет об «ошибочных» или, напротив того, «правильных» методологических установках: анализ, интерпретации, понимание являются абсолютно необходимыми познавательными актами, без которых любое адекватное изучение литературы представляется невозможным. Однако это все-таки принципиально различные установки, актуализирующие различные векторы исследовательского внимания.

Анализ произведений русской литературы невозможен без реально-исторических, а также текстологических комментариев, которые от десяти-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90043 («Анализ, интерпретации и понимание как методологические установки в изучении наследия Достоевского»).

летия к десятилетию становятся все более и более убедительными и точными. Именно в этой сфере, несмотря на порой неизбежные разночтения, можно говорить о значительном прогрессе филологической науки. Собственно, это и неудивительно, поскольку из трех выделенных исследовательских гуманитарных стратегий как раз анализ (иными словами, внешнее объекту изучения «объяснение») ближе всего к установкам так называемых «наук о природе» (В. Дильтей [1]), с их декларируемой «объективностью» (установкой на бессубъектность). Как и в «естественных» науках декларируется «воспроизводимость результата», исследовательская установка на достижение которой — в этом случае — как бы гарантирует от субъективистских искажений своего предмета. Именно в этой сфере были наиболее популярны (и дольше всего продержались) аксиомы о неизбежности «научного прогресса». Примерами подобной установки могут служить, например, энциклопедические статьи, посвященные тому или иному писателю [см.: 2; 3]. Но эти «объяснения», претендующие на знание некой «объективной» истины, фактически оказываются интерпретациями, что становится особенно очевидным с течением времени, когда изменяются исходные принципы подхода к литературному процессу.

Те или иные интерпретации художественных произведений неотделимы от исторически изменчивых и порой резко расходящихся — методологически, культурно, политически, эстетически — установок самих истолкователей текста. Доминантный для современного литературоведения «дрейф» (Р. Барт [4, 375–518; см. подробнее: 5, 123–189]) по этому тексту порой приводит к неожиданным результатам, однако же возобладавшая у поклонников этого «дрейфа» установка на отказ от поиска «истинности», будто бы непременно свидетельствующая об авторитарности сознания тех, кого интересует и «истинность», и сама истина, зачастую выводит исследователей за пределы той совокупности адекватных прочтений, которые определяются понятием «спектра адекватности»: совокупности адекватных авторской интенции, но все-таки различающихся между собой интерпретаций [см.: 6]. Зачастую интерпретации текст подвергается тогда, когда не весь он, но только какой-то из его аспектов особо интересует ученого.

Наконец, третий вариант исследовательского «освоения» произведений литературы представляет собой то или иное его личностное понимание, так или иначе входящее в «спектр адекватности». Оно предполагает не одну-единственную «правильную» точечную коммуникацию, а именно «спектр» различных, не совпадающих друг с другом, однако, как представляется, в равной мере адекватных художественным интенциям того или иного писателя актов понимания. От постмодернистской «множе-

ственности» спектр адекватности отличается признанием границ, пределов адекватных прочтений.

Если мы не признаем наличие «спектра адекватности» в толкованиях художественного произведения, этих не совпадающих друг с другом, однако в равной мере адекватных художественным интенциям писателя актов понимания, «споры» наши о смыслах текстов будут все более и более напоминать толчение воды в ступе. Нам более всего не хватает признания частичной правоты тех, чья позиция отличается от нашей, но отличается интерпретационно, а не представляет собой какой-то совсем иной вектор понимания. Споры об оттенках, как известно, всегда ожесточеннее споров о цветах.

Личностное понимание невозможно без того или иного аксиологического созвучия толкователя и системы ценностей писателя, которые в русской традиции неотделимы от христианской (а именно: православной) культурной грибницы, а потому авторские интенции будут искажены, если эта система ценностей в сознании исследователя имеет по каким-то причинам отрицательные коннотации [см.: 7–15].

Гуманитарное личностное понимание как методологическая установка в изучении наследия русской литературы требует таких категорий филологического описания своего предмета, которые либо относительно недавно появились в нашей филологии, либо же оказались на долгие десятилетия выведены из активного словоупотребления в филологии, поскольку имеют интердисциплинарный, а не чисто литературоведческий статус: это соборность, пасхальность, христоцентризм, умиление и другие [см.: 9; 10; 11; 13]. Однако их интердисциплинарность особого рода. Они характеризуют не любые художественные системы, а такие, которые вырастают из православной грибницы русской культуры. И обращение к ним необходимо при изучении творчества писателей как в «большом времени» русской и европейской культуры, так и в «малом времени» литературного процесса конкретного периода.

Для иллюстрации обозначенных познавательных актов обратимся к изучению Достоевского. Можно выделить как общие «генерализирующие» тенденции в исследовании его наследия (наиболее влиятельной, несмотря на неоднократно проводимые «ревизии», по-видимому, продолжает оставаться бахтинская концепция поэтики Достоевского), так и практически необозримые в количественном отношении интерпретации Достоевского. Для современного состояния исследований в данной области характерно также и то, что, в отличие от продолжения «бахтинского бума» в гуманитарных науках, учёные, занимающиеся преимущественно именно Достоевским, в последние десятилетия с всё большим скептицизмом воспринимают как раз бахтинскую научную систему. Однако разрыв между конкретными эмпирическими исследованиями и общетеорети-

ческими концепциями, где наследие Достоевского — только лишь внешний «материал», — несомненная данность современной русистики (все более и более уступающей свое место тем или иным «культурологическим» студиям, с их чрезвычайно вольным обращением с собственно литературным материалом).

В конечном итоге, почти необозримые в количественном плане работы о Достоевском тяготеют к двум полюсам, можно определить их как *etic*- и *etic*-подходы. Эти термины, которые выдвинул К. Л. Пайк по аналогии с фонетикой и фонемикой [16], были затем поддержаны и разработаны Г. Триандесом [17]. Формулируя предельно кратко и потому несколько упрощенно, можно разницу между ними передать следующим образом: если фонетика связана с изучением общих аспектов звуков и произнесения звуков, то фонемика — это изучение звуков, используемых в определенном языке.

При *etic*-подходе делается попытка рассмотреть явления и их взаимосвязь (структуру) глазами людей, которые относятся к данной культуре. Эта точка зрения берет начало из культурной антропологии, где с помощью метода включенного наблюдения исследователь пытается рассматривать нормы, ценности, мотивы и обычаи членов определенной общности с их собственной точки зрения.

Исследователи, придерживающиеся *etic*-подхода, справедливо утверждают, что ранее в гуманитарных дисциплинах почти всецело господствовал *etic*-подход, который основывался на некритическом проецировании западных гуманитарных установок на внеположный Западу «мир большинства», как они его называют ([см.: 18]). Таким образом, исследователь той или иной культуры работал на самом деле не с ценностями изучаемой культуры, а с «навязанными этиками» или «псевдоэтиками» [см. подробнее: 11, 26–29].

Творчество Достоевского при *etic*-подходе, будь он марксистский, структуралистский или фрейдистский, является лишь иллюстрацией действия более общих «закономерностей» (излюбленное слово для представителей «объяснительного» *etic*-подхода). Но проблема состоит в том, что при этом наш предмет овнешняется, превращается в бездушную и безгласную «вещь» (М. М. Бахтин [19, 363–373]). Теряется грань между гуманитарной и негуманитарной (естественнонаучной) методологическими установками. Кроме того, собственное, уникальное, эстетическое бытие уникального феномена далеко не сводится к иллюстрации каких бы то ни было «общих закономерностей», хотя и может — внешним образом — «подтверждать» некоторые из них.

По-своему типичным примером для современных западных установок в анализе произведений Достоевского является работа Жоржа Нива, в которой характерным образом соединяются два варианта *etic*-подхода: социологический и фрейдистский.

В результате «вина» за преступление «петербургских» героев Достоевского как бы переносится на имперский Петербург, этот «прокаженный город» [20]. Обращаясь к «Преступлению и наказанию», Нива доказывает, что именно имперский Петербург «раздавил Мармеладова, свёл с ума Екатерину Ивановну, Петербург нащёпывает Раскольникову страшный замысел, именно Петербург (и «неправильная» императорская Россия) приводит Свидригайлова к самоубийству» [20, 63–68]. Наряду с современным социологическим «развитием» пресловутого «среда заела», вполне укладывающиеся в преобладающие ныне отношения к России как таковой, Нива предлагает и иной вариант «овнешняющего» объяснения романа, при котором Пульхерия Александровна Раскольникова — мать пожирающая, мать «кастрирующая». Единственная её — весьма низкая — цель — это привязать навсегда к себе сына [см.: 21, 479–480].

Однако же в некоторых областях филологии без внешних объяснительных процедур понимание творчества Достоевского не представляется возможным. Так, адекватное прочтение его романов невозможно без реально-исторических, а также текстологических комментариев, которые от десятилетия к десятилетию становятся все более и более убедительными и точными. Но полная «бессубъектность» в любом комментарии все-таки невозможна. По этой причине любое внешнее «объяснение» творчества Достоевского (как марксистско-фрейдистское, так и структурно-семиотическое) неизбежно — часто и помимо воли исследователя, как это происходило и с самим Фрейдом [11, 29–35], — выявляет не только «объективную» сторону «вещи», но и ценностные установки самого исследователя [см.: 22].

Доминантный же для современного литературоведения «дрейф» (Р. Барта) по творчеству Достоевского порой приводит к результатам, выводящим исследование за предел спектра адекватных его толкований. При этом безразлично, утверждает ли исследователь свое отталкивание от христианских основ творчества Достоевского или, напротив того, декларирует приверженность им (например, когда стакан пива и кусок сухаря, которые упоминаются в начале романа в эпизоде в распивочной, сопоставляются с причастием [23]).

Методологически личностное понимание (или «диалог согласия» между автором и читателем) было обосновано в нашем литературоведении М. М. Бахтиным не только в его чисто «достоевских студиях» — «Проблемах поэтики Достоевского», но и в ряде теоретических работ, группирующихся вокруг бахтинской «эстетики словесного творчества». Однако бахтинские эпигоны — как отечественные, так и западные — вульгаризировали и редуцировали его теорию. Да и сам Бахтин в условиях советской несвободы не мог, как он сам признавал в разговорах с С. Г. Бочаровым, «свободно высказываться о глав-

ном». Сам Бахтин был глубоко убежден в том, что в книге о Достоевском «оторвал форму от главного... Прямо не мог говорить о главных вопросах... Философских, о том, чем мучился Достоевский всю жизнь — существованием Божиим. Мне ведь приходилось все время вилять — туда и обратно. Приходилось за руку себя держать. Даже Церковь оговаривал» [24, 71–72].

Сегодня кажется уже очевидным, что, изучая наследие Достоевского, невозможно некритически воспринимать бахтинские идеи. В последние десятилетия в достоеведении ведется продуктивная полемика с М. М. Бахтиным (В. Н. Захаров и другие [25]). Однако при этом далеко не всегда учитывается, что Бахтин хотя сам и особо подчеркнул, что «впервые основную структурную особенность художественного мира Достоевского нащупал Вячеслав Иванов» [26, 14], однако не смог воспользоваться ивановским определением полифонического мышления Достоевского как мышления соборного. В итоге центральная категория эстетических построений Вяч. Иванова — соборность — на долгие десятилетия незаслуженно оставалась вне внимания достоеведов, как и категории «родного» и «вселенского» [см.: 9–11].

Представляется научно корректным и продуктивным восстановить в достоеведении те фигуры умолчания, те положения, которые и хотел бы, но не мог высказать в свое время Бахтин. Подчеркнем, что подобная работа в современной русской филологии уже ведется. Нельзя не заметить, что многие постбахтинские исследователи пытались восполнить те «зияния», о которых горестно говорил Бахтин, притом не только в отечественной науке, но и в зарубежном достоеведении. Нина Перлина доказывала, что, вопреки своей полифоничности, «Братья Карамазовы» содержат строгую иерархию ценностей, где привилегированное место занимает Священное Писание [27]. Малькольм Джоунс в книге «Достоевский после Бахтина» совершенно справедливо, хотя и, на наш взгляд, недостаточно последовательно пытается дифференцировать бахтинское понятие «карнавала», говоря, вслед за Мишелем Турнье (M. Tournier), о «белом карнавале» [28]. Он отмечает, что Христос своей вестью бросает вызов «официальному миру» [там же]. Даяна Томпсон, исследуя «Братьев Карамазовых», убедительно доказывала, что память о Христе является доминантой всего романа [29]. Разумеется, эти примеры «восполнения» бахтинского умолчания в научной литературе можно было бы продолжать, но достаточно и этих примеров. Обратим внимание, однако, на то, что углубление в христианскую проблематику все-таки далеко не всегда приводит к осознанию необходимости корректировки существующей системы литературоведческих категорий. Внести свой вклад в эту корректировку, сделать филологический инструментальный, обращенный к Достоевскому, более

созвучным онтологическим и аксиологическим ценностям самого писателя — актуальная проблема современной филологии.

Таким образом, как бы ни отличались между собой по своей сути анализ, интерпретации и понимание русской классики, в каждой из этих методологических установок в той или иной степени следует учитывать необходимость аксиологического созвучия сознания исследователя доминантным установкам самого писателя. В противном случае — каждый раз по-своему — как художественная система классика, так и в целом его наследие подвергаются опасности искажения — вплоть до подмены предмета тем или иным симулякром.

Дальнейшее изучение существующей многоголосицы зачастую противоречащих друг другу истолкований русской классики сквозь призму выделенных исследовательских актов представляется особенно актуальным, поскольку позволит преодолеть зияние между концептуальностью генерализирующих подходов и конкретными исследованиями художественного творчества, в которых изучаются частные проблемы, возникающими вокруг наследия русской классики и рецепции этого наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дильтей В. Собр. соч. В 6 т. — Т. IV. — Герменевтика и теория литературы / В. Дильтей. — М., 2001. — 531 с.
2. Есаулов И. А. Контексты понимания художественного мира С. Т. Аксакова: поле возможностей / И. А. Есаулов // XIV Международные Аксаковские чтения: Материалы конференции. — Уфа, 2013. — С. 17–23.
3. Есаулов И. А. «Записки охотника» и многообразие русского мира / И. А. Есаулов // «Его Величество Язык Ее Величества России»: Сб. трудов Международной научной конференции к 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева. — Орел, 2018. — С. 17–22.
4. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт. — М., 1989. — 616 с.
5. Косиков Г. К. От структурализма к постструктурализму / Г. К. Косиков. — М., 1988. — 191 с.
6. Есаулов И. А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н. В. Гоголя) / И. А. Есаулов. — М., 1995. — 100 с.
7. Аношкина-Касаткина В. Н. Православные основы русской литературы XIX века / В. Н. Аношкина-Касаткина. — М., 2011. — 384 с.
8. Бердникова О. А. «Так сладок сердцу Божий мир». Творчество И. А. Бунина в контексте христианской духовной традиции / О. А. Бердникова. — Воронеж, 2009. — 272 с.
9. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе / И. А. Есаулов. — Петрозаводск, 1995. — 288 с.
10. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. — М.: Кругъ, 2004. — 560 с.
11. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание / И. А. Есаулов. 3-е изд., — СПб., 2017. — 550 с.
12. Захаров В. Н. Русская литература и христианство

/ В. Н. Захаров // Проблемы исторической поэтики, 1994. Вып. 3.— С. 5–11.

13. Захаров В. Н. Умиление как категория поэтики Достоевского / В. Н. Захаров // Celebrating Creativity. Essays in Honour of Jostein Børtnes.— Bergen, 1997.— Р. 237–255.

14. Тарасов Б. Н. Куда движется история? (Метаморфозы идей и людей в свете христианской традиции) / Б. Н. Тарасов.— СПб., 2001.— 348 с.

15. Сытина Ю. Н. Сочинения князя В. Ф. Одоевского в периодике 1830-х годов / Ю. Н. Сытина.— М., 2019.— 392 с.

16. Pike K. L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior / K. L. Pike.— Hague, 1967.— 762 p.

17. Triandis H. C. Introduction to Handbook of Cross-Cultural Psychology / H. C. Triandis.— Boston, 1980.— Vol. 1.: Perspectives.

18. Kagitcibasi C. Family, Self, and Human Development Across Cultures Theory and Applications / C. Kagitcibasi.— New York, 2007.— 504 p.

19. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин.— М., 1979.— 424 с.

20. Nivat G. Vers la fin du mythe russe: Essais sur la culture russe de Gogol à nos jours / G. Nivat.— Lausanne, 1982.— 403 p.

21. Ганошенко М. Е. Рецепция русской классической литературы в современных франкоязычных изданиях /

М. Е. Ганошенко // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте / коллектив авторов под ред. И. А. Есаулова, Ю. Н. Сытиной, Б. Н. Тарасова.— М., 2017.— С. 459–487.

22. Есаулов И. А. «Преступление и наказание»: объяснение, интерпретации, понимание / И. А. Есаулов // Mundo Eslavo. № 16 (2017).— С. 73–81.

23. Касаткина Т. А. Категория пространства в восприятии личности трагической мироориентации (Раскольников) / Т. А. Касаткина // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 11.— СПб., 1994.— С. 81–88.

24. Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него / С. Г. Бочаров // Новое литературное обозрение, 1993. № 2.— С. 70–89.

25. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский / В. Н. Захаров.— М., 2013.— 456 с.

26. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин.— М., 1972.— 470 с.

27. Perlina N. Varieties of poetic utterance: Quotation in «The Brothers Karamazov» / N. Perlina.— Lanham, New York, London, 1985.— 228 p.

28. Malcolm V. Jones. Dostoevsky after Bakhtin. Reading in Dostoevsky's Fantastic Realism / V. Malcolm.— Cambridge, 1990.— 221 p.

29. Thompson D. O. The Brothers Karamazov and the Poetics of Memory / D. O. Thompson.— Cambridge, 1991.— 358 p.

Литературный институт им. А. М. Горького

*Есаулов И. А., доктор филологических наук, профессор
кафедры русской классической литературы и славистики
E-mail: jesaulov@yandex.ru*

Московский государственный областной университет

*Сытина Ю. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской классической литературы
E-mail: yulyasytina@yandex.ru*

The Maxim Gorky Literature Institute

*Esaulov I. A., Dr., Prof. Russian Classic Literature and Slavistics
Department.*

Moscow Region State University

*Sytina Yu. N., Candidate of Philology, Associate Professor,
Russian Classic Literature Department
E-mail: yulyasytina@yandex.ru*

СИНОНИМИЧНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЭКВИВАЛЕНТНЫЕ ЗАМЕНЫ В НАУЧНОМ СТИЛЕ РЕЧИ

Ю. Б. Жидкова

*Воронежский государственный университет,
Институт международного образования*

Поступила в редакцию 24 января 2019 г.

Аннотация: *Статья посвящена важной составляющей научного стиля речи русского языка — синтаксическим конструкциям. Акцент делается на механизме эквивалентных замен в подстиле обществознания, а именно: на грамматической и лексической трансформации.*

Ключевые слова: *научный стиль речи, обществознание, логико-семантическая категория, синонимичные замены, функционально-эквивалентные замены.*

Abstract: *The article is devoted to an important component of the scientific style of speech of the Russian language — syntactic structures. The emphasis is on the mechanism of equivalent substitutions in the substyle of social studies, namely, on grammatical and lexical transformation.*

Keywords: *scientific style of speech, social studies, logical-semantic category, synonymous substitutions, functionally equivalent substitutions.*

Язык общественных наук представляет собой разновидность научного стиля с определенным набором общих и специфических синтаксических конструкций и лексических средств. Помимо специальной лексики в него включена лексика и синтаксические конструкции различных отраслей знания (культурологии, истории, права, экономики), которые представляют особую трудность для иностранного учащегося. По мнению исследователей, восприятие общественно-политического материала затруднено из-за новизны, сложности и необходимости абстрагирования от реальных понятий [1, 138].

Учитывая особые трудности тематики текстов по обществознанию, их предметно-содержательной информации, которая реализуется соответствующими языковыми средствами и синтаксическими конструкциями, мы предлагаем синтаксический тезаурус, составленный для учащихся гуманитарных специальностей. Это попытка упорядочения и систематизации на уровне предложения типичных для научной речи синтаксических единиц из общественно-политической сферы общения. Так формируется «синтаксический багаж»: предъявляемые для выражения определенного смысла модели позволяют учащемуся в нужный момент выбрать подходящую знакомую синтаксическую оболочку [2, 92]. Мы будем говорить о группах типовых категорий понятий, выделенных на основе анализа логико-понятийной системы синтаксических конструкций в общественно-политической сфере. Используя структуру тезауруса научной речи, предложенного Ф. П. Ерицын для студентов-нефилологов, мы вы-

делили логико-семантические категории (ЛСК) (план содержания) и дескрипторы (план выражения), которые образуют вокруг каждой ЛСК функционально-семантическое поле и дескрипторную статью (ДС), представленную набором синонимичных конструкций, содержательно характеризующих данное поле [3, 48].

В результате анализа учебного курса по обществознанию [4] нами были выявлены модели-конструкции и был составлен перечень структурных схем, а именно stileобразующий тезаурус обществознания.

Мы выделили логико-семантические категории и их показатели (языковые единицы), присутствующие в ряде подстилей гуманитарного профиля, и специфичные для общественно-политической сферы. В наш перечень ЛСК включено 12 смыслов. Возможно, что в языке данной отрасли знания смыслов намного больше, но выделенные категории вполне обозримы, достаточны и необходимы.

1. Определение понятия, явления, предмета (дефиниция и квалификация).

2. Описание функции явления, процесса, объекта науки.

3. Значение понятия, явления, предмета.

4. Возникновение, создание науки, явления, предмета.

5. Описание положения, наличия.

6. Процесс изменения, распространения явления, предмета.

7. Классификация объектов, явлений и предметов.

8. Состав явлений и предметов.

9. Описание свойств, характеристика явления, понятия, процесса.

10. Назначение объекта, явления, процесса (описание действия, деятельности).

11. Выражение связи, зависимости между объектами, явлениями.

12. Определение сходства, различия.

Таким образом, иностранный учащийся должен опознать любую референтную ситуацию и соотнести ее по логико-смысловому принципу с одной из категорий, а затем придать ей структурную организацию, выбрав синтаксическую модель из дескрипторной статьи.

Кроме того, хотелось бы отметить смысловое отличие возвратных и невозвратных глаголов, обусловившее их отнесение к разным ЛСК. Например, *Монархия — это форма правления, при которой верховная власть принадлежит монарху и обычно передается по наследству* (ЛСК-6). *Культура передает знания и опыт из поколения в поколение* (ЛСК-2). *Массовая культура распространяется в обществе с помощью средств массовой информации* (ЛСК-6). *Государство распространяет свою власть на население, которое живет на определенной территории* (ЛСК-10). *Различают три формы присвоения: индивидуальную, коллективную и государственную* (ЛСК-7). *Социальные группы различаются между собой степенью обладания собственностью, властью, доходами и другими признаками* (ЛСК-12). При определении значения глагола в таком случае необходимо учитывать позицию прямого дополнения, логического субъекта и обстоятельства, которые влияют на смысловое значение.

Отобранные языковые средства в виде образцов-моделей составляют структуру тезауруса научной речи, предполагающую трансформационные преобразования в виде синонимичных замен глаголов и эквивалентные замены одних конструкций другими. На основе анализа учебно-научных текстов мы выявили четыре возможных способа выражения смысла вербального материала.

Во-первых, трансформация активных конструкций в пассивные. Для научного стиля речи характерно широкое распространение в текстах пассивных конструкций. Реальный производитель действия или обозначается формой логического субъекта в творительном падеже, или совсем опущен (*Народная культура создается народом. В источниках права закрепляются нормы права*). К. А. Рогова сопоставляет пассивные конструкции и неопределенно-личные и выявляет относительно небольшое различие в их значениях и разные дискурсивные функции этих конструкций в текстах [5, 10]. Очевидна разница в степени представления лица: в неопределенно-личных на него есть указание в предикате — личной форме глагола (*К экономическим ресурсам относят материальные ценности*), в пассивной конструкции — его присутствие обозначено на когнитивном уровне (*К экономическим ресурсам*

относятся материальные ценности). Вследствие этого на первый план в пассивных конструкциях выдвигается тема о предмете, а в неопределенно-личных — сообщение о научном исследовании, в которое введены лица.

Во-вторых, грамматическая синонимия предложений с глаголами-связками (ЛСК-1). Эти глаголы занимают значительное место в глагольной лексике и являются чрезвычайно употребительными в связи с присутствием во всех подстилях и определенным значением. Очень часто связочные глаголы имеют эквиваленты, не приводящие к изменениям именной части: *Политические отношения являются основой политической сферы жизни общества. Основой политической сферы жизни общества служат политические отношения*. Но иногда при употреблении эквивалента нужно учитывать различия в глагольном управлении: *Земля, вода, полезные ископаемые, воздух, леса представляют собой природные ресурсы. Земля, вода, полезные ископаемые, воздух, леса относятся к природным ресурсам*.

В-третьих, грамматическая синонимия предложений с глаголами, входящими в состав других ЛСК. При обучении способам выражения смысла важно отметить, что один глагол может иметь несколько эквивалентов. Например, глаголы *иметь, обладать, принадлежать* в значении «связь, зависимость» могут быть использованы как взаимозаменяемые слова: *Государству принадлежит суверенитет. Государство имеет суверенитет. Государство обладает суверенитетом*. Грамматическая синонимия связана с морфологическими изменениями зависимых слов и перестановкой членов предложения. Например, в предложениях с глаголами в значении «состав явлений и предметов»: *Нормативный договор содержит нормы права, которые регулируют взаимоотношения участников договора. Нормативный договор состоит из норм права, которые регулируют взаимоотношения участников договора. Нормы права, которые регулируют взаимоотношения участников договора, входят в нормативный договор*.

В-четвертых, лексическая синонимия. Одна и та же мысль может быть выражена с помощью глаголов-синонимов: *Центральные органы государства руководят (управляют) всей экономической жизнью страны; Автономное участие реализует-ся (осуществляется) в демократических режимах*. В этих условиях иностранец, не меняя смысл высказывания и структурную схему, заменяет один глагол другим. Вероятность ошибки очень мала, так как не нарушаются синтаксические и семантические обстоятельства.

Таким образом, синтаксический тезаурус служит инструментом для выбора языковых средств, адекватно выражающих ситуации речевого общения, так как находится в сфере взаимодействия языка и мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубинская Е. В. Пути координации деятельности кафедр русского языка и общественных наук / Е. В. Дубинская, Т. М. Кедрова, В. А. Давыдов // Практическая методика преподавания русского языка на начальном этапе / Н. С. Власова, Н. Н. Алексеева, Н. Р. Барабанова и др. — М.: Рус.яз., 1990. — С. 137–141.
2. Норман Б. Ю. Основы психолингвистики: курс лекций / Б. Ю. Норман. — Минск: БГУ, 2011. — 131 с.
3. Ерицын Ф. П. Синтаксический тезаурус в целях обучения студентов-нефилологов научному стилю русской речи / Ф. П. Ерицын // Русский язык за рубежом. — 2008. —

№ 6. — С. 45–48.

4. Кот Л. П. Обществознание: учебник для слушателей дополнительных общеобразовательных программ, обеспечивающих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке (гуманитарная направленность) / Л. П. Кот, Н. А. Критская, И. П. Родионова, Е. А. Самсонова. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. — 94 с.
5. Рогова К. А. На пути к новой академической грамматике / К. А. Рогова // Мир русского слова. — 2018. — № 2. — С. 5–11.

Воронежский государственный университет

Жидкова Ю. Б., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка довузовского этапа обучения иностранных учащихся Института международного образования

E-mail: zhidkova_juliabori@mail.ru

Voronezh State University

Zhidkova Ju. B., PhD, Associate Professor of the department of Russian language of the pre-university stage of education of foreign students of the Institute of International Education

E-mail: zhidkova_juliabori@mail.ru

СЕМИОЗИС «НОВОГО» КАК ПОСТРОЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ АЛЬТЕРНАТИВ (ПЕРВЫЙ ТОМ «ПОЕЗДОК ЗА ГОРОД»)

А. А. Житенев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 мая 2019 г.

Аннотация: в статье рассматривается ситуация поиска терминов для художественной практики, не имеющей аналогов в культурной традиции. На материале ранних текстов группы «Коллективные действия» исследуются принципы осмысления «нового» на границе литературы, актуального искусства и эстетической теории.

Ключевые слова: эстетическая новизна, саморефлексия, семиозис, акция, «Коллективные действия».

Abstract: the article deals with the situation of terminology search for artistic practice, which has no analogues in the cultural coadition. The principles of understanding of the "new" on the border of literature, contemporary art, and aesthetic theory are explored on the basis of the material of the early texts of the group "Collective Actions".

Keywords: aesthetic novelty, self-reflection, semiosis, action, «Collective actions».

В творческой практике «второй культуры» одним из важнейших дискуссионных вопросов был вопрос о возможности художественной новации. Сложность этого вопроса была обусловлена разрушением контактов с мировым литературным и художественным процессом, а также фрагментарностью представлений о культурной традиции. Неполнота знаний о контексте любое изобретение ставила под вопрос. Фактически новизна была реальностью только для замкнутого сообщества, но инерция модерности, отождествлявшей художественную ценность с новизной, вынуждала снова и снова искать «новое».

Особый интерес в этой связи представляет теория московского концептуализма, в котором рефлексия над творческой деятельностью была частью самой этой деятельности. Как показывает ранняя практика группы «Коллективные действия», утверждение «нового» было тесно связано с процессами категоризации, с поиском терминологических обозначений аспектов творческой практики. Быть «новым» означало снова и снова воспроизводить акт «различания», утверждающий «инаковость» концептуалистской практики по отношению к системе эстетических координат.

Теория и практика концептуалистского акционизма в самых разных аспектах уже становилась объектом внимания. С. Хэнсен указывает на интегративный характер концептуалистских акций и акцентированность в них коммуникативного начала: «В 1970-х годах перформансы сыграли решающую роль в развитии альтернативной сферы общения в русско-советской культуре. <...> Однако это был не просто вопрос усиления социальных контактов;

скорее, коммуникативные процессы в сцене были стилизованы под эстетическое событие» [1].

Сущностной особенностью акций, как замечает М. Гербер, стала проблематизация границ эстетического: «Пустое действие <...> нацелено не на то, чтобы вызвать опыт тщетности как таковой, но на перерыв в переживании целесообразности искусства, на свободу от необходимости интерпретации и оценки произведений искусства» [2, 13]. Этот «перерыв» во многом создается разнонаправленностью концептуалистского семиозиса. Е. Калинкин констатирует, что в ранней истории группы «Коллективные действия» термин «акция» употреблялся наряду с понятиями «перформанс», «вещь», «работа» и другими, и «эта терминологическая неопределенность отражает изначально нефиксированную, многовалентную природу «Коллективных действий» [3, 88]. Последнее обстоятельство и станет предметом специального анализа в этой статье.

Ключевой момент в автодокументации «Коллективных действий» — дискуссионность параметров творческой практики, установка на постоянное переопределение ее важнейших концептов. Это обстоятельство особенно очевидно в материалах первого тома «Поездок за город», где под вопросом оказывается и целеполагание, и структура акций, и само их жанровое определение.

В самых ранних комментариях разброс мнений о том, что представляет собой акция, особенно велик. Во «Фрагменте 1976 года» акция трактуется как «новая форма публичных чтений», как «семинар», как «эстетический предмет», который «имеет смысл рассматривать с точки зрения ритуала» [4, 147]. В «Общем комментарии (1977)» акции как род «психофизических и ментальных практик» подразделяются

на «паратеатральные действия и медитативные экзерсисы» [5, 151]. Во «Фрагменте 1977 года» акценты в очередной раз смещаются: «В самом общем функциональном смысле наши произведения есть не что иное, как метамузыкальные композиции» [6, 148]. Очевидно, что поиск определений здесь сопряжен не столько с попыткой наметить подходящий теоретический контекст, сколько со стремлением выявить основной вектор эстетического эксперимента.

Столкновение идей — примета не только жанрового поиска, но и рассуждений о том, в чем же состоит содержание акций. Наиболее частый ответ, — бегство за рамки социальных ограничений. «Основная мечта последнего времени: “оказаться где-нибудь не здесь”», — замечает Н. Алексеев [7, 106]; в его интерпретации сущность акции состоит в ее «праздничном» характере, в «социальной необусловленности, абсолютной свободе» [8, 108–109]. О том же пишет С. Ромашко: «Ясно, что мы имеем дело с эстетической практикой, направленной на создание ситуаций, которых нет в повседневной жизни» [9, 141]. Близким образом расставляет акценты И. Кабаков: «Ты как бы внутренне подпрыгиваешь от чувства безнаказанности, свободы» [10, 69].

В трактовке А. Монастырского «переживание происходящего как происходящего по преимуществу “внутри” освобождающегося сознания» [11, 10] является важной, но не главной характеристикой акций. Их «внутренний смысл» он связывает с «получением определенного духовного опыта, по существу своему не знакового» и имеющего значение «исключительно для действующих на поле устроителей» [11, 15]. Свобода, которая здесь достигается, — это свобода не от внешних ограничений, а от самого себя: «Этот временной промежуток между “тогда” и “сейчас” — дистанция <...> между нашим ожиданием и нами» [11, 15].

Суммировал разные позиции Н. Алексеев: «Существует общая направленность, выражающаяся в таких понятиях: выделенность из косного существования, праздничность; экзистенциальная оставленность, концентрирующаяся в прозрачные и хрупкие формы; коммунальность, проявляющаяся в постоянном ломании и налаживании междуличностных связей; нерезультативность в смысле неучастия в прогрессе, стремящемся к заранее ясному <...> результату» [12, 115].

Однако сама эта «сумма», как показывает сопоставление разных материалов первого тома, оказывается не вполне очевидной, поскольку далеко не все перечисленные компоненты трактовались единодушно. Так, в «Кратком комментарии к акциям 1976–1979 гг.» А. Монастырский пишет, что все проведенные акции «имеют общую мифологему: “герой” в соприкосновении с “миром иным”, т.е. “говорение о смерти” в заданности религиозного переживания <...> происходящего» [13, 159]. Очевидная условность «мифологемы» вызвала принципиаль-

ное возражение Н. Алексеева: «говорение о смерти <...> не может быть постинтерпретацией, а есть <...> экзистенциальная данность, единственно реальная, которая и позволяет делать что-либо» [14, 161–162].

Та же коллизия связана и с тезисом о «коммунальности». Для Н. Алексеева он принципиален, поскольку обозначает отказ от акцентирования авторства, совместность планирования и осуществления акции: «Ситуация единодушия, как мне представляется, допускает возможность только конвенционального авторства» [14, 162–163]. А. Монастырский, напротив, обращал внимание на «иерархическое» распределение ролей: «Работа строится по принципу “автор” и “соавторы”, т.е. член группы самостоятельно разрабатывает план акции во всех деталях и затем выносит его на обсуждение» [13, 159].

Определенный повод для дискуссий давала и отмеченная в перечне признаков «нерезультативность» акций. В «Общих замечаниях к направлению» об этом сказано: «В нашу задачу входит прежде всего работа по разматериализации результата»; «конкретное воплощение идеи в материале, созданная среда» важны не сами по себе, а как звено в цепи «идея» — «процесс» — «результат» — «медитация» [15, 145–146]. Сама эта «безрезультатность» получает у разных авторов разные трактовки.

С. Ромашко склонен видеть в «разматериализации» переход к некоему новому виду художественной практики: «Искусство прежнего времени создавало иконические знаки. <...> Но почему бы художнику вместо изображения чего-то не перейти к созданию реальной вещи — предмета, действия, ситуации? Этот переход можно было бы условно назвать переходом от мимезиса к пойезису» [9, 140]. В коллективном «Комментарии (30 июля 1978)», однако, мысль о том, что практика группы носит эстетический характер, поставлена под сомнение: «Если рассматривать звонок, зарытый под снег, или фонарь, повешенный на горе, с точки зрения какого-либо искусства, то <...> не только нельзя найти им место в ряду произведений определенного вида искусства, но невозможно будет обнаружить <...> и сам этот контекст» [16, 152–153]. Как бы ни трактовать акцию, очевидно, что она, балансируя между «коаном» и «гаджетом» (Н. Алексеев), значима как инструмент структуризации сообщества. Не случайно «замыкание в гетто» трактуется здесь как возможность «создавать условия существования культуры, сперва противостоящей установленной, а затем изменяющей ее» [12, 127]. В этой связи, конечно, особое значение приобретает соотнесенность отзывов участников с «официальными» языками автометаописания.

Структура акции оказывается не тождественной в разных интерпретациях. Различия обусловлены желанием яснее определить «правила игры». Общими для всех определений оказываются пространственная и временная координаты.

Временная ось предполагает разделение акции на ожидание и совершение действия. В интерпретации Г. Кизевальтера есть смысл говорить о «подготовительно-смыслообразующем этапе», который задает «модальность подготовки зрителей к восприятию и к сопереживанию неких идей», и «событийной части», важнейшим элементом которой является «“пустое действие”, позволяющее актуализироваться идее постановки» [17, 136–137]. Эта структура в ранних документах «Коллективных действий» интерпретировалась не без религиозных коннотаций: «В сущности, все действия нашего сюжета происходят на границе этого и иного мира» [18, 157]. В позднейших версиях «двоемие» уже изъято из словаря и заменено нейтральной оппозицией «демонстрационное» / «внедемонстрационное» [19, 168]. Она задает пространственную ось акций, о которой пишет А. Монастырский: «Сразу скажем, что само действие акции совершается “для отвода глаз”» [11, 14].

Системообразующим признаком акции, таким образом, оказывается разрыв — между ожидаемым и совершившимся, между запланированным и реализованным, между внешним и внутренним и т.п. Относительно того, как использовать этот разрыв, единого мнения не было. В своем предисловии к первому тому А. Монастырский ставит акцент на медитативной доминанте акций: «Совершилось, произошло не то, что мы ожидали, не какое-то конкретное событие, противопоставленное нам, а именно само ожидание совершилось и произошло» [11, 14].

На спрямленность такого прочтения указал Н. Алексеев, отметивший, что в этом случае никак не учтенными оказываются акции, где на первом плане манипуляции с объектами и акции, где никаких зрителей нет. Алексеев предлагает говорить о двух условных полюсах творческой практики, где на одном будет «движение по прямой линии от чего-то к чему-то» и «трюк», а на втором — «предметность», «оставление» и «провокация». Акции первой группы свойственны «суггестивность», акцент на «языковых отношениях между “автором” и “зрителем”» и условная «результативность»; акциям второй — акцентирование «пространства происходящего», «незапрограммированность» восприятия [12, 113].

Важным оказывается и несовпадение аналитических подходов: Монастырский делает ставку на описание «формообразования уровней восприятия», Алексеева занимает функциональная организация акции, качественные различия инструментов ее организации. Это несходство отчетливо тематизировано в «Комментарии» Н. Алексеева: «Если акции А. Монастырского в большинстве случаев стремятся к активному воздействию на зрителей, то акции Н. Алексеева предполагают более пространное отношение зрителей к тексту. В акциях А. М. материал обычно крайне прост, однозначен, нарицателен и одновременно заряжен очень большой энергией,

в акциях Н. А. материал обычно разнороден, распылен, ироничен <...>. В большинстве акций А. М. присутствует единовременный трюк, генетически они близки к притче или анекдоту; акции Н. А. трюка не используют и не имеют сценария» [14, 163].

Последнее слово — «сценарий» — в этом контексте особенно важно, поскольку обозначает важнейшую проблему, связанную с содержанием в акциях разрывом — проблему индукции восприятия. «Сценарий» предполагает, что «состоявшееся ожидание» есть результат направленного воздействия на сознание участников действия. Отказ от сценария заставляет допустить алеаторическую природу акций, принять как норму «отказ от личного канона», от всяких попыток установить соответствие между «программой» и протеканием акции. «Рассказы участников» в первом томе позволяют сделать ряд наблюдений.

Прежде всего, есть смысл охарактеризовать феноменологическую структуру переживания участника. Во-первых, переживание, связанное с акцией, предполагает «опыт откровения», эффект соприкосновения с «чудом» [20, 85]: «Фактически здесь можно говорить о состоянии, близком ко сну» [21, 79]. Во-вторых, акция несет в себе сильный гедонистический элемент, предполагает «состояние кайфа» [22, 83]: «Здесь то, что ты не по делу едешь, а во-вторых, что ты каким-то образом не можешь догадаться, что случится, дает эйфорическое состояние» [10, 69]. В-третьих, акция предполагает обострение восприятия: «Вроде тот же лес, но он невероятно активизирован <...> ты трогаешь листья буквально впервые и траву топчешь первый раз» [10, 70]. В-четвертых, в акциях многие участники отмечали «чувство позванности» [10, 70], момент активного взаимодействия с организаторами: «Тобой играют, но тебе интересно то, с чем ты встретишься» [20, 86]. В-пятых, несмотря на то, что ряд акций предполагал приложение ряда усилий, неотъемлемой их чертой всегда был катарсис: «Накопившаяся усталость и даже раздражение, возникшее из-за всех помех, сменилась удивлением, каким-то катарсическим смехом, пониманием и согласием» [23, 93].

Вся эта многослойная конструкция, однако, и замышлялась, и воспринималась со стороны как эфемерная. Мысль о том, что для не-участников все рассказываемое будет закрыто, — один из лейтмотивов первого тома: «Зритель или читатель, незнакомый с кругом наших увлечений, вряд ли сможет разделить с нами удовольствие от праздников, которые мы иногда устраиваем сами себе» [6, 148]. Характерно в этом отношении признание участника общей дискуссии Д. Пригова, который, однако, не принимал участия в совершении обсуждаемой акции: «Оказалось, что это некая вещь в себе. <...> Для меня эта вещь осталась вещью закрытой, существующей для участников действия и для авторов. <...> Конструкция, понятая как мистерия» [24, 61].

Сопряжение категорий «конструкция» — «мистерия» в одной формуле выявляет противоречивое соотношение в акциях заданного и спонтанного, запрограммированного и непредусмотренного. С одной стороны, «желание “конструирования”, “делания”» рассматривается теоретиками акций как «реликт художественного метода» и оценивается негативно [12, 131]. С другой стороны, сама установка на «трюк» делает рациональную заданность обязательным элементом любой акции.

В предисловии к первому тому сказано, что зрители акций «напряженно не понимают» происходящее [11, 11]; с некоторыми поправками эта формула применима и к акциям, где разделение на «зрителей» и «участников» отсутствует. Неизвестность характера действия, фрагментированность инструкций, немаркированность входа и выхода из акции, скрытость содержания за «пустым действием», действительно, создают эффект дезориентированности. Однако здесь возникает вопрос: насколько в этой ситуации «легитимен» опыт зрителя? Следует ли считать, что неспособность воспринять «нечитаемые» сюжеты акций означает отсутствие права на собственную оценку происходящего? Имеют ли ценность личностные «версии» акций? На это счет мнения внутри группы «Коллективные действия» разделились. Организаторы акций с переменной степенью настойчивости акцентировали заведомую «неправильность» зрительского восприятия, тем самым утверждая некий его «эталон». Зрители же, в свою очередь, ставили под сомнение состоятельность предъявляемой им «программы» акции как ориентира.

Первая из отмеченных зрительских реакций — запрос на «законченность действия» как то, что должно восполнить фрагментарность опыта реципиента. Об этом высказался Л. Рубинштейн: «В большой степени конструирующим моментом представляется опыт перспективно-ретроспективного переживания происходящего. Ожидание и предвкушение документальной версии как некоего его результата <...> и переживание документа <...> как ключа к реконструкции реального события» [24, 56].

Вторая версия предполагает отвержение любого послесловия, любой попытки выйти за пределы пережитого. С точки зрения ряда зрителей это разрушает «герметичность» переживания. В числе скептиков выступил О. Васильев, выразивший сомнение в осмысленности предъявления диафильма: «Фильм превращается для меня в неорганизованный поток из-за чужих для меня кадров, т.е. эта новая информация вытесняет меня из того, что я пережил» [24, 59]. Схожую претензию высказывает Э. Булатов, для которого предъявление объяснения кажется неудачей: «И сразу после этого переживания — щит с объяснением, который воспринимался дико, странно и казался какой-то нелепостью» [24, 59].

Третий вариант зрительской реакции — восприятие программы акции не как выхода в «объективное» измерение бытия, а как катализатора зрительской рефлексии. Эту версию высказал И. Кабаков: «Для того чтобы этот смысл был отброшен, он должен быть полностью представлен. <...> Цель ведь не в том, чтобы замысел авторов осуществился. Никто не знает настоящего замысла. Каждый из нас осуществляет только свой замысел. И прекрасное состоит в том, что мы должны до конца осуществлять свой замысел» [24, 61].

Этот зрительский тезис — тезис о «вынутости» смысла как общей и для участников, и для зрителей ситуации в дальнейшей практике «Коллективных действий», однако, реализован не был. Тем показательней тот факт, что на страницах первого тома снова и снова звучит мысль о «герметичности» акций, об их «защищенности от рефлексии». Стремление Н. Алексеева представить практику акций как «отражение соборного труда в небольшой группе людей, живущих в отсутствии канона» [12, 122], оказалось не воплощено — в частности, потому, что от трактовки рефлексии как «шелухи, кожуры», которая «не имеет существенного отношения к ядру» [12, 135], было решено отказаться.

О том, что такое смещение акцентов оказалось чревато кризисом, с определенностью свидетельствуют материалы второго тома. Причем наиболее показательными здесь оказываются не «рассказы участников», а «комментарии» — как правило, связанные с оценкой практики «К. Д.» в целом. Во втором томе оценка дана в нескольких оценочных «регистрах»: критическом, пародийном и нейтральном.

Первый вариант реализован в статье Н. Алексеева. Он указывает на внутреннее обеднение акционистской практики, на превращение эксперимента в «фирму», где вещь «спорная, не укладывающаяся в рациональную проектную схему», уже не имеет шанса быть реализованной. Работа «Коллективных действий» «мумифицировалась»: «язык отлажен, стиль игры понятен, отпадает необходимость в декорациях и непредусмотренных случайностях»; как следствие, группа превратилась в подобие «концептуального кабаре или экскурсионного бюро» [25, 120–121].

Характерно, что после объявления о самороспуске группы в 1982 г. большинство участников восприняло такой поворот как закономерный. Г. Кизе-вальтер отмечает, что последние акции «прошли “на выдохе”, с полной потерей интереса»; близкие оценки дает И. Макаревич: «Намеки, присутствовавшие в контексте акций, были предназначены для посвященных, и поэтому материал акций оказался очень тонким, легко ранимым», но «тонкость постепенно переросла в монотонность: зритель устал, и художники устали» [26, 141–143].

Автопародийно эта ситуация преподнесена в псевдонимной «Повести...» А. Монастырского, где кризис обрисован как сложное пересечение биографических и творческих обстоятельств. Как указал автор, с самого начала попытка «делать что-то «абсолютно новое», «потрясающее» для всего мира» была неотделима от стремления к самоутверждению: «все пытались объединиться, чтобы ... разделиться на фракции». Это «тяготение к личному творчеству», наложившись на ряд внешних причин, и привело к распаду: «Остались одни споры-раздоры» [26; 134, 128, 140].

Проделанный анализ позволяет сделать вывод, что «новое» в неподцензурной литературе и культуре 1970-х гг. возникло из суммы противоречащих друг другу суждений. Пространство оформления «нового» — это дискуссия без закреплённого консенсусного результата. «Новое» в условиях разрушенного эстетического контекста — это диссонанс, конфликт, разрыв. Гарант новизны «нового» — его категориальная незакреплённость, аморфность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00476 А «Эстетическая новизна и литературность как проблемы теории и творческой практики XX века: авангардизм 1920–1930-х гг. и постмодернизм 1970–1980-х гг.»

ЛИТЕРАТУРА

1. Hänsen S. Collective Actions: Event and Documentation in the Aesthetics of Moscow Conceptualism. — Режим доступа: [http://conceptualism.letov.ru/Haensgen-Collective-Actions-Event-and-Docummentation-Aesthetics-Moscow-Conceptualism.htm] — Дата обращения: 05.02.2019.
2. Gerber M. Empty Action. Labour and Free Time in the Art of Collective Actions. / M. Gerber. — Bielefeld: Transcript, 2018. — 236 p.
3. Kalinsky Y. Drowning in Documents: Action, Documentation, and Factography in Early Work by the Collective Actions Group / Y. Kalinsky // ARTMargins. — 2013. — Volume 2. — Issue 1. — P. 82–105.
4. Фрагмент 1976 года // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 147.
5. Общий комментарий (1977) // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 151.
6. Фрагмент 1977 года // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 148.
7. Алексеев Н. 10000 шагов / Н. Алексеев // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 103–107.
8. Алексеев Н. Речь / Н. Алексеев // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 108–109.
9. Ромашко С. Эстетика реального действия / С. Ромашко // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 139–142.
10. Кабаков И. Рассказ об акциях «Комедия», «Третий вариант», «Картины» / И. Кабаков // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 69–76.
11. Монастырский А. Предисловие / А. Монастырский // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 10–16.
12. Алексеев Н. О коллективных и индивидуальных акциях 1976–1980-х гг. / Н. Алексеев // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 113–135.
13. Монастырский А. Краткий комментарий к акциям 1976–1979 гг. / А. Монастырский // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 158–160.
14. Алексеев Н. Комментарий к краткому комментарию А. Монастырского / Н. Алексеев // Поездки за город. 1. — Вологда, 2011. — С. 161–163.
15. Общие замечания к направлению // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 145–146.
16. Монастырский А. [и др.] Комментарий (30 июля 1978) / А. Монастырский, Н. Алексеев, Н. Панитков, Г. Кизевальтер // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 152–154.
17. Кизевальтер Г. Акт восприятия как предмет изображения / Г. Кизевальтер // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 136–138.
18. Дополнительный комментарий // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 157.
19. Монастырский А. [и др.]. Предисловие к сборнику описательных текстов / А. Монастырский, Н. Алексеев, Н. Панитков, Г. Кизевальтер // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 168–173.
20. Чуйков И. Рассказ об акциях «Время действия», «Картины» / И. Чуйков // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 85–87.
21. Кабаков И. Рассказ об акции «Место действия» / И. Кабаков // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 77–81.
22. Мироненко В. Рассказ об акции «Место действия» / В. Мироненко // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 82–84.
23. Кизевальтер Г. Рассказ об акции «Г. Кизевальтеру» / Г. Кизевальтер // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 93–94.
24. Место действия. Приложение № 5. // Поездки за город. 1. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 56–62.
25. Алексеев Н. [Комментарии] / Н. Алексеев // Поездки за город. 2–3. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 119–124.
26. Кордиашвили Г. История «Коллективных действий». Повесть в двух частях с эпилогом / Г. Кордиашвили // Поездки за город. 2–3. — Вологда: Б. и., 2011. — С. 125–144.

Воронежский государственный университет
Житенев А. А., доктор филологических наук, доцент
кафедры гуманитарных наук и искусств
E-mail: superbiamail.ru

Voronezh State University
Zhitenev A. A., Doctor of Philology, Associate Professor of the
Humanities and Arts Department
E-mail: superbiamail.ru

ЦИТАТЫ И КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ И. С. НИКИТИНА В РУССКОМ ДИСКУРСЕ

Л. М. Кольцова, С. А. Чуриков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 7 марта 2019 г.

Аннотация: статья посвящена бытованию цитат и крылатых выражений И. С. Никитина в русском дискурсе. В ней представлены тематическая классификация и анализ семантики наиболее употребительных крылатых единиц поэта в современных контекстах.

Ключевые слова: И. С. Никитин, крылатые выражения, цитаты, авторская лексикография, языковое пространство.

Abstract: the article is devoted to functioning of I. S. Nikitin's quotations and winged expressions in Russian discourse. It presents a thematic classification and analysis of the semantics of the most common winged units in modern contexts.

Keywords: I. S. Nikitin, winged words, quotes, author's lexicography, linguistic space.

195-летие Ивана Саввича Никитина — прекрасный повод обратиться к творчеству воронежского поэта, который, по словам И. А. Бунина, входит в число «тех великих, кем создан своеобразный склад русской литературы, ее свежесть, ее великая в простоте художественность, ее сильный, простой язык» [1, 505–506]. Раскрыть эту «гениальную простоту» никитинского слова в своих трудах стремились многие известные (в первую очередь — воронежские) филологи, в том числе В. М. Акаткин [2], Е. П. Андреева [3], П. А. Бороздина [4], Я. И. Гудошников [4], А. И. Кретов [4], В. М. Кузнецов [5], С. Г. Лазутин [3], О. Г. Ласунский [6], В. А. Малкин [4], Л. А. Плоткин [7], С. Н. Прядкин [8], А. М. Путинцев [9], В. А. Тонков [10], Б. Т. Удодов [4]. Исследованию различных аспектов языка воронежского поэта посвящены работы А. А. Аскаченской [11], С. А. Кудряшова [12], Е. А. Кателиной [13], Е. А. Назиковой [4], В. И. Собинниковой [14], А. И. Чижик-Полейко [4], И. П. Шалиной [15] и других языковедов. Эти труды заложили надежный фундамент для дальнейших исследований творческого наследия И. С. Никитина.

Важнейшими задачами современного лингвистического никитиноведения являются описание лексического состава произведений воронежского поэта и характеристика функционирования корпуса цитат и крылатых выражения И. С. Никитина в текстах различной стилистической и жанровой принадлежности на протяжении последних полутора веков. Первая задача успешно решается в ходе работы над «Словарем языка И. С. Никитина», которая осуществляется на кафедре теоретической и прикладной лингвистики Воронежского госуниверситета под руководством А. А. Кретьова.

Изучение же никитинской «крылатики» ведется на кафедре русского языка ВГУ в рамках проекта «Крылатое слово воронежских писателей» (см. [16], [17] и др.). В настоящее время авторами данной статьи подготовлена книга «Крылатое слово И. С. Никитина. Опыт словаря» [18], которая наглядно демонстрирует, что крылатые единицы воронежского поэта присутствуют в текстах различных стилей и жанров: в произведениях художественной литературы и текстах религиозно-проповеднического стиля, в публицистических работах и научных трудах, в письмах и в разговорной речи. Такая широкая распространенность крылатых выражений И. С. Никитина в устной и письменной речи является одним из важнейших показателей большой значимости его творчества для русского языка и русской национальной культуры и свидетельством востребованности образного поэтического слова русским языковым сознанием.

Вместе с тем, несмотря на эту востребованность, цитаты и крылатые выражения И. С. Никитина весьма скромно представлены в интертекстовых словарях и описаны явно недостаточно. Так, в фундаментальном «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка» В. П. Беркова, В. М. Мокиенко и С. Г. Шулешковой [19] представлены 3 крылатых единицы И. С. Никитина. В книге С. Б. Черных «Русская поэзия: словарь цитат» [20] зафиксировано 5 цитат из произведений воронежского поэта. 10 интересующих нас крылатых единиц поместил в свой словарь «Цитаты из русской литературы: от «Слова о полку...» до наших дней» К. В. Душенко [21]. Таким образом, к настоящему времени в обобщающих русских интертекстовых словарях зафиксировано всего лишь 15 никитинских крылатых выражений и цитат. Поэтому необходимость специального лексикогра-

фического описания «крылатики» И. С. Никитина представляется очевидной.

По нашим данным, в русском языковом пространстве бытует более восьмидесяти цитат и крылатых выражений И. С. Никитина. Наиболее частотными из них являются: «Под большим шатром голубых небес» (Русь), «Это ты, моя Русь державная, моя Родина православная!» (Русь), «Ни кола, ни двора // Зипун весь пожиток» (Песня бобыля), «Богачу-дураку // И с казной не спится; // Бобыль гол как сокол // Поет-веселится» (Песня бобыля), «Ехать на ярмарку» и «Ехать с ярмарки» («Ехал на ярмарку ухарь-купец»), «Ухарь-купец» («Ехал на ярмарку ухарь-купец»), «Не читать для меня — значит не жить» (Письмо Н. И. Второву), «Я Руси сын! Здесь край моих отцов» (Юг и север) [18].

Выявленные нами крылатые единицы И. С. Никитина восходят к 41 произведению: 38 стихотворениям, поэме «Кулак», повести «Дневник семинариста» и письму Н. И. Второву (от 6 июля 1859 г.)

Самыми «крылатоёмкими» произведениями И. С. Никитина, по нашим данным, стали поэма «Кулак» (1854–1857), стихотворения «Утро» (1854–1855), «Медленно движется время...» (1857), «Песня бобыля» (1858), «Русь» (1851), «Вырыта заступом яма глубокая» (1860), «Ехал из ярмарки ухарь-купец...» (1858) и «Новый завет» (1853). На эти восемь произведений приходится более половины всех зафиксированных нами никитинских цитат и крылатых выражений — 43 единицы.

Иерархия смыслов, представленная в цитируемых высказываниях И. С. Никитина, выстраивается легко. Эти смыслы очень правдиво и точно отражают картину мира, веками создаваемую русским художественным сознанием. В центре этой картины мира — источник Жизни и основа Мироздания:

Таинственно Небес определенье,

Но их закон ненарушим и свят... (Н. Д., 1849) [22, 153]

Вопросы И. С. Никитина — за что можно «в нужде сложить голову» и «зачем ты жил?» — неизменно присутствуют в публицистических и художественных произведениях русских писателей и поэтов и приобретают особую значимость в наше время, как и вечное человеческое стремление узнать, «что истинно, что ложно?»

Для самого Никитина ответ на этот вопрос вполне ясен. Русская душа И. С. Никитина, страдающая и ищущая, обретает гармонию только в осознании своего неразрывного единства с «Русью державной» и родной русской природой. Именно поэтому выражение «Я Руси сын! Здесь край моих отцов» многократно повторено в сотнях текстов разных авторов. И. С. Никитин — выразитель идеи единства, которое создается и утверждается воображением художника, способного своим эмоциональным и умственным напряжением воплотить в точном, образном, вечном

Слове свое представление о мироздании в его многосложности и многомерности. В центре этого мироздания — «Русь могучая», о которой И. С. Никитин говорит: «Уж и есть за что, // Русь могучая, // Полюбить тебя, // Назвать матерью, // Стать за честь твою // Против недруга, // За тебя в нужде // Сложить голову!» [22, 95]. При этом Русь в стихотворениях И. С. Никитина представлена во всей полноте ее истории, необозримости ее пространств и приверженности Православию, Русской Вере, святости ее духовного бытия.

Знаменитые строки из стихотворения «Русь» давно и прочно закрепились в русской речи. Так, И. А. Бунин в знаменитом автобиографическом произведении «Жизнь Арсеньева» цитирует крылатое восклицание воронежского поэта:

А что до гордости Россией и всем русским, то её было, ещё раз говорю, даже в излишестве. И не один Ростовцев мог гордо побледнеть тогда, повторяя восклицание Никитина: «Это ты, моя Русь державная!» — или говоря про Скобелева, про Черняева, про царя-освободителя, слушая в соборе из громовых уст златовласого и златоризного диакона поминовение «благочестивейшего, самодержавнейшего, великого государя нашего Александра Александровича», — почти с ужасом прозревая вдруг, над каким действительно необъятным царством всяческих стран, племен, народов, над какими несметными богатствами земли и силами жизни, «мирного и благоденственного жития», висится русская корона [23, 64].

Завершающие строки стихотворения «Русь» избрал в качестве эпиграфа к своему роману «Осада Азова» Г. И. Мирошниченко [24, 487]:

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

И. С. Никитин

Духовную силу, непоколебимый русский дух поэт получает от единения с природой, «полной чудных сил» и освященной гением места. Поле и степь, луг и лес, ручей и облака — все явления и движения внешнего мира пробуждают в душе «надежды гордые», жажду свободы, наполняют любовью, которая выражается в обращении к миру с приветственными словами: «Здравствуй, солнце да утро веселое!»

Проиллюстрировать обращение широкого круга авторов к тематической группе никитинских цитат и крылатых выражений «Родная природа» можно следующими примерами:

Он слушал, прикрывая глаза. Потом я читал Никитина: «Под большим шатром голубых небес, вижу, даль степей расстилается...» Это было ши-

рокое и восторженное описание великого простора, великих и разнообразных богатств, сил и дел России. (И. А. Бунин. Жизнь Арсеньева) [23, 63–64].

Только пройдя нужный отрезок пути, пчела начинает искать свой душистый маяк, который ароматными пеленгами цветущей малины приведет ее к месту посадки. Ориентируясь на него, она минует все лютики и колокольчики, смолки и кокушники и безошибочно доберется до цели.

Над душистыми цветками

Вьются пчелки золотые,—

писал поэт И. Никитин.

Но мы теперь уже знаем, что пчелы могут вить-ся и над цветками совсем недушистыми, что они каким-то образом добираются и до цветков, лишенных запаха или пахнущих слабо. (Васильева Е. Н., Халифман И. А. Пчелы: повесть о биологии пчелиной семьи и победах науки о пчелах) [25, 122].

Кругом стояла божественная тишина, воздух как будто был пропитан озоном, над землей стлался туман, медленно поднималось солнце, радостно встречаемое всеми земными обитателями. Поневоле приходили стихи Ивана Никитина:

Вот и солнце встаёт, из-за пашен блестит,

За морями ночлег свой покинуло,

На поля, на луга, на макушки раки

Золотыми потоками хлынуло.

Из поймы речушек доносился свист куликов, важно вышагивающих по бережкам в поисках своего любимого кушанья, а беспокойные криквы давали команды своему быстро подрастающему выводку, не пора ли заняться повторением «домашнего» задания. (Утусиков Ю. Д. От Обских берегов до мостика «Оби») [26, 151].

Время опровергло нередко встречающееся в биографических и критических работах мнение о том, что творчество И. С. Никитина интересно исключительно историкам литературы как свидетельство о тяжелом положении русского человека в условиях крепостной зависимости и материального неустойства. Такое представление связано, на наш взгляд, с поверхностным пониманием трагичности жизни поэта, о которой он сказал: **«Жизнь невеселая, жизнь одинокая, // Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая, // Жизнь, как осенняя ночь, молчаливая, // Горько она, моя бедная, шла...»**

Безусловно, И. С. Никитин осознавал и показывал тяготы существования человека, когда **«жизнь про-падает в заботах о хлебе»**. Но работа и бремя бедности не страшат русского человека: **«Едет пахарь с сохой, едет — песню поет; // По плечу молодцу все тяжелое...»**; **«Богачу-дураку // И с казной не спится; // Бобыль гол как сокол // Поет-веселится»**. Гораздо острее и глубже переживает он одиночество и непонятость: **«Что же? усни, моя доля суровая! // Крепко закроется крышка сосновая, // Плотно сырою землею придавится, // Только**

одним человеком убавится...// Убыль его никому не больна, // Память о нем никому не нужна!...») [22, 326].

Эти чувства и мысли свойственны творческому сознанию во все времена. Поэтому они находят отклик во многих душах:

Вот мне и пришло на ум: сем-ка я перестану жить. Нельзя же мне жить и мучиться. Потому, чувствую я,— нет мне на этом свете дела. А уж по-прежнему, на себя жить, кормиться, я не могу,— сил моих нету. <...> И что же я тут вспомнила. Вспомнила я — тетрадка у меня была, офицер мне подарил, и были в этой тетрадке стихи одни: **Ах, усни, моя доля суровая! Крепко закроется крышка сосновая, плотно сырою землею придавится... Только одним человеком убавится... Убыль его никому не больна, память о нем никому не нужна...** (Эртель А. И. Офицерша) [27, 203].

Моя девушка, узнав, что я отказался от наследства, тут же вышла замуж за местного бизнесмена. Так что я теперь вольная птица, как говорил поэт: **«Ни кола, ни двора, зипун весь пожиток. Эх, живи, не тужи, умрешь — не убыток»**. Впрочем, умереть меня не заставишь. (Лозиков А. Наказание любовью) [28, 288].

— А вы знаете, как писал великий Пушкин? — спросил Оська. — **«Богачу-дураку и с казной не спится. Бобыль гол как сокол — поет, веселится»**.

— Это не Пушкин писал, — вставил Паша. — Никитин.

— Неважно, — веско бросил Оська. — Он тоже был великий.

(Кубанский Г. В. Команда осталась на судне) [29, 31].

Именно философские мысли И. С. Никитина о Родине, о Бытии, о жизни человека земной и небесной нашли свое достойное место в раздумьях его современников и потомков и обрели **крылатость**. Творчество И. С. Никитина принадлежит Вечности, о которой он размышлял постоянно и в которой бессмертный дух человека должен, по словам поэта,

Идти к совершенству,

Всегда оставаясь

Разумно-свободным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Памяти сильного человека // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т.: Т. 9. — М.: Художественная литература, 1967. — С. 502–506.

2. Акаткин В. М. Поэзия прозы (о творчестве Ивана Никитина) / В. М. Акаткин // Никитин И. С. «Мой дух сроднился с духом века»: стихотворения, поэмы, проза, избранные письма / И. С. Никитин; [вступ. ст., примеч. В. М. Акаткина; сост. Р. В. Андреева, Л. Ф. Попова]. — Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозем. края, 2009. — С. 3–30.

3. И. С. Никитин: статьи и материалы о жизни и творчестве / отв. ред. В. А. Тонков. — Воронеж: Облгизд, 1952. — 247 с.

4. И. С. Никитин: статьи и материалы: К 100-летию со дня смерти. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1962. — 308 с.
5. Кузнецов В. И. Нетленные строки: этюды об Алексее Кольцове и Иване Никитине / В. И. Кузнецов. — Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1984. — 222 с.
6. «Я Руси сын!..»: к 150-летию со дня рождения И. С. Никитина / ред.-сост. О. Г. Ласунский. — Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1974. — 226 с.
7. Плоткин Л. А. Творческий путь И. С. Никитина / Л. А. Плоткин // Никитин И. С. Сочинения. — М., 1955. — С. III–XXVIII.
8. Прядкин С. Н. К 60-летию со дня кончины И. С. Никитина / С. Н. Прядкин // «Труды Воронеж. ун-та», 1925, т. 1. — С. 359–361.
9. Путинцев А. М. Иван Саввич Никитин. (Жизнь и творчество) / А. М. Путинцев // Никитин И. С. Сочинения. Вып. 1 — М., 1955. — С. 1–26.
10. Тонков В. А. Никитин: Очерк жизни и творчества / В. А. Тонков. — М.: Просвещение, 1968. — 128 с.
11. Аскоченская А. А. Синтаксические особенности поэзии И. С. Никитина // Автореферат дис. ... канд. филол. наук / А. А. Аскоченская. — Воронеж, 1998. — 30 с.
12. Кателина Л. С. Устойчивые словосочетания, включающие эпитеты, в поэмах А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Никитина и Н. А. Некрасова / Л. С. Кателина // Материалы по русско-славянскому языкознанию. — Воронеж, 1986. — С. 79–83.
13. Кудряшов С. А. Лексика и фразеология поэм И. С. Никитина // Автореферат дис. ... кандидата филол. наук / С. А. Кудряшов. — М., 1954. — 16 с.
14. Собинникова В. И. Вопросительные предложения как средства экспрессии в поэзии И. С. Никитина / В. И. Собинникова // Язык и стиль произведений фольклора и литературы. — Воронеж, 1986. — С. 74–80
15. Шалина И. П. Имя в творчестве И. С. Никитина / И. П. Шалина // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. — Воронеж, 2011. — № 1. — С. 104–106.
16. Кольцова Л. М. Крылатое слово А. В. Кольцова. Опыт словаря / Л. М. Кольцова, С. А. Чуриков. — 2-е изд., испр. и доп., — Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2012. — 182 с.
17. Кольцова Л. М. Поэтическое слово А. В. Кольцова в русской речи / Л. М. Кольцова, С. А. Чуриков. — Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2013. — 156 с.
18. Кольцова Л. М. Крылатое слово И. С. Никитина. Опыт словаря / Л. М. Кольцова, С. А. Чуриков, М. В. Винтер. — Воронеж: ИД ВГУ, 2019. — 160 с.
19. Берков В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: в 2-х т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова / под ред. С. Г. Шулежковой. — 2-е изд., испр. и доп. — Магнитогорск-Greifswald, 2008–2009.
20. Черных С. Б. Русская поэзия: словарь цитат / С. Б. Черных. — М.: Интердиалект+, 2001. — 292 с.
21. Душенко К. В. Цитаты из русской литературы: от «Слова о полку...» до наших дней / К. В. Душенко. — М.: Эксмо, 2005. — 1105 с.
22. Никитин И. С. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1: Стихотворения / И. С. Никитин; сост. Л. А. Плоткина. — М.: Правда, 1975. — 368 с.
23. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т.: Т. 6. — М.: Художественная литература, 1966. — С. 7–288.
24. Мирошниченко Г. И. Азов; Осада Азова: романы / Г. И. Мирошниченко. — Л.: Художественная литература, 1977. — 853 с.
25. Васильева Е. Н. Пчелы: Повесть о биологии пчелиной семьи и победах науки о пчелах / Е. Н. Васильева, И. А. Халифман. — 6-е изд., доп. — М.: Мол. гвардия, 1981. — 304 с.
26. Утусиков Ю. Д. От Обских берегов до мостика «Оби» / Ю. Д. Утусиков. — М., 2012. — 288 с.
27. Эртель А. И. Офицерша // Эртель А. И. Избранное. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006. С. 186–204.
28. Лозиков А. А. Наказание любовью: очерки о поэтах и поэзии: в 3 т. Т. II. / А. А. Лозиков. — Хабаровск, 2006. — 320 с.
29. Кубанский Г. В. Команда осталась на судне / Г. В. Кубанский. — М.: Детская литература, 1978. — 207 с.

Воронежский государственный университет
Кольцова Л. М., доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка
E-mail: kolzowa@mail.ru

Чуриков С. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
E-mail: churikovsa@yandex.ru

Voronezh State University
Koltsova L. M., Doctor of philological sciences, Head of the chair of Russian language
E-mail: kolzowa@mail.ru

Churikov S. A., Associate Professor of the chair of Russian language
E-mail: churikovsa@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПОЛЕМИКА С К. СИМОНОВЫМ В СТИХОТВОРЕНИИ М. ЛУКОНИНА «ТЫ В ЭТИ ДНИ ЖИЛА ВДАЛИ...»

И. Н. Коржова

Орский колледж искусств

Поступила в редакцию 7 марта 2019 г.

Аннотация: в статье доказывается, что стихотворение М. Луконина «Ты в эти дни жила вдали...» создано как полемический отклик на стихотворение К. Симонова «Когда на выжженном плато...». Установлена ориентация на претекст на уровне рифмовки, композиции, приемов, особенностей грамматики. Спор связан с осмыслением военного опыта и вопроса о необходимости приобщения женщины к этому опыту. В ситуации полемики видится начавшееся расхождение в осмыслении войны поэтов-фронтовиков среднего и младшего поколения.

Ключевые слова: Симонов, Луконин, полемика, любовная лирика, военная поэзия, литературные поколения.

Abstract: the article proves that M. Lukonin's poem "You lived far away these days ..." was created as a polemical response to K. Simonov's poem "When on a scorched plateau ...". The pretext orientation is set at the level of rhyming, composition, imagery, grammar features. The dispute is connected with the comprehension of military experience and the question of the need to involve women in this experience. In a situation of controversy, there is a discrepancy in the understanding of the war of poets of the middle and younger generation.

Keywords: Simonov, Lukonin, controversy, love lyrics, war poetry, literary generation.

К. Симонов и М. Луконин познакомились за несколько лет до войны. Вместе играли в волейбол, вместе выступали на литературных вечерах. И неудивительно, ведь когда Луконин (1918–1976) приехал в Москву в Литинститут, обучение там заканчивал Симонов (1915–1979). Л. Аннинский так описывает знакомство поэтов: «Во дворе “дома Герцена” какие-то парни играют в волейбол. Кричат: “Нужен игрок в команду!” Луконин ставит чемодан, сбрасывает пиджак и становится к сетке. Студента, подающего мяч, он мгновенно узнает по портретам: Константин Симонов» [1, 14]. Но вот на поле литературы они выступали в составе, так сказать, разных команд. На «Вечере трех поколений» Луконин числился в младших, Симонов же, несмотря на небольшую разницу в возрасте, представлял за среднее поколение. М. О. Чудакова точно обозначает состав литературных поколений и вехи, которыми они разделяются. Симонов принадлежит к «новобранцам 1930-х годов». Это поэты 1900–1910 годов рождения. «К одним из них известность пришла уже во второй половине 1920-х (Фадеев, Заболоцкий), но большей частью они приобретали ее в начале — середине 1930-х, как Твардовский, Кедрин. <...> К этим же новобранцам попал и более молодой, но рано и бурно вошедший в печать середины 1930-х годов Симонов. Все они принадлежали к тем, кто в этой новой России жил — уже с малолетства, кто не приходил к признанию основ нового мира, а исходил из него» [2, 384]. Луконин же

принадлежит уже к следующему, «третьему поколению» (1911–1923), к группе «фронтовиков» [там же].

Как же проявились эти меты в реальной судьбе поэтов? Л. Аннинский называет М. Луконина правофланговым молодого поколения. Сумевший обратить на себя внимание стихотворениями о Финской войне, он идет на Великую Отечественную уже не в батальон, в редакцию газеты. Стихи о Финской запомнились и Симонову, неслучайно он дал герою своей пьесы «Парень из нашего города» фамилию молодого поэта. Е. Долматовский вспоминает об этом так:

Афиногенов неожиданно спросил Симонова, какая фамилия ему вообще нравится.

— Ну, скажем, если бы вы были не Симонов, какую бы вы фамилию не возражали носить?

Симонов не задумываясь ответил:

— Луконин!

Михаил Луконин был моложе нас года на три, но принадлежал почему-то к другому поколению. Впрочем, это не мы, а критики так считали. Для нас же он был славным товарищем, близким человеком. Особенно полюбил его Симонов, когда Михаил вернулся с Карельского перешейка, из лыжного батальона, возмужавший, посуровевший, замкнутый» [3, 19–20].

К. Симонов позже скажет, что стихи его и Луконина, уже к 1940 году имевших боевой опыт, сближала «схожесть взгляда на войну». В области же художественной формы Симонов даже испытал влияние младшего товарища. Так, в поэме «Далеко на Востоке» «и прозаизмы ее, и общий ритмический ход были навеяны привезенными с финской войны и написан-

ными после нее стихами Луконина» [4, 187]. Однако позже, по признанию самого Симонова, он обманул веру товарища, вернувшись в ряды «гладкописцев».

Но расстановка сил в глазах литературной и окололитературной среды оставалась все же другой. Еще один молодой фронтовик, С. Наровчатов, вспоминая Симонова, подчеркивает: «Возрастная разница у нас была несущественная, всего четыре года. Но принадлежали мы к разным поэтическим поколениям. <...> Нечего и равнять его известность и значимость с нашей. Все вместе мы бы не смогли его перевесить. Были у него и отличные достижения. Я не говорю о “Жди меня” — вся армия таскала в левых карманах гимнастерок газетные вырезки с этим стихотворением, — такие стихи, как “Убей его”, обладали огромной мобилизующей силой. Пути военной лирики открывала огоньковская книжка “С тобой и без тебя”, там были сильные вещи. <...> Со мной он держал себя примерно так, как молодой Болконский в бытность свою при кутузовском штабе с юными офицерами» [3, 44].

Дистанция с Лукониным была короче. Но литературная ситуация первых военных лет делала затруднительным творческое общение с поэтами-новобранцами. У Симонова выходят не только отдельные газетные публикации, но и книги стихов, молодому же поколению права голоса долго не было предоставлено. Именно Симонов пытался исправить ситуацию, выступив со статьей «Поговорим об отсутствующих». Но даже личное знакомство с молодыми поэтами не давало ему возможности оперативно получать их новые стихи. Так, в начале 1944 года он пишет Луконину: «Очень прошу, пришли мне последнее, что написал. Может быть, я с циклом пойду куда-нибудь в журнал и напечатаем. Во всяком случае, это будет не вредно. И потом просто хочется знать, что ты пишешь» [5, 488].

До Луконина же, очевидно, стихотворения Симонова доходили. Мы можем утверждать, что знакомство с циклом «С тобой и без тебя» состоялось у Луконина довольно быстро. Состоялось и вызвало отклик. Прежде всего, стоит упомянуть, что топос женской спасительной любви, мастерски извлеченный Симоновым из толщи народного сознания в «Жди меня», был подхвачен и Лукониным. В стихотворении «Получил письмо я...» (1942) герой повторяет обнадеживающую мысль: «Так поверила в мою звезду, / знает — жив, мне жить необходимо, / значит — мины мимо, пули — мимо» [6, 67].

Но наиболее тесное приближение к симоновскому творчеству, подтверждаемое обилием аллюзий и общностью приемов, мы обнаруживаем в стихотворении Луконина «Ты в эти дни жила вдали...» (1943). Оно стало полемическим выпадом против стихотворения Симонова «Когда на выжженном плато...» (1942), опубликованном (под заглавием «Любовь») в 1942 году трижды: 19 ноября в «Комсомольской правде», в 11-

12 номере журнала «Новый мир» и в книге «Стихотворения. 1936–1942». Думается, полемика Луконина была заострена не против личности товарища или его художественной манеры. Но Симонов затронул одну из принципиальных луконинских тем, а возможно — не просто затронул, но способствовал ее оформлению в поэтическом диалоге. Это тема необратимых трансформаций, которые происходят с душой человека на войне.

Луконин последовательно ориентируется на формальные особенности стихотворения Симонова. Полного воспроизведения размера не происходит: Симонов обращается к четырехстопному ямбу, Луконин чередует четырех- и трехстопный. Согласно исследованию В. А. Мукасей, «классический стих в творчестве Луконина уступает место неклассическому и составляет 42,0% произведений» [7, 28]. Поэтому выбор разностопного ямба можно объяснить стремлением приблизиться к объекту полемики. Сходство текстов усиливается благодаря использованию сплошных мужских клаузул обоими поэтами. Также узнаваемая симоновская манера воссоздается Лукониным за счет обращения к анафоре — фигуре, чуждой стихам самого Луконина той поры. Эти особенности с безусловной точностью указывают на объект спора.

Симонов поднимает тему единства духовного опыта сражающегося мужчины и оставшейся в тылу женщины, размышляет о возможностях сохранения внутренней связи между ними. Его стихотворение, как всегда, при умелом нагнетании эмоциональности остается композиционно четко выстроенным. Оно состоит из четырех строф. В первой утверждается благо непричастности женщины к ужасам войны: «Я думал: слава богу, что / Ты так далеко от меня» [8, 192]. Следующие, напротив, развивают мысль о необходимости для женщины разделить опыт мужчины, хотя бы в форме незримого, духовного присутствия рядом. Логику внутреннего спора подчеркивает союз «но», начинающий вторую строфу. Однако эта мысль, поданная как антитеза привычным рассуждениям, сама строится на столкновении противоположных позиций. Вторая строфа утверждает желания героя: «И я хочу, чтоб каждый день, / Чтоб каждый час и каждый бой / За мной ходила ты, как тень» [8, 192]. Лирический герой стремится к полному тождеству с героиней, что находит выражение в конструкциях с настойчивым параллелизмом: «Чтоб слеpla ты, когда я слеп, / Чтоб мерзла ты, когда я мерз, / Чтоб страхом был твоим — мой страх, / Чтоб гневом был твоим — мой гнев» [8, 192]. Заметим, Симонов перечисляет сначала физические тяжелые испытания, а затем и предельные, негативные эмоции, и все это он готов взвалить на хрупкие плечи возлюбленной. Парадокс только усиливается закланательным напором синтаксических конструкций. Третья строфа вводит еще один, внутренний,

спор и указывает на причину такого желания: герой моделирует возможный диалог с друзьями, которые заявляют свои права на сердце товарища, апеллируя к сроднившим их тяготам войны: «Чтоб не сказали мне друзья, / Все разделявшие в судьбе: / — Она вдали, а рядом — я, / Что эта женщина тебе?» [8, 192]. Четвертая строфа — ответ героя, утверждающий включенность женщины в военный опыт: она, невидимая, всегда присутствовала рядом с любимым: спасла и выходила его, разделяла испытания и дружеские посиделки. Таким образом, идея утверждается в двойном споре: с собственным изначальным мнением и со взглядом товарищей.

Стихотворение Луконина внутренне менее полемично, однако хоть и в ослабленном виде повторяет симоновскую логику «тезис» — «антитезис». Произведение состоит из трех частей, не поддержанных строфическим делением: в нем два четверостишья и большой фрагмент в 44 строки. Первая часть (полтора катрена) — некая констатация разделенности войной с упоминанием тягот разлуки: «Легко ль тебе одной!» [6, 74]. Вторая начинается наречием «теперь» и этим устанавливает новую точку отсчета, точку переосмысления разлуки. Звучит то же благословение разлуке, что у Симонова, но у Луконина оно перенесено в основную, неоспариваемую часть: «Теперь я рад, что жили мы / в разлуке эти дни. / Теперь хочу тебя просить...» [6, 74]. Характерно, что глагол «хочу» вводит основную часть и у Симонова.

Вторая часть, как и в тексте-первоисточнике, представляет оппозицию двух восприятий, здесь это светлый, не замутненный войной женский взгляд и мужской, сужающий мир до состояния вечной вражды. Отметим и общность грамматических конструкций: анафору союзы «чтоб». «Чтоб я поднялся в полный рост, / узнав из милых слов, / что нету пулеметных гнезд, — есть гнезда воробьев» [6, 75]. Система противопоставлений (только не двух точек зрения, а объективного изображения двух миров — фронта и тыла) была представлена и у Симонова, но в первой, перечеркнутой дальнейшими рассуждениями части: «Что вместо камня — там вода, / А вместо грома — кленов тень» [8, 192]. Луконин словно переставляет части стихотворения Симонова места, меняя и их пропорции.

Последняя часть «Ты в эти дни жила вдали...» — вывод, начинающийся с союза «ведь» и отмеченный новой анафорой «хвалю»: «Хвалю прощание свое, / что мы разделены, / Что мы не вместе, не вдвоем / в разлуке для войны» [6, 75]. Женщина выступает как носитель более правильного мировосприятия, она помогает осознать, что «жизнь сложнее» и «к празднику хранит любовь» [6, 75]. Таким образом, мысль Симонова о необходимости для женщин духовно пережить тяжелый военный опыт ради сохранения былого единства с любимыми оспаривается Лукониным, утверждающим, что

именно в непричастности к ужасам войны и состоит женская миссия.

Но было бы упрощением провести границу только по этому критерию, при сравнении текстов обнаруживаются и другие различия в картине мира поэтов. Прежде всего, в стихотворении Симонова выстроена сложная система противопоставлений, и более важна скорее вторая, а не первая оппозиция, из-за чего произведение Луконина в некотором смысле бьет мимо цели. Соперничают отнюдь не женщина и война, а женщина и фронтовые друзья, «все разделявшие в судьбе», а они носители не горя и беды, о которых хочет забыть герой Луконина, но тех ценностей, которые обретались на войне. Показательно использование числительных в финалах обоих текстов: «Она — ты не видал ее / Сидела третьей за столом» [8, 193] (Симонов) — «Того, что видел я один, / нам хватит на двоих» [6, 75] (Луконин). Очевидно, что противопоставление друзей и женщины разрешается не однозначным выбором, а соединением. Мышление Симонова диалектичнее и в плане признания неизбежной изменчивости, и в плане разрешения конфликта.

Более сложной является организация времени в стихотворении Симонова. У Луконина прошедшее время второй части моделирует потенциальное будущее, иногда и прямо уступая место соответствующим формам глагола:

Шалун уронит барабан,
гроза пройдет в окне,
метель пройдет по дворам —
я вспомню
о войне.
А ты догадку утаи,
так всё сумей понять,
чтоб я
взглянул
в глаза твои
и мог любить опять [6, 75].

У Симонова в одной условной конструкции словно бы находится другая. Он тоже пересказывает будущий воображаемый разговор с друзьями. Тогда он обратится к прошлому, которое, однако, еще не стало явью сейчас: «Чтоб я друзьям ответить мог: / — Да, ты не видел, как она / Лежала, съезжившись в комок...» [8, 192]. Обращаясь к термину исторической грамматики (исключительно в метафорическом ключе), можно говорить, что поэт конструирует некое преждебудущее («аналитическая форма, служащая для обозначения такого будущего действия, которое относится ко времени ранее другого будущего действия» [9, 337]). Да и появляется оно в придаточной части, имеющей сослагательный оттенок. В этой шаткой сфере желаемого преждебудущего и происходит единение героини с возлюбленным, ее приобщение к его военному опыту. Но оно осуществится, только если возлюбленная захочет разделить с героем тяготы войны.

Стихотворение Луконина прямо обращено к героине и включает форму повелительного наклонения: «Будь той же самой ты», «А ты догадку утай» [6, 75]. У Симонова такого прямого обращения нет, его герой как бы невольно представляет героине альтернативу: ведь если она не будет рядом, герой не сможет возразить на упреки друзей. «Когда на выжженном плато...» Симонова, хотя было взято Лукониным как реплика в споре, звучит вовсе не утвердительно. Это действительно позиция, но она представлена скорее как желание, мечта, неосуществленный идеал, который герой только искушает героиню. Все описанное взято в двойные скобки условных конструкций. У Луконина же произведение заканчивается прямой декларативностью в настоящем времени («хваляю...») и уверенным обращением ко времени будущему. Психологическая сложность любовных отношений, спрятанные за утвердительными интонациями сомнения и неверие нивелируются в стихотворении Луконина, которое в гораздо меньшей степени может быть отнесено к любовной лирике, ведь женщина в нем не столько субъект, сколько безличная мера «цельного и правильного».

Стихотворение «Ты в эти дни жила вдали...» имеет силу не случайного выпада, да и направлено на текст вовсе не проходной у Симонова. В принципиальности полемики убеждает учет всего контекста военного творчества поэтов. Проанализированное стихотворение Луконина создано во время боев под Прохоровкой одновременно с другим, более известным — «Приду к тебе». Напомним его знаменитую афористичную концовку: «Но лучше прийти с пустым рукавом, / чем с пустой душой» [6, 73]. Оба стихотворения были рождены, по воспоминаниям поэта, одно за другим. Л. Аннинский тонко отмечает: «“Приду к тебе” — классика: жадность к жизни, к труду, к любимой. Это зримый уровень. Есть еще незримая драма в этом стихотворении, что-то остро беспокоящее» [1, 21]. Оптимистичное решение темы еще не убеждает в легком решении ситуации, уже то, что тема поднята, говорит о страхах поэта, которые он хочет заговорить.

В лирике Симонова человек никогда не поставлен войной на грань саморазрушения. В стихотворении «Словно смотришь в бинокль перевернутый...» внутренняя ревизия, вызванная опытом войны, обещает более полное и ясное видение жизни: «Мы, пройдя

через кровь и страдания, / Снова к прошлому взглядом приблизимся. / Но на этом далеком свидании / До былой слепоты не унизимся» [8, 123].

Вместе с тем и Луконин вовсе не нивелирует военный опыт: возвращение к себе довоенному невозможно, о чем четко сказано в стихотворении «9 мая. Берлин» («Вот что случилось — // мужчинами стали мальчишки!» [6, 81]). Но женщине, очевидно, все же уготована своя миссия, ведь и «Приду к тебе» вменяет ей сохранять чистоту довоенного видения («Будь той же самой ты»), чтобы мужчина вспомнил его и совместил свой новый опыт с неизменными ценностями.

Симонов всегда сохранял рационалистическую веру в крепость человеческого сознания, и необратимые изменения у него — это всегда важный опыт. У Луконина, тоже неизменно демонстрирующего силу духа, твердый взгляд, все же есть переживания, от которых следует отрешиться, которые иррационально разъедают жизнь. И в этом различие не только личностное, но и поколенческое. Думается, полемика с Симоновым стала пробой голоса молодых поэтов-фронтовиков, попыткой оформить то видение войны, которое и станет интегрирующей чертой этого поколения в литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннинский Л. А. Михаил Луконин // Луконин М. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1985. С. 5–46.
2. Чудакова М. О. Заметки о поколениях // Чудакова М. О. Литература советского прошлого. М.: Языки русской культуры, 2001. — С. 377–392.
3. Константин Симонов в воспоминаниях современников / К. Симонов. — М.: Советский писатель, 1984. — 606 с.
4. Симонов К. Из воспоминаний / К. Симонов // Дружба народов. — 1979. № 1. — С. 151–191.
5. Симонов К. М. Сегодня и давно / К. М. Симонов. — М.: Советский писатель, 1976. — 622 с.
6. Луконин М. Стихотворения и поэмы / М. Луконин. — Л.: Советский писатель, 1985. — 544 с.
7. Мукасева В. А. Метрика М. К. Луконина в контексте поэзии военных лет и традиций В. В. Маяковского / В. А. Мукасева // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2010. — № 11. — С. 27–31.
8. Симонов К. М. Стихотворения и поэмы / К. М. Симонов. — Л.: Советский писатель, 1982. — 623 с.
9. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка / В. В. Иванов. — М.: Просвещение, 1990. — 400 с.

Орский колледж искусств

Коржова И. Н., заведующая отделом общеобразовательных, гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат филологических наук

E-mail: clean24@yandex.ru

Orsk College of arts

Korzhova I. N. PhD, Head of Department of General education, humanitarian and socio-economic disciplines, Candidate of Philology

E-mail: clean24@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ФЕНОМЕН БИЛИНГВИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ИОНА ДРУЦЭ

Е. В. Корноголуб

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 мая 2019 г.

Аннотация: в статье рассмотрены особенности проблемы рецепции и феномена билингвизма в творчестве Иона Друцэ. Исследован термин «национально-художественный билингвизм» в литературе. Художественный билингвизм, являясь важным направлением современного литературоведения, занимает особое место в формировании и развитии литературных связей, становится достоянием мировой литературы и культуры, что можно проследить на примере билингвистической деятельности И. Друцэ.

Ключевые слова: билингвизм, литературоведение, рецепция, художественная литература, Ион Друцэ, произведение, критика.

Abstract: the article describes the features of the problem of reception and the phenomenon of bilingualism in the works of Ion Druta. The term "national artistic bilingualism" has been studied in literature. Art bilingualism, being an important area of modern literary criticism, occupies a special place in the formation and development of literary connections, becomes the property of world literature and culture, which can be traced back to the example of I. Druta's bilingual activity.

Keywords: bilingualism, literary studies, reception, fiction, Ion Druta, work, criticism.

Литературное восприятие сопрягается с переосмыслением, реинтерпретацией сделанных ранее наблюдений. Лежащий в его основе коммуникативный ряд 'автор' — 'адресат', 'писатель' — 'читатель' с течением времени достраивается, включая в себя новые составляющие, в числе которых критик, литературовед, читатель молодого поколения.

Восприятие художественной литературы — работа, требующая больших усилий, которая включает в себя конкретное восприятие, обдумывание идейного содержания произведения, его эстетическую оценку и, как итог этого, изучение воздействия художественной литературы на реципиента.

Иоганн Вольфганг Гёте выявил 3 типа художественного восприятия: 1. Услаждаться красотой, не рассуждая; 2. Осуждать, не наслаждаясь; 3. Осуждать, наслаждаясь, и услаждаться, рассуждая.

Как раз те, кто способен к последнему типу художественного восприятия, по мысли Гёте, готовы освоить все достоинства художественного замысла писателя [4].

При изучении рецепции художественного текста чрезвычайно значима инациональная рецепция литературы. Ключевой фигурой в этом акте восприятия оказывается читатель. Ориентируясь на возможность такого прочтения, автор должен принимать во внимание готовность читателя к восприятию, его познания по отношению к инациональной среде.

Каждая национальная литература значима как

часть мировой литературы. Тем более важна эта мысль в период глобализации, развития средств мировой коммуникации. В то же время произведение инациональной литературы, попав в свежий контекст и став его частью, принимает участие в развитии воспринимающей литературы, вровень с произведениями, написанными внутри нее.

В современном литературоведении все чаще предметом обсуждения является двуязычие или билингвизм. Термин «национально-художественный билингвизм» в литературе встречается в следующих значениях:

- практика попеременного использования двух языков в написании художественных произведений;
- владение двумя языками в такой мере и степени, которая дает возможность переводить свои собственные произведения на другой язык;
- создание своих произведений то на одном, то на другом языке, не умаляя достоинств одного или другого, зачастую произведений разножанровых и не связанных между собой.

Среди писателей, которые думали, говорили, писали на двух языках, — А. Д. Кантемир (восточные языки), А. С. Пушкин, И. С. Тургенев (русский и французский), В. В. Набоков, И. Бродский (русский и английский), И. Друцэ (молдавский, русский).

Художественное двуязычие, или национально-художественный билингвизм, являясь стимулом для катализации литературных связей, возникает с опорой на серьезные социально-политические и исторические явления, возникающие в результа-

те коренных преобразований в общественной жизни и литературе.

Художественный текст выражает национально-культурные ценности, аккумулирует и намечает национально-культурные универсалии; в нём отражается самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, мировидение.

Таким образом, изучение / исследование текста должно сосредоточить своё внимание и на рассмотрении текста с точки зрения его национально-культурной специфики.

В художественном тексте сосредоточены и основные национально-культурные маркеры: национальные концепты, архетипы, ментальная мотивация парадигмы поведения, шкала системы ценностных доминант, способы выражения национальной картины мира и др. Художник слова осознанно, т.е. в языке и идейно-эстетическом содержании художественного произведения, или неосознанно, т.е. в подтексте, но выражает / обозначает свою принадлежность к определённой национально-культурной общности (см. [7, с. 5]).

Одна из исследовательниц творчества И. Друцэ, И. О. Цвик, справедливо полагает, что проблема текста в роли медиатора культур важна потому, что именно такое его понимание помогает увидеть заложенный в нём источник национально-культурных знаний, сведений и особенностей, расширяет возможности его исследования и изучения в аспекте межкультурной коммуникации [9, с. 126–132].

Художественный билингвизм, являясь важным направлением современного литературоведения, занимает особое место в формировании и развитии литературных связей, становится достоянием мировой литературы и культуры, что можно проследить на примере литературной работы писателя-билингва И. Друцэ. Благодаря созданию одного и того же произведения на двух языках автор заслуженно признан выдающимся представителем как молдавской, так и русской литературы. В своих произведениях И. Друцэ использует богатый материал молдавского фольклора, использует именованные предметы быта, обычаев, словосочетания, скороговорки, свойственные именно молдавскому народу. Будучи переводчиком собственных произведений, Друцэ прибегает к перифрастическим выражениям или к использованию аналогичных слов на языке перевода. Почти все книги писатель снабжает примечаниями и толковыми словарями встречающихся в текстах молдавских слов, у которых нет аналогов в русском языке.

Таким образом, помимо художественных текстов, в книгах И. Друцэ мы находим лингвострановедческие приращения, помогающие писателю доступно объяснить семантику незнакомых для русского читателя слов, чтобы точно передать атмосферу происходящего.

Билингвизм И. Друцэ прошел через несколько этапов формирования: первоначально автор переводил свои собственные тексты, затем, по мере освоения писателем художественных возможностей русского языка, ряд произведений был создан уже непосредственно по-русски. В результате из-под пера автора выходят два полноценных, равноправных варианта его произведения, причем переводы на европейские языки осуществляются как раз с русского варианта.

Русский мир стал для молдавского писателя тем «всемирным», что дало начало новым произведениям, ценным для обеих культур.

В литературоведении, помимо термина билингвизм, бытует выражение «рускоориентированность», обозначающее вовлеченность человека в определённое культурное поле, также применимое к творчеству И. Друцэ. Произведения И. Друцэ сделали писателя популярным благодаря своему мощному духовному началу. В России знали и читали его романы «Бремя нашей доброты», «Листья грусти», «Колокольня», «Белая церковь», драмы: «Каса маре», «Птицы нашей молодости», «Дойна». В свою очередь, Друцэ откликался в своих произведениях на творчество Л. Толстого, А. Чехова, М. Шолохова и др.

Продуктивными направлениями исследования творчества Друцэ в аспекте билингвизма могут стать изучение переводов текстов писателя на иностранные языки; вступлений и послесловий к публикациям, вышедшим за рубежом; откликов в массмедиа профессиональных читателей (писателей, поэтов, литературоведов и др.), докладов иностранных членов интернациональных конференций, литературоведческих исследований (научных статей, диссертаций, монографий).

Среди возможных направлений исследования писателя-билингва следует отметить выявление лингвокультурем и, в этой связи, формирование на литературном материале лингвокультурологических тем для изучения иноязычной (в данном случае молдавской) культуры (термин введён В. В. Воробьёвым [1, с. 257]). Лингвокультурема — «особая единица, включающая сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла)» [3, с. 100]. Под лингвокультурологической темой понимается однородный по содержанию методический материал, который формирует у разновозрастных представителей другой культуры понимание исследуемой культуры [8, с. 159–170].

Ни один из исследователей творчества И. Друцэ не мог пройти мимо задачи осмысления его произведений в аспекте билингвизма. В этой связи необходимо обратить внимание на написанную ещё в советский период работу А. Г. Черновой, которая отмечает, что «в нашей стране свободное владение русским языком как языком межнационального общения наряду с языком своей национальности получило широкое распространение» [10, с. 1]. Значимой

исследовательской задачей она называет изучение авторских переводов, отмечая, что его необходимо «вести в контексте всех проблем творчества на двух языках» [10, с. 2], проводя «сопоставительный анализ оригиналов его произведений с авторскими и авторизованными переводами» [10, с. 3].

Л. В. Шорина, анализируя в своей работе синтез эпических и драматургических форм в творчестве Друцэ, отмечает в его литературной работе контексты произведений Гоголя, Горького, Бунина, Булгакова [11, с. 12].

Нельзя не согласиться с высказыванием А. Г. Черновой: «Пишущий на русском языке национальный писатель участвует в обогащении двух культур» [10, с. 8].

Итак, суммируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что художественный текст должен рассматриваться как национально-культурный феномен. Он демонстрирует заключенную в нем «модель мира» конкретной национальной культуры [2, с. 44]. Творчество Друцэ дает богатейший материал для исследования в заявленном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология / В. В. Воробьев. — М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2008. — 332 с. — с. 257.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. — М., 1988.
3. Дигина О. Л. Методика преподавания русского языка как иностранного / О. Л. Дигина. — Южно-Уральский гос. университет, 2015. Ибрагимов М. И. «Читатель» в компаративистике: проблемы и аспекты изучения // Русская

и сопоставительная филология. — Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. — С. 199–205.

4. Левакин Н. Н. Художественная рецепция как литературоведческое понятие (к вопросу понимания термина) / Н. Н. Левакин // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. — № 27. — С. 308–310. — Электронный ресурс. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-retsepsiya-kak>

5. Левин Ю. Восприятие творчества ионациональных писателей / Ю. Левин // Историко-литературный процесс. Проблемы и методы изучения. Л.: Наука, 1974. С. 237–273.

6. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста: Избр. ст. / Ю. М. Лотман. — Таллинн, 1992.

7. Токарева И. Ю. Распределение лингвокультурологических приращений в школьном курсе русского языка / И. Ю. Токарева // О России по-русски: образование, история и культура: Сб. материалов по итогам конгрессно-выставочных мероприятий (Молдова, г. Кишинёв, 20–21 октября 2017 г.). — Тула: ТППО, 2017. — 177 с. — с. 159–170.

8. Цвик И. О. Изучение русской литературы в контексте национально-культурного дискурса / И. Цвик // Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры» (Гранада (Испания), 13–20 сент. 2015). — СПб, 2015. — С. 126–132.

9. Чернова А. Г. Лингвистические особенности передачи художественной речи с молдавского на русский язык (авторские переводы Иона Друцэ): Автореф. ... к.ф.н. / А. Г. Чернова. — Кишинев, 1988. — 16 с.

10. Шорина Л. В. Друцэ и театр (проблемы поэтики) / Л. В. Шорина. — Кишинев: Штиинца, 1991.

*Воронежский государственный университет
Корноглуб Е. В., аспирант кафедры русской литературы
XX и XXI веков, теории литературы и фольклора
E-mail: lenutacuciuc@mail.ru*

*Voronezh State University
Kornogolub E. V., Postgraduate Student of the Department of
Russian Literature of the XX and XXI centuries, theory of literature
and folklore
E-mail: lenutacuciuc@mail.ru*

МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ В ПРОСТРАНСТВЕ СНОВИДЕНИЙ: РАССКАЗЫ Л. ТОЛСТОГО «СОН» И «АЛЬБЕРТ»

Н. И. Кухтина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 мая 2019 г.

Аннотация: в статье исследуется связь сновидения с «женским мифом» Л. Толстого. В сновидениях героев писателя, отражающих ключевые моменты духовного поиска и личностного развития, встреча с женским началом, соотносимым с образами матери и Богородицы, становится необходимым условием обретения истины.

Ключевые слова: Л. Толстой, «Сон», «Альберт», сон, сновидение.

Abstract: the article explores the relationship of a dream with the «female myth» of L. Tolstoy. In the dreams of the writer's characters, reflecting the key moments of spiritual search and personal development, the meeting with the female beginning, correlated with the images of the mother and the Virgin, becomes a necessary condition for finding the truth.

Keywords: L. Tolstoy, «Dream», «Albert», dream, dreaming.

Сновидение в художественном мире Толстого служит отражением внутреннего мира персонажа, его устремлений и духовных исканий, становясь вместе с тем одним из ярчайших средств художественного воплощения религиозно-философской концепции автора. Такие сны, символически представляющие образ мира, в котором герою предстоит обрести свое место, отличают творчество зрелого писателя, однако уже в ранний период Толстой обращается к сновидению подобного рода. Такое сновидение мы обнаруживаем в раннем произведении Л. Н. Толстого «Сон», где в наиболее концентрированном виде выражена связь сновидения с «женским мифом» писателя.

Основой замысла послужил сон, рассказанный братом писателя Николаем Николаевичем. Подтверждение тому находим в дневнике Толстого 1857 года: «Писал Николенькин сон. Никто не согласен, а я знаю, что хорошо!» [1; 21; 195]. В 1863 году после внесения некоторых изменений «Сон» отправлен в редакцию газеты «День», издававшейся И. С. Аксаковым, но был встречен отказом: «Этот “Сон” слишком загадочен для публики, его содержание слишком неопределенно» [2; 7; 362]. Содержание «Сна», показавшееся Аксакову «неопределенным», таково: герой, стоя на «белом, колеблющемся возвышении», обращается к огромной толпе с вдохновенной речью [2; 7; 117]. Но его восторг мгновенно уступает место чувству стыда, как только появляется таинственная женщина, молчаливо воспрещающая герою продолжать его самозабвенную речь. «Сон» в свернутом виде представляет путь духовного саморазвития личности, а образ таинственной в своей молчаливой естественной простоте женщины «становится <...> личным мифом» писателя [3; 46].

Значимы пространственные характеристики сновидения, выявляющие исключительность положения героя: он стоит на «возвышении»; в первой редакции — «высоко, выше всех людей» [2; 7; 118]. Таковы пространственные координаты мира, в котором первоначально существует сновидец, в своей гордыне возвысившийся над всеми. Но исключительность эта мнимая: неустойчивость, зыбкость его положения подчеркнута в тексте: «колеблющееся возвышение», «я стоял, колеблясь» [2; 7; 117]. Герой упоен звуками собственного голоса и ослеплен осознанием своего избранничества: «Я ничего не видал, но чувствовал, что вокруг меня толпились незнакомые мне люди и все мои братья»; «Глаза мои не видели, но все глаза смотрели на меня» [2; 7; 117]. Отражая комплекс чувств героя, преобразуется образная ткань сновидения, наделяя сновидца исключительной силой, поднимая до уровня титана: «Когда я говорил, <...> по всему лесу пробегал ветер. <...> Когда я замолкал, море дышало. И море, и лес была толпа» [2; 7; 117]. Логика сновидения изобличает ложную природу такого величия. Фантастическая власть героя над толпой имеет и обратную сторону: «Я бы не мог устоять, ежели бы они не держали меня своими взглядами. <...> Они двигали мною, <...> как я двигал ими» [2; 7; 117]. Герой в той же мере находится во власти толпы, сколь и повелевает ею. В первой редакции отрицательные характеристики такого взаимодействия даны непосредственно: «Безумный восторг, горевший во мне, давал мне власть <...> Но временность и восторженность моего положения внутренне смущали меня» [2; 7; 118]. Во второй редакции Толстой уходит от прямых характеристик в сторону большей метафоричности и обобщенности, что придает сновидению притчевый характер.

Ослепление властью, опьянение восторгом, гордыня мешают герою разглядеть окружающих его людей, которые «все < его > братья». Герой не прислушивается к указывающему на его заблуждение голосу «внутреннего человека», причастного нравственной истине: «Один только голос во мне говорил: страшно!» [2; 7; 117]. Такой путь гибели, это подчеркнуто в тексте «Сна»: «Возвышение, на котором я стоял, колеблясь, поднимало меня все выше и выше. Еще немного, и все бы кончилось» [2; 7; 117]. Спасительным оказывается соприкосновение с женским началом, обладающим изначальной способностью видеть истину. В первой редакции внезапное появление таинственной женщины наделяет ее атрибутами Божественного: «Но вдруг среди восхитенной мною толпы <...> я почувствовал <...> неясную, но спокойную силу, настоятельно разрушающую мое очарование и требующую к себе внимания. <...> Я невольно оглянулся» [2; 7; 119]. Характерно это «вдруг», подготавливающее сюжетный поворот сновидения, указывая на сновидческое прозрение. Во второй редакции заостряется внимание на свойствах взгляда женщины из сна: «Я почувствовал чужой, свободный взгляд. <...> Я должен был оглянуться» [2; 7; 117]. Под воздействием этого «свободного» взгляда ослепленный и скованный своей мнимой властью герой обретает способность видеть: «Я увидел женщину, мне стало стыдно, и я остановился» [2; 7; 117].

Этот отрывок перекликается с аллегорическим сном героя «Путешествия из Петербурга в Москву». Герой А. Н. Радищева, во сне ставший правителем, окружен подобострастными придворными, опутан лживыми речами, ослеплен сиянием собственной славы и власти. Прозрение героя обусловлено встречей с Истиной, воплощенной в образе женщины, наделенной «говорящим» именем: странница Прямовзора снимает бельма с глаз монарха, буквально открывая тому глаза на бедственное положение народа.

Доминирующим в сновидении героя Толстого является чувство стыда — нравственный компас, указывающий на признание ошибочности избранного пути и осознание возможности измениться. «Чувства вины и стыда, по убеждению Толстого, даны человеку от рождения. Чувства эти могут ослабевать <...>, но они не исчезают бесследно, а переходят в область подсознания и таятся там до тех пор, пока те или иные обстоятельства не призвуют их к жизни» [4; 33]. «Обстоятельством», «призывающим к жизни» целительное чувство стыда, становится появление женщины в сновидении. Миф о собственном избранничестве рушится при соприкосновении с «женским мифом»: «Мне стало очень стыдно, я хотел опять колебаться и говорить, но слов не было. Я не мог обманывать себя» [2; 7; 117]. Так подготавливается духовное прозрение героя сновидения.

Таинственную женщину из сна отличает исключительное спокойствие и цельность, она олицетво-

ряет изначальное знание о мире, гармонию, к которой человек тянется всем существом: «Женщина спокойно пошла по середине толпы и не соединялась с нею. <...> Я не знал, кто она была, но в ней было все, что любят, и к ней сладко и больно тянула непреодолимая сила»; «Она была полна счастья. Ей никого не нужно было, и по этому я чувствовал, что без нее нельзя жить» [2; 7; 118]. «Этот образ становится каким-то личным мифом, его спасающим и карающим божеством» [3; 46]. ореол божественности подкреплен подчеркнутым отсутствием конкретных характеристик ее облика. В первой редакции находим: «В толпе, но не соединяясь с толпой, стояла женщина в простом уборе. Не помню ее одежды, не помню цвета ее глаз и волос, не знаю, была ли она молода и прекрасна; но я обрадовался, увидав ее» [2; 7; 119]. Из второй редакции исчезают даже такие неопределенные черты внешнего облика женщины, исключаются все свойства, которые могли бы указывать на ее земную природу. Внимание сосредоточено на ее взгляде, в котором заключена божественная сила: «Я смутно видел очертанья ее лица; но спокойный взгляд ее остался во мне. В ее взгляде была кроткая насмешка и чуть заметное сожаление. Она ничего не понимала из того, что я говорил, и не жалела о том, что не понимает, а жалела обо мне» [2; 7; 118]. Жалость и любовь, заключенные в этом взгляде, а также слезы, внимание на которых акцентировано в первой редакции, придает женщине из «Сна» сходство с Богородицей: «Я только на мгновение застал на себе ее ясные глаза, на которых готовились слезы. Во взгляде ее была жалость и любовь, на устах была легкая улыбка. В этом мгновенном взгляде я все прочел, и все мне стало ясно» [2; 7; 119]. Такое сближение не случайно, поскольку с образом Богородицы соотносится у Толстого образ матери, олицетворяющий любовь и святость. «Отношение к этому <...> идеалу <...> молитвенно» [3; 46]. Этим объясняется и подчеркнутая неконкретность облика женщины из «Сна».

Автопсихологичность «Сна» заставляет размышлять о том месте, которое женщина и связанный с нею миф занимают в произведениях писателя 1850 — начала 1860-х годов. Вписывая «Сон» в пространство раннего творчества писателя, К. А. Нагина отмечает, что «женщина, которую способны любить герои Толстого, <...> идеальна, и с высоты этой идеальности она жалеет мужчину <...>. В «Юности» и «Утре помещика» такая женщина является пока что плодом воображения героя, который через эротические переживания движется к идеалу «добра и красоты», восходя к томлению по Божественному. В «Двух гусаках» этот идеал воплощается в Лизе <...> В «Казках» — в Марьяне <...> Героиня «Семейного счастья» идеальна в начале повествования [5; 272–273].

Соприкосновение с женским началом становится отправной точкой путешествия автореферентных героев Толстого «к себе». Так и сновидец стоит

на пороге открытия истины, о чем свидетельствует являющееся мерилем духовного роста чувство стыда, разрешающееся в слезах: «Я <...> плакал о прошедшем, невозвратимом счастье, о невозможности будущего счастья, о чужом счастье... Но в слезах этих было и счастье настоящего...» [2; 7; 118]. В первой редакции: «Слезы эти были мне слаще прежних восторгов» [2; 7; 119].

Особую роль в ряду ранних произведений писателя играет повесть 1858 года «Альберт», заключительная сцена которой отсылает к «Сну». Близость настроений, повторяющиеся мотивы, обращение к «женскому мифу» в обоих произведениях говорят о том, что оба текста отражают глубинные переживания Толстого-художника. В видениях Альберта на грани сна и галлюцинации встречаем образ героя на «возвышении», лишенном устойчивости: музыка «поднимает избранника на такую высоту, на которой голова кружится и трудно удержаться», «на возвышенном стоял <...> Альберт и <...> играл на скрипке» [1; 3; 56]. Скрипка сделана из стекла и способна издавать звуки удивительной нежности и красоты. Играть на ней можно, лишь бережно прижимая к груди: так музыка льется из души Альберта, чистой и хрупкой. Но и в видении Альберта наступает мгновение ослепления гордыней: «Несмотря на то, что в зале никого не было, Альберт выпрямил грудь и, гордо подняв голову, стоял на возвышенном так, чтобы все могли его видеть» [1; 3; 57]. Сновидческое прозрение героя обусловлено внезапной встречей с женским началом, воплощенном в этом произведении в образе возлюбленной из воспоминаний Альберта: «Вдруг чья-то рука слегка дотронулась до его плеча; он обернулся и в полусвете увидел женщину»; «Она была та, <...> которую он любил <...> Она взяла его за руку и повела вон из залы» [1; 3; 57]. Под воздействием взгляда женщины отступает помрачение души, уступая место исцеляющему чувству стыда: «Она печально смотрела на него и отрицательно покачала головой. <...> Ему стало стыдно за себя» [1; 3; 57]. И слезы очищения, как в финале «Сна»: «Он чувствовал, что то невыразимое счастье, которым он наслаждался в настоящую минуту, прошло и никогда не воротится. “О чем же я плачу?” — спросил он у нее» [1; 3; 57].

«Сон», обнаруживающий связь сновидения с «женским мифом», представляет универсальную схему движения от упоения собственным избранничеством, губительного опьянения мнимой властью к исцеляющему и очищающему душу чувству стыда и христианского смирения. И особую роль в этом процессе играет женщина.

Своеобразие толстовского «женского мифа» наиболее ярко проявляется в сопоставлении с творчеством других русских классиков XIX века, И. А. Гончарова и И. С. Тургенева. «Женский миф» Гончарова и Тургенева характеризуется амбивалентными чертами, выявляющими «архетипическое представление

о двойственности женской натуры» [6; 115]. Облик женщины, выступающей персонификацией жизни, наделяется характеристиками, подчас ассоциирующимися с миром потусторонним. Так, в «Обрыве», где наиболее полно реализуется «женский миф» Гончарова, доминирует «русалочья метафорика» [6; 115], у Тургенева также обнаруживается «триада русалки-изваяние-змея» [6; 123]. И хотя внимание, как и в образе таинственной женщины из «Сна», акцентируется на описании взгляда, свойства его абсолютно иные: обманный «русалочий» взор, который «прозрачен настолько, что в нем ничего невозможно прочесть, и стеклянен, то есть лишен <...> игры и жизни», отличает героинь Гончарова, тогда как волшебный взгляд героини Толстого извлекает от губительного помрачения души и открывает истину [6; 115].

Сквозь облик героинь Тургенева проступает Неведомое, непроницаемое и враждебное человеку, а женское начало в творчестве Толстого соотносится с Божественным, молитвенным идеалом. Для Тургенева и Гончарова «женская душа <...> — нечто сразу и очаровывающее, и пугающее, и всегда ускользающе-загадочное», а в восприятии Толстого женское начало соотносимо с материнским, с образом Богородицы, возвышенным и чистым [6; 134]. Спокойствие, гармоничность, божественная полнота счастья и «любовное сожаление», присущие женщине из «Сна», становятся ключевыми характеристиками причастных «женскому мифу» героинь последующих произведений Толстого. И не случайно женское начало, служащее проводником истины, появляется в сновидениях героев: сон, являясь специфическим способом познания и самопознания, помогает разрешить стоящие перед сновидцем проблемы обретения своего места в мире через преодоление границ собственного «я». Проводником в мир, где каждое существо является неотделимой частью целого, является женщина. Так, в полусне-грезе Нехлюдова, героя «Утра помещика», представляется ему «русская головка его будущей жены» [1; 2; 370]; воспоминание о сестре возникает в сознании Николая Ростова, которого непреодолимо клонит «молодой детский сон»: «Наташа, сестра, черные глаза» [1; 4; 336]; в бреду князю Болконскому является Наташа, как «новый белый сфинкс», как ключ от тайны мироздания [1; 6; 400]; отсюда и метаморфоза во сне Нехлюдова, когда «немец-управляющий <...> сделался Масловой», а звучащие в сновидении слова Катюши становятся ориентиром для дальнейшего движения героя на пути к нравственному преображению, «воскресению» [1; 13; 221].

Женщина воплощает любовь, благодаря которой автореферентный герой Толстого способен ощутить свою причастность к общей жизни. С нею же связывается ощущение чего-то «прекрасного и благого», которое играет особую роль в процессе познания и самопознания персонажа, «трансформирующегося

в молитвенную медитацию» [7; 216]. А сновидения, в творчестве раннего Толстого призванные зафиксировать моменты открытия истины, как раз и обнаруживают взаимосвязь с «женским мифом» писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22-х томах / Л. Н. Толстой. — М.: Худ. лит., 1978–1985.
2. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах / Л. Н. Толстой. — М.: Худ. лит., 1928–1959.
3. Берман Б. И. Сокровенный Толстой: религиозные видения и прозрения художественного творчества Льва Николаевича / Б. И. Берман. — М.: Гендальф, 1992. — 207 с.
4. Ремизов В. Б. Роман Л. Н. Толстого «Воскресение»: концепция жизни и форма ее воплощения / В. Б. Ремизов — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1986. — 163 с.
5. Нагина К. А. Жалость и соблазн: Пастернак versus Толстой / К. А. Нагина // Характерологические стратегии в русской литературе. — Воронеж, 2013. — С. 265–292.
6. Фаустов А. А. «Женский миф» // Фаустов А. А., Савинков С. В. Очерки по характерологии русской литературы: Середина XIX века. — Воронеж: Изд-во Воронежского педагогического ун-та, 1998. — С. 115–134.
7. Нагина К. А. Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л. Толстого / К. А. Нагина. — Воронеж: Научная книга, 2012. — 443 с.

*Воронежский государственный университет
Кухтина Н. И., филологический факультет
E-mail: kukhtina_n@phil.vsu.ru*

*Voronezh State University
Kukhtina N. I., Philological Faculty
E-mail: kukhtina_n@phil.vsu.ru*

ТЕМАТИКА РАССКАЗОВ-ИСТОРИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Н. А. Лемяскина

Институт развития образования

Поступила в редакцию 10 февраля 2019 г.

Аннотация: целью данного исследования является изучение использования младшими школьниками (с 1 по 4 класс) различных речевых жанров, а именно рассказов-историй, выявляется приоритетная тематика рассказов, которая проиллюстрирована практическими примерами речи детей.

Ключевые слова: младший школьник, рассказы-истории, жанры речи.

Abstract: the purpose of this study is to study the use of younger students (from 1 to 4 class) of various speech genres, namely stories, stories, identified priority themes of stories, which is illustrated by practical examples of children's speech.

Keywords: junior high school student, stories, speech genres.

Проводимое нами исследование использования младшими школьниками различных текстов в общении с окружающими (как взрослыми, так и сверстниками) показывает, что дети с приходом в школу (с 1 по 4 класс) активно осваивают монологическую речь, постепенно овладевая различными речевыми жанрами.

Исследование 2019 года (опрос 287 детей, а также наблюдения и беседы с детьми) показывает, что, по сравнению с нашими более ранними исследованиями [1, с. 118–129], дети (1–4 классов) предпочитают больше слушать (1 класс — 64%, 2 класс — 87%, 3 класс — 100%, 4 класс — 68%), чем рассказывать истории (1 класс — 50%, 2 класс — 58%, 3 класс — 61%, 4 класс — 47%). Произошли некоторые изменения и в тематике рассказов-историй, вернее, в их ранжировании по актуальности. В общении с окружающими младший школьник предпочитает говорить о животных (1 класс — 41%, 2 класс — 54%, 3 класс — 28%, 4 класс — 31%), что было востребовано и ранее; рассказывать смешные (1 класс — 14%, 2 класс — 54%, 3 класс — 71%, 4 класс — 63%) и «страшные» истории (1 класс — 27%, 2 класс — 48%, 3 класс — 10%, 4 класс — 50%), делиться впечатлениями об отдыхе, путешествиях (2 класс — 20%, 4 класс — 20%); о природе, дружбе, друзьях (2 класс — 10%), о школе, учебе (3 класс — 28%), о природе и мире (2, 4 класс), появляется интерес к фэнтези (3–4 класс). Следует отметить, что рассказы о школе занимают значительное место в первую очередь в общении учащихся 3 класса. Приведем примеры рассказов-историй детей в соответствии с предпочитаемой тематикой.

О животных

Однажды / сделала я хомяку дом / когда он был маленький // Он вырос / и стал вылезать из аквариума / встает на дом / и вылезает // Однажды проснулась я утром / потормошила дом с хомяком

/ хомяка нет / пошла в школу // Пришла со школы / мама пошла / выбрасывать мусор / смотрит / пакет упал / достала ведро / смотрит / хомяк сидит / в мусорном ведре (Катя Г., 2 класс)

Однажды мы ночевали в деревне // У нас там живет собака Кузя // Наутро мы проснулись / а нашей обуви нет // Кузя раскидал / нашу обувь по всему двору // Мы долго ходили и искали // В другой раз / Кузя утащил у меня ролики // Теперь мы от него / все прячем // Но все равно / я очень люблю Кузю (Светлана М., 3 класс)

Смешные истории

Моя кошка по имени Симона / лежит / одни лапы в одну сторону / а другие лапы / в другую // И еще бегают / как лошадь / и любит бегать / за лазерной указкой / а если лазерную указку направлять на стену / то она лапами / по стене / пытается ловить красную точку (Ольга П. 1 класс)

Однажды моя кошка / ее зовут Лариса / как раз бежала // Мы говорили / что она бешеная // Ну так вот / разбежалась и как тыдыщ / лбом об дверь // А еще / мы с ней играем в прятки / в догонялки // И один раз / когда мы с ней играли в прятки / я спряталась на балконе / она идет / смотрит по сторонам / и учуяла запах // И нашла / и в мою сторону / смотрит / а я от неожиданности / чуть не упала (Анна С., 2 класс).

Каждое утро мне не хотелось вставать в школу // Но однажды я решил взять себя в руки // Я проснулся раньше / вышел из дома / подхожу к школе // Двери закрыты / никого нет / пошел домой / оказалось / что сегодня суббота (Александр В., 3 класс)

У меня есть кот // Он очень любопытный // Один раз / под Новый год / он решил понюхать елку // Елка чуть не упала на меня // (Антон В. 4 класс)

«Страшные» истории

Человек не подозревал / что за ним охотился слэн-дермен // И человек зашел в дом / он увидел фонарь

// И человек увидел слэндермэна // и человек пропал (Сергей Л., 1 класс)

Моя подружка / ее зовут Маринка / рассказала мне страшный рассказ / про привидения // Было уже поздно / она рассказала историю / и я пошла домой // Легла спать / заходит бабушка / я как заорю от страха / бабушка чуть не упала на коврик // Бабушка сказала // Что случилось // Я сказала / Ничего // И мы легли спать (Даша М., 2 класс)

Путешествия

Окончив первый класс / мы всей семьей / решили это отметить / поездкой / в Санкт-Петербург // Это / очень красивый город / один из лучших в мире // в нем много замечательных мест / и достопримечательностей // Например / мы были в Русском музее // Там / мне больше всего / запомнились / залы с картинами // Еще понравилась скульптура / Екатерины // В залах древнерусского искусства / мы видели / старинные иконы // Были на выставке / народного творчества / увидели предметы из быта предков // Раньше я никогда не был в музее / эта поездка мне очень понравилась (Илья П., 4 класс)

О природе

У нас есть дача / и у нас есть большой огород / и красивый сад // В огороде / много полезных овощей // А в саду / много вкусных фруктов // Но больше всего мне нравится арбуз // На участке у нас зеленая травка // На лугу много козачков / и еще большой пруд // Я так люблю бывать на нашей даче (Светлана О., 3 класс)

О друзьях

Моя подруга зовут Ксюша / Она красивая / добрая и умная // Ксюша любит сладости // Помогает бабушке / сестре и маме // Мы очень любим гулять // У нее есть питомец / Молли / а еще сестра Полина / и мама Оксана / Я свою подругу / очень люблю (Настя Б., 3 класс).

О мире

Я хочу / чтоб весь мир жил дружно // чтоб был мир на земле // Когда нет войны / все дружат / как одно целое (Оксана Г., 2 класс)

О фэнтези

В фэнтези ты попадаешь в волшебный мир / у тебя волшебная сила / и ты можешь сделать / что хочешь (Артемий К., 3 класс)

Я читала фэнтези / Таня Гроттер // Таня попала в разные сложные ситуации / и ей все помогли // Она о всех заботилась // Это добрая книга (Ксения М., 3 класс)

Фэнтези // это неземные существа / они ведут борьбу / и добро всегда побеждает зло // Главный герой может превратиться / в кого угодно / и всех

победить (Полина Н., 4 класс)

Мне книга понравилась / про Гарри Поттера / тем / что Гарри Поттер / всегда попадает в какие-то трудности / и / но друзья оттуда выручают / и он борется со злом / и всегда выигрывает // (Миша Р., 3 класс)

Дети (1–4 класса) не отметили в качестве популярной тему «семья», однако наши наблюдения показывают, что данная тематика востребована в общении как со сверстниками, так и с взрослыми. О семье и о близких людях дети с удовольствием рассказывают.

Моя бабушку зовут Эвелина / ей шестьдесят семь лет // Она / очень вкусно готовит пирожки // В свободное время / мы с ней / идем в лес / собирать цветы // Моей бабушке / очень нравятся цветы / розы // Я бабушку свою очень люблю (Мария В., 2 класс)

Мой папа / работает на рынке // У него любимый цвет / синий и красный // Он любит / пить сладкое шампанское // Он пухленький // У него любимое блюдо / жаркое с мясом (Артем П., 3 класс)

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что происходят изменения в тематике рассказов детей. Тематика историй определяется в первую очередь коммуникативными потребностями и интересами младших школьников (животные, природа, друзья, путешествия, отдых), на второй план «уходят» рассказы о школе, учебе, рассказы о семье остаются важными, но появляется новое в тематике — рассказы о фэнтези.

В фэнтези представлена фантастическая картина мира, авторы опираются на сказочно-мифологическую основу. Они характеризуются наличием волшебных сил и тем, что не какой-то богатырь, а маленький герой может победить зло, в принципе такой же, как сами дети [2]. Фэнтези привлекает детей, на наш взгляд, именно близостью к сказкам. Дети характеризуют фэнтези следующим образом: «это книги, в которых рассказывается про невозможное» (Витя, 3 класс), в которых герой «борется со злом, и всегда выигрывает» (Миша, 3 класс).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лемяскина Н. А. Языковая личность и коммуникативное сознание (на примере речевого поведения младшего школьника) / Н. А. Лемяскина. — Воронеж, Изд-во ВГУ, 2004. — 330 с.

2. Дымова А. Н. Фэнтези как литературный жанр в младших классах. Опубликовано 28.11.2016–20:35 <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/chtenie/2016/11/28/fentezi-kak-literaturnyy-zhanr-v-mladshih-klassah> время обращения 10.02.2019 в 17.45

ГРАФИЧЕСКИЙ ОБЛИК СЛОВА: СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ДЕВИАЦИИ В ПИСЬМЕ ДЕТЕЙ

О. С. Сальникова

Череповецкий государственный университет

Поступила в редакцию 12 декабря 2018 г.

Аннотация: в статье представлены графические особенности письма детей дошкольного возраста и учеников 1-го класса. Акцент сделан на анализе специфических девиаций. В качестве материала для исследования использованы данные экспериментов и наблюдений за письмом детей.

Ключевые слова: письмо детей, графика, девиация.

Abstract: the article presents graphic characteristics of writing of children of preschool age and pupils of elementary school. Emphasis is placed on the analysis of specific deviations. As material for the study used data from the experiments and observations for writing of children.

Keywords: writing of children, graphics, deviation.

Развитие письменной речи представляет собой «процессы развития, движения вперед и зарождения новых форм вместе с процессами свертывания, отмирания, обратного развития старых» [1, 209]. Л. С. Выготский подчеркивает сложности овладения письменной речью как «сложной символической системой знаков» [1].

Цель данной статьи — рассмотреть графические особенности письма детей дошкольного возраста и учеников 1-го класса, а именно специфические девиации.

Материалом для анализа выступают данные, полученные в ходе экспериментов и наблюдения за письмом детей 4–7 лет. Общее количество респондентов — 195.

В ходе проведенных экспериментов нам встретились специфические девиации в письме детей (термин А. Р. Лурии, А. Н. Корнева, И. Н. Садовниковой). Полученные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

Специфические девиации в письме детей дошкольного и младшего школьного возраста

Тип девиации	4–5 лет примеры	%	6–7 лет примеры	%	7 лет (1-й класс) примеры	5%
Перестановка звуков	жиаре (жираф) (Катя Р. 4.6), актя (Катя) (Ксюша К., 5)	50	хлпе (хлеб) (Витя Р., 6), изаниз (из-за них) (Даша Ф., 6.9), вокл (волк) (Ваня В., 6.6)	40	первыесеньбря (первое сентября) (Кристина Д., 7.2), мнепарнаравспсать (мне понравилось) (Кристина Д., 7.2), елна (Лена) (Леша Ш., 7.2)	37
Персеверации	поздравляю (поздравляю) (Катя Р. 4.6), белеет (билет) (повторение ударного звука) (Рома Т., 5.1) (Рома Т., 5.1)	20	катклись (катались) (Даша Ф., 6.10), кошкак (кошка) (Влад А., 6.3)	30	люблю бл четать (люблю читать) (Леша Г., 7.1), в шлв (в школу) (Миша Д., 7.1)	15
Слоговые элизии	стра (сестра) (Слава В. 4.7), палю (поздравляю) (Катя Г., 4.6)	80	душку (дедушку) (Аня М., 7; умеет читать), познокоми (познакомилась) (Саша П., 7), толст (толстый) (Оля С., 6)	70	фор кок (форму хоккеиста) (Петя С., 7), нратца учи (нравиться учиться) (Алена Б., 7.10)	6
Пропуск ударного гласного	белт (билет) (Настя Х., 4.6), вернка (Вероника) (Слава В. 4.7)	20	завт (зовут) (Аня М., 7), калч (калач) (Настя В., 7), погда (погода) (Алена Б., 7)	20	подрки (подарки) (Семен У., 7), сабку (собаку) (Даниил К., 7.5)	17

Пропуск конечного гласного	чашк (чашка) (Варя 4.10), Слав (Слава) (Слава В., 4.7)	40	дедушк (дедушка Мороз) (Оля Б., 6)	30	багатств (богатства) (Даша К., 7.7), вик (Вика) (Вика П., 7.3)	30
Выпадение звуков	кракаи (крокодил) (Слава В., 4.7)	70	вок (волк), вавчиса (волчица) (Максим З., 6.6), мноа (много) (Саша Р., 6)	50	вшкоу (в школу) (Таня Г., 7.5), на упавлеие (на управлении) (Кирилл С., 7), управляи (управлении) (Влад З., 7)	40
Вставка звуков	мини (мне) (Маша С., 4.6),	50	живачка (жвачка) (Петя В., 6), сытолы (столы) (Максим З., 6.6)	40	пашала (пошла) (Настя Т., 7.7), каровавьт (кровать) (Лера А., 7)	17
Консонантное письмо	слн (слон) крл (крокодил) сл (слон) (Катя М., 5)	70	в дрвн (в деревне) (Аня М., 7), на свр (на север) (Глеб Г., 6.11), снк (снег) (Ваня В., 6.5)	60	в шлв (в школу) (Миша Д., 7.1), држт (дружить) (Кирилл С., 7.4)	22

Данные, представленные в таблице, показывают, что специфические девиации в письме детей отражают особенности освоения письма как системы второй степени абстракции. На появление девиаций подобного типа оказывает влияние сложность выделения последовательности звуков, составляющих слово [4].

«Своеобразное искажение фонетического наполнения слов возникает в устной и письменной речи по типу явлений прогрессивной и регрессивной ассимиляции: персеверации и антиципации... В основе ошибок лежит слабость дифференцировочного торможения» [5, 33–34]: *поздравляю* (поздравляю) (Катя Р., 4.6), *люблю бл четать* (люблю читать) (Леша Г., 7.1).

В качестве причин вставки гласной или согласной, уже имеющейся в слове, И. Н. Садовникова отмечает отражение сомнения «при передаче последовательности звуков в слове, когда в письме отразились одновременно и не замеченная ребенком ошибка, и правильное написание. На это указывает всегда симметричное расположение вставленной буквы: *ярече* (ярче), *на речуку* (на речку)» [5, 27]: *пашала* (пошла) (Настя Т., 7.7).

Анализ специфических девиаций показывает, что в 44% случаев они носят фонетический характер. Ребенку трудно передать на письме неблагозвучное стечение согласных:

- *прилесто* (прелестно) (Аня Л., 6), *камады* (команды) (Миша К., 7);
- *прицафку* (приставку) (Миша П., 7).
- *пжалусто* (пожалуйста) (Артем С., 7), *пожалуста* (пожалуйста) (Даша Ф., 6.5): «особенно часты случаи выпадения [j] в заударных слогах», но «[j] может выпадать также и в предударной позиции» [2, 99]: *пизаш* (пейзаж) (Даша Ф., 6.9).

Как отмечает С. Н. Цейтлин: «Порядок сокращения групп согласных при модификации слов определяется их характеристиками по линии «шумный–сонорный», а среди шумных — «смычный–щелевой». Чаще всего сокращение происходит по следующей схеме. В сочетании сонорный + шумный устраняется сонорный (остается шумный)» [6, 78]. Данная особенность отражена в письме детей дошкольного

возраста: *бумажни куку* (бумажную куклу) (Оля Б., 6), *прогука* (прогулка) (Максим К., 7.3), *прогуа* (прогулка) (Даша М., 7.6).

Второй предударный слог допускает значительную редукцию гласного: *ширина* (ширина) (Оля С., 7), *просенок* (поросенок) (Оля С., 6.5).

Дети 4–7 лет пропускают ударный гласный, возможно, на пропуск ударного гласного на письме оказывает влияние мысленное проговаривание слова (гласный, который не вызывает сомнения): 17% — ученики 1-го класса: *подрки* (подарки) (Семен У., 7), *сакбу* (собаку) (Даниил К., 7.5).

Выпадение конечного гласного отмечено в письме детей и дошкольного, и младшего школьного возраста: *дедушк марос* (Дедушка Мороз) (Оля Б., 6), *ран* (рано), *вик* (Вика) (Вика П., 7.3). Видимо, подобные написание свидетельствуют о быстром переключении внимания ребенка на начало записи следующей словоформы.

«Случаи грубого нарушения звукового анализа находят выражение в контаминациях слов: *лентбау* (лепят бабу)» [5, 35]. В наших наблюдениях случаи контаминации слов сопровождались и другими девиациями: сложность анализа девиаций письма ребенка, начинающего писать, в том, что под воздействием ряда факторов появляются сложные случаи, которые представляют собой наслоение девиаций: *рсибишои* (расти большой) (Лера Г., 7.1). Написания подобного рода мы относим к аппликативным написаниям:

- *имиапамия* (имя фамилия) (Варя Ж., 5) (иканье: обозначение Я на письме как ИА (отражение на письме призвук), субституция звуков: [ф] на [п], слоговые элизии, замена графически сходных букв: Л на П);
- *пвдьяравд* (поздравляю с праздником) (Варя Ж., 5) (перестановка звуков, слоговые элизии, графическая девиация: замена А на Д);
- *мнепарнаравспать* (мне понравилось) (Кристина Д., 7.2) (вставка звука, замена, слитное написание слов);
- *спрвавасэнтэрья* (с первого сентября) (Миша Д., 7.1) (слитное написание слов, пропуск ударного гласного, влияние орфоэпии: передача на письме со-

четания *ого* как *ава*, редукция первой и второй степени в заударных слогах, нарушение слогового принципа русской графики при обозначении мягкости предшествующего согласного с помощью гласного): *СЭнтэрья*, обозначение мягкости предшествующего согласного сочетанием Э плюс Ъ: *сЭнТЭЪря*, выпадение согласного;

— *чаучла* (учительница) (Даниил С., 7.3) (перестановка звуков, слоговые элизии);

— *штопна нпторки* (чтоб на пятёрки) (Алина С., 7.4) (влияние орфоэпии, диссимилиация, слитное написание союза и предлога, застревание (повторение предлога), слитное написание предлога и слова, полная редукция предударного гласного, нарушение слогового принципа русской графики при обозначении мягкости предшествующего согласного);

— *рсибишои* (расти большой) (Лера Г., 7.1) (консонантное письмо, слоговые элизии, контаминации, обозначение Й в конце слова как И);

— *нса захадит* (не заходить) (Никита Ж., 7.3) (графическая девиация — смешение букв Е и С, вставка звука под влиянием дистантной ассимиляции, качественная редукция первого предударного гласного, пропуск Ъ для обозначения мягкости предшествующего согласного в конце слова).

В аппликативных написаниях представлены комбинации из девиаций, встречающихся в письме детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Специфические девиации отражают сложность кодирования устной речи в письменную форму, ведущим при этом становится умение выделить звук в словоформе и обозначить его соответствующей буквой.

В целом процесс освоения письма ребенком 4–7 лет основан на естественном развитии, когнитивных особенностях (восприятие, мышление, память), общем речевом развитии, последовательности этапов освоения письма, сформированности языковой интуиции, лингвистических факторах (системе графики и орфографии).

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Предыстория письменной речи / Л. С. Выготский // Проблемы развития психики / Под ред. А. М. Матюшкина. — М.: Педагогика. — 1983. — С. 207–233.
2. Русская разговорная речь / Е. А. Земская, Е. В. Крайников, Л. А. Капаназе, Г. А. Барина, Е. Н. Ширяев. — М.: Наука, 1973. — 485 с.
3. Корнев А. Н. Нарушения чтения и письма у детей / А. Н. Корнев. — СПб.: Дом «МиМ», 1997. — 286 с.
4. Лурия А. Р. Письмо и речь: нейролингвистические исследования / А. Р. Лурия. — М.: Академия, 2002. — 352 с.
5. Садовникова И. Н. Нарушения письменной речи и их преодоление у младших школьников / И. Н. Садовникова. — М.: Владос, 1995. — 256 с.
6. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи / С. Н. Цейтлин. — М.: ВЛАДОС, 2000. — 240 с.

Череповецкий государственный университет

Сальникова О. С., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры математического и программного обеспечения ЭВМ Института информационных технологий

E-mail: salnikovaos@yandex.ru

Cherepovets State University

Salnikova O. S., Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of mathematical and computer software, Institute of information technology

E-mail: salnikovaos@yandex.ru

КАРНАВАЛЬНОЕ НАЧАЛО В РОМАНЕ В. В. ОРЛОВА «ШЕВРИКУКА, ИЛИ ЛЮБОВЬ К ПРИВИДЕНИЮ»

Е. А. Сафрон

Петрозаводский государственный университет

Поступила в редакцию 5 февраля 2019 г.

Аннотация: в статье исследуется поэтика карнавала (за основу взято определение карнавального начала, предложенное М. М. Бахтиным) в романе В. В. Орлова «Шеврикука, или Любовь к привидению». Анализируются такие составляющие карнавальной культуры, как обрядово-зрелищные формы (мотивы маскарада и переодевания, образ трикстера), словесное произведение (донесение протагониста о прошедших военных действиях), фамильярная речь (жаргонизмы, разговорная лексика, постоянно используемая представителями мира нечистой силы).

Ключевые слова: карнавализация, трикстер, шут, фэнтези, маскарад, нечистая сила, средневековый, домовый.

Abstract: the article explores the poetics of carnival (based on the definition of the principle of carnival proposed by M. M. Bakhtin) in V. V. Orlov's novel "Shevrikuka, or Love to the Ghost". The following components of the carnival culture are analyzed: the ritual and the spectacular forms (masquerade and disguise motifs, the trickster image), the verbal writing (the protagonist's report on past hostilities), the familiar speech (slang, colloquial words, constantly used by representatives of the hereafter).

Keywords: carnivalization, trickster, jester, fantasy, masquerade, representatives of the hereafter, medieval, brownie.

В городской фэнтези, как ни в одной другом субжанре фэнтези, ощутимо проявление карнавализации [1, 60]. В. В. Орлов, неоднократно обращавшийся к городской фэнтези (о принадлежности его романа «Альгист Данилов» к городской фэнтези мы уже писали ранее) [1, 58–60], активно использует карнавальное начало и в романе «Шеврикука, или Любовь к привидению».

По словам М. М. Бахтина, «Карнавал не созерцают, — в нем живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден <...> Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, к которому все причастны» [2, 12]. Наше обращение к карнавальному началу обусловлено тем, что В. В. Орлов изображает Россию в первые годы после распада СССР (на конкретные признаки времени указывает наличие в продаже шоколадного батончика «Сникерс», упоминание музыкальной группы «Дюна», мода на женские лосины), т.е. время, когда «происходило «перекраивание» привычных границ во всех сферах человеческой жизнедеятельности» [3, 32], поэтому в этой ситуации карнавал как праздник, приуроченный к смене времен года, мы, вслед за М. А. Загibalовой, будем рассматривать в качестве одного из «обрядов перехода» [4], существующего в рамках пограничности, свойственной современной культуре [3, 32].

Смеховая культура, по утверждению М. М. Бахтина, зиждется на:

- обрядово-зрелищных формах;
- словесных произведениях;
- фамильярной речи [2, 9].

Проанализируем роман В. В. Орлова на предмет наличия этих составляющих смеховой культуры.

Обрядово-зрелищные формы. Карнавал подразумевает под собой переодевание, символизирующее состояние перехода, пересечения разных форм крайностей и отмены границ. Герои В. В. Орлова переодеваются и надевают странную, на взгляд обывателей, одежду не только в праздник, но и в повседневной жизни: «Черный бархатный бант вы, значит, повязали по дурости?» [5, 63]; «Да пусть ходит в жару в фетровых бурках, кого в Москве удивишь прихотями манер и вкусов?» [5, 131]; «Был он в ковбойской шляпе, камуфляжном костюме и полусапожках» [5, 226].

В романе даже упоминание войны носит пародийный характер, где и оружие свойственна «подмена личины». Так, домовые участвуют в боях, но вооружены они кухонной утварью: «Кочергой. Или скалкой. Или даже стиральной доской <...> Мечей-то, конечно, у домовых не водилось» [5, 64].

Апофеозом переодевания, подмены личины, становится переодевание в привидение Александры Совокупеевой, случайной любовницы главного героя романа и желанного секс-символа для всех прочих мужских персонажей произведения, которая, в свою очередь, подменила музыковедку Елену Клементьеву, в последний момент отказавшуюся играть роль призрака (на роль ее пригласили из-за худобы и свой-

ственной ей бледности). Привидение должно было стать гвоздем программы развлечения потенциальных инвесторов из числа иностранцев, чьи средства должны были пойти на реконструкцию особняка на Покровке, в котором, по легенде, и обитало привидение (т.к. реальное привидение могло и не появиться перед гостями, решено было его заменить переодетой девушкой: «Проявился в клочьях тумана и наряд, назначенный привидению для ночной прогулки <...> пеньюар и явно из нынешних магазинов <...> исторический корсет под пеньюаром <...> и ватные валики — эти для пышности. Лиловый, надо полагать, исторический парик был увенчан шишаком Минервы. Хороша стояла Совокупеева, хороша!» [5, 166]. Далее Совокупеева подвергается нападению настоящего привидения — Дуняши, наперсницы Гликерии Тутомлиной, наследницы рода, проживавшего когда-то в особняке на Покровке, где и происходит описанная сцена.

«Смена личности», перемещение «верха и низа» происходит и в жизни протагониста — двухстолбового домового Шеврикука, который приписан к дому № 14 по 5-й Ново-Останкинской улице и отвечает за два подъезда.

На протяжении всего повествования герой ведет себя как трикстер, «парадоксально соединяющий черты культурного героя и эгоистичного шута» [6, 11], социального медиатора между двумя крайними полюсами, в итоге снимающего все противоречия и ликвидирующего конфликт [7, 93]. Далее рассмотрим подробнее черты трикстера в протагонисте.

Во-первых, Шеврикуке свойственна амбивалентность и крайняя противоречивость поведения: часто его поступки не имеют очевидной мотивации. Неловко он, лишь только узнав об обосновавшихся в Останкинской башне Отродьях (демонических врагах домовых, самостоятельно образовавшихся из людского «суемудрия», которые в будущем жаждают поработить все человечество), движимый любопытством, отправляется на разведку, чем совершенно сбивает с толку новых обитателей башни, видящих в его поступке не только глупую смелость, но и повод серьезно задуматься о его истинных намерениях.

Во-вторых, как медиатор социальный, поддерживает порядок и ликвидирует конфликты во вверенных ему подъездах, способствует созданию дружественных отношений между людьми и нечистой силой.

В-третьих, герою свойственна лиминальность [6, 30], которая выражается:

- в «нестабильности» его возраста: он помнит события времен Крещения Руси, но внешность выбирает себе тридцатипятилетнего мужчины;
- в переменчивости социального статуса: то он рядовой домовый, то избранный хранитель главного сокровища всех домовых России;

- в нелепом костюме [8, 18]: Шеврикуку критикуют за страсть к бархатным бантам);
- в состояниях, демонстрирующих отсутствие статуса [8, 18]: Шеврикуку парализуют и приносят в жертву, закладывая в фундамент особняка Тутомлиных).

В-четвертых, герой, как и трикстер, демонстрирует гиперсексуальность [9, 84] и явно, и в смягченной форме: систематически вступает в связь с одинокой тридцативосьмилетней жительницей одного из его подъездов, пользуется особым успехом у главного секс-символа всех без исключения героев романа мужского пола — Александры Совокупеевой (обратим внимание на ее «говорящую» фамилию); о Шеврикуке мечтают не только женщины из числа смертных, но и представительницы нечистой силы — возлюбленная домового Малохола Стиша, бывшая кикимора Увека (Векка) Вечная.

Наконец, трикстер в карнавальном искусстве выполняет функции шута, «дурака». Дурачатся, юродствуют все герои романа, не является исключением и сам Шеврикука. Так, ожидая дисциплинарного взыскания в приемной «Обиталища Чинов» — ведомства нечистой силы — он, «дав понять, что все его мускулы удрочены неподвижным сидением, потянулся, чуть ли не крякнул, встал и на глазах у очереди посреди приемного покоя стал производить отжимания. При счете «десять» он подпрыгнул и выпрямился, дальнейшую его гимнастику могли признать и наглостью. Помощник-регистратор и теперь глядел на него как на наглеца и негодя, но, похоже, не знал, какие ему применить меры усмирения. «Сейчас сяду», — успокоил его Шеврикука. — А то все затекло». Но к месту своему он направился кругосветным путем, пройдя мимо стола помощника в бурках» [5, 246]. Можно предположить, что цель такого поведения — вызвать смех, «направленный на наиболее чувствительные стороны человеческого бытия» [10, 9]. В данном случае высмеивается бюрократическая машина. Описывая такие поступки протагониста (и прочих героев), В. В. Орлов следует традиции авторов эпохи Средневековья, которые «чаще смешат читателя непосредственно собой <...> притворяются дураками <...> дураками они изображают себя, чтобы быть свободными в смехе» [10, 9–10].

Тем не менее, несмотря на все перечисленные выше признаки, протагониста нельзя полностью отождествлять с трикстером, по тем причинам, что он не склонен к обману, строго придерживается правил чести, всегда приходит на помощь нуждающимся, и именно от его смелости и стойкости в итоге зависит результат финальной битвы с Отродьями.

Одним из второстепенных персонажей романа является император Павел Петрович, чье не всегда логично объясняемое поведение, скоропалительность решений и готовность прощать провинившихся подданных за хорошую шутку [11, 362; 365],

также соответствует некоторым чертам поведения архетипа трикстера: «Совершавший обход был мал ростом, свет факела уже дрожал на его треуголке <...> — Отчего без шляпы? — спросил Павел.

«Сейчас заорет: «В Сибирь!» — предположил Шеврикука.

— Вот уже час, как предчувствую появление вашего императорского величества <...>, а потому заранее снял головной убор, дабы выразить вам почтение и преданность, что никак не противоречит уставу и предписаниям.

— Ну, коли не противоречит уставу, — улыбнулся император, — то и ладно. А ты все такой же плут и озорник.

— Рад соответствовать вашим чаяниям, ваше императорское величество!» [5, 500].

Традиционным элементом карнавала является маскарад. Маскарад — главное событие года, ожидаемое сверхъестественными жителями Москвы В. В. Орлова, риск отмены которого воспринимается ими как некий аналог вселенской катастрофы: « — От всего этого внутри что-нибудь лопнет или оборвется <...> А еще хуже — возмут и отменят маскарад в Оранжеее!

— Маскарад? <...> Это когда еще выпадет снег и когда откроют уличные базары! Да и не было случая, чтобы отменяли маскарады» [5, 212–213].

В перевернутом с ног на голову, «кромешном мире» [10], живущем по правилам карнавала, любое явление двойственно. Двойное значение приобретают и традиционные московские городские объекты — Останкинская башня (о том, что в ней поселились демонические враги человечества, мы уже писали ранее), Гостиный двор. Так, в Гостином дворе оказываются одновременно не только магазины людей, но и карательный орган домовых, скрытый от глаз простых смертных: «Шеврикука вступил под одну из арок, двое мужиков катили перед ним бордовые бочки <...> он чуть было не наткнулся на бочку, пробормотал «Пardon» и втиснулся в невидимую мужикам щель в белом камне» [5, 243].

В мире «дураков» повсеместно происходит смешение профанного и сакрального, создается эффект комического оксюморона: «Вывеска слева от двери сомнения отбрасывала: «Салон гарантированных чудес и благодетельств концерна «Анаконда». Привидения, призраки, колдуны, ведьмы, пришельцы, депутаты, кандидаты, доктора» [5, 341].

Традиционная форма образности, используемая В. В. Орловым (она же свойственна и культуре карнавала), — гротеск. Гротеск, в понимании писателя, соотносится с видением этого явления М. М. Бахтиным: «Нет привычной статики в изображении действительности: движение перестает быть движением готовых форм <...> в готовом же и устойчивом мире, а превращается во внутреннее движение самого бытия, выражающееся в переходе одних форм в другие, в вечной неготовности бытия» [2, 40].

Гротескный образ гигантского Пузыря, появляющегося в Останкино, также связан с «культурой средневекового дурачества»: в один из дней из Пузыря изливается нечто, оказывающееся гороховым супом: «немало мисок, кастрюль, чайников, детских ванн, ведер, оцинкованных корыт, в мгновения выставленных на балконах, тротуарах и на крышах, приняли в себя неспешные, желтоватые струи. Шеврикука емкости не выносил, а лишь взял для исследований большую ложку и произвел дегустацию кое из каких посудин <...> Гороховые протертые супы терпеть не мог. Нынешний же был не только протертым, но, по всей вероятности, приготовленный из концентрата» [5, 296].

В славянской культуре горох традиционно связан с образом дурака. Гороховая погремушка — традиционный атрибут средневекового шута, скомороха — участника масленичных и святочных гуляний, гороховой же соломой указанные карнавальные персонажи обматывались, изображая, возможно, огородное *гороховое* пугало [12, 121–122].

Готовность москвичей собирать содержимое Пузыря отсылает нас одновременно и к мотиву ветхозаветной манны небесной, которую послал бог евреям после того, как Моисей вывел их из Египта в Синайскую пустыню [13, 105]. Народ «ходил и собирал ее, и молот в жерновах и толоч в ступе, и варил в котле, и делал из нее лепешки (Числа, 11: 8)» [14, 104].

По словам М. М. Бахтина, подобный «гиперболизм материально-телесных образов» в средневековой карнавальной культуре воспринимался исключительно положительно. В этом отношении показательны гигантские колбасы, которые носили по городу во время нюрнбергских карнавалов XVII–XVIII веков [2, 75]. Семантика мотива гиперболизации пищи очевидна — страждущие ждут всеобщего насыщения и, как следствие, всеобщего же рая на земле. Усиление семантики мотива мечты о рае воплощено в описании особого восприятия содержимого Пузыря второстепенным, но от этого не менее эксцентричным персонажем, Сергеем Андреевичем Подмолотовым (по прозвищу Крейсер Грозный), который, «испытывая непрерывный ностальгический голод по всему военно-морскому», в своих котелках обнаруживает вместо горохового супа «горячий севастопольский борщ с чесноком, шкварками и пампушками» и «макарены по-флотски, эти, к сожалению, чуть остывшие» [5, 296].

Финал романа также воспроизводит события, одновременно подобные и средневековому карнавальному действу, и домашними посиделками: герои устраивают грандиозную пирушку, на которую приглашают императора Павла I, эфиопского короля и Александра Федоровича Керенского: «В гостиную стремительно вошел император Павел Петрович, будто прямо из Гатчины. Только нынче при нем была его знаменитая палка <...> — Паша, садись сюда.

<...> Савкин, гони стакан! Ба, да тут еще и флотский! <...> Флотским, естественно, оказался Александр Федорович Керенский» [5, 645]. Можно предположить, что объединение за одним столом призраков властителей, домового и обычных москвичей (Подмолотова, Савкина и других), упивающихся винами, водкой и объедающимися красной икрой, символизирует единство мира в вечном противоречии Живого и Мертвого, Избытка и Отсутствия, т.е. вечного нестабильного состояния бытия.

Словесное произведение. В пародийном карнавальном духе написана реляция Шеврикуки, которую он предоставил в вышестоящие инстанции после окончания войны с Отродьями. В реляции содержатся такие традиционные элементы поэтики средневековой смеховой литературы «карнавальных форм и образов», выделенные М. М. Бахтиным [2, 18], как самоуничтожение автора: «Мне неведомо» [5, 606], «Осмелюсь допустить», «Выскажу предположение» [5, 607]; подпись, полностью не соответствующая деловому стилю: «С почтением, домовый-двухстолбовой Шеврикука» [5, 611]; бытовые предметы, используемые вместо оружия: «серебряная шпага и кочерга, в критические моменты подкрепляемые ломом <...> багром и двумя лопатами, совковой и штыковой» и «фиолетовый, черный, желтый банты из бархата» [5, 609].

Фамильярная речь. Фамильярные высказывания позволяют себе как главный герой романа («Покедова» вместо «До свидания», адресованное по отношению к антагонистам — новым духам из останкинской башни), так и второстепенные персонажи (привидение Дуныша нападает на банкете на переодетую в привидение гражданку Совокупееву с криком: «Стерва! Самозванка! Лжепривидение! Добрались и до напитков! Наши ликеры хлебать! Ну уж это кукиш!») [5, 167].

Обратим внимание на то, что подобную лексику автор вкладывает в уста именно представителей потустороннего мира, по преимуществу тех, которые ниже прочих располагаются на социальной лестнице. Б. А. Успенский считает, что в эпоху славянского язычества обценная лексика носила исключительно культовый характер и была связана с обрядами плодородия [15, 58]. Вместе с тем в эпоху прихода христианства она начала расцениваться исключительно как часть лексикона нечистой силы. В частности, привычка использовать нецензурную брань приписывалась домовому [15, 62], коим и является протагонист романа. По замечанию Э. В. Померанцевой, в ряде случаев подобная лексика выступала в качестве охранного заклинания против домового, в том случае, когда крестное знамение и молитва оказывались бессильными [16, 109]. Под таким углом зрения становится понятно, почему в адрес Шеврикуки так часто сыплются оскорбления: нечистая сила более низкого ранга испытывает страх

перед его скрытыми возможностями (по ходу повествования выясняется, что герой получает особые колдовские способности).

Подводя итоги отметим следующее: с одной стороны, В. В. Орлов использует карнавальный гротеск в сатирических целях, т.е. для обличения современной ему постсоветской действительности. С другой стороны, его гротеск не изображает реальность страшной, не является «уничтожающим юмором» [2, 49] и не направлен на то, чтобы низвергнуть высмеиваемого в бездну отчаяния. Напротив, он подобен ренессансному и средневековому гротеску, который «знает страшное только в форме смешных страшилищ, т.е. только уже побежденное смехом страшное» [2, 47], где смех становится преобразующей и обновляющей мир силой, а на передний план выдвигался дурак, шут, который, пользуясь своим положением, и мог сказать в лицо истину, не боясь последствий. Сравним с текстом романа: «Дурость нынче свойство редкое. Все вокруг исключительно умные. А выходит, впрочем, всякая дрянь» [5, 63].

Согласно Аристотелю, человек начинает смеяться не раньше сорокового дня после своего рождения: именно этот момент и знаменует появление новой личности [2, 81]. Таким образом, творческая сила смеха и свойственный ей гуманизм отвечают потребностям городской фэнтези в структурировании нового мира: животворящая сила смеха помогает оживать все новым и новым фантастическим существам, преображая бытовую реальность Москвы, раскрашивая ее новыми красками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сафрон Е. А. Жанровое своеобразие романа В. В. Орлова «Альгист Данилов» / Е. А. Сафрон // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2017. — № 1. — С. 57–62.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. / М. М. Бахтин. — М.: Художественная литература, 1990. — 543 с.
3. Загibalова М. А. Особенности культурного развития современности: феномен карнализации / М. А. Загibalова // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. — 2011. — № 2. — С. 32–39.
4. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А., ван Геннеп. — М.: Восточная литература, РАН, 1999. — 198 с.
5. Орлов В. В. Шеврикука, или Любовь к привидению / В. В. Орлов. — М.: Олимп: АСТ, 2002. — 653 [3] с.
6. Lipovetsky M. The Trickster's Transformations in Soviet and Post-Soviet Culture / M. Lipovetsky. — Boston: Academic Studies Press, 2017. — 298 p.
7. Кузнецов А. С. Симплиссимус г. Гриммельсгаузен как персонификация трикстера / А. С. Кузнецов // Новый филологический вестник. — 2015. — № 3 (34). — С. 90–106.
8. Тэрнер В. Символ и ритуал / В. Тэрнер. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. — 277 с.

9. Ахметшин А. Р. Атрибутивные признаки архетипа трикстера / А. Р. Ахметшин, А. В. Горбатов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2015. — № 32. — С. 81–85.
10. Лихачев Д. С. Смеховой мир Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. — Л.: Наука, 1976. — 295 с.
11. Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы / М. И. Пыляев. — СПб.: Паритет, 2018. — 480 с.: ил.
12. Бунчук Т. Н. Шут гороховый / Т. Н. Бунчук // Русская речь. — 2012. — № 4. — С. 119–124.
13. Токарев А. С. Манна / А. С. Токарев // Мифы наро-

дов мира. Энциклопедия: в 2 т. — М.: Российская энциклопедия, 1997. — Т. 2. — К — Я. — С. 105–106.

14. Лопухин А. П. Толковая Библия или комментарии на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Исход / А. П. Лопухин. — М.: Директ-медиа, 2011. — 200 с.

15. Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии / Б. А. Успенский // Успенский Б. А. Избранные труды. — Т. 2. М.: Гнозис, 1994. — С. 53–128.

16. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре / Э. В. Померанцева. — М.: Наука, 1975. — 194 с.

Петрозаводский государственный университет
Сафрон Е. А., кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры германской филологии и скандинавистики
института филологии
E-mail: 00inane@gmail.com

Petrozavodsk State University
Safron E. A., Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the German Philology and Scandinavistics
Department
E-mail: 00inane@gmail.com

ЭСХАТОЛОГИЯ СМЕРТИ В РАССКАЗЕ И. А. БУНИНА «КОНЕЦ»

Т. И. Скрипникова

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

Поступила в редакцию 6 мая 2019 г.

Аннотация: в статье ставится важный для И. Бунина вопрос о «подлинном бытии» человека в мире, где профанируются самые главные ценности и деформируются самые важные онтологические представления.

Ключевые слова: эсхатология, онтология, «подлинное бытие», экзистенциальный феномен, метафизика, рефлексия, контрапункт.

Abstract: the article poses the Bunin's question about the "true being" of man in the world, where the most important values are profaned and the most important ontological ideas are deformed.

Keywords: eschatology, ontology, "true being", existential phenomenon, metaphysics, reflection, counterpoint.

«У всякого подлинного гения непременно есть некоторая основная интуиция, определяющая все его творчество. На то он и гений, т.е. индивидуальность в полном смысле слова, все «объективное» в себе ассимилирующая, а не просто поглощающая, а потому и способная созидать нечто новое, свое, а не только передавать воспринятое, как делают прочие люди. У гения есть предмет, на который всегда обращено его внимание, причем отличие гения от просто маляка состоит, с этой точки зрения, в том, что эта обращенность на одно и то же у гения не истощает его сил, а, напротив, укрепляет их» [1, 274].

Одним из предметов, на который неизменно была устремлена душа Бунина, была — Смерть, имеющая «свои особые» онтологические признаки [2, 89] в творчестве писателя 1920–30-х годов.

Смерть — ключевое понятие бунинского философского осмысления человеческого бытия, «экзистенциальный феномен», выступающий как конститутивный момент жизни и мировоззрения писателя и детерминирующий развитие эсхатологии и онтологии «подлинного и неподлинного» бытия в творчестве Бунина. «Подлинное» бытие открывается лишь перед лицом смерти. В противном случае человек погружен в «неподлинный» мир бытования.

В статье мы остановимся на двух рассказах эмигрантского периода Бунина «Исход» и «Конец», в которых онтологическая противопоставленность названий и сущностного смысла обуславливает их скрытую смысловую переключку. Рассказы «Исход» и «Конец», построенные на антитезе Жизни и Смерти, являются контрапунктными в творчестве И. А. Бунина. В основе бунинской эсхатологии лежит философско-аксиологическая рефлексия о Жизни и Смерти.

Присутствие эсхатологической топики в художественном пространстве текста Бунина является

одним из метафизически значимых проявлений эсхатологического сознания начала XX века, в основе которого лежит предчувствие приближающегося конца. В периоды социальных кризисов, когда старое мировоззрение изживает себя, апокалипсическое сознание широко распространяется в обществе и формируется общественное эсхатологическое сознание. В творчестве И. А. Бунина эсхатология переплетается с онтологией так же, как два сущностных, экзистенциальных чувства человека — надежда и страх: надежда на полноту и осмысленность бытия и страх перед его конечностью, смертью, перед бессмысленностью, абсурдностью бытия. В зависимости от господства того или иного экзистенциального чувства мифологизированное пространство бунинского текста получает соответствующую окраску. Господство эсхатологического сознания, наполненного чувством страха, ведет к появлению и широкому распространению эсхатологического мифа, наполненного картинами грядущей гибели мира без Бога, где царит лишь Смерть (рассказ «Конец»). Противопоставить страху смерти человек может только собственное онтологически наполненное творческое бытие с его тайной «ненужности и значительности всего земного» («Сосны»).

Впервые рассказ «Исход» был напечатан в альманахе «Скрижаль» № 1 в Петрограде в 1918 году под заглавием «Конец». Первопечатный текст Бунин редактировал в 1920 году и после слов Семена: «Смерть, ее, сказано, надо встречать с радостью и трепетом», написал: « — Исход, а не смерть, родной, — сухо и наставительно поправила Евгения» [3, 16]. Соответственно реплике Евгении было изменено заглавие произведения. Под названием «Исход» оно появилось в журнале «Русская мысль».

Слово «Исход» имеет ветхозаветную Библейскую коннотацию, согласно которой жизнь — это рабство, плен, смерть — освобождение из плена, исход же —

процесс рождения души человеческой в жизнь вечную. Отсюда в рассказе Бунина и реплика Евгении «— Исход, а не смерть, родной» [3, 16].

Таким образом, Бунин считал нужным изменить формулировку черного заглавия рассказа, которая, как мы видим, коснулась не только стилистической, но и онтологической составляющей произведения. Исходное название «Конец» в сравнении с последующим, исправленным названием «Исход» выглядит менее торжественно, менее символично и значительно и, самое главное, лишено идеи «Божьего присутствия». Между тем именно заглавие «Исход» в бунинском тексте наполнено онтологической составляющей размышлений автора о главной тайне человеческого бытия — Смерти. Писатель достигает библейской вневременности, когда бытие жизненно-го круга человека спрессовано в линейной неотвратимости, в асимметричности и пройденности «точки невозврата». Поскольку в основе сюжета рассказа «Исход» лежит не процесс реализации бытия человека между рождением и смертью, а феномен самой Смерти, то она же становится экзистенциальной данностью героев на земле, знаком их «вневременного» присутствия. Жесткая экзистенциальная концепция бытия Смерти диктует и типично экзистенциальную предвзятость и избирательность: важные для традиционного сюжета пласты жизни героев рассказа уходят в подтекст.

Рассказ «Конец» впервые появился в печати в газете «Звено» 12 марта 1923 года под заглавием «Гибель», с подзаголовком «Из повести», вторично он был напечатан в газете «Последние новости» 10 декабря 1933 года под известным уже нам заглавием «Конец» [3, 511].

Бунинский рассказ «Конец» можно отнести к определенной группе текстов апокалиптической проблематики с выраженной отмеченностью «конца» при немаркированности категории «начала» (Ю. Лотман), что, по мнению исследователя, является одним из признаков эсхатологического текста, а первоначальное его название «Гибель» подтверждает это предположение. Повествование «о конце мира» в рассказе является эсхатологическим: рассказ о гибели земной жизни, виновником которой становится человек, лишь утверждает антитезу «добротного» и «злого» «корени».

Апокалиптическая проблематика текста была актуальной на всем протяжении развития христианской культуры. Весь путь человеческой цивилизации окрашен постоянным, нетерпеливым ожиданием конца человеческой истории. Во времена социальных и политических кризисов и других потрясений людей охватывали апокалиптические настроения.

В рассказе «Конец» основная тема — гибель России, вызванная революционным переворотом, и уже — тема звероподобия власти, государства, отмеченного печатью апокалиптического зверя (и вы-

текающий из него мотив Антихриста-самозванца, узурпировавшего власть).

Автор в рассказе дает прямые отсылки к тексту Святого Писания: «Пароход, конечно, уже окрестили новым ковчегом, — человеческое остроумие не богато. И точно, кого только не было на нем?» [3, 61]. Писатель воспринял реальную историческую ситуацию, в которой оказалась революционная Россия и все человечество, как предсмертную агонию культурной и исторической жизни, по воле рока ожидающей своего мрачного и предопределенного конца.

Уже в начале рассказа читатель вовлечен в мрачный, зловещий мир с предопределенным для героя трагическим финалом, во всем от начала до конца рассказа ощущается дыхание злого рока. «На горе в городе был в этот промозглый зимний день тот роковой промежуток в борьбе, то безвластие, та зловещая безлюдность... Город пустел все страшнее, все безнадежнее для оставшихся в нем и мучающихся еще неполной разрешенностью своей судьбы» [3, 59].

Сначала Бунин деиндивидуализирует судьбу центрального героя — создает картину катастрофы человечества. Передается полифония голосов (известно, кто кричит, что «не выпустят... перережут» [3, 60]; вводится «коллективная точка зрения» — «...каждый из них на что-то надеялся, чем-то еще жил, чему-то радовался») [3, 62].

В пространстве текста акцент делается на звуках и звучании, апокалипсическая картина мира показана звучащей. Звуковой образ в нем является неотъемлемым компонентом художественного целого, полноценным художественным образом произведения, не привязанного строго к фонетическим компонентам текста. Он представляет собой сочетание различных звуков ирреального пространства в произведении. Образ звучания в тексте следует рассматривать, прежде всего, как собственно художественный образ, надстроенный над объектом реальной действительности, воссозданный по его подобию, но выделенный в череду других реальных объектов с целью дать конкретную характеристику ирреального в произведении. Процесс отбора объектов, получающих звуковое воплощение, характер передачи звука определяют отношение автора к апокалиптической картине мира, указывают на его оценки, выявляют специфику художественного мышления писателя: «...то и дело поднимался треск, град винтовок или спешно, дробно строчил пулемет. К вечеру... началась оружейная пальба, бодро раздался тяжкий, глухой стук, от которого вздрагивала земля, за ним великолепный, с победоносной мощью режущий воздух и звенящий звук снаряда и, наконец, громовый разрыв, оглушающий весь город» [3, 59].

Апокалиптическая картина мира, изображенная Буниным, мрачная картина города с «совершенно замерзшими улицами», охваченного войной и смертью, «где на мостовых уже лежали убитые» [3, 59],

создает в воображении читателя некое мрачное пространство, где наряду с человеком властвуют inferнальные силы. «Зловещая» картина города — в проекции — вся страна, охваченная войной и разрухой, в этот холодный день и затем ночь на море приобретает и вовсе грозный мрачный вид, возникает мотив злого рока. «Сумрачная зимняя мгла» и ледяное море олицетворяют собой мощь и ужас inferнального: «За стенами была непроглядная ночь, горами, без толку, без смысла, ходило мрачное, ледяное, зимнее море. В черные стекла ливнем летели брызги, лепило мокрым белым снегом, свистал, крепко дул ветер, холодное дыхание которого то и дело чувствовалось...» [3, 64].

Темные краски, странные пугающие звуки выстрелов, ледяной ветра, скрип переборки корабля: «А наверху был сущий ад!» [3, 65], — заставляют читателя даже в самых привычных вещах видеть демоническое начало. Смерть в рассказе «Конец» существует не сама по себе, как главная героиня в рассказе «Исход», а преобразуется в мотив апокалиптического конца, всюду в пространстве текста расставляя свои зловещие знаки. Inferнальными знаками апокалиптического мира в произведении являются:

1) бушующее ледяное море — «чудовищное чрево»: «... и стало казаться, что уже никогда не минет эта мука качания. Эта ночь, этот мрак, завывание, шум, плеск, шипение и все новые и новые удары то и дело налетающих откуда-то из страшной водной беспредельности волн...» [3, 66].

2) рукомойник — «анафемское горло», как его называет автор: «Бухало в задраенный иллюминатор, с шумом стекало и бурлило — противно, как в каком-то чудовищном чреве... Труба в рукомойнике, его сточная дыра гудела, гудела — и вдруг начала булькать, реветь и захлебываться... Ах, встать бы, заткнуть чем-нибудь это анафемское горло» [3, 66].

В «Пословицах и поговорках русского народа» Владимира Ивановича Даля встречаем вариант «**Попал, как черт в рукомойник**» с пометкой в скобках: (Из сказания «Инок в лесу»). Действительно, среди русского народа несколько веков было очень популярно сказание об искушении отшельника бесом. Притча сия есть краткая переделка средневекового русского сказания «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на беса в Иерусалим», в центре которого популярная фигура новгородского архиепископа Иоанна, жившего в XII веке. В повести Иоанн умывался из святого сосуда с водою «и слыша в сосуде оном некоего борюща в воде». Поняв, что этот «некоторый» есть нечистая сила, архиепископ «сотвори молитву, и ограде сосуд, лукавому запрети бесу». Бес попытался было вырваться, однако не смог преодолеть силы твердого адаманта (алмаза). Далее Иоанн потребовал от беса перенести его в Иерусалим на поклон святым местам и вернуть его в тот же день к заутренней мо-

литве. Что лукавый искушитель и вынужден был исполнить» [5, 441].

В рассказе имеется аллюзия на стихотворение Я. П. Полонского «Качка в бурю» [6, 109], его неточная цитата, появление в тексте которой на первый взгляд вызывает удивление. Однако обращение Бунина к классике XIX века, воплощающей божественную мировую гармонию на фоне реальной картины — ужасающего разрушения и гибели мира — глубоко символично. Благодаря вовлеченности повествователя в «Элизиум минувшего» мира, к которому как «сакральному» прошлому «возврата нет» [3, 126], индивид, «уцелевший истинно чудом среди целого сонма погибших, среди такого великого и быстрого крушения Державы Российской, равного которому не знает человеческая история!» [3, 126], «отрешается», выпадает из своего повседневного существования в «обычном» мире с его «неслыханной и уже веками непоправимой мерзостью», девальвацией естественной логики и здравого смысла, «с этой новой жизнью, опустошившей для меня всю вселенную!» [3, 128]. Состояние героя — полусон, забытьё: «По милости Божьей, именно трезвости-то и не бывает у человека в наиболее роковые минуты жизни. Человек в эти минуты спасительно тупеет?» ... «В полусне, в забытьи я что-то думал, что-то вспоминал... Пришло в голову и стало повторяться, баюкать» [3, 62].

Для произведений Бунина 1920-х гг. более характерным становится феномен сна, полусна, забытья. Зачастую «сон» выступает как посредник между реальной жизнью и миром иным, как «первая ступень жизни в невидимом», о чём, например, говорит П. Флоренский [7, 156]. Подобные же идеи развивает в своей статье «История и семиотика» Б. А. Успенский, который определяет сон как элементарный опыт, данный каждому человеку, связывающий нас с иной действительностью (иначе говоря, элементарный мистический опыт) [8].

Однако в рассказе «Конец» видение во сне отсутствует, герой лишь «дремлет», он «в полусне, в забытьи». В воспоминании, облаченном в цитату из стихотворения Я. П. Полонского, образ корабля неразрывно связан с образом моря — «величественной стихией, бесконечной и свободной, которая одновременно и безжалостно губит людей и неотразимо влечет их к себе. Символические коннотации образа корабля сводятся к образу покинутой родины, оставленного на суше отчего дома, или же, напротив неизведанных стран, новой жизни и непредсказуемых поворотов в судьбе главного героя.

Необходимо отметить, что полусонное состояние героя имеет ретроспективную композицию и воссоздает в памяти не реальные апокалиптические картины гибели, а бессмертные строки классики, которые являют собой подлинную, но навсегда ушедшую жизнь. «Как все это далеко и ненужно те-

перь! Так только, грустно немного, жаль себя и еще чего-то, а за всем тем — Бог с ним!» [3, 66].

Пробуждение становится для безымянного главного героя роковым, оборачивается прозрением: герой вдруг осознает «конец» не только своей собственной жизни, но и всей России. В финале вновь судьба одного человека сливается с судьбами прочих, речь идет о жизни (вернее, смерти) не одного человека, а всего человечества. В развитии сюжета пробуждение ото сна становится последним аккордом, безысходной кульминацией. «Вдруг я совсем очнулся, вдруг меня озарило: да, так вот оно что — я в Черном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России — конец, да и все-му, всей моей прежней жизни тоже конец, даже если и случится чудо и мы не погибнем в этой злой и ледяной пучине!» [3, 67].

Постоянно присутствующий в произведениях Бунина эмигрантского периода «сюжет смерти» (тела, души, мира), сохраняя эсхатологические признаки, приобретает все более явные онтологически-сакральные характеристики в русле христианской аксиологии [9].

Таким образом, рассказ «Конец» лишен идеи «Божьего присутствия» в апокалиптическом мире, где царят ужас и беспорядок: «А наверху был сущий ад». Название рассказа наполнено эсхатологической составляющей конца. Ад есть не что иное, как совершенное конечное, необратимое ощущение оставленности Богом в состоянии замкнутости и безвыходности (замкнутость на корабле), потеря надежды на освобождение и постоянное переживание безнадежности. В то время как рассказ «Исход» торжественен, символичен и, самое главное, наполнен идеей «Божьего присутствия». Написанные с небольшим интервалом рассказы «Исход» (1918) и «Конец» (1921) являются

двумя полюсами эмигрантского творчества писателя, в котором Бунин вновь ставит вопрос об истинном смысле бытия человека в мире, где профанируются самые главные ценности и деформируются самые важные онтологические представления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бицилли П. М. Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого / П. М. Бицилли // *Современные записки*. — Париж, 1928. — С. 274–304.
2. Скрипникова Т. И. Онтология смерти в рассказах И. А. Бунина 1920-х годов / Т. И. Скрипникова // *ФИЛОЛОГОС*. — Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2018. — Выпуск 4. — С. 88–95.
3. Бунин И. А. Собрание сочинений: В 9 т. / И. А. Бунин. — М.: Художественная литература, 1966. — Т. 5. В дальнейшем тексты произведения Бунина цитируются по этому изданию с указанием страницы.
4. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство-СПб, 2000. — С. 427–430.
5. Даль Владимир Иванович Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль. — М.: ЭКСМО-пресс, 2000.
6. Полонский Яков Петрович Полное собрание сочинений в 10 т. / Я. М. Полонский. — Санкт-Петербург: изд. Ж. А. Полонская, 1885–1886. — Т. 1.
7. Флоренский Павел Александрович. Иконостас / П. А. Флоренский. — СПб.: Азбука-классика, 2010.
8. Успенский Борис Андреевич. Избранные труды в 3 томах / Б. А. Успенский // Семиотика истории. Семиотика культуры. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — Т. 1. — С. 286.
9. Бердникова О. А. Рассказ И. А. Бунина «Огнь пожирающий»: эсхатологические мотивы и сакральные доминанты / О. А. Бердникова, Т. И. Скрипникова // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика* — 2018 — № 4 — С. 25–29.

Воронежский государственный аграрный университет имени Петра первого

Скрипникова Т. И., к. филол. н., доцент кафедры русского и иностранного языков

E-mail: skripnikova77@rambler.ru

Voronezh State Agrarian University named after Peter the Great

Skripnikova T. I., Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages

E-mail: skripnikova77@rambler.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ КАСАТЕЛЬСТВА

А. А. Соколова

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова*

Поступила в редакцию 29 января .2019 г.

Аннотация: целью данного исследования является изучение процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения, выявление их структурно-семантических групп, описание значений фразеологизмов и выражаемых ими отношений между лицами, предметами, отношения лица к предмету и предмета к лицу.

Ключевые слова: процессуальные фразеологизмы, субкатегория отношения, отношения касательства, структурно-семантические группы.

Abstract: the article is devoted to the process phraseological units. Process phraseological units can express different relationship, such as: 1) between a person and a thing, 2) a person and a person, 3) a thing and a thing, 4) a thing and a person. For example, to have a deal with, to pay attention to and others. It can have different meaning. We are considering process phraseological units with concern meaning.

Keywords: process phraseological units, process phraseological units expressing relationship, concern meaning, structure and semantics groups.

Процессуальные фразеологизмы современного русского языка подразделяются на основе разных типов категориального значения процессуальности на три семантические субкатегории: деятельности, состояния и отношения [1, 102].

1484 процессуальных фразеологизма субкатегории отношения (ПФСО) способны выражать четыре типа отношений: межличностные, лично-предметные, предметно-личные, межпредметные.

Разные фразеосемантические варианты могут характеризовать разные типы отношений. Внутри каждого типа отношений представляется необходимым выделить подтипы, структурно-семантических групп и подгрупп.

В один из таких подтипов мы объединили фразеологизмы, выражающие отношения касательства, то есть отношения в их самом общем виде. «Касательство — это отношение, причастность к кому-чему-л.» [2, 849].

Центральное место среди фразеологизмов отношений касательства занимает многозначная единица **иметь отношение** к кому-чему-л. Именной компонент *отношение* привносит во фразеологизм сему «взаимная связь разных предметов, действий явлений, людей, касательство между кем-чем-н.», следовательно, является семантически стержневым и создаёт субкатегориальное значение фразеологизма. Абстрактность значения существительного *отношение* соответствует обобщённому характеру процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения.

Глагольный компонент формирует значение процессуальности у фразеологизма **иметь отношение**

к кому-чему-л., которое выражается морфологическими категориями вида, залога, лица, наклонения, времени, рода и числа.

Критерием для выделения нескольких значений является характер субъектно-объектной сочетаемости процессуальной единицы. Фразеологизм **иметь отношение** к кому-чему-л. может выражать все четыре типа отношений:

- межличностный: <...> люди, лишённые родительских прав, по закону больше **не имеют отношения к ребёнку** и не должны влиять на его судьбу. *АиФ*, № 19, 1999;
- лично-предметный: В результате решили, что Лисоцкий **имеет к Африке** какое-то интимное **отношение**, и нужно его тоже отправить. *А. Житинский. Дитя эпохи*;
- предметно-личный: У меня дочка от первого брака Саша, ей пятнадцать лет, и сын Иван. Все мое сегодняшнее состояние **имеет отношение к** этому новому человеку. *Московский комсомолец*, № 50, 1998;
- межпредметный: Я не хочу заниматься самостоятельными выяснениями каких-либо конкретных обстоятельств, несмотря на то что в данном случае они **имеют** почти прямое **отношение к роману**. *Т. Толстая. Русский человек на randevu*.

Среди межличностных фразеологизмов насчитывается 74 единицы (4%), которые имеют значение отношений касательства и могут быть поделены на структурно-семантические группы.

В первую структурно-семантическую группу входят фразеологизмы с компонентами *отношение, связь, контакт*: **вступать/ вступить в отношения** с кем-л., **вступать/ вступить в связь** с кем-л., **вхо-**

дить/ войти в связь с кем-л., **входить/ войти в отношения** с кем-л., **входить/ войти в контакт** с кем-л., **иметь контакт** с кем-л., **иметь отношения** с кем-л., **иметь связь** с кем-л., **состоять в контакте** с кем-л., **состоять в отношениях** с кем-л., **устанавливать/ установить связь** с кем-л., **устанавливать/ установить контакт** с кем-л., **устанавливать/ установить отношения** с кем-л., **поддерживать отношения** с кем-л., **строить отношения** с кем-л. и др.

Эти единицы выражают значение отношения на самом абстрактном уровне. Сему отношения приносят синонимичные именные компоненты *связь, контакт, отношения*. Отношения, связи и контакты между членами отношений конкретизируются в контексте:

Их суть — запретить **вступать** с похитителями людей **в отношения купли-продажи**. *АиФ, № 50, 1999*. Студенты Стэнфорда относятся к Челси настороженно и **в близкие отношения не вступают**. *Коммерсант, № 33, 2000*. Согласно исследованиям, проведенным научно-исследовательским центром социального анализа и статистики, возрастная планка людей, **вступающих в сексуальные отношения**, неуклонно снижается. *АиФ, № 50, 1999*.

Ты к ней часто ходишь и сам мне говорил, что ты с нею **связей любви не имеешь**. *Ф. Достоевский. Братья Карамазовы*. Э.А. мог **иметь** английскую **родственную связь** с какими-то Робертсонами, но родство с генералом Робертсоном придумать, чтобы поднять себе цену перед МГБ. *А. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг*.

Часть фразеологических единиц имеет значение «учитывать кого-л., подразумевать»: **воспринимать/ воспринять всерьез** кого-л., **иметь в виду** кого-л., **обращать/ обратить внимание** на кого-л., **принимать/ принять в расчет** кого-л. и др.:

Естественно, Николай Борисович **имеет в виду** лишь **слушателей**, какие способны его сочинения воспринять и воссоздать. *В. Орлов. Альтист Данилов*. Знаете, все-таки иногда хочется, чтобы **люди воспринимали тебя всерьез**. *АиФ, № 13, 2000*.

Исследуемые фразеологизмы могут выражать групповое значение «наблюдать за кем-л., следить»:

Светлана, **не упуская из виду парикмахера**, негромко крикнула... *Т. Истомина. Триумф. Полесов* вежливо высвободился, отошел немного в сторону, но **из виду предводителя уже не выпускал**. *И. Ильф и Е. Петров. 12 стульев*.

Возможно выделение и других структурно-семантических групп среди межличностных фразеологизмов с общим значением отношений касательства.

Семантический подтип фразеологизмов, выражающих отношения касательства лица к предмету, представлен 44 единицами (2,3%). Фразеологизмы с рассматриваемой семантикой занимают по частотности второе место среди лично-предметных фразеологизмов. Их превосходят только фразеологизмы, выражающие доминантные отношения, характерные для всех типов отношений. Достаточно большое

количество фразеологизмов «касательства» говорит об абстрактном характере отношений лица к предмету. Данный подтип единиц можно условно дифференцировать на несколько структурно-семантических групп.

В структурно-семантической группе «интересоваться чем-л.» фразеологизмы объединяются в синонимический ряд на основе общего понятия «отнестись к чему-л. с вниманием, интересом»: **обращать/ обратить внимание** на что-л., **оказывать/ оказать внимание** чему-л., **придавать/ придать внимание** чему-л., **принимать/ принять во внимание** что-л., **проявлять/ проявить интерес** к чему-л., **уделять/ уделить внимание** чему-л.:

Создаётся впечатление, что проблеме цветмета больше **внимания уделяет** Владимир Путин, чем депутаты Государственной Думы. *Новый мир, № 90, 2000*. Сдавая дела, старший директор наконец **обратил внимание на вид Ионы**. *С. Алексеев. Рой. Археологи особое внимание обратили на прекрасно сохранившийся женский череп*. *Работница, № 5, 2000*. Сначала он **не придавал этому** никакого **внимания**. *В. Кочетов. Молнии бьют по вершинам*. По истечению времени ошибки предшественников становятся особенно очевидными. Несколько лет назад **интерес к муреному дубу проявили иностранцы**. *АиФ, № 45, 1999*.

Синонимическая пара **носиться как курица с яйцом** с чем-л. и **носиться как с писаной торбой** с чем-л. объединена общим понятием «уделять излишнее внимание чему-либо»:

Они (англичане) **носятся** с своею **гордостью как курица с яйцом**. *И. Гончаров. Фрегат Паллада*. Заведётся у вас **страданице** — **вы** с ним как **курица с яйцом носитесь**. *Ф. Достоевский. Преступление и наказание*. **Носишься ты**, Сережа, со своей **психологией, как с писаной торбой**. *А. Яхонтов. Плюс-минус 10 дней*.

Как видно из примеров, фразеологизмы могут выражать отношение лица как к абстрактным, так и конкретным предметам. Субъект и объект могут быть выражены не только существительными, но и местоимениями, что придает высказыванию более обобщённый, абстрактный характер.

В структурно-семантическую группу фразеологизмов с именными компонентами *связь, отношение, касательство* входят следующие единицы: **иметь связь** с чем-л., **иметь касательство** к чем-л., **иметь отношение** к чему-л. и др.:

К счастью, я вспомнил, что верстах в тридцати от Корчевы стоит усадьба Проплеванная, **к которой** я как будто **имею** некоторые **касательства**. *М. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия*. А поскольку дядя **имеет отношение к бизнесу**, то осенью он обещает устроить эксклюзивное выступление племянницы. *АиФ, № 23, 2000*. Андрюшу впрягали в работу ранней весной, вскапывал землю и отец, гордившийся вековой **связью с деревней**, **в связь** эту **входили** дед его и бабка, уже наученные ублажать

огород торфом и навозом. А. Азольский. *Лопушок*. В исторических событиях так называемые великие люди менее всего **имеют связи** с самым событием. Л. Толстой. *Война и мир*.

Другие структурно-семантические группы лично-предметных фразеологизмов отношений касательства представлены малым количеством единиц.

Предметно-личных фразеологизмов, выражающих отношения касательства, в нашей картотеке насчитывается 30 (1,7%).

Самой многочисленной оказалась структурно-семантическая группа, выделенная на основе общего понятия «быть интересным кому-либо»: **заслуживать/ заслужить внимание** кого-л., **иметь интерес** для кого-л., **привлекать/ привлечь внимание** кого-л., **приковывать/ приковать внимание** кого-л., **производить/ произвести впечатление** на кого-л.:

Наибольшего **внимания со стороны агронома и гигиениста заслуживает** здешняя чрезмерная влажность. А. Чехов. *ПСС, т. 10, с. 78*. Я сделал немало новых открытий, которые, впрочем, **имеют интерес** только для специалистов. И. Ефремов. *Путями старых горняков*. Эта часть рассказа произвела особенное **впечатление на Ларису Федоровну**. Б. Пастернак. *Доктор Живаго*. Спокойный басовитый голос рассказчика с седыми висками **привлек** и мое внимание. И. Шклина. *Семь лет с Горьким*. Разумеется, вейкбордисты делают все, чтобы их любимый вид спорта приковал наше внимание. *Спорт-экспресс, № 5, 1999*.

Семантический подтип фразеологизмов, выражающих отношения касательства одного предмета к другому, представлен 16 ФЕ (0,8%) и также может быть дифференцирован на структурно-семантические группы.

Примерами фразеологизмов с компонентами *отношение, связь* и под. могут служить следующие: **вступать/ вступить во взаимодействие** с чем-л., **входить/ войти в контакт** с чем-л., **иметь отношение** к чему-л., **иметь связь** с чем-л. и др.:

На самом же деле, для взрыва требуется редкое стечение обстоятельств: чтобы бак был заполнен не до предела, чтобы концентрация паров бензина, скопившихся в пустой части бака, была взрывоопасной, чтобы пуля попала именно в пустую часть бензобака или чтобы все это вошло в непосредственный **контакт** с открытым пламенем. *АиФ, № 28, 1999*. Вспомним все наши открытия <...>: <...> первое путешествие младенца в следующее измерение, новую **связь, установившуюся между глазом и предметом**, таинственную связь, которую думают объяснить те бездарности, которые делают “научную карьеру”

при помощи лабиринтов с тренированными крысами. В. Набоков. *Другие берега*. — Извините, я не думаю, чтобы это имело связь с моей просьбой, — вспыхнув, злобно ответил Нехлюдов. Л. Толстой. Воскресение.

Структурно-семантическая группа «учитывать что-либо» представлена единичными фразеологизмами: **брать/ взять в расчет** что-л., **брать/ взять во внимание** что-л., **брать/ взять на вооружение** что-л. Субъект отношений, выраженный неодушевленным существительным, чаще всего обозначает какую-либо организацию, что делает семантику фразеологизмов близкой к единицам, выражающим отношение лица к предмету:

Солідные газеты берут в расчёт только проверенные факты. *АиФ, № 18, 2001*. Раздувая провокационную шумиху вокруг повести “Раковый корпус”, враждебные нам радиоцентры взяли на вооружение еще один “документ”, именуемый ими “открытым письмом В. Каверина”. *ЛГ, № 26, 1968*.

Фразеологизм **привлекать/ привлечь внимание** к чему-л. в значении «заинтересовать чем-либо» употребляется в контексте без объекта-лица (чье внимание), акцент делается на отношения между предметами:

Рок всего лишь **привлекал внимание** к существовавшим социальным проблемам. *АиФ, № 30, 1999*. В-третьих, “горох”, контрастная полоска и прочие “агрессивные” ткани привлекают пристальное **внимание** к женскому лицу. *АиФ, № 3, 2000*.

Таким образом, фразеологизмы отношений касательства, чаще всего являются многозначными и выражают все четыре типа отношений: межличностные, лично-предметные, предметно-личные и межпредметные. Ядром рассматриваемого подтипа является структурно-семантическая группа фразеологизмов с компонентами *отношение, связь, контакт, касательство*, которые выражают значение отношения на самом абстрактном уровне. Центральное место в этой группе занимает фразеологизм **иметь отношение** к кому-чему-либо. Семантика отношений касательства наиболее характерна для лично-предметных фразеологизмов, т.к. субъект-человек определяет степень своей причастности к объекту-предмету.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебединская В. А. Семантика процессуальных фразеологизмов / В. А. Лебединская, Н. Б. Усачева. — Курган: Изд-во КГУ, 1999. — 186 с.
2. Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах. — М.-Л., 1948–1965. — Т. 5.

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова
Соколова А. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных и русского языков,
E-mail: asok19@yandex.ru

Tyumen Higher Military Engineering Command School
named after Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov
Sokolova A. A., Candidate of Philology, Associate Professor
E-mail: asok19@yandex.ru

СОЛНЦЕ В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА «ДЕТСТВО»

Е. Л. Сузрюкова

Новосибирская православная духовная семинария

Поступила в редакцию 6 мая 2017 г.

Аннотация: в статье исследуется семантика солнца в цикле рассказов писателя с православной картиной мира В. А. Никифорова-Волгина «Детство». Выявляются образы и мотивы, связанные с солярной семантикой. В рассказах, относящихся к пасхальному литургическому циклу, доминируют визуальные характеристики солнца, а в рассказе «Земля-именинница», включенном в Троицкий смысловой комплекс, солнце связано с одористическим смысловым рядом. Соположение в тексте солнца и мороза, а также ряд деталей и мотивов, присутствующих в другом рассказе «Детства», — «Канун Пасхи» — является, на наш взгляд, реминисценцией из «Зимнего утра» А. С. Пушкина. Смена колорита в этом рассказе напоминает цвета, используемые при написании икон, в частности, асист. Гимнографическое значение образов света и солнца раскрывается через церковное чтение. В последнем рассказе цикла «Серебряная метель» Солнце Правды — метафора Христа — имплицитно присутствует посредством цитирования начальных строк рождественского тропаря. Мотивы усиления интенсивности солнечного света и восхода солнца являются основными в цикле.

Ключевые слова: Никифоров-Волгин, цикл рассказов «Детство», солнце, семантика, литературный мотив.

Abstract: this article is a research of semantics of the sun in the stories cycle «The Childhood» by V. A. Nikiforov-Volgin, a writer with an orthodox worldview. The Sol-related semantic images and motifs are revealed. Visual characteristics of the sun dominate in the short stories of the Easter liturgic cycle while in the Earth the Birthday Girl short story of the Whitsun conceptual series the sun is related to the odor semantic line. Apposition of the sun and the frost in the text as well as a number of details and motifs present in the Easter-Eve short story of The Childhood cycle. The Easter-Eve is, in our opinion, a reminiscence of The Winter Morning by A. S. Pushkin. The colors' change in this short story resembles the colors used in icon painting, in particular the assist. The hymnographic meaning of light and the sun is revealed through liturgical readings. associated with the bright-shining sun. In the last short story of the cycle, The Silver Snowstorm, the Sun of the Truth — another metaphor of Christ — is implicitly present through citing the starting lines of the Christmas hymn. Motifs of sunlight intensity growing and of sunrise are predominant in the cycle.

Keywords: Nikiforov-Volgin, cycle of short stories «Childhood», sun, semantics, literary motif.

Цикл «Детство» открывает первую книгу В. А. Никифорова-Волгина (1901–1941) «Земля-именинница», вышедшую в свет в 1937 году. Писатель успел создать лишь две книги. Вторая носит название «Дорожный посох» (1938), а третья, над которой прозаик уже работал, так и осталась не воплощенной в реальность, поскольку материалы, относящиеся к ней, не найдены. Судьба В. А. Никифорова-Волгина трагична. После 1917 года он становится эмигрантом, когда Нарва, где он тогда жил, отходит к Эстонии. Вслед за установлением там советской власти писатель, совсем недавно вступивший в брак, был расстрелян за то, что в его книгах увидели «антисоветское содержание». В настоящее время автор цикла «Детство» прославлен Русской Православной Церковью в чине святых новомучеников Российских¹.

¹ Н. В. Пересторонин в монографии о жизни В. А. Никифорова-Волгина указывает, что память новомученика Василия отмечается 14 декабря, приводит текст тропаря, посвященного этому святому [1, 8].

Примечательно, что в каждом рассказе цикла «Детство»² присутствует образ солнца, а луна и месяц не встречаются читателю ни разу. Первый рассказ цикла — «Великий пост» — начинается «солнечным утром» [3, 3]. Дважды в тексте рассказа упоминание солнца соотносится с мотивом сыплющегося/рассыпающегося снега в виде пыли или крупинки. В последующих рассказах вновь актуализируется заданная здесь семантика разделения целого на части и возникает образ раскалываемого льда под воздействием тепла: «Колькин голос, как птица, взлетает все выше и выше, и вот-вот упадет, как талая льдинка с высоты, и разобьется на мелкие хрусталики»

² Е. А. Осьминина пишет, что в циклах, открывающих две книги писателя, — «Детство» в книге «Земля-именинница» и «Из воспоминаний детства» в книге «Дорожный посох» — речь идет об «одном и том же годе из жизни ребенка, в котором без труда угадывается сам автор, повествование идет от первого лица. Описана Нарва, мать и отец, дворовые друзья и пр.» [2, 218].

[3, 11]. Череда этих образов в сюжете произведения связана с наступлением весны — как природной, так и духовной. «Духовной весной» в православных песнопениях назван Великий пост — это время пробуждения души от греховного сна, период интенсивной духовной работы верующего над собой. Духовная реальность для автора первична, и перемены, происходящие в материальном мире, обусловлены событиями в духовной жизни людей, в жизни церкви³.

В первом рассказе цикла «скованному морозом солнечному утру» [3, 3] противопоставит колокольный звон. Далее в этом же рассказе мороз и солнце вступают в бинарную оппозицию: «А кругом солнце. Оно уже сожгло утренние морозы. Улица звенит от ледяных сосулек, падающих с крыш» [3, 5]. Соположение в тексте солнца и мороза, а также ряд деталей и мотивов, присутствующих в другом рассказе «Детства», — «Канун Пасхи» — является, на наш взгляд, реминисценцией из «Зимнего утра» А. С. Пушкина, в котором, к примеру, Н. Л. Степанов подчеркивал «солнечную, жизнеутверждающую тональность» [5, 197]. Так, «янтарный блеск», озаряющий утром комнату в пушкинском тексте⁴, трансформируется у В. А. Никифорова-Волгина в «необыкновенной нежности янтарный свет» [3, 37], получающий у автора XX века новую — метафизическую — трактовку: «Почему-то представилось, что таким светом залито Царство Небесное» [3, 37]. С «затопленной печью» из «Зимнего утра» соотносится у В. А. Никифорова-Волгина следующий фрагмент текста: «Утро Великой Субботы запахло куличами. Когда мы еще спали, мать хлопотала у печки» [3, 37]. В отличие от пушкинского, в данном тексте доминирует не аудиальный, а обонятельный канал восприятия, который указывает на работающую печь. Снег в рассказе «Канун Пасхи» появляется в виде праздничных «снеговых занавесок» на окнах; поля тут уже не относятся к сфере земной природы, но вынесены за пределы земной реальности как «поля Господни»; вместо «голубых небес» рассказчик повествует о «синей высоте». Мотивы пробуждения, выхода за пределы замкнутого пространства комнаты и воспоминания присутствуют в обоих текстах. Однако, как видим, в произведении В. А. Никифорова-Волгина образы земной реальности семантически тяготеют к вечности, осмысливаемой с позиции христианина. При этом в тексте сохраняется пушкинское жизнеутверждение, радость.

Восход солнца в рассказе «Канун Пасхи» передан через смену колорита: «Из янтарного он [свет] постепенно превращался в золотистый, из золотистого в румяный, и наконец, на киотах икон застру-

ились солнечные жилки, похожие на соломинки» [3, 37]. Соположение икон и тонких «жилок» солнечного света напоминает асист — «как бы эфирную, воздушную паутинку тонких золотых лучей, исходящих от Божества и блистанием своим озаряющих все окружающее» [7, 192]. Перед нами нерукотворный асист, благодаря которому изображаемая картина наполняется живым движением солнечных лучей-«соломинок». Динамика сменяющих друг друга красок передает цветовые оттенки, сопутствующие постепенно пробуждающемуся дню и утренней заре, и взошедшему солнцу соответствует здесь не заполнение пространства статичным светом, но локализация избыточно струящегося яркого солнечного света именно в топосе икон. Таким образом, солнце оказывается явленным здесь как объект, относящийся к иконографии. Взаимодействие образов солнца и икон взаимно «усиливает» их семантику: иконы помещаются в центр изображения, а восход солнца окрашивается сакральным смыслом. Традиционная гимнографическая метафора-символ Христа — Солнце правды — позволяет осмыслить этот момент повествования как, во-первых, еще одно указание в тексте на приближающуюся Пасху, и, во-вторых, зримое выражение христианского представления о том, что тварный мир (и в особенности святые, чьи изображения помещаются на иконах) получает полноту бытия только благодаря Богу, находясь под живительными лучами Его благодати.

Далее в тексте гимнографическое значение образов света и солнца раскрывается через церковное чтение, которое слышит рассказчик и цитирует почти точно (непорочно из последования утрени Великой Субботы): «Иисусе, спасительный Свете, во гробе темном скрылся еси: о неисказанного и неизреченного терпения!»; «Под землею скрылся еси, яко солнце ныне, и нощию смертною покровен был еси, но возсияй светлейше, Спасе»; «Зашел еси, Светотворче, и с Тобю зайде свет солнца <...>» [3, 39]. Рассказчик приводит здесь лишь некоторые из множества тропарей, которые поются или читаются на службе в церкви в этот день. Примечательно, что выбраны именно те тропари и их фрагменты, в которых присутствует мотив солнца/света, погружающегося во тьму⁵. Тьме гроба и смерти противопоставляется в этих фрагментах Свет — Христос. Семантика света предполагает здесь не окончательное угасание, но лишь временное отсутствие солнца из-за

³ Как отмечает С. Исаков, «Никифоров-Волгин был православным христианином, и это прежде всего определяет его творчество» [4, 334].

⁴ Подробнее об этом см. в работе Ю. И. Строева «Эссе о янтарной комнате и о Пушкине» [6].

⁵ В Постной Триоди полные варианты первого и третьего из процитированных тропарей выглядят так (второй в тексте писателя цитируется без изменений): «Иисусе, Сладкий мой и спасительный Свете, во гробе како темном скрылся еси? О несказанного и неизреченного терпения!» [8, 468]; «Зашел еси, Светотворче, и с Тобю зайде свет солнца: трепетом же тварь содержится, всех Тя проповедающе Творца» [8, 475].

наступившей ночи, что в гимнографическом тексте передано при помощи образа «нощи смертной»⁶. Интересно, что нетварное — божественное — Солнце сопоставлено в последнем из цитируемых тропарей с солнцем тварным — природным («и с Тобою зайде свет солнца <...>»). В то же время после возгласа священника «Слава Тебе, показавшему нам Свет» в тексте рассказа реальный природный мир показан как наполненный солнечным светом: «Солнце уже совсем распахнулось от утренних одеяний и засияло во всем своем диве» [3, 39]. Благодаря изобилию солнечного света в «Кануне Пасхи» смягчается скорбь событий Великой Субботы. Мотив радости от приближающегося праздника усиливается к завершению этого рассказа цикла «Детство»: «На столе лежали душистые куличи с розовыми бумажными цветами, красные яйца и разбросанные прутики вербы. Все это освещалось солнцем и до того стало весело мне, что я запел:

— Завтра Пасха, Пасха Господня» [3, 41–42].

В четвертом рассказе цикла «Причащение» пасхальная снедь, как и в конце рассказа «Канун Пасхи», изображается в соотношении с солнечным освещением: «Пахли они [пасхальные яйца] по-особенному — не то кипарисом, не то свежим тесом, прогретым солнцем» [3, 21]. Образы солнца и дерева, которые в гимнографических текстах выступают традиционными метафорами Христа и крестного древа, интегрируются здесь в мотив крестной смерти и воскресения, они выступают в качестве предварения праздника Пасхи.

Центральным событием рассказа «Причащение» становится принятие Васей Святых Христовых Таин, которому предшествует вынос Чаши с Дарами из алтаря: «Из окна, прямо в Чашу, упали солнечные лучи, и она загорелась жарким опалющим светом» [3, 26]. Являясь центром Евхаристии, Чаша здесь выделяется также и в визуальном плане изображения дополнительным к основному солнечным освещением. К тому же тут актуализируется семантика огня, присутствующая и в молитвах ко Святому причащению («<...> трепещу, приемля огонь <...>» [10, 129], «<...> якоже огонь да будет ми и яко свет Тело Твое и Кровь, Спасе мой» [10, 130], «Аз же, окаянный, все Твое Тело дерзая восприять, да не опален буду» [10, 144] и т.п.). Сам момент причащения представлен в тексте следующим образом: «Уст моих коснулась золотая солнеч-

ная лжица <...>» [3, 26]. Такое изобилие света сходно с приемом антанакласы на семантическом уровне, которая часто используется в богослужебных текстах. Антанакласа предполагает употребление рядом или близко друг от друга разных форм одного слова в разных значениях. Здесь же Солнцу правды и Свету причащаются из освещенной тварным солнцем блестящей Чаши. В завершении рассказа вновь появляется образ солнца как вестника наступающей весны: «И всех на земле было жалко, даже снега, насильно разбросанного мной на сожжение солнцу» [3, 27]. Противопоставление солнца и снега в приведенном фрагменте очевидно, однако автору важно отметить в финале рассказа, как изменилось восприятие мира у Васи: ребенок испытывает сострадание даже к снегу. Это знак, указывающий на то, что мальчик действительно приобщился Христу, таинство совершилось не только во внешнем мире, но и в духовной реальности.

Особая интенсивность солнечного света прослеживается от начала цикла «Детство» до рассказа «Светлая Заутреня», завершающего литургический пасхальный цикл в произведении В. А. Никифорова-Волгина. Так, во втором рассказе — «Преждеосвященная» — солнечные лучи освещают пространство храма, при этом в повествовании подчеркивается темпоральная характеристика солнца: «Алтарь и амвон в ярком сиянии мартовского солнца» [3, 9]. Именно в этом рассказе возникает мотив игры с солнечными лучами, в пасхальное время трансформирующийся затем в игру самого солнца⁷ (ожидая прихода Пасхи, Вася размышляет о возможностях, которые дает верующему человеку этот праздник, в рассказе «Плещаница», в числе которых есть и такая: «Все же хочется <...> посмотреть, как солнце играет...<...>» [3, 33]). Пока же Пасха не наступила, в игру вступает не само солнце, а его лучи: «<...> Опустил руки в солнечные лучи и, склонив на бок голову, смотрел, как по руке бегали «зайчики». Я старался покрыть их шапкой, чтобы поймать, а они не давались» [3, 10]. Игра Васи и «зайчиков» вносит

⁷ Рассказ «Солнце играет» — предпоследний во второй книге писателя «Дорожный посох» [11]. Здесь пасхальному крестному ходу противопоставлено представление, устроенное комсомольцами как альтернатива христианскому празднику. Солнце в качестве природного объекта в тексте отсутствует, и читателю очевидно, что речь идет не о космическом светиле, но о Боге, творящем чудеса наподобие тех, что происходили в первые века христианства, когда актер, намеревающийся поглумиться над христианской верой, прямо на сцене действительно становился христианином (подр. об этом см. в статье А. Д. Пантелеева [12]). Игра солнца в этом контексте — чудо, преобразившее артиста Ростовцева, а также напоминание о пасхальном времени, в пределах которого и возможно совершение подобного чуда.

⁶ Ср. в «Толковании на Евангелие от Иоанна» блаж. Феофилакт Болгарский, рассматривая пятый стих первой главы («И свет во тьме светит, и тьма не объяла его») пишет: «Ни смерть не преодолела Его, ни заблуждение. Ибо свет этот, т.е. Слово Божие, непреоборим. Некоторые тьмою считали плоть и земную жизнь. Слово сияло и тогда, когда стало во плоти и было в сей жизни, а тьма, т.е. противоположная сила, искушала и преследовала свет, но нашла Его неодолимым и непобедимым» [9, 20].

радостную тональность в строгость великопостного богослужения. Примечательно, что другой мальчик — товарищ Васи по играм — тоже изображен вместе с солнечным «зайчиком»: «<...> в волосах его [Витьки] шевелится солнечный луч» [3, 12]. Таким образом, мотив игры солнца и солнечных «зайчиков» сопряжен у В. А. Никифорова-Волгина с темой детства в этом рассказе, а в семантическом сюжете цикла интегрируется в события наступления весны и Пасхи.

Как пространство храма, так и внехрамовое пространство улицы в рассказе «Преждеосвященная» наполнены солнцем: «Мы пошли <...> по сверкающим лужам и золотой от солнца грязи» [3, 13]. Лужа и грязь (знаки земли, низа) становятся здесь благодаря насыщению солнечным светом «украшением» и центром уличного топоса, они приобретают радостную солярную семантику (знаки неба, верха). Смысл единства земного и небесного семантически рифмуется в тексте с состоянием единения, возникающим между детьми, посетившими великопостную литургию: «А когда в роще, которая гудела по-особенному, по-весеннему, напали на тихие голубинки подснежников, то почему-то обнялись друг с другом и стали смеяться и кричать на всю рощу... А что кричали, для чего кричали — мы не знаем» [3, 14].

Пасха в восьмом рассказе цикла «Светлая Заутреня», несмотря на то что богослужение совершается ночью, на семантическом уровне ассоциируется с ярко сияющим солнцем. «Весенними деревьями на солнечном поветрии заколыхались высокие хоругви» [3, 48], — так описывает Вася крестный ход перед праздничной службой, насыщенный светом огней от свечей, которые несут христиане. Радость переживаемых событий рассказчик передает при помощи образов, связанных с солнцем: «Пасха! Пасха Господня! — бегали по душе солнечные зайчики» [3, 49]. Здесь не только внешнее, но и внутреннее пространство субъекта наполняется светом, благодаря чему в тексте возникает семантическая метаморфоза, охватившая всех присутствующих: «А люди? Где они? Все превратились в ликующие пасхальные свечи!» [3, 49].

В этом рассказе уже окончательно разрешается оппозиция снега и солнца. Здесь вновь возникает образ рассыпающегося снега, который присутствовал в начальных рассказах цикла, — уже в последний раз: «Священник <...> с заяснившимся лицом, светло и громко воскликнул: «Христос Воскресе», и народ ответил ему грохотом спадающего с высоты тяжелого льдистого снега, — «Воистину Воскресе» [3, 50]. Диалог между священнослужителем и людьми строится, помимо всего прочего, на соотношении света, исходящего от громких слов батюшки, и «проясненности» его лица со звуком «тяжелого льдистого снега», словно «уступающего» место теплу и свету

солнца⁸¹. Этот ряд образов передает также семантику ухода зимы и наступления весны, намеченную в первом рассказе — «Великий пост» — и постепенно раскрывающуюся на протяжении других рассказов «Детства».

В рассказе «Земля-именинница», как и в «Кануне Пасхи», есть картина пробуждающегося рассвета: «Приход Святой Троицы на наш двор я почувствовал рано утром, в образе солнечного предвосхody, которое заполнило нашу маленькую комнату тонким сиянием» [3, 56]. На полу Вася видит «первые солнечные лучи — утренники» [3, 56]. Тут отсутствует последовательная смена колорита, как это было в предпасхальном рассказе ранее, но сохраняется общая ситуация подготовки к празднику: мать Васи напекла пироги и зажгла лампаду перед иконами. Восход солнца показан как уже свершившийся факт: «По земле-имениннице солнце растекалось душистыми и густыми волнами» [3, 57]. Здесь солнце приобретает значение уже не столько источника света, сколько стихии, обладающей свойствами воды и воздуха. Вообще именно в этом рассказе особую семантическую нагруженность приобретает одористический ряд образов, в который включается и солнце (его «душистые волны»): это «душистое и звенящее слово “лес”» [3, 54], «духмяная березовая листва» [3, 56], запах пирогов, в котором Вася чувствует «значительность наступающего дня» [3, 56], «горькое дыхание» трав [3, 57], замечание рассказчика, что «густо пахло березами» [3, 60]. Такое обилие пахнущих трав и листвы связано здесь с традицией украшать храм в праздник Троицы зеленью, и вся сюжетная обстановка в рассказе указывает на данный день церковного календарного года. Открывается рассказ картиной, в которой связываются образы солнца и зелени берез: «Березы под нашими окнами журчали о приходе Святой Троицы. Сядешь в их засень, сольешься с колебанием сияющих листьев, зажмуришь глаза, и представится тебе пересветная и струистая дорожка, как на реке при восходе солнца; и по ней в образе трех белоризных ангелов шествует Святая Троица» [3, 52]. Очевидно, что «сияющие листья», упомянутые здесь, говорят о ярком солнце, которое либо также присутствует в воображаемом Васей «шествии ангелов», либо заменяется светом, исходящим от ангелов (неопределенность задает сравнение «как на реке при восходе солнца»; при отсутствии союза «как» картина станет однозначной). При последней интерпретации замена солнца Троицей вновь напоминает о традиционных гимнографических метафорах Бога: «Свет истины», «Солнце правды».

⁸ Здесь уместно вспомнить рассуждения о последовательно сменяющих друг друга типах весны М. Пришвина в книге «Календарь природы», где автор пишет, в частности, о весне света и воды [13, 29].

В этом контексте тварное солнце — зримый знак присутствия в мире Творца.

Именно «Солнце правды» в последнем рассказе цикла «Детство» — «Серебряная метель» — хотя и не упоминается прямо, но все же обнаруживает себя через неоднократные отсылки к тропарю праздника. Кроме того, в тексте этого рассказа цитируется фрагмент рождественской службы, содержащий такие слова: «Живущий во стране и сени смертной свет возсияет на вы, яко с нами Бог <... >» [3, 68]. Святитель Василий Великий толкует это высказывание, восходящее к 9-й главе, 2-му стиху книги пророка Исайи, так: «<...> сии люди, омраченные языческим неведением, увидели свет; не свет огня, не свет звезд или луны, не свет солнца или молнии, но *Свет великий*, воссиявающий существам уопределяемым и чувственным, — Свет, Который пребывает со Отцом и просвещает человека, просветляет Ангелов, всем достаточен, и даже сверх того простирает лучи Свои. В какой же стране жили язычники? В стране, осененной смертью. Ибо на них, по причине идолослужения, лежало как бы густое облако, пока пришедший Свет не рассеял тумана и не распростер над ними сияния истины» [14, 293]. Как видим, упоминаемый в тексте рождественского богослужения свет⁹ — номинация, относящаяся ко Христу, т.е. Солнцу правды (эта метафора содержится в тексте тропаря праздника). Таким образом, солнце в завершении цикла «Детство» имплицитно включается в гимнографический контекст, являясь метафорой Сына Божия.

Итак, солнце в цикле рассказов В. А. Никифорова-Волгина «Детство», с одной стороны, включено в систему природных объектов и имеет в этом качестве ярко выраженную темпоральную характеристику, поскольку сопрягается с сюжетом наступления весны (через мотивы тающего/рассыпающегося снега и льда под воздействием солнца, а также игры солнца), с другой же стороны, выступает как элемент гимнографического текста, в котором или является метафорой Иисуса Христа (чаще), или обозначает тварное солнце, созданное Творцом (реже). В рассказах, посвященных пасхальному литургическому циклу, солнце как природный образ предвосхищает воскресение Христа — Солнца правды — и сопровождается мотивами радости и ожидания праздника.

Восход солнца — значимое для рассказчика событие (рассказы «Канун Пасхи», «Земля-имениница»), являющееся, как и особенности постных и праздничных дней, открытием для Васи («Никогда в жизни я не видел еще такого великолепного чуда, как восход солнца!» [3, 37]). В последнем же рассказе цикла — «Серебряная метель» — центральное место занимает образ рождественской звезды,

а солнце имплицитно присутствует как метафора Христа, выявляемая через начальные строки праздничного тропаря, несколько раз процитированные в тексте. В этом же тропаре восход солнца интерпретируется как Рождество Христово. Таким образом, мотив солнечного восхода увязывается в цикле «Детство» с главными православными праздниками (Пасха, Троица, Рождество), а также семантически рифмуется с номинацией всего цикла, маркируя смыслы начала, исходной точки (в возрасте человека, в становлении его мировоззрения, в развитии веры, в наступлении значимых событий для верующего человека, накладывающих глубокий отпечаток на его душу).

ЛИТЕРАТУРА

1. Пересторонин Н. В. Молнии слов светозарных: Этот известный неизвестный В. А. Никифоров-Волгин / Н. В. Пересторонин. — Киров: Издательский дом «Герценка», 2013. — 76 с.
2. Осьминина Е. А. Тексты церковных песнопений в циклах «Детство», «Из воспоминаний детства» В. А. Никифорова-Волгина / Е. А. Осьминина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. — М., 2015. — № 5 (716). — С. 246–226.
3. Никифоров-Волгин В. А. Земля-имениница / В. А. Никифоров-Волгин. — М.: Ставрос, 2004. — 224 с.
4. Исаков С. Забытый писатель / Исаков С. // В. А. Никифоров-Волгин. Дорожный посох. — М.: Советская Россия, 1992. — 366 с. С. 330–339.
5. Степанов Н. Л. Лирика А. С. Пушкина / Степанов Н. Л. Очерки и этюды. — М.: Художественная литература, 1974. — 368 с.
6. Строев Ю. И. Эссе о янтарной комнате и о Пушкине / Ю. И. Строев // История и культура. — СПб., 2007. — № 6. — С. 64–79.
7. Трубецкой Е., кн. Символика красок / Е. Трубецкой // Православная икона. Канон и стиль. К богословскому рассмотрению образа. М.: Православный паломник; Глаголы жизни, 1998. — С. 190–196.
8. Триодь постная. М.: Правило веры, 2015. — 1120 с.
9. Феофилакт Болгарский, блаж. Благовестник: в 4 т. — Т. 4. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2010. — 560 с.
10. Православный молитвослов. Молитвы на всякую потребу. — М.: Издательство Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2008. — 688 с.
11. Никифоров-Волгин В. А. Ключи заветные от радости / В. А. Никифоров-Волгин. — М.: Дарь, 2013. — 432 с.
12. Пантелеев А. Д. Из мимов в мученики: истории об обращении римских актеров / А. Д. Пантелеев // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. — СПб., 2013. — № 13. — С. 389–402.
13. Пришвин М. М. Собр. соч.: в 8 т. — Т. 3. М.: Художественная литература, 1983. — 133 с.
14. Василий Великий, святитель. Толкование на кни-

⁹ Подробнее об этой метафорической номинации см., к примеру, работу М. А. Садыковой [15].

гу пророка Исаяи.— М.: Издательство Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2002.— 416 с.

15. Садыкова М. А. Концепты «свет/light» и «тьма/

darkness» в тексте Библии / М. А. Садыкова // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. Ижевск, 2007.—№ 5-2.— С. 171–174.

Новосибирская православная духовная семинария

Сузрюкова Е. Л., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин.

E-mail: npds@yandex.ru

Novosibirsk Orthodox Theological Seminary

Suzryukova E. L., Candidate of Philology, lecturer of the department of humanitarian disciplines.

E-mail: npds@yandex.ru

МИКРОГРУППОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Т. В. Тимошина

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 18 января 2018 г.

Аннотация: *проведено исследование микрогрупповых значений слов в речи старшеклассников. Показано, что микрогрупповые значения требуют дальнейшего лингвистического осмысления и описания. В рамках семасиологии такие значения относятся к числу несистемных.*

Ключевые слова: *несистемное значение, микрогрупповое значение, когнитивная лингвистика.*

Abstract: *a study of the microgroup meanings of words in speech of schoolchildren shows that they need further linguistic understanding and description. Within semasiology such meanings are nonsystem.*

Keywords: *nonsystem meaning, microgroup meaning, cognitive linguistics.*

Одним из назревших вопросов современного языкознания следует признать необходимость разграничения понятий системного и несистемного. При этом *системное* понимается в лингвистике как устойчивое, зафиксированное, упорядоченное, а *несистемное* — как случайное, разовое, индивидуальное, контекстуальное и т.п. Таким образом, априори предполагается, что описание языка должно быть системным — в интересах выявления и фиксации устойчивого, закреплённого в целях обучения языку, составления нормативных словарей, грамматик и т.д. [1].

В то же время языковая практика показывает, что сфера «несистемного» в языке чрезвычайно широка, а значит, разграничение системных и несистемных аспектов является назревшей научной потребностью.

Системным значением слова является значение, *общеизвестное всем говорящим, зафиксированное в толковых словарях и текстах.*

Несистемные значения слов (т.е. *общеизвестные лексемы системы языка, употребляемые не всеми, известные не всем носителям языка, используемые внутри больших или малых групп говорящих*) подразделяются на следующие типы:

- *групповые значения*, которые в свою очередь подразделяются на *собственно групповые* (территориальные, профессиональные, жаргонно-сленговые, возрастные, гендерные значения) и *микрогрупповые* (корпоративные, семейные, дружеские значения);
- *индивидуальные значения* (фиксируемые в речи только одного человека — реальной личности или литературного персонажа; выявленные экспериментально в сознании одного носителя языка).

Микрогрупповые значения — это значения, представленные в языковом сознании закрытой микро-

группы лиц, связанных друг с другом социальными отношениями и состоящих между собой в регулярной коммуникации (в коллективе, семье, дружеском кругу), не используемые и непонятные вне данного круга.

Микрогрупповые значения слов были выявлены в 2016–2018 годах в результате опроса старшеклассников — участников филологической смены для одаренных детей Воронежской области, проходившей на базе АУ ВО «Пансионат с лечением “Репное”». В соответствии с видом коммуникации в микрогруппе мы выделяем 3 типа микрогрупповых значений: 1) семейные (132 примера), 2) дружеские (128), 3) корпоративные (60).

Укажем разновидности микрогрупповых значений слов в словоупотреблении школьников:

1. Иронические (с яркой иронической коннотацией).
2. Стереотипно-прецедентные (сложившиеся под влиянием социальных стереотипов; отсылающие к прецеденту, историческому явлению или факту).
3. Уменьшительные (чаще в обиходе девочек).
4. Переносы (метафора — по визуальному или функциональному сходству, реже метонимия и синекдоха); метафорическая направленность речи — свидетельство ее развитости, образности.
5. «Фонетические» (использующие опорное слово словосочетания; другое звуковое сходство).
6. Сокращения (аббревиатуры и конденсаты).
7. Немотивированные (с точки зрения исследователя).

Отметим, что указанные микрогруппы различаются удельным весом разных видов значений. Во всех микрогруппах активно представлены иронично-остроумные значения, при этом в дружеской и семейной микрогруппах их удельный вес практически

совпадает (12% и, соответственно, 11%), в корпоративной микрогруппе индекс яркости вдвое выше (25%). Приведем примеры.

Корпоративные микрогрупповые значения:

Барин — в значении «замдиректора»

Бомжатник — сбор с друзьями и песни под гитару

Консилиум — педсовет

Победитель (по жизни) — когда кто-то опозорился

Эрудит — очень тупой человек

Семейные микрогрупповые значения:

Волкодав — маленькая собачка

Программист — профан, не знающий ИКТ

Киндер-сюрприз — неопределенный пол ребенка, еще не родившегося

Дружеские микрогрупповые значения:

Леди — девушка, не отличающаяся интеллигентностью

Физик — чел. с гуманитарным складом ума

Недвижимость — чел., к-й объелся и не может встать.

Другим типом значения, представленным во всех микрогруппах, является перенос, в большинстве случаев метафорический (по визуальному или функциональному сходству), гораздо реже — метонимия и синекдоха. При этом удельный вес таких значений примерно совпадает во всех микрогруппах (от 10% до 13%). Например:

Корпоративные микрогрупповые значения:

Водоросль — в значении «длинный, нескладный человек»

Гнездо — туалет

Дырка — плохой футбольный вратарь

Пепельница — курящий человек

Семейные микрогрупповые значения:

Кулек — новорожденный в одеяле

Кустик — племянник, ведущий сидячий образ жизни

Невод — паутина

Огрызок — гаджет марки Apple

Дружеские микрогрупповые значения:

Плюмбум — тяжелая ситуация

Бубенцы — наушники

Потанцевать — подраться за гаражами

Таджик — форма бровей

Другие разновидности микрогрупповых значений не являются обязательными для каждой из микрогрупп. Так, *уменьшительные значения* (чаще в обиходе девочек) нередки в корпоративной (13%) и семейной (11%) микрогруппах, а в дружеском кругу отсутствуют. Например:

Корпоративные микрогрупповые значения:

Воронежский государственный педагогический университет

Тимошина Т. В., доцент кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: tavit-ra@mail.ru

Котята — в значении «школьники в Репном» (так зовет наставник)

Мальки — младшеклассники

Щекастик — полный человек

Семейные микрогрупповые значения:

Кнопочка — сестренка

Козявка — младшая дочь

Пушкí — маленькие дети, морские свинки

В то же время *стереотипно-прецедентные значения* (сложившиеся под влиянием социальных стереотипов, или отсылающие к прецеденту, историческому явлению или факту), единично представленные в семейной и дружеской микрогруппах, активны в корпоративной микрогруппе (17% от общего числа значений):

Большевики — в значении «маленькие дети из 5–6-классов» (содержит дополнительно ироническую коннотацию)

Блондинка — не понимающий физику человек (содержит иронию)

Гильдия — 8 отряд

Наименее распространены сокращения разных видов (чаще аббревиатуры и конденсаты). Например:

Корпоративные микрогрупповые значения:

Город — музыкальная группа Город 312

ГЭС — ученики социально-экономического, гуманитарного направления

Семейные микрогрупповые значения:

КПЗ — комната приятных запахов

Общество — обществознание

Дружеские микрогрупповые значения:

Мак — Макдональдс

Сотка — сотовый телефон

Необходимо отметить, что микрогрупповые значения, представленные в языковом сознании закрытых микрогрупп лиц, состоящих между собой в регулярной коммуникации, являются одним из наименее изученных типов лингвистических значений. Такие значения могут обогащать речь школьников, свидетельствуют о лингвокреативности, о способности к речетворчеству как важнейшей характеристике языковой личности. Они неизвестны подавляющему большинству носителей языка, выявляются методом лингвистического опроса и требуют дальнейшего лингвистического осмысления и описания.

В рамках семасиологии такие значения относятся к числу *несистемных*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова З. Д. Общее языкознание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: Восток-Запад, 2007. — 408 с.

Voronezh State Pedagogical University
Timoshina T. V., Associate Professor of the General Linguistics, History and Didactics of Russian Language and Literature Department
E-mail: tavit-ra@mail.ru

ЭПИГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ПОСЕЛКА

Т. В. Фролова

Дальневосточный федеральный университет

Поступила в редакцию 6 декабря 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается специфика сельского эпиграфического портрета как в индивидуальном проявлении, так и в сравнении с городскими тенденциями. Подробно представлена антиномия креативности в сельской эпиграфике: с одной стороны, наблюдается низкая степень проявления творческого начала, с другой — под воздействием некоторых факторов она усиливается и приобретает специфическое воплощение. Особое внимание уделено локативному фактору и его влиянию на организацию сельского письменного кода.

Ключевые слова: эпиграфика, малые письменные жанры, вывеска, объявление, локус, креативность.

Abstract: the article considers the specificity of a rural epigraphic portrait both in individual manifestation and in comparison with urban trends. The antinomy of creativity in rural epigraphy is presented in detail: on the one hand, there is a low degree of manifestation of the creative principle, on the other hand, under the influence of some factors, it increases and gets a special embodiment. Special attention is paid to the locus factor and its influence on the organization of the rural writing code.

Keywords: epigraphy, small writing genres, signboard, announcement, locus, creativity.

ВВЕДЕНИЕ

Изменения в сфере городской эпиграфики привлекают всё больше внимания исследователей в связи со «вторым рождением» темы языка городского общения в лингвистике и её включением в антропоцентрическую научную парадигму [1, с. 5]. Эпиграфические тексты очень живо реагируют на социальные, политические и экономические изменения в обществе, такая реакция, по словам М. В. Китайгородской, сравнима со «сменой речевых одежд»: новые тенденции в эпиграфике города придают ему совершенно новый облик [2]. Эта же закономерность свойственна и сельской эпиграфике. На современном этапе научных исследований представляется возможным обратиться к языку села и сравнить, чем сельские «эпиграфические одежды» отличаются от городских.

Материалом для наблюдения послужили эпиграфические тексты (вывески, плакаты, объявления), зафиксированные в сёлах и посёлках Приморского края (собранный материал составил около 1100 фактов). Целью нашего исследования являлось выявление в эпиграфическом портрете села как индивидуальных характеристик, так и общих, свойственных любому приморскому посёлку. Для достижения этой цели мы обратились к следующим аспектам в сфере эпиграфики: 1) отражение в сельской эпиграфике общих тенденций; 2) сельская специфика малых письменных форм; 3) локативная организующая сельской эпиграфики.

1. ОТРАЖЕНИЕ В СЕЛЬСКОЙ ЭПИГРАФИКЕ ОБЩИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Тенденции, являющиеся общими для современной коммуникации и описанные в исследованиях языка города, прослеживаются и в сельской коммуникативной среде. Прежде всего, это проявляется в сфере эргонимии. Например, особенностью Вольно-Надеждинского является его протяжённость вдоль железной дороги, а также вдоль федеральной трассы «Владивосток-Хабаровск», условный центр села сосредоточен в непосредственной близости от железнодорожной станции. Высокая конкуренция и ориентация на не местных «чужих» клиентов повышают степень креативности вывесок именно в центре села. Мы обнаружили следующие примеры проникновения городских тенденций в сферу эпиграфики с Вольно-Надеждинского:

1) широкое использование языковой игры и креолизации, в том числе пиктографимики: на вывеске «*Вавермания*» первую букву заменяет перевёрнутый логотип ресторанов быстрого питания «Макдональдс»;

2) использование цитаций: «*ПивоМАРКЕТ/Разливное пиво/Губит людей не пиво*», «*Ты туда не ходи, ты сюда ходи*»;

3) графическая игра: на вывеске «Магазин разливных радостей» фраза «НЕХочешь ИСКАТЬ ГДЕ ДЕШЕВЛЕ...» обыгрывается с помощью изменения размера шрифта (рис. 1); и некоторые другие примеры.

Представленные тенденции свидетельствуют о повышении степени креативности сельской эпиграфики в области транспортных линий: автомагистралей и железнодорожных путей.

II. СЕЛЬСКАЯ СПЕЦИФИКА МАЛЫХ ПИСЬМЕННЫХ ФОРМ

Действительно, дорога стимулирует креативность имядателей. Прежде всего, это прослеживается на различных придорожных вывесках, например кафе в с. Вольно-Надеждинском «33 Каровы» (буква «а» выделена), бистро в пос. Кипарисово «КУСЬ-КУСЬ. НЯМ-НЯМ», в с. Дмитриевка магазин «Сильно» (рис. 2).

Однако в целом, для сельских вывесок характерна меньшая степень креативности. Данное заключение было сделано на основе сопоставления с выводами исследователей городской эпиграфики: М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [3], Т. В. Шмелёвой [4], Н. В. Михайлюковой [5]. Многие городские тенденции в сельских текстах проявляется гораздо слабее, представляя собой лишь отдельные случаи.

Наблюдения показали, что чем дальше от центра села, тем ниже степень креативности вывесок. В удалении от центра нам встретились названия, созданные при помощи прямой номинации по типу предлагаемого товара, такие, как «Продукты», «Хоз-товары», наиболее характерные для сельской языковой среды. В них для предоставления информации о профиле заведения используются различные типы метонимических замен: «Товары повседневного спроса», «Посуда», «Охота и рыбалка» и др.

Креативность в селе может получать и особое проявление: появляются тексты-гибриды, совмещающие функции различных жанров. Например, объявления-плакаты, сочетающие в себе признаки и реализующие функции двух жанров. Объявление-плакат выполняет одновременно информативную, воздействующую и аттрактивную функции (рис. 4). Надпись на подобных объявлениях выполняет информационную функцию, основную для объявления. Воздействующая функция реализуется при помощи императивных конструкций (*Не пропустите!*), актуализации адресата на основе описательных конструкций (*все, у кого на одежде будет рисунок в горошек*) и др. Аттрактивная функция, являющаяся доминантной для плаката, реализуются с помощью интенсивного использования различных средств креолизации (шрифтовыведение, цветовыведение, использование изображений и т.д.), кроме того, сам текст довольно крупного формата. Подобные гибриды встречаются в различных сельских населённых пунктах на деревянных щитах, специально отведённых для объявлений (рис. 5). Следует отметить, что сельскую эпиграфику отличает рукописное исполнение различных текстов, даже вывесок: «ТАТУ салон» (рис. 6).

Следует сказать об особой тематике сельских объявлений: это прежде всего объявления, непосредственно связанные с особенностями сельской жизни: о продаже домашней птицы, кроликов, свиней, дров и т.п. Напротив, определённые тематические группы объявлений либо не свойственны сельской

эпиграфике вообще, либо встречаются очень редко. Например, низкая частотность объявлений, сообщающих об услугах сантехника, электрика и т.п., поскольку, как правило, все жители села лично знают того, кто занимается подобными работами, поэтому у него нет конкурентов в профессии. Личным знакомством сельских жителей друг с другом и закрытостью сельского социума обусловлена редкая встречаемость объявлений-предупреждений, таких как «Осторожно, злая собака!». Единичные их примеры можно встретить в курортных и туристических местах, например в пос. Горные Ключи, где находится курорт «Шмаковка», или в с. Анисимовка, где часто останавливаются туристы, направляющиеся на Смольные водопады: «Злая собака! Две» (рис. 7). Адресатом данных объявлений являются не местные жители, а приезжие «чужаки».

Территориальное расположение сельского поселения, таким образом, оказывается значимым для нашего исследования, считаем необходимым рассмотреть локативный фактор подробнее.

III. ЛОКАТИВНАЯ ОРГАНИЗУЮЩАЯ СЕЛЬСКОЙ ЭПИГРАФИКИ

Расположение сельского поселения влияет на тематику его эпиграфических текстов. Село Вольно-Надеждинское находится в 37 км от Владивостока, в связи с чем многие городские жители покупают в селе земельные участки для частного пользования. В местной эпиграфике это находит отражение 1) в обилии объявлений, сообщающих о предоставлении кадастровых и подобных услуг; 2) в информационном насыщении вывесок заведений, оказывающих такие услуги. Информационная насыщенность как тенденция в торговых вывесках отмечается исследователями городской эпиграфики. По словам М. В. Китайгородской, это связано с превращением вывески в знак рекламы [2]. Проникновение данной тенденции на вывески предприятий административной сферы в с. Вольно-Надеждинское можно объяснить тем, что данные вывески ориентированы на приезжих горожан, являющимися «чужими» в сельском социуме. Сельские жители не нуждаются в вывесках как таковых — они и так знают, где находится нужное им заведение.

Влияние расположения села на тематику его объявлений прослеживается и в других сёлах, например, Хасанского района, который находится рядом с морем и служит известным местом для отдыха дальневосточников. На его территории встречается большое количество объявлений о сдаче в аренду жилья: «есть свободные номера тел. ...», «уютные номера тел. ...», «ДОМ У МОРЯ тел. ...» и др.

Территориальное расположение сёл часто находит отражение в местных вывесках, причём в текстах проявляются разные уровни локуса. Это могут быть какие-то местные территориальные особенности,

например, вывеска магазина «Лефу» в с. Анучино отражает близость к реке Илстой Приморского края (Лефу — её старое аборигенное название). Возможно отражение и региональных особенностей, например, на вывеске «Дерсу» через апелляцию к имени Дерсу Узала, представителю дальневосточного коренного народа гольдов, известному по книгам В. К. Арсеньева. Прослеживается отражение приграничного положения Приморья: близость к Японии в таких названиях, как «Японский остров», Китая — «Всё по 50», так как в приграничных китайских городах распространены магазины для русских туристов с фиксированной ценой на все товары [6]. Постепенно данная тенденция проникает и на русские вывески.

Таким образом, эпиграфический портрет представляет нам село как закрытый социум, придерживающийся консервативных и утилитарных взглядов. Его «эпиграфические одежды» просты и служат прагматическим целям: сельский житель не нуждается в сложных ассоциативных или трудно выговариваемых названиях, его интересует конкретно и максимально лаконично представленный в тексте денотат. Праздничные «эпиграфические одежды», то есть тексты, сообщающие о событиях, важных для жизни села, представляют собой художественные произведения с целью заинтересовать селянина, поэтому средства креолизации создаются здесь по старинке, от руки. Однако чем ближе к городу, тем больше сельский житель вынужден открываться, идти на контакт, тем богаче его тексты, шире арсенал средств, применяемых для создания «красивого» текста.

Дальневосточный федеральный университет

Фролова Т. В., старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного

E-mail: tanyakorobkov@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е. А. Городская устная речь и задачи её изучения / Е. А. Земская // Разновидности городской устной речи. — М., 1988. — С. 5–44.
2. Китайгородская М. В. Активные социолингвистические процессы в сфере городских наименований: московские вывески / М. В. Китайгородская // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / М.: Языки славянской культуры, 2003. — С. 126–150.
3. Китайгородская М. В. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы / М. В. Китайгородская. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 496 с.
4. Шмелёва Т. В. Городская вывеска в свете культурологической экспертизы. Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт: Коллективная монография / Автор-составитель Н. А. Кривич; Под общей ред. В. А. Рабоша, Л. В. Никифоровой, Н. А. Кривич. — СПб.: Астерион, 2011. — С. 276–285.
5. Михайлюкова Н. В. Тексты городских вывесок как особый речевой жанр (на материале языка г. Владивостока): монография / Н. В. Михайлюкова. — Владивосток: Дальневост. Федерал. Ун-т, 2014. — 190 с.
6. Петрова Т. И. Вывески на улицах города Хуньчуня: особенности русско-китайского языкового взаимодействия / Т. И. Петрова // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. — 2014. — № 4. — С. 82–85.

Far Eastern federal university

Frolova T. V., Senior Lecturer of the Department of Russian as a foreign language

E-mail: tanyakorobkov@gmail.com

ОБРАЗ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ТВОРЧЕСТВЕ А. ГАЛИЧА, Б. ОКУДЖАВЫ И В. ВЫСОЦКОГО: «О НЕСХОДСТВЕ СХОДНОГО»

Г. А. Шпилева

Воронежский государственный педагогический университет

Д. А. Скобелев

Цзилиньский педагогический университет (КНР)

Н. П. Беляева

Российский государственный гуманитарный университет

Поступила в редакцию 15 апреля 2019 г.

Аннотация: в данной статье предпринимается попытка рассмотреть, вслед за многими литературоведами, некоторые аспекты образа «маленького человека», бытующего в русской и мировой литературе не одно столетие. Авторы делают вывод о том, что, сохраняя свои устойчивые черты (социальная незащищенность, противопоставленность «значительному лицу»), «маленький человек» А. Галича, Б. Окуджавы и В. Высоцкого приобрел и новые качества, раскрывающиеся при анализе субъектных и внесубъектных сфер произведений: чувство собственного достоинства, «свой» голос и пр.

Ключевые слова: «маленький человек», лирическая система, характерология, традиция.

Abstract: in this article, an attempt is made to consider, after many literary critics, some aspects of the image of the "little man" that has existed in Russian and world literature for centuries. The authors conclude that while retaining their stable features (social insecurity, opposition to a "significant person"), the "little man" by A. Galich, B. Okudzhava and V. Vysotsky acquired new qualities revealed in the analysis of subject and extra-subject areas works: self-esteem, finding "his" voice, etc.

Keywords: "little man", lyric system, characterology, tradition.

«Маленький человек» в литературе — обозначение довольно разнородных героев, объединяемых тем, что они занимают одно из низших мест в официальной иерархии и что это обстоятельство определяет их психологию и общественное поведение (приниженность, соединенная с ощущением несправедливости, уязвленной гордостью). Поэтому «маленький человек» часто выступает в оппозиции к другому персонажу, человеку высокопоставленному, «значительному лицу» <...>, а развитие сюжета строится главным образом как история какой-либо обиды, оскорбления, несчастья» [1, 207], — так Ю. В. Манн определяет основные характерологические черты указанного типа и связанные с ним особенности композиции произведения.

Анализ изучаемого типа исследователи начали с рассмотрения «Трутня» (1769) Н. И. Новикова, где к нему уже имеется отсылка «в значении социологическом» [2, 149]. Справедливо упоминается В. А. Жуковский, воспевавший «маленького человека» в сентименталистском ключе; большое внимание уделяется стихотворениям и письмам К. Н. Батюшкова, кото-

рый «в полуироническом исчислении» [там же, 153] представил то, что делает его «маленьким»; рассматриваются «Пестрые сказки» (1833) В. Ф. Одоевского с его стремлением к свойственному романтикам «эффекту миниатюаризации» [там же, 151]. Особое внимание исследователи аспектов характерологии (вслед за В. Г. Белинского и Б. М. Эйхенбаумом) уделяют, конечно же, персонажам Н. В. Гоголя: Башмачкину (этот герой «не выдерживает обретенной полноты существования, эволюции, развертывания своего «я»» [там же, 166]) и Поприщину («усомнившегося в самом себе» [там же, 170]). Развитие образа «маленького человека» можно наблюдать в произведениях Ф. М. Достоевского: «Двойник» (1846), «Бедные люди» (1846), «Воробей» (1848) и др., где персонажи занимают «целиком страдательную позицию» [там же, 186]. Традиция поддерживается Я. П. Бутковым («Горюн», 1847), а также многочисленными произведениями Н. С. Лескова, Г. И. Успенского, А. П. Чехова. В литературе XX в. анализируемый тип представлен в произведениях Ф. К. Сологуба («Маленький человек», 1905), О. Э. Мандельштама («Египетская марка», 1927), прозе М. М. Зощенко. Во второй половине XX в. «маленького человека» нужно искать в «деревенской» прозе

и в стихотворениях таких поэтов, как М. Л. Анчаров, Р. И. Рождественский, А. А. Вознесенский и пр.

Объектом рассмотрения в данной работе будут стихотворения (и стихотворения-песни) А. А. Галича, Б. Ш. Окуджавы и В. С. Высоцкого, где образ «маленького человека», с одной стороны, сохранил свои основные характерологические данности, с другой стороны, обрел новые.

Наибольшую социальную значимость анализируемый нами образ получил в творчестве Галича, и сам *текст* «маленького человека» в произведениях и автокомментариях (в автокомментариях, как правило, сделанных перед исполнением своих песен) поэта значительно шире, нежели у других авторов. М. В. Розанова, указывая на данную черту, отметила, что ключевое слово в наследии Галича — «возвращение», так как этот поэт постоянно *возвращается* «к советским лагерям, составляющим сердцевину нашей современной истории» [3, 11]. Сам Галич одним из важнейших качеств «звучащей» поэзии (бардовской) считал ее социальную направленность: «В лучших песнях Анчарова, Визбора, Кима, Городницкого герой подлинный, он имеет социальное происхождение, вполне ощутимую плоть, лексику, свойственную только ему» [4, 145].

В произведениях Галича постоянно присутствует противопоставление, свойственное *тексту* «маленького человека» (маленький — большой, солдат — генерал, подчиненный — начальник), и симпатии автора, конечно, на стороне обделенных, обиженных. Например, в стихотворении (которое можно считать программным) «Я в путь собирался всегда налегке...» (1972) поэт представил «всей щедрой земли» рядовых (достойных, неторжественных, естественных) и маршалов («вселенской охоты псари») — ограниченных и жестоких. «Маленький» рядовой по праву гордится тем, что он «не изведал бесчестья чинов / И низости барских наград» [4, 374]. Учитывая то, что субъектные сферы представлены лирическим «я», можно предположить, что *рядовым* себя ощущает и сам «биографический автор» (если воспользоваться терминологией Б. О. Кормана).

Разумеется, «маленький человек» Галича неоднозначен, он вписывается в весьма разветвленную классификацию, и можно выделить несколько типов этого характера. Достаточно часто объектом изображения в лирике поэта является женщина, например, в стихотворении «Леночка» (1962) представлена судьба некой счастливой советской Золушки, которая из «останкинской девочки» превратилась в «шахиню Л. Потапову» (и её «узнал весь белый свет» [4, 62]). «Концептированный автор» (автор «как точка зрения», по Б. О. Корману), безусловно, иронизирует и в адрес «писаного красавца» эфиопа («сидит с моделью вымпела» и при этом «сопит, как зверь»), и в адрес наивного лирического повествователя, невероятно гордого за советскую Леночку-милиционера.

Отметим, что в данном случае в роли чудесной феи выступают КГБ и ЦК КПСС, подарившие скромному «сержанту» роскошное платье: «Вся в тюле и в панбархате / В зал Леночка вошла» [4, 61].

Однако чаще из стихотворений Галича можно узнать об «антизолушках», женщинах с драматически и даже трагически изломанными судьбами. В одном из автометатекстов автор поделился впечатлениями от поездки в Казахстан, в печально известную Караганду, где жили те, кто «свое детство, отрочество и даже юность провели в лагере для детей врагов народа» [4, 161]. Внимание Галича привлекли женщины, чьи отцы («военспецы») по «моде» середины 1930-х гг. женились на иностранках. Вследствие репрессий их дочери («полурусские-полушведки, полурусские-полуангличанки»), как правило, очень красивые, прожили полную лишений жизнь (и «почти полублатную»). Обиженные на свою судьбу, эти несчастные «маленькие героини» с «горестным лицом», ведущие себя «нарочито грубо», поразили писателя, создавшего о них «Песню-балладу про генеральскую дочь» (1966). Стихотворению предпослан известный фигнеровский эпиграф («Он был титулярный советник, / Она генеральская дочь»), и рассказ ведется в сказовой форме (с установкой на устную речь, с использованием просторечий — «сучок», «выть пойду», «мясца» и пр.).

В данном произведении «очень страшному городу» Караганде противопоставлен блестящий Ленинград:

А на картинке — площадь с садиком,
А перед ней камень с Медным Всадником,
А тридцать лет назад я с мамой в том саду...
Ой, не хочу про то, а то я выть пойду!
[4, 163].

По злой иронии судьбы указанная «картинка» красовалась на «стекле ветровом» автомобиля, который вел *обидчик* («сучок», «из гулевых шоферов»), а в карагандинский «гастроном» завезли «ленинградскую» сельдь — так жестоко проявилась в данном случае функция метонимии (сходство по смежности), объединившей культурный город на Неве и данности мира ссыльных.

Очевидно, что жизнь этой несчастной женщины могла бы сложиться иначе, но по ней, как по миллионам других людей, прошелся «сталинский сапог». Безграмотная, жалкая речь героини сразу же обрисовала ее благополучное прошлое, горестное настоящее и вызвала горячее сочувствие социально отзывчивого автора:

А там мамонька жила с папонькой,
Называли меня «лапонькой»,
Не считали меня лишней,
Да им дали обоим высшую!
[4, 163].

«Маленькая героиня» (женщина из демократических слоев общества) Галича вызывает не только

сострадание, но и уважение, ведь порой она оказывается добрее и мудрее жестоких и невежественных «больших людей» (властей предержащих), что автор показал в своем «духотподъемном» «Вальсе-балладе про тещу из Иванова» (1966). Галич в автометапаратексте указал, что в основу положена «подлинная история» [4, 156] о гонениях на «абстракционистов» («Обзывали жуликом и Поллоком!»), об отчаянии художника («Выгреб тайно из пальтишка рваного / Нембутал, прикопленный заранее»). Однако главной героиней стихотворения-песни является несведущая в искусстве живописи «теща из Иванова» — явно необразованная, но добрая и справедливая Ксения Павловна, решившая: «Ладно уж, прокормим окаянного...». На ее фоне «искусствоведы», оскорбившие художника («Ох, ему и всыпали по первое... / По дерьму, спелёнутого, волоком!» [4, 156]) выглядят злоеде.

Как известно, «маленький человек» Галича далеко не всегда положительный, иногда это разращенный властью демагог и лицемер, которого можно видеть в знаменитом стихотворении-песне «О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира» (1968). Клим Петрович едет в обкомовской машине в Дом культуры, где будет читать свою «выдающуюся речь» об «израильской военщине». Места «миротворцу» на сиденье машины не хватило («Ну, сажусь я порученцу на ноги...» [4, 322]), что заставляет вспомнить о дискомфортном путешествии из Тулы в Петербург другого «маленького человека», лесковского «косого левши», брошенного генералом Платовым в «коляску в ноги» и ехавшего «вроде пубеля» (то есть собаки, пуделя). Если «косой левша» вызывает авторские и читательские симпатии, то безграмотный Клим Петрович («У жене моей спросите, у Даши, / У сестре её спросите, у Клавки...» [4, 321]), по недосмотру прочитавший «речь» от лица женщины (комическая гендерная путаница), явно неприятен и жалок, так как в данном случае его «рабочее слово» указывает на захлестнувшие общество ложь, равнодушие и показуху.

Несимпатичен и герой «Городского романа» (1962), предавший свою любовь за «пайки цеховские», за «дачу в Павшине». В отличие от него «маленькая героиня», обладательница «голоса тоненького» (то есть слабая физически) оказалась очень сильной, что осознает и сам «продавшийся» повествователь:

Там работает она билетершею,
На дверях стоит вся замерзшая.
<...>

Но не предавшая и не простившая!

Интересно то, что, по словам Галича, этой песне «повезло»: она потеряла «авторство», то есть стала народной и приобрела название «Аджубеечка» [4, 68] — намек на судьбу зятя Н. С. Хрущева А. И. Аджубея (1924–1993). «Значительные лица» в «Городском романсе», конечно, отвратительны (в их доме «топ-

туны да холоуи тут все по струночке!»), жалок и сам герой, невзирая на то, что брюки у него «на молнии» (видимо, душа и совесть тоже), а его сортир — «восемь на десять» [4, 70].

Иногда «маленький человек» пытается комментировать международные скандалы («большие» политические события) и выглядит при этом комично, хотя и сами события предстают в своей парадоксальной сути. Такую ситуацию можно наблюдать в «Истории одной любви, или как это было на самом деле» (1971). Герой-рассказчик, закройщик в ателье, поведал о судьбе своей сотрудницы Шейлы («полурусской-полуангличанки»), которая, как и героиня «Песни-баллады про генеральскую дочь», поплатилась за свое «сомнительное» происхождение: «Её маму за связь с англичанином / Залопатили в сорок восьмом» [4, 345]. «Закройщик» рассказал, что влюбленный в Шейлу сержант милиции («рост четвертый, размер пятьдесят») избил ее «папаню» (приняв за кавалера), что, конечно, вызвало «трения с Лондоном»:

Он приехал из родимого Глазго,
А ему суют по рылу, как *наз*ло,
Прямо *наз*ло, говорю, прямо *наз*ло,
Прямо ихней пропаганде, как масло!
[4, 347].

Патриот-рассказчик переводит «мировые» проблемы в торос советских «коммуналок», где совершались бытовые «разборки» порой самыми *радикальными* способами: «Раз, мол, вы оскорбляете лорда нам, / Мы вам тоже напомним в щи!». Именно так, по мнению жильца неблагоустроенной квартиры, должна отреагировать английская сторона. Однако «закройщик» не так уж прост, он сочувствует Шейле, которую «в раковой шейке» / увезли неизвестно куда». «Раковой шейкой» на уголовном жаргоне называлась милицмейская машина (из-за специфической раскраски), и рассказчик не без иронии сотрудников «из органов» называет «два хмыря из Минздрава». Стихотворение венчает красноречивая концовка, столь значимая в любом стихотворении: «Ох, до чего ж всё, братцы, тошно и скушно!» [4, 348].

Взгляд «маленького человека» на *большую* историю представлен и в творчестве Б. Ш. Окуджавы: как в прозе, так и в поэзии. О романе «Бедный Авросимов» (1969) (по аналогии с карамзинской «Бедной Лизой», некрасовским «Бедным Климом» и пр.) было сказано, что писатель применил в нем *прием* «показа истории <...> глазами не участника, но свидетеля, причем свидетеля не вполне понимающего происходящее» [5, 586]. «Маленького человека» Авросимова судьба свела с Павлом Пестелем (а значит, и с декабристами, и с Историей), и этот *писарь* «в отличие от гоголевского героя, <...> не становится рабом букв — настает момент, когда в смысл беседы допрашивающих и допрашиваемых он все-таки вникает» [5, 588]. Справедливо было отмечено,

что данный прием («маленький человек» и *большая история*) позволяет «перенести акцент с повышенного внимания к историческому герою на внимание к психологии того человека, ради которого, собственно, герой и пытается «творить» историю» [5, 586]. В данном случае уместно будет вспомнить о родоначальниках данного литературного эксперимента: о «шотландском чародее» В. Скотте («Айвенго» (1819), «Вудсток, или Кавалер» (1826) и пр.), русском беллетристе М. Н. Загоскине («Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) и др.) и о русском классике А. С. Пушкине («Капитанская дочка» (1836)).

Лирика Окуджавы, в отличие от экспрессивной галичевской, характеризуется использованием «языковых средств интимизации текста» [6, 97]. Тем не менее стихам Окуджавы также не чужда социальная тематика, что дает возможность анализировать в произведениях этого поэта интересующий нас характерологический тип. В литературоведении справедливо отмечались «человеческое и поэтическое отношение к войне», «антимилитаристская, сугубо гуманистическая позиция», которые автор *заслужил*, «вынеся все тяготы солдат-окопников передового края» [7, 48].

Один из центральных героев поэзии Окуджавы — солдат («Оловянный солдатик моего сына» (1964), «Песенка о бумажном солдате» (1959), «Песенка о пехоте» (1966) и др.). Рядом с «маленьким» солдатом, разумеется, находятся «большие» генералы, и самый симпатичный для поэта — генерал Дюфур, который не пролил «ни одной капли солдатской крови» [8, 59]. Именно сообщение о том, что этому генералу установлен в Женеве памятник, стало эпиграфом к одному из стихотворений автора.

Противопоставление солдата и офицера, рядового и маршала можно видеть и в любовной (самой «интимной») лирике Окуджавы, например в стихотворении «Медсестре Марии» (1957): «Нет, ты представь: офицерские дочки / на нас и глядеть не хотят» [8, 61]. В стихотворении «Дерзость, или разговор перед боем» (1987), которое переключается с «Письмом генералу Z» (1968) И. А. Бродского, лейтенант отстаивает свое право на частную жизнь («Господин генерал, слава для убитых, / а живому нужней женщина его» [8, 76]), но генерал требует только исполнения «воинского долга» («Ну гляди, лейтенант, каяться придется! / Пускай счеты с тобой трибунал сведет...» [8, 77]).

Парадигма «маленький — большой» в лирике Окуджавы рассматривается и как нечто очень личное, автобиографическое, например в стихотворениях «Мой отец» (1987), («Его расстреляли на майском рассвете, и вот он уже далеко...»), «Убили моего отца» (1966), «Письмо к маме» (1975), («Ты сидишь на нарах посреди Москвы...»), «Памяти брата моего Гиви» (1984). Над этими жертвами нависает злобующая фигура самого *большого* человека — «вождя

народов», Сталина, виновника гибели миллионов невинных людей, в том числе и самых близких автору — Окуджаве. Однако великий «соплеменник» поэта на самом деле «...маленький, немывтый и рябой» («Арбатское вдохновение, или воспоминание о детстве», 1980), «у него от страха паралич руки» [8, 28]. Отметим, что у этого поэта не было открытой конфронтации с властью, и главная его цель — вовсе не месть, автор скорее следует принципам христианского всепрощения («прости его, мама: он не виноват...»), но при этом читатель ясно понимает, что его призывают искоренять холопство: «А всё-таки жаль, что кумиры нам сняты по-прежнему / и мы до сих пор всё холопами числим себя» [8, 22] («Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем...», 1964).

Указанная выше парадигма («маленький — большой») в лирической системе Окуджавы очень подвижна, её составляющие постоянно меняются местами, «физическая точка зрения» (Б. О. Корман) лирического субъекта также не статична. Поэтом герой «Песенки о Леньке Королеве» (парень из *нашего* двора) является «всемогущим» Королем, который всегда протянет «свою верную руку и спасет»; а персонажи «Старого короля» (*настоящие* король и королева) оказываются самыми обычными людьми: сушат сухари, штопают мантию, курят махорку и, увы, устраивают военные походы. В стихотворении «Калужская фантазия» (1991) подвижность противоположных данностей особенно заметна: «красивый конюх», «инструктор в одеяниях воскресных», «начальник главный этого района», «вожди на мавзолее: Сталин, Молотов, Буденный» причудливо смешались, представляя собой «славных лет круговорот» [9, 63]. В подтверждение этому *все-сильные* вожди «ладошками своими скромно машут: нет — нет — нет...» и заявляют: «ну а мы, мол, ваши слуги — значит, с нас и спросу нет». В итоге «красивый конюх» оказывается (хотя и во сне) на трибуне мавзолея и «не удивляется величию своему» [9, 63]. Обрамляют эту странную «яркую картину» *волны, кони, бабочка* над лугом, то есть вечное, незбылемое, естественное и настоящее. И какими бы бесконечно малыми ни были «московский муравей» или неудачливый в любви Ванька Морозов, они сами по себе ценны, и автор испытывает неизменные симпатии и сочувствие к этим «крохам» («Что мы есть? Всего лишь крохи в мутном море бытия...» [8, 48]).

В отличие от Окуджавы, продолжившего сентименталистские традиции, природа лирики Высоцкого иная — В. П. Аксенов заметил, что «Володя был человеком байроническим», то есть тяготеющим к романтическому типу. Вследствие этого поэт (безусловно, социально ориентированный) занят не столько изображением личности, детерминированной обществом, сколько возможностью человека противопоставить себя навязанным условиям, то есть не быть «маленьким».

Если сравнивать социальную позицию Высоцкого и Галича, то по этому поводу можно привести следующее справедливое заключение: «Герой Галича полон ярости, он испытывает почти физиологическое отвращение к любой власти. Иначе относится к власти герой Высоцкого: в ранних песнях на ровскую тематику власть оценивается, конечно, негативно, однако в такой негативности есть элемент игры: власть не есть абсолютное зло, как у Галича, но представляет собой соперника, с которым можно соревноваться в хитрости, уме, ловкости («Я был душой дурного общества»)» [10, 175].

Очевидно, что «концепированному автору» лирики Высоцкого свойственны экзистенциальное отношение к своему герою и интерес к человеку, бытующему не столько в социуме, сколько в *мире*. Каковы же пути и возможности для самоутверждения и освобождения «маленького человека» Высоцкого?

Подобно галичевскому и окуджавскому «вальтерскоттовскому тексту», данный *текст* Высоцкого также представляет «маленького человека», оказавшегося в водовороте истории и пострадавшего от нее. Яркий пример — «Ленинградская блокада» (1961), где мелкий воришка имеет в качестве врагов не только *дальних* (фашистов), но и *ближних* (своих — «граждан с повязками»), которым он даже угрожает: «Про жизнь вашу личную и непатриотичную / Знают уже органы и ВЦСПС!» [11, т. 1, 20].

В лирике (особенно в ранней) Высоцкого перед нами предстает советский пикаро («Передо мной любой факир — ну просто карлик...» (1964)), пройдоха, который, как и положено авантюристу, держится «поближе к котлу» (к материальным ценностям), отчаянно борется за свою жизнь («мне «вышка» на носу») и готов на сговор с властью: «Возьмите мне один билет до Монте-Карло — / Я потревожу ихних шулеров»; «Я привезу с собою кучу ихних денег — / И всю валюту сдам в советский банк» [11, 72, 73] (в бескорыстие этого шулера, конечно, верится с большим трудом).

Если у Окуджавы появляется «рядовой» (солдат), то рядом обязательно возникает «офицер», «генерал», а то и генералиссимус («прекрасный!»). «Рядовой Борисов» (1969) Высоцкого *самоценен*, ему даже следователь (который «мучил») «не указ», ролевой герой упрямо твердит, что «по уставу — правильно стрелял!». Лишь в пятом рефрене Борисов признается, видимо, самому себе (и читателю), что он действительно хотел убить своего давнего соперника:

Я чуть замешкался и, не вступая в спор,
Чинарик выплюнул — и выстрелил в упор
[11, т. 1, 208].

Не унывает и ролевой герой стихотворения-песни «Про речку Вачу и попутчицу Валю» (1977), находящийся, пожалуй, на самой нижней ступени социальной лестницы («Третий месяц я бичую...»)

и даже не имеющий своего жилья: «Я на лестнице ночую, / Где тепло от батарей...» Всем своим неприятностям и многочисленным неудачам (например, утрата заработанных на золотых приисках 4 000 рублей) «бич» противопоставляет свой веселый нрав, «удачу», упорство, ведь неслучайно на 20 строф стихотворения 6 раз приходится слова «хоча», «хочу»:

Я на Вачу ехал плача —
Возвращаюсь хохоча!
[11, т. 1, 444].

«Маленький человек» Высоцкого порой «уменьшается» до явления биологического ряда, до «недоноска», но и в данном случае он находит в себе силы для протеста и самоутверждения: «И дразнили меня: «Недоносок», — / Хоть и был я нормально доношен» [11, т. 1, 387] («Баллада о детстве», 1975). Интересно то, что данной инвективой («недоносок» — бранное слово) Высоцкий поддерживает достаточно устойчивую традицию («Уродился я бедный недоносок» (1828) А. С. Пушкина, «Недоносок» (1835) Е. А. Боратынского, «Белая ночь» (1926) Н. А. Заболоцкого, «Инкубаторский период» (1935) Д. И. Хармса и пр.), где *недоносок* предстает то как посредник между небом и землей (высокий поэтический образ), то попадает в иронический контекст. Лирического героя автобиографической «Баллады о детстве» дразнили недоноском, что «является знаком отвержения обществом <...> сам же человек лирической системы В. С. Высоцкого активно борется за право считаться нормальным, пусть даже в совершенно ненормальных условиях» [12, 397].

Отметим также, что у Высоцкого есть «Баллада о маленьком человеке» (1973), написанная им к фильму «Бегство мистера Мак-Кинли» (режиссер М. А. Швейцер), где можно прочитать следующее: «А «маленький!» — хорошее словцо, — / Кто скажет так — ты плюнь ему в лицо» [11, т. 2, 216], что, видимо, отражает авторскую позицию.

Итак, как видно, характерологический тип «маленький человек», начиная с XVIII века, претерпел значительную эволюцию: свои коррективы вносили поэтологические и идеологические данности сентиментализма, романтизма, реализма, модернизма и постмодернизма. Авторская песня драматического русского XX века представила свои варианты данного образа: Галич, Окуджава, Высоцкий, каждый по-своему, показали «маленького человека» послевоенного и постсталинского времени: это и мужественный борец, и лицемерный приспособленец, и носитель комического мироощущения, и несчастный страдалец, которому сочувствуют автор и читатель. Прозаики и поэты конца XX (например, представители отечественного андеграунда: В. В. Гаврильчик, А. Л. Хвостенко и пр.) — начала XXI веков предлагают свои версии рассматриваемого характера, сформированного новой эпохой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литературный энциклопедический словарь / под. общей ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. — М.: Советская энциклопедия, 1997. — 752 с.
2. Савинков С. В. Аспекты русской литературной характеристики / С. В. Савинков, А. А. Фаустов. — М.: Изд-во Кулагиной — Intrada, 2010. — 332 с.
3. Розанова М. В. Возвращение / М. В. Розанова // Глагол. Литературный журнал. Александр Галич. «Я выбираю свободу». — М., 1991. № 3. — С. 11–15.
4. Галич А. А. Облака плывут, облака. Песни, стихотворения / А. А. Галич. — М.: Изд-во Локид, ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. — 496 с.
5. Федута А. И. Реинкарнация Башмачкина (Маленький человек как свидетель истории) / А. И. Федута // Матица сербская. № 92. — Нови сад, 2017. — С. 585–596.
6. Христофорова С. Б. О поэтике Булата Окуджавы / С. Б. Христофорова // Окуджава. Проблемы поэтики и текстологии. — М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2002. — С. 81–97.
7. Зайцев В. А. Песни грустного солдата. О военной теме в поэзии Булата Окуджавы / В. А. Зайцев // Окуджава. Проблемы поэтики и текстологии. — М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2002. — С. 25–50.
8. Окуджава Б. Ш. Посвящается вам. Стихи / Б. Ш. Окуджава. — М.: Советский писатель, 1988. — 144 с.
9. Окуджава Б. Ш. Милости судьбы / Б. Ш. Окуджава. — М.: Московский рабочий, 1993. — 191.
10. Евтюгина А. А. Сценарии власти в поэзии А. А. Галича и В. В. Высоцкого // А. А. Евтюгина, И. Г. Гончаренко // Владимир Высоцкий: Взгляд из XXI века. — М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2003. — С. 168–189.
11. Высоцкий В. С. Сочинения в двух томах. Т. 1 / В. С. Высоцкий. — Екатеринбург: изд-во У-Фактория, 1997. — 544 с.
12. Шpileвая Г. А. «Так недоносок или ангел?». О семантике слова «недоносок» и его приставки в поэзии В. С. Высоцкого / Г. А. Шpileвая // Владимир Высоцкий: Взгляд из XXI века. — М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2003. — С. 392–399.

Воронежский государственный педагогический университет

Шpileвая Г. А., доктор филологических наук, профессор;

Цзилиньский педагогический университет (КНР)

Скобелев Д. А., кандидат филологических наук, преподаватель

Российский государственный гуманитарный университет

Беляева Н. П., магистрант

E-mail: 19alex04@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University

Shpilevaya G. A., Doctor of Philology, Professor;

Jilin Pedagogical University (PRC)

Skobelev D. A., Candidate of Philology, teacher;

Russian State University for Humanities (Moscow)

Belyaeva N. P., postgraduate student.

E-mail: 19alex04@mail.ru

ДРАМАТИЗАЦИЯ — МЕТОД ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЖУРНАЛИСТСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Зулхумор Акбарова

Университет журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана

Поступила в редакцию 20 декабря 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается прием драматизации описываемых журналистом событий, привлекающий внимание аудитории к публикуемому материалу и тем самым повышающий его эффективность.

Ключевые слова: журналистика, текст, драма, приемы драматизации, изобразительные средства.

Abstract: the article deals with the method of dramatization of the events described by the journalist, which attracts the attention of the audience to the published material and thereby increases its efficiency.

Keywords: journalism, text, drama, drama tricks, figurative means.

Если в литературной драме преобладает внутреннее действие, при котором «герои не столько совершают что-либо, сколько переживают устойчиво-конфликтные ситуации и напряженно размышляют» [1, 100], то в журналистике задача драматизации — не в высечивании характера героя, а в привлечении внимания аудитории к поставленной автором проблеме. Внутреннее переживание также характерно для размышляющего публициста.

Логическая аргументация имеет убедительную силу, но механизмы психологического восприятия информации крайне сложны и глубоки; более того, сама логика является итогом длительного чувственно-опытного восприятия и отражения внешнего мира человеком. И опытный журналист, прежде чем воздействовать на читателя продуманно-логически, воздействует на него спонтанно-эмоционально. Это сказывается уже при определении темы будущего произведения, когда журналист даже на интуитивном уровне чувствует, что она может быть интересной и значимой для аудитории. На этапе разработки темы и поиска фактов автор также обращается к своей интуиции, пытаясь найти, что может привлечь внимание аудитории или эффективно влиять на нее. В ходе изложения собранного материала он применяет методы драматизации для того, чтобы лучше завладеть вниманием читателей. Поэтому драматизацию условно можно назвать методом слияния души журналиста с душой аудитории.

Драматизация — это творческий сгусток, квинтэссенция жизни, эмоций, произведения, и она применяется для придания произведению динамичного, живого характера. Это метод журналистского разъяснения события с целью привлечения внимания к нему, это преувеличение в приемлемых дозах и про-

порциях. Это искусство создания привлекательного, занимательного текста; привлечения внимания читателя; повышения эффективности воздействия произведения; увеличения впечатлительности аудитории; соединения эмоционального состояния автора с эмоциональным состоянием аудитории; и, что крайне важно, — это путь творческого выражения журналиста. В драматизации удивительным образом сочетаются творческая самореализация автора и логическая проверка его душевного состояния.

Результат драматизации — это соединение эмоциональных состояний журналиста и читателя, души автора с душой аудитории. Душа, по Аристотелю, «есть организующий принцип живого тела. Душа человека имеет духовные (душевные) и телесные чувства... Душа посредством мозга (тела) управляет физиологическими процессами тела и подчиняет его своей воле. Душа имеет волю, разум и чувства. В душе человека действуют определенные законы духа, совести... В душе есть влечения: индивидуальные... и социальные...» [2, 144].

Элементы драматизации в легкой форме возможны в подавляющем большинстве журналистских работ, а сложная форма драматизации — интрига — без необходимости не применяется: ведь это — драматизация, доведенная до стадии обострения. Уместность использования драматизации зависит от класса публициста, использующего такие приемы, как аллегория, аллитерация, аллюзия, алогизм, анаграмма, амплификация, анаколупф, анекдот, антанакласис, афоризм, бурлеска, инвектива, инверсия, каламбур, олицетворение, парадокс, сатира и юмор, сопоставления, сравнения, эпиграмма и др. Хорошо воздействует на аудиторию, например, одинаковое начало (анафора) или конец (эпифора) предложений. К методу драматизации можно отнести и сознательное создание контрастов, когда рядом приводятся несовпада-

ющие между собой понятия. Нулевая драматизация в журналистике — это хроника, передача информации в краткой форме, в виде хроникальных сообщений.

Перейдем к рассмотрению того, как использует способы драматизации ведущая русскоязычная газета Узбекистана «Правда Востока». Несмотря на то, что с объявлением независимости были открыты еще две центральные газеты страны «Халк сузи» (на узбекском языке) и «Народное слово» (на русском языке), «Правда Востока» по-прежнему остается лучшей по своему качеству газетой среди русскоязычной прессы республики. Ее средний тираж составляет 15 тысяч экземпляров, учредителем является Кабинет министров республики.

Один из методов повышения эффективности читабельности материала — сделать броским его вводный абзац. Газета опубликовала статью спецкора по Ферганской области Бобура Абидова «Чтобы европейцы в атласе щеголяли». В ее вводной части говорится: «Как из филиала текстилькомбината создать компанию-экспортера? Можно ли в сельской глубинке встретить итальянца? Как увеличить штат работников на треть, а объем производства на сорок процентов? Что нужно сделать, чтобы в Европе наш атлас полюбили? Ответы на эти вопросы получили в СП ОА *Beshariq tekstil* в Бешарыкском районе Ферганской области» [3]. Повторы придают динамику тексту и способствуют привлечению внимания к нему аудитории.

Встречаются случаи использования авторами восточных притч, сказаний, других жанровых картинок. Журналист Рауза Мирзаакбарова, автор корреспонденции «Гармония прошлого и настоящего», начала ее с легенды: «Вдохновила художницу на работу с текстилем легенда о возникновении абровой ткани. Согласно ей, однажды художник на берегу реки рисовал отражающееся в воде небо. Он показал эскиз ткачам, которые постарались воспроизвести его на ткани. Так слово *абр* (*облако*) стало применяться к стилю окрашивания нитей» [3]. Легенды всегда имели популярность на Востоке, и в данном случае прием использован удачно.

Известно, что в Узбекистане очень популярны местные общины, называемые «махалля». Собкор газеты по Сырдарьинской области Тулкун Ахмадалиев напечатал под рубрикой «Моя махалля» корреспонденцию «Возможность стать лучшими». Автор эффектно использовал в своем материале зрительный контраст: «Вот вдоль арыка — стройный ряд крепких, ухоженных тополей, посаженных всего три-четыре года назад. Вот — новые столбы линии электропередачи практически на каждой улице и в переулках. А ведь всего пару-тройку лет назад весной и осенью, когда разливались дожди и люди по колено в грязи добивались до пункта назначения, при сильных ветрах обрывалась электропроводка, валились прогнившие деревянные столбы» [3].

Махалли в Узбекистане имеют большой авторитет и решают многие житейские проблемы сограждан.

Вот пример двойных сопоставлений в вводных абзацах статьи собкора газеты по Кашкадарьинской области Батыра Темирова «Эпицентр ярких идей»: «Познавательные тренинги и красочные фестивали, кружковые занятия и встречи с интересными людьми, интеллектуальные викторины и благотворительные акции...» [3]. Материал посвящен конференции республиканской детской организации «Камалак».

Подборку корреспонденций о правонарушениях «Поздние раскаяния» опубликовала Ирода Мавлянова. Читателя привлекает контраст противоположных реакций героев публикации: «Саша стал “толкать” хозяйке дома газовую плиту. Та отказалась. Тогда он предложил находившемуся здесь гостю музыкальные колонки. Тот согласился» [4]. В этом же номере использован заголовок с не сочетающимися между собой словами: «Несчастный счастливый случай».

Приемы минимализации и максимализации, которые можно квалифицировать как элементы драматизации, использовала Сабина Алимова в отчете о первой международной конференции «Актуальные вопросы изучения и популяризации за рубежом узбекской классической и современной литературы»: «До этого момента в стране не проводилось ни одного подобного мероприятия, а учитывая его масштаб, стоит ждать огромных и крайне положительных изменений» [5]. Строго говоря, такие конференции в Узбекистане проводились, а перемены вряд ли действительно будут столь масштабны, но задача по привлечению внимания может быть решена успешно.

Едва уловимые формы драматизации можно встретить даже в официальных материалах. Министр юстиции Республики Узбекистан Русланбек Давлетов опубликовал аналитическую статью «Свобода вероисповедания в Узбекистане: реальные шаги и международное признание», где написал: «Безусловно, Узбекистан достиг такого признания благодаря политической воле руководства и последовательной гуманной политике в этой сфере, которые отразились непосредственно на жизни каждого гражданина» [5]. Здесь есть два случая максимализации: 1) «безусловно»; 2) «каждого».

Экспрессивные внутренние подзаголовки содержит статья Тимура Низаева «Азиатские игры: седьмой подход к медалям»: «Некуда футболистам отступать», «На ветеранов надейся, но...», «Дебютанты, дерзайте!», «Намерен уйти чемпионом» [6].

В прессе Узбекистана, к сожалению, не так много нестандартных, живых интервью. Несмотря на шаблонные заголовки, выделим интервью с министром дошкольного образования Агрепиной Шин «Всё лучшее — подрастающему поколению» [7], с министром народного образования РУ Шерзодом Шерматовым «Настало время конкретных преобразований».

Эффективное использование разговорной речи находим в корреспонденции Санджара Якубова «Одно событие — два взгляда». Автор пишет: «Приезжал в гости знакомый из Ставрополя (Россия), уроженец Ташкента. Погостить, друзей, родственников повидать, а заодно (здесь я по-хорошему удивился!) начал расспрашивать, где приобрести хлопчатобумажные майки с логотипом *Maid in Uzbekistan*. Да везде, отвечали ему, на рынках, в магазинах и торговых центрах. Вырвался на оптовый вещевой базар и накупил целый ворох маек, футболок, теннисок и просто рубашек всех цветов и фасонов. Не для торговли, объясняет, на подарки» [8]. Известно, что качество текстильных изделий Узбекистана заметно выросло за последние годы.

Драматизация в статьях на темы искусства, ремесла, спорта встречается чаще, чем в политических или экономических публикациях. Это объясняется спецификой сферы, позволяющей более эмоциональный подход к теме. Зарисовка Оксаны Кадышевой «Песня хрупкого материала» имеет вводный абзац: «Сказочной красоты цветы, кажется, источают нежный аромат, красные перцы словно обжигают руки, а райские птицы придают чаю неповторимый вкус. Убедиться в силе подлинных шедевров искусства может каждый, кто хотя бы раз держал в руках творения Гайрата Даминова — одного из основоположников современного фарфорового промысла в Узбекистане, главного художника известного когда-то во всей Центральной Азии Ташкентского фарфорового завода» [9]. Фарфоровый промысел — древняя традиция в Узбекистане, и здесь автор нашел хорошую тему, обеспечив ее не менее удачным описанием.

Выразительность в информационных жанрах — дело более сложное по сравнению с аналитическими и художественно-публицистическими. Но такие случаи встречаются часто. Издание опубликовало статью собкора по Хорезмской области Латофат Саилхановой «Магия в каждом движении», где говорится: «Здесь танец очаровывает каждого — даже иностранные туристы разучивают движения! — восклицает член международного жюри, директор Коркоранской школы искусства и дизайна доктор Лорел Грей из США. — *Ваша страна отличается национальной хореографией, которой нет, например, в Америке*» [9]. Известно, что танцы Узбекистана популярны во многих странах. В материале содержится еще один такой же пассаж: «Уже несколько дней гостим в Хиве, где очень красиво. Любуемся неповторимой природой, древними архитектурными памятниками, наслаждаемся чудесной природой, — отметили Ётта

Керкло и Андреас Франк из Германии. — *Яркие и незабываемые впечатления получили от фестиваля. Как танцевали его участники! А какие у них красивые наряды! Этот край волшебный, а Хива — сказочный город*». Несложно понять, что эмоции иностранцев объясняются уникальностью и удивительной красотой памятников исторического города.

В центре внимания аналитической статьи Евгении Юн «Им на сцене не место?» — животные. Автор задает вопрос, можно ли использовать их в цирке как артистов. Применен прием контраста: одни считают, что условия, в которых содержатся животные, вызывают много вопросов, другие утверждают, что в цирке зверям лучше, чем на воле. «Разговоры относительно жестокого обращения преувеличены и не соответствуют действительности. Кому это выгодно? Не знаю»; «Каждый раз, когда случайно наткнулся в соцсетях на снятые скрытой камерой зарубежные видео с избиением зверей на репетициях, желание идти на представление напрочь отпадает»; «Смотреть на такое без сожаления и сострадания нельзя»; «Но каким бы гуманным ни был дрессировщик, какое бы ни было хорошее отношение, разве клетка — то место, где звери должны жить?»; «Цирк является искусством тогда, когда нет места жестокости, насилию и боли»... [10]. Повторяющиеся вопросы, сравнения, эмоциональные оценки не могут оставить читателей равнодушными. Завершая материал, автор не делает вывода, предоставляя это право аудитории.

В заключение можно отметить, что за последние десятилетия республиканская пресса эволюционировала от лирико-публицистической к документально-хроникальной. При этом фактологический подход не отменил драматизации — своеобразного эмоционально-логического стержня журналистского произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литературный энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1987.
2. Большая психологическая энциклопедия. — М.: Эксмо, 2007
3. Правда Востока. — 2018. — 1 мая.
4. Правда Востока. — 2018. — 4 авг.
5. Правда Востока. — 2018. — 8 авг.
6. Правда Востока. — 2018. — 9 авг.
7. Правда Востока. — 2018. — 29 авг.
8. Правда Востока. — 2018. — 7 сент.
9. Правда Востока. — 2018. — 19 авг.
10. Правда Востока. — 2018. — 11 окт.

Университет журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана

Акбаров Зулхумор, магистрант

E-mail: Humorhon92@mail.ru

University of Journalism and Mass Communications of Uzbekistan

Akbarova Zulkhumor, Master Student

E-mail: Humorhon92@mail.ru

МОДУСНЫЕ КОНЦЕПТЫ КАК ЧАСТЬ МЕТАКОНЦЕПТА «ДУХОВНОСТЬ» В ТЕКСТАХ ЭЛИТАРНЫХ, КАЧЕСТВЕННЫХ И МАССОВЫХ ИЗДАНИЙ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ¹

В. В. Антропова

Челябинский государственный университет

Поступила в редакцию 8 апреля 2019 г.

Аннотация: в статье рассматриваются тексты трех типов печатных СМИ, ранжированных по уровню качества, использующих разные стратегии ценностной идентификации.

Ключевые слова: аксиология журналистики, элитарная пресса, качественные СМИ, массовые издания, духовные ценности, концепт, ценностные смыслы, когнитивные стратегии.

Abstract: the article deals with the texts of three types of print media, which are ranked by the level of quality, using different strategies of value identification.

Keywords: axiology of journalism, elite press, quality media, mass media, spiritual values, concept, value meanings, cognitive strategies.

Ценностный кризис во всех сферах жизнедеятельности и кризис журналистики в частности актуализируют аксиологический вектор общегуманитарного научного дискурса. Пытаясь определить основные тенденции аксиологической динамики, социологи, например, приходят к выводу о «дифференциации и плюрализации нормативно-ценностных систем» в современной России [1, 120]. Ценностно-журналистская рефлексия неизбежно приводит медиаисследователей к той же идее — ценностной плюрализации, фрагментации, дискретизации журналистского поля. В основе категоризации ценностно-смысловой сферы лежат, как правило, две идеи, различающиеся степенью конфликтности, — «разнообразие» и «конфликт/противостояние», например: «разнообразие ценностей» [2, 125], «значительный конфликтный потенциал» [2, 122], «глубинный внутренний конфликт» [3, 23], «ценностная разорванность» [4, 30], «ценностные конфликты», «ценностные разрывы» [5, 28], «яростное противостояние полярных ценностей» [6] и т.д. Одним из проявлений все углубляющейся аксиологической дистанцированности (в силу экономических, политических, социальных и других причин) можно признать наличие множественных дискурсивных журналистских практик, по-разному осуществляющих ценностно-смысловое конструирование контента, находящихся в конкурентных отношениях. В нашем исследовании журналистское поле представлено тремя типами печатных СМИ, ранжированных по уровню качества: 1) элитарными (жур-

нал «Знамя», представляющий собой, как и все «толстые» журналы, уникальное явление современной медиакультуры); 2) качественными (еженедельник «Русский репортер»); 3) массовыми (газета «Комсомольская правда»).

Следуя за большинством ученых (Т. И. Фролова, В. В. Тулупов, Е. Л. Вартанова, И. М. Дзялошинский, В. А. Сидоров, В. Д. Мансурова и мн. др.), «настаивающих на общественном статусе журналистики» [7, 155], определяющих примарность гуманистических, духовных ценностей (идеалов, смыслов) в деле усиления институционализации, социализации журналистики, гуманизации деятельности СМИ и журналистов, журналистского образования, диалогизации социально-публичной коммуникации, мы рассматриваем концептосферу «духовность» как знаковое, аутентичное, релевантное запросам времени основание ценностной идентификации журналистских дискурсивных практик.

Исследуя ранее концептосферу «духовность» как совокупность концептов [8], мы, опираясь на труды философов, культурологов, социологов, психологов, выделили в ее структуре, наряду с другими группами, три модусных концепта: «воля», «свобода» (часто воспринимаемые как дублетные, но имеющие свою специфику) и «ответственность». Они определяют сложную природу духовности как метачценности, задающей смысловые ориентиры, через способы/меру ее проявления, а также характеризуют носителя духовности («духовную» личность) через две важнейшие экзистенциальные ситуации: выбор и поступок в их бахтинском понимании. Таким образом, концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядо-

¹ Исследование выполнено за счет гранта ФПМУ ЧелГУ/2019.

ченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности человека и общества» [9, 34] стал методологическим инструментом анализа ценностного содержания журналистских текстов, ранжированных по уровню качества контента. Признавая ядерно-периферийную организацию концепта (З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. И. Карасик, С. Г. Воркачѳев и др.) [9; 10; 11], мы реконструировали общезыковые (так называемые узуальные) и дискурсивные модели трех модусных концептов с целью их сравнения и определения ценностно-смысловой динамики данных ментальных конструкторов в разных типах журналистского дискурса. Появление новых когнитивных признаков в содержательной структуре концептов, изменение состава центра и периферии, смысловая рекомбинация отдельных компонентов будут продикированы определенными когнитивными стратегиями концепирования (концептуализации) аксиологической реальности в журналистских текстах, подчиняющимися правилам того или иного дискурса. Под когнитивной стратегией условимся понимать ментальные процессы, направленные на переработку информации. Были проанализированы все журналистские и публицистические тексты за 2016 г., вербализующие модусные концепты в указанных СМИ (604, 251 и 306 текстов в изданиях элит-, миддл- и массуровня соответственно, всего 1161 текстовая единица).

Итак, исследуя реализацию концепта «воля» в дискурсе элитарного журнала «Знамя», мы можем говорить о трансформации его структуры, поскольку узуальная и дискурсивная модели на уровне ядра совпали лишь отчасти (наблюдается один общий смысловой элемент — «возможности, способности для осуществления чего-либо», 31 контекст), однако возникает новый признак, мигрировавший из периферии языковой модели в ядро дискурсивной, — «все, что связано с представлениями индивида о фатальности, предопределенности, случайности; непротивление обстоятельствам» (30 текстовых единиц). Таким образом, издание ретранслирует стереотип национального менталитета — веру в судьбу, неотвратимость происходящего, надежду на высшие силы, непротивление обстоятельствам; более того, ценностные смыслы «желание, хотение, требование», «упорство, настойчивость в достижении чего-либо» оказались периферийными в дискурсивной модели, в связи с чем выделяем фаталистичность и пассивность как когнитивные стратегии концепирования этой ценности. Приядерные зоны обеих моделей совпали («отсутствие каких-либо препятствий, ограничений, обязательств») с той лишь разницей, что в узусе смыслов оказалось гораздо больше. Поэтому ценность «воля» в дискурсе элитарного издания амбивалентна, что выражается в ее противоречивости: это начало, которое инициирует в равной

степени и активное, и пассивное поведение «духовной» личности.

Ядерным признаком второго модусного концепта — «свобода» — стал смысл «экзистенциальное условие для жизни, самовыражения, в том числе ментальной деятельности» (42 контекста), в околоядерной части наблюдается элемент «пространство для творчества» (30), в то время как в наивной картине мира базовым остается компонент «способность, возможность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, не причиняя вреда другим и не нарушая законов». Можно наблюдать смысловые трансформации этого концепта: во-первых, если в наивной картине мира «свобода» является способностью, возможностью, то в дискурсе «Знамени» она становится необходимым условием жизни, поэтому выделяем когнитивные стратегии дискурсивного модифицирования концепта — дебитивность (долженствование) и экзистенциальную кондитивность (жизненно важное условие); во-вторых, возникает новый приядерный смысл, связанный с творчеством, поэтому можно говорить о креативности как еще одной стратегии концепирования этой ценности.

Семантический центр третьего модусного концепта «ответственность» в дискурсе «Знамени» совпал с ядром узуальной модели («объективная обязанность отвечать за поступки и действия, а также их последствия», 35 контекстов), что позволяет говорить, с одной стороны, о ретрансляции ценностных смыслов: юридическая и морально-этическая ответственность по-прежнему являются главным регулятором поведения личности. С другой стороны, в ядерной зоне наблюдается новый компонент — «реакция, отклик на что-либо; социально-коммуникативное действие, выражающее отношение к чему-нибудь, инициирующее диалог» (33). Такие трансформации обусловлены коммуницированностью — когнитивной стратегией концептуализации, которая констатирует не только юридический и повседневно-бытовой статус «ответственности», но и коммуникативный, диалогический (в том понимании диалога, которое вкладывал в него М. М. Бахтин).

Перейдем к качественному изданию «Русский репортер», представляющий в нашей типологии печатных СМИ миддл-уровень. Структура концепта «воля» тоже модифицируется. Во-первых, перемещение важнейшего общезыкового компонента «возможности, способности для осуществления чего-либо» в дальнюю периферию дискурсивного поля актуализирует модальность желательности и необходимости (когнитивная стратегия — оптативность и дебитивность ценности). Во-вторых, приядерный смысл, связанный с проявлением инициативы («оценка деятельности с точки зрения проявления собственной инициативы», 12 контекстов), мигрирует в ядро дискурсивного поля — таким образом качественные

СМИ декларируют идею активного преодоления тех или иных препятствий, обстоятельств, решения затруднительных ситуаций, в которых оказываются герои публикаций, поэтому выделяем активность и инициативность как единую когнитивную стратегию концепирования.

Дискурсивная структура концепта «свобода» в целом коррелирует с наивной картиной мира, однако ядерный элемент «снятие каких-либо ограничений, отсутствие препятствий, давления на личность» (27 текстовых единиц) констатирует эту ценность не через утверждение, а через отрицание реалий социального бытия (в качестве когнитивной стратегии выделяем дерестрективность «свободы» — противоположное тенденции ограничения). Мы можем сделать предположение о том, что подобная модель сложилась из-за ориентации еженедельника как качественного издания на конфликтно-конвенциональную форму подачи актуальных социальных и политических вопросов.

В объективации концепта «ответственность» качественное издание проявило солидарность с элитарной прессой, отметив два главных когнитивных признака: 1) «объективная обязанность отвечать за поступки и действия, а также их последствия» (33 контекста); 2) «реакция, отклик на что-либо; действие, выражающее отношение к чему-нибудь» (21). Второй признак — новый, уникальный, он свидетельствует о трансформации структуры, которая обусловлена коммуницированностью (когнитивной стратегией).

Наконец, обратимся к массовому изданию «Комсомольская правда». В структуре концепта «воля» наблюдаем миграцию ядерного признака «возможности для осуществления чего-либо» на периферию массмедийного дискурса и, напротив, возникновение нового смыслового компонента «основополагающее качество сильной личности, проявляющей твердость характера» (17). Вновь, как и в предыдущих типах СМИ, актуализируется оптативная модальность (желательность) и дебитивная (необходимость). Выделяем следующие когнитивные стратегии: 1) оптативность и дебитивность «воли»; 2) активность и стеничность «воли». В приядерной зоне отмечается новый компонент «проявление социальной, политической активности» (10), что было бы более характерно для качественного издания, нежели массового. Однако контекстуальный анализ свидетельствует о том, что массовая газета транслирует этот смысл исключительно с помощью презентационной (не конвенциональной) стратегии, то есть освещает явления и события как свершившиеся факты, которые не подлежат обсуждению и которые необходимо просто принять к сведению (в журналистских текстах не выявлены какие бы то ни было аффективные противоречия). Более того, массовое издание таким образом конструирует имидж демократического из-

дания, создавая видимость социально-политического дискуссионного поля.

В полевой организации концепта «свобода» также наблюдаем изменения. Главный содержательный признак — «вольная жизнь вне тюрьмы, плена» (16 контекстов) — связан исключительно с уголовно-юридическим и военно-конфликтным дискурсом (отмечаем юридичность «свободы»). Все приядерные смыслы, обнаруженные нами в узусе, не актуальны для дискурсивной модели массовой газеты, что обедняет структуру концепта, однако периферия содержит много уникальных, новых и даже провокационных смыслов: «то, что становится предметом манипулирования общественным сознанием» (4); «пространство для творчества» (3); «жизненно необходимое условие или качество, которое достигается ценою борьбы; то, за что следует бороться» (3); «понятие, чуждое для русской ментальности, но все же необходимое для современной России» (3). Однако они, повторимся, оказываются на периферии массмедийного дискурса, а значит, выполняют имитирующую функцию объективности, по сути, играют роль идеологического симулякра.

Говоря о концепте «ответственность», надо отметить два уникальных когнитивных признака: первый (ядерный) — «негативные последствия для человека, нарушившего некие правила, законы» (71 контекст), который в узусе находится на периферии, и таким образом концепт репрезентируется через уголовно-правовую парадигму; второй (приядерный) — «реакция, отклик на что-либо; действие, выражающее отношение к чему-нибудь» (39). В соответствии с этим выделяем когнитивные стратегии концепирования — юридичность и одновременно коммуницированность (диалогичность) «ответственности», при этом коммуницированность не подкрепляется морально-этической семантикой, поскольку ядерные узусальные смыслы морально-этического характера («объективная обязанность отвечать за поступки и действия, а также их последствия») ушли на периферию дискурсивной модели массового издания.

В целом, если говорить о модусных концептах в журнале «Знамя», то элитизация продемонстрировала дуальность в интерпретации ценности «воля»: это свойство человеческого сознания одновременно является катализатором активного и пассивного поведения «духовной» личности, поскольку обнаруживает активно-преобразовательную и фаталистично-пассивную семантику. Таким образом, издание поддерживает стереотип национального менталитета — надежду на высшие силы, веру в неотвратимость происходящего. Дублетный концепт «свобода», в большей степени социально ориентированный, нежели «воля», не обнаружил национальной детерминации, напротив — продемонстрировал влияние западных либеральных традиций. Свобода — это необходимое условие для полноценной жизни, социаль-

но и личностно значимая ценность, которая сопровождается модальностью необходимости, поскольку в узальной модели свобода — это наличествующая возможность, а в дискурсивной — только потенциальная, а потому — крайне желательная и даже необходимая. В структуре концепта «ответственность» (помимо узальной модальности долженствования, необходимости) актуализировался новый ядерный смысл — «реакция, отклик на что-либо; действие, выражающее отношение к чему-нибудь», что является подтверждением не только юридического, повседневно-бытового статуса «ответственности», но и, что гораздо важнее, коммуникативного, диалогического.

Издание миддл-класса — «Русский репортер» — ценности «воля» и «свобода» концепирует через такие когнитивные стратегии, как желательность и необходимость, активность и инициативность, дерестрективность (снятие, отсутствие ограничений, давления), что объясняется абсолютизацией активной жизненной позиции как авторов (журналистов), так и читателей еженедельника. Интерпретация концепта «ответственность» аналогична ее пониманию в элитарном дискурсе.

Газета массуровня «Комсомольская правда» в структуре модусных концептов транслирует ожидаемые, социально поощряемые и одобряемые ценностные смыслы: воля — «то, что необходимо, к чему надо стремиться»; в то же время имеет место уникальная (характерная только для данного типа изданий) реализация когнитивных признаков через уголовно-юридическую семантику — речь идет о «свободе» и «ответственности». В этом случае можно сделать предположение об утилитарно-прагматическом, превентивном характере целей, которые преследует массовое издание, предостерегающее читателей от негативных последствий противоправного поведения, равно как и выводы о том, что уголовно-юридический дискурс — это простой и эффективный способ повышения внимания со стороны аудитории. Таким образом, массовые печатные СМИ (как проводники массовой культуры) выполняют функцию механизма стабилизации социальных структур [12, 13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мареева С. В. Динамика норм и ценностей россиян /

С. В. Мареева // Социологические исследования. — 2013. — № 7. — С. 120–130.

2. Дзялошинский И. М. Толерантность и мультикультурализм — ценностные ориентиры СМИ / И. М. Дзялошинский // Национальный психологический журнал. — 2011. — № 2 (6). — С. 122–125.

3. Тулупов В. В. Профессиональные ценности и профессиональная компетентность журналистов / В. В. Тулупов // Журналистский ежегодник. — 2016. — № 5. — С. 22–23.

4. Хруль В. М. Религия в текстах массовой коммуникации: структурно-семантические, функциональные и этические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. М. Хруль. — М., 2018. — 43 с.

5. Фролова Т. И. Гуманитарная повестка российских СМИ: теоретическая модель, журналистские практики, стратегии развития: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. И. Фролова. — М., 2015. — 49 с.

6. Сидоров В. А. Ценностный анализ в журналистике: время и метод / В. А. Сидоров // Global Media Journal. Российское издание. — Режим доступа: <http://www.global-media.pglu.ru/page.php?16> (дата обращения: 06.04.2019).

7. Тулупов В. В. Журналистика и журналистское образование в современных условиях / В. В. Тулупов // Вестник Воронежского университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2019. — № 1. — С. 155–160.

8. Концептосфера «духовность»: трансформация смыслов в медиатизированном социуме: словарь. — Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2018. — 310 с.

9. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. — 314 с.

10. Карасик В. И. Базовые характеристики концептов в лингвокультурной концептологии / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — М.: Гнозис, 2007. — С. 12–13.

11. Воркачёв С. Г. «Куда ж нам плыть?» — лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития / С. Г. Воркачёв // Язык, коммуникация и социальная среда. — Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/vorkachev-10a.htm> (дата обращения: 06.04.2019).

12. Костина А. В. Соотношение и взаимодействие традиционной, элитарной и массовой культур в социальном пространстве современности: автореф. дис. ... д-ра культурологии / А. В. Костина. — М., 2009. — 40 с.

Челябинский государственный университет

Антропова В. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
E-mail: ava45@yandex.ru

Chelyabinsk State University

Antropova V. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism and Mass Communications Department
E-mail: ava45@yandex.ru

ВЬЕТНАМСКОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО: УРОКИ ТАСС

Буй Чи Чунг

Вьетнамский национальный университет

Поступила в редакцию 25 ноября 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается современная стратегия Вьетнамского информационного агентства, опирающегося на более чем вековой опыт деятельности ТАСС.

Ключевые слова: информационное агентство, ТАСС, Вьетнамское информационное агентство, стратегия развития, принципы и профессиональные стандарты новостной журналистики.

Abstract: the article discusses the modern strategy of the Vietnamese information Agency, based on more than a century of experience of TASS.

Keywords: news Agency, TASS, Vietnamese news Agency, development strategy, principles and professional standards of news journalism.

Информационное агентство России ТАСС является ведущим государственным информационным агентством Российской Федерации. На протяжении более чем вековой своей истории данное ИА не изменяет своим принципам: вездесущности репортеров и объективности передаваемой информации. Такой подход переняло и Вьетнамское информационное агентство (ВИА).

Информация ТАСС выходит на шести языках: английском, русском, французском, немецком, испанском и арабском. Агентство работает и в области изобразительной журналистики, отражая историю современности в качественных образцах фотопублицистики. Фотоархивы ТАСС содержат более миллиона снимков и негативов, находящихся в процессе оцифровки. Агентство также имеет огромный фонд текстовой информации, основанный в 1918 г. и содержащий около 6 миллионов документов.

Инфраструктура агентства включает в себя 42 региональных центра и филиала в России, а также 75 офисов иностранных резидентов с более чем 500 корреспондентами.

ТАСС предоставляет информацию более чем 5000 российским и иностранным заказчикам, в том числе более 1000 СМИ, 200 дипломатическим миссиям, 239 финансовым учреждениям и банкам, 2055 промышленным предприятиям, научным и образовательным учреждениям, библиотекам. Информация также предоставляется администрации президента, Государственной думе, правительству и др.

Выражая государственную точку зрения, агентство придерживается девиза: «Четкость, точность, доверие». Его сотрудники считают, что важно оперативно передавать новости, но не в ущерб достоверности информации.

Вьетнамское информационное агентство (основанное в 1945 г.) поддерживает активные связи

со многими телеграфными агентствами мира, в том числе и с информационным агентством России ТАСС. В рамках сотрудничества ТАСС и ВИА была определена стратегия развития информационного агентства Вьетнама. Остановимся на ее ключевых моментах.

— *Роль информационных агентств в условиях глобальной оцифровки и развития новых медиа.* Конвергенция СМИ не означает механической концентрации газет в одной и той же организации, а предполагает предложение множества информационных «блюд», удовлетворяющих вкусы современной аудитории. Этому помогает развитие конвергенции СМИ и мультимедиа. Но необходимы более активные инновации и эксперименты в этой сфере.

— *Изменение моделей воспроизводства информации.* Система создания новостей на национальном уровне должна учитывать необходимость монетизации. Это важный и стратегический вопрос, касающийся всех уровней медиаменеджмента (от главного редактора до национальных и международных администраторов), профессиональных стандартов, критериев оценки и продвижения на рынок каждого типа информационных продуктов и др. Это радикальная, всеобъемлющая трансформация новостных мероприятий в контексте глобальной оцифровки с жесткой конкуренцией в социальных сетях и новыми способами общения.

— *Адекватная оценка значения профессиональных кадров.* Людские ресурсы в целом, включая основной персонал, являются одним из ключевых факторов успеха в развитии любой производственно-творческой организации. Стратегия развития ВИА включает ориентацию на создание современной коммуникационной фирмы, способной выдержать конкуренцию не только в региональном, но и в мировом информационном пространстве. Следует подчеркнуть, что предоставление инвестиций для появления высококачественных кадров является

одним из главных условий для серьезной международной интеграции.

— *Признание роли невидимых трудовых активов ВИА в создании основных компетенций.* Кроме значительных материальных ресурсов (недвижимость, материалы, технологии и др.), государственное информационное агентство обладает нематериальными и, прежде всего, интеллектуальными возможностями, позволяющими ему доминировать на информационном рынке и быть (благодаря престижу, репутации и т.п.) более эффективным.

— *Установление фирменной идентичности и укрепление бренда ВИА как сильнейшей марки национального информационного агентства.* Миссия национального информационного агентства, включенного в процессы глобализации, создающего различные типы информационной продукции, имеющего неповторимый фирменный стиль, включающий в том числе такие константы, как цвет, шрифт, изображение, голос, и распространяемый на все подразделения ВИА, — это и есть движение к бренду мирового уровня.

*Вьетнамский национальный университет
Буй Чи Чунг*

*Vietnam National University
Bui Chi Chung*

ЭССЕИСТИКА КАК ЭВРИСТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ТВОРЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

А. Л. Дмитриевский

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию сущности эссеизма как способа познания и жизни. В статье рассмотрен непосредственный «алгоритм» эссеистического опыта как духовной практики: структура и ход эссеистического поиска, его основные формы (инсайт, спин, раппорт), узловые моменты и результаты.

Ключевые слова: эссе, эссеистика, эссеизм, экзистенциальная теория журналистики, эвристика, творчество, публицистика, жанры.

Abstract: the article is devoted to the consideration of the essence of essayism as a way of knowing and living. The article describes the direct “algorithm” of essay experience as a spiritual practice: the structure and course of the essay search, its main forms (insight, spin, rapport), key points and results.

Keywords: essay, essays, essayism, the existential theory of journalism, heuristics, creativity, journalism, genres.

Весьма плодотворной видится мысль, что основу эссеистского поиска составляет *мыслительная задача* — общепринятая категория в психологических науках и столь же давно и успешно исследуемый феномен. В отечественной психологии одним из первых определение мыслительной задачи дал еще А. Н. Леонтьев [1]. По его мнению, мыслительная задача — это цель, поставленная в определенных условиях, препятствующих ее достижению. Сам процесс решения связан с достижением уже заданной, психологически очерченной цели. Его суть — в поиске необходимых для этого средств (не данных изначально) в границах, намеченных условиями задачи (при психологическом эксперименте) или определяемых обстоятельствами проблемной ситуации (в жизни).

Понятно, что подобная задача в научном опыте целиком условна: во-первых, условия задаются идеальными (скорости поездов равномерны и постоянны, яблоки одинаковы и взаимозаменяемы, рабочее не допускает брак и т.д.). Во-вторых, зачастую те или иные значимые условия или ограничения могут оговариваться сразу, но о других «решателю» приходится догадываться самому по ходу дела (например, что спичечная загадка может быть решена не в двух, а в трех плоскостях). В-третьих, учебная задача не нуждается в проверке на «правильность»: полноту условий, непротиворечивость, решаемость.

В жизни все иначе: вызванный мастер может не только не починить трубу, но и испортить дело еще больше; поезда задерживаются и отменяются; человек, попросивший о помощи, может внезапно «передумать»; ситуация — кардинально перемениться; а острый насущный вопрос — отпасть сам

собой либо, наоборот, перейти в критическую фазу.

Соответственно, и решения, получаемые в процессе мыслительного поиска, принимаются или отвергаются на основе конвенций, складывающихся по ходу формулирования ответа. Учитывая, что реальная жизнь переменчива и текуча, для эссеиста тем не менее подобная ситуация является позитивной, поскольку таит в себе скрытые возможности: ведь многие важные условия, задающие проблему, хоть и скрыты до поры до времени от его ума, в любой момент могут быть обнаружены, послужив основой для яркого и неожиданного, зачастую парадоксального, разрешения сомнений («ответа», «озарения»). Можно вспомнить Василия Розанова, к которому его «листья» приходили в самых разных ситуациях и которые ему столь же внезапно приходилось записывать на чем попало: манжете, салфетке, обрывке обоев или оберточной бумаги, на полях книг и корректурах, «на обороте транспаранта»...

Рассмотрим сам механизм осуществления такого поиска. Современный представитель когнитивной психологии пишет: «Процесс решения мыслительной задачи организован как построение (*вторичной*) моделирующей системы (термин В. А. Успенского). Она не присутствует в готовом виде до его начала и может не возникнуть в его ходе — тогда решение останется найденным. Решатель образует вторичные значения ключевых аспектов задачи (данное и искомое — термины С. Л. Рубинштейна) — они постепенно оказываются увязанными в единую структуру и определенными друг через друга. Так реализуются возможности, заложенные в условиях задачи. Это обеспечивает решателя ориентирами для дальнейшего движения: возникающая система все строже и последовательнее определяет и “подсказывает”

допустимые способы действия, помогая различать осмысленные и ошибочные шаги» [2, 100].

Особо стоит отметить, что 1) моделирующая система не присутствует изначально и постоянно в сознании эссеиста, но формируется параллельно с началом поиска решения. Важно также то, что 2) само решение будет задаваться рамками складывающегося целого этой системы. Эту особенность мышления принято связывать с его общей порождающей функцией и относить к его разновидности — эвристическому мышлению. И, наконец, то, что 3) обстоятельства и ответ, взаимодействуя и взаимоопределяя друг друга в структуре целого, обуславливают допустимые и возможные вероятные действия и мысленные ходы.

Традиционно под эвристикой (от греч. *heurisko* — «обнаруживаю, открываю») понимали универсальную установку сознания исследователя (изобретателя, творца, решателя) на поиск и решение проблем в условиях неопределенности. Использование термина связывают с древнегреческим философом Паппом Александрийским (III в. до н.э.), первым сформулировавшим особое собрание принципов, предназначенных для тех, кто желает научиться решать математические задачи. Его «Секреты искусства» были тайной, не поддававшейся написанию и разглашению. Тем не менее подобные попытки предпринимались (Г. Лейбницем в «Искусстве изобретения», Б. Спинозой и другими), но безрезультатно.

Проблема, видимо, заключалась в том, что эвристика не сводима к аналогии или подражанию, то есть к комбинаторике уже известного материала, а чаще связана с переживанием, вдохновением, инсайтом. Закономерно, что сегодня под эвристикой понимается «область научного знания (психология, кибернетика, искусствознание и др.), изучающая процессы творческой деятельности людей, животных и различного рода искусственных интеллектуальных систем. К числу основных категорий этой области знания относятся: творчество, новое, интуиция, инсайт, гештальт, открытие, субъективное и объективное, принятие решения, воля, самоутверждение, риск, пробы и ошибки и др.» [3, 574].

Западными исследователями выделяются три группы теорий, объясняющих эвристическое мышление:

- теория «тихой воды», или усредненного труда;
- теория блицкрига, или инсайта;
- теория «лучшей мышеловки», или оптимального методологического регулятива.

«Как мера творческого риска эвристичность всегда приветствовалась в качестве неотъемлемой компоненты развития научного знания, а в постнеклассической картине мира качество эвристичности теории выдвинуто на роль критерия научного знания, который позволяет изменить и сам процесс трансляции знания, сделать его творческим, проблемным, игровым» [4, 214–227].

Одной из важнейших категорий эвристики выступает категория инсайта. Инсайт (англ. *insight* — проницательность, понимание) трактуется в интуитивизме как «акт непосредственного постижения, «озарения» и т.п.; одно из основных понятий гештальтпсихологии, означавшее — в противовес представлению бихевиоризма о постепенном и «слепо» научении — внезапное понимание, схватывание тех или иных отношений и структуры ситуации в целом, не выводимое из прошлого опыта субъекта» [5].

Как методология эвристика предъявляет ряд практических требований.

Во-первых, она опирается на методы, связанные с эффективностью, существенным сокращением времени на разрешение проблемы (в отличие от простого перебора вариантов). Если говорить об эссеистике, то в глаза бросается очевидный факт методологической схожести: помимо парадоксальности (часто становящейся самоцелью иных писателей), эссе отличается оригинальностью, уникальностью взгляда на привычные вещи, проникновение в суть сквозь любые условности. Само по себе написание эссе связано с желанием автора поделиться с аудиторией как раз обнаруженным им противоречием, расхождением между представлениями большинства и реальностью.

Более того, если говорить об эссе как публицистической форме, то мы увидим его мощный философский потенциал. Публицистика занята не просто описанием социальной реальности («делать дело публицистов — писать историю современности»), но и анализом глубинных процессов экономического, политического и культурного планов. И здесь общественная функция и роль публициста самым определенным образом совпадает с ролью и функцией социального философа, политолога и культуролога. Ничего удивительного здесь нет: опираясь на экзистенциальную теорию журналистики, мы давно говорим о том, что методологией публицистического анализа социальной реальности выступает философия и, в частности, социальная философия и эстетика [6, 15–20; 7, 145–151]. Так, магистерская диссертация одного из самых ярких русских публицистов Н. Г. Чернышевского называлась как раз «Эстетические отношения искусства к действительности». Традиция трактовать публицистику с позиций социальной философии была заложена еще первым теоретиком, историком и ярким практиком отечественной журналистики — В. Г. Белинским. Эту же идею поддерживал второй теоретик и практик отечественной журналистики — В. И. Ленин.

Но вернемся к методологии эвристики.

Следующим важнейшим аспектом выступает значительное отличие методов творцов от традиционных (рутинных), устоявшихся в рациональной науке и художественной сфере, что абсолютно справедливо для эссеистики. Уникальность их метода связана

с индивидуальностью. Эссе не пишется по шаблону, что подтверждается исследованиями. Так, Е. В. Бузальская, со ссылкой на литературу вопроса, констатирует: «...существующее на периферии поля жанра официально-деловое эссе, функционирующее в странах Латинской Америки и США в качестве одного из вариантов представления сведений о соискателе, а также академическое эссе, представляющее собой письменную работу студента, призванную продемонстрировать наличие знаний в определенной области, не могут быть в полной мере признаны эссе, так как требования к их написанию противоречат исходным характеристикам канона этого жанра» [8, 77; 9; 10]. Как заметил М. Эпштейн, человек определяется в эссе лишь в ходе самоопределения и его писательство, творчество есть способ воплощения этого подвижного равновесия «я» и «я», определяемого и определяющего.

Далее, в третьих, в соответствии с эвристикой, само использование методов «сопротивляется внешним ограничениям, накладываемым на параметры исследования». В эссеистике это проявляется как явный неконформизм, «бунт» (Теодор Адорно) против привычного, размеренно-упорядоченного, косного. Г. К. Честертон, рассказывая о своем «методе», как-то заметил, что суть его в постановке избитой истины «с головы на ноги», поскольку в процессе обывательской практики истина извращается, выворачивается наизнанку, и потому эссеист вынужден возвращать ее в первоначальный вид, естественное положение, «расколдовывать».

В-четвертых, модели осуществления эвристического поиска значительно индивидуализированы и тесно связаны с психической и мотивационной деятельностью субъекта познания. Это проявляется как субъективность и мифологичность эссеистики: отдельное эссе есть частное проявление более масштабной ментальной структуры — индивидуально-мифологической картины мира автора.

Суммируя все вышеизложенное, можно сформулировать методику работы над эссе, основные этапы эссеистического поиска. Понятно, что это не алгоритм или инструкция из серии «Как стать успешным эссеистом за 15 минут», а последовательность или, скорее, совокупность важных (узловых) моментов эссеистического творчества. Их можно назвать семь.

1. Нахождение повода. Исторически сложилось так, что одним из характерных признаков жанра стал тот факт, что практически любое эссе начинается с «повода». Говоря научным языком — с выделения в потоке входящей информации дискретных объектов. Или, другими словами, с селективного отбора. Но этот «селективный отбор дискретных объектов» в эссе специфичен. Если в большинстве журналистских жанров тема выступления задается преимущественно внешними обстоятельствами (яркими происшествиями, повесткой дня, волей редакторов, ее

актуальностью или социальной значимостью) и имеет социальный, общественный характер, то в эссе тема задается личностно обоснованным интересом.

Мы уже говорили об экзистенциальной окраске эссеистского поиска, то есть обусловленности его «выступления» наличием во внутреннем ментальном поле острой проблемы (проблем), «незавершенного гештальта». Повод же, как случайное, зачастую совершенно внешне не связанное с проблемой событие (или факт, деталь или фраза) выступает лишь последней каплей, «взмахом крыла бабочки» — то есть спусковым механизмом, вроде неосторожного громкого слова, срывающего горную лавину.

2. Формирование заданности. Казалось бы — разговаривающие люди и горная лавина, где связь? Но среди миллиардов людей и миллионов лавин именно здесь и сейчас оказался один незадачливый человек и одна созревшая лавина... Воля, Рок, Фатум, Совпадение? Пушкин называл подобные кроссы «странными сближениями». Причем лишь внешне случайные, а при внимательном разборе — имеющие глубокое философское или политическое (как у Пушкина) обоснование (в частности, например, заяц и острое сопереживание декабристам). Или: из эпизодического, «рабочего» чтения «слабой поэмы» Шекспира «Лукреция» у гения родилась поэма «Граф Нулин», анализирующая (официально как бы «пародирующая») случайности и закономерности поворотов истории, а для посвященных выступающая актуальным публицистическим манифестом относительно декабристского мятежа.

Ходит легенда и о Сократе. По пути к месту занятий он предложил ученикам самим выбрать тему беседы. Но, говоря это, он споткнулся и расшиб колено. «Больно-то как, — проворчал, поднимаясь, Сократ. — Больно? Но что есть боль?.. Итак, ученики! Тема нашей сегодняшней беседы — боль!»

Выражаясь более строгим языком, на данном этапе производится выявление связей между выделенными в потоке входящей информации дискретными объектами: связывание их в целом «вторичной моделирующей системы». То, что на уровне текстов (и предложений) можно обозначить как «сближение», а на уровне отдельных слов, понятий или синтагм — можно назвать сепиловским «соположением значений».

То есть в целом *установлением горизонтальных связей в плоскости «повод — тема-материал — экзистенциальная проблема».*

Например, у Г. Гачева [11]: повод — «По радио обсуждают Олешу...» Тема заявлена в самом названии фрагмента: «Литература или опыты?» (и речь идет о разных аспектах его литературной жизни — друзьях, ситуациях, методах, спорах и т.д.). Экзистенциальная проблема: «Вопрос к себе: каков же я?»

3. Интимизация темы (проблемы), связывание ее с Личным мифом.

Там же (в ответ на пример «писательства» по канонам «жанра и стиля»): *А мне — Свобода, Простор на вылет души-мысли в никуда, в «Небо» — Бытия? Вселенной? Духа? — самая радость и условие раскупоренности ума и родника творчества = в-дух-новения... Но, конечно: нет ФОРМЫ, но поток — тактов жизни, кусков наблюдений. Правда, есть у каждого — начало: сюжет-тема сего опыта-дня — и конец; когда устал-выдохся, но не оттого, что разрешил-реализовал сюжет и опыт-кусочек имеет единство. Нет — открытость, топорщится писание — вопрошающе и далее — и обрывается. Эту операцию можно описать как актуализацию выделенных дискретных объектов связи и формирование «связок» ключевых аспектов поисковой задачи с последующим образованием вторичных значений.*

4. Следующий этап связан с **проникновением в сущность объектов** (предметов, значений, слов). Эссеист абстрагируется от их периферийных и второстепенных связей и сосредоточивает внимание на их сущности. Это переходный этап, когда, скажем так, «модусные значения» объектов умозрения постепенно начинают раскрывать свой возможностно-вероятностный потенциал. В. Налимов говорил о соединении с «гностической плеромой» бытия. Некоторые психологи говорят о вхождении в транс или медитативное состояние.

У Г. Гачева: *Еще вчера в застолье рождественском с Волгиным и Ириной Кабыш самообъясняться вынужден ревнивой иронии Св.: если в себя пишу — зачем же издаю?..*

5. Структурирование проблемного поля (этап открытий).

Раскрывающиеся смыслы объектов складываются в единства — различного рода ментальные образования и, структурно уплотняясь в сознании эссеиста, начинают все последовательнее определять и «подсказывать» автору переходы и движения его мысли, помогая различать правильные и ошибочные шаги и решения, давая ориентиры и направляя дальнейшие поиски и интенции. По всей видимости, именно на данном этапе можно вести речь об интуитивных открытиях и озарениях, в виде собственно инсайтов (во фрагментарном типе эссе), спинов (при циклическом построении) и раппортов (в линейном).

Г. Гачев: *И понял разность векторов: мой — это чтоб Слово, и Культура, и образование работали на меня: обсуждали-решали мои вопрошения к Бытию, Жизни, Истории и проч. — и помогли справиться с загвоздками-проблемами моего существования — лечили бы дух и душу. То есть записываются ОПЫТЫ ума с Бытием и Жизнью, наблюдения над миром и собой — экспериментатора своим жизнепрохождением. Но так как записи при этом и искренни и пластичны (мышление-то мое смешанное: художественно-образное и рассудочное), то получается текст опыта, имеющий уже общезначимость и интересность прочим*

людям, возможным читателям, хотя на них не рассчитана запись, а на себя, эгоистична. Так что получается нечто ВРОДЕ ЛИТЕРАТУРЫ, хотя не она в чистом виде и жанре. Как и нечто «вроде философии»...

6. Формирование концепта. Найденные и осмысленные связи между обобщенными объектами формируют новое (порожденное в результате всего предыдущего напряженного «вопрошания» [12]) личностное образование — экзистенциалию, обогащающую Личный миф автора-эссеиста «новой территорией», добытой в акте (опыте) расширения личности и задающую общую парадигму принятия решения.

Г. Гачев: *Ну а отдаю печатать зачем?.. Это — не обязательно, не входит как установка в процесс мышления и записывания опыта. Записав, свое я получил, сделал — и уже мне неинтересно и читать написанное, оглядываться в зеркало, охорашиваться, но откладываю, как уж есть... А когда-то, когда уж отжило-умерло, — отчего не пустить в издание: как некоего жившего и умершего человека — опыты, общеинтересные ведь?.. И человекичность и судьба его оригинальны, и мысль не слаба, и слог — живой...*

7. Принятие решения. И в завершение опыта экзистенциалия-мысль формулируется в виде императива, вписываясь в более или менее рациональную индивидуально-мифологическую картину мира автора, «закрывая» гештальт. Эту часть эссе можно условно назвать концовкой, завершением или стадией «катарсиса» (отпускания проблемной ситуации, освобождения от нее).

Г. Гачев (в 3-м лице о себе): *Пожалуйста, подглядывайте в замочную скважину — за его жизнью, как трепыхался человечек с веслом-лопатою мысли-словес: вычерпывал воду из челнока своего, заливаемого волнами Океана Бытия.*

Изложенная выше методика эссеистического поиска является вполне реальной стратегией мышления. Однако стратегией достаточно специфической, поскольку очевидно относится к «естественным» эвристическим стратегиям. Вследствие этого она (как метод) зависима от множества факторов: эмоционального состояния эссеиста, его жизненного опыта и индивидуального стиля решения проблем, предпочтительных методов. Тем не менее, являясь независимой от характера разрешаемых проблем, она достаточно универсальна и может применяться в самых разных педагогических или психологических ситуациях либо журналистских жанрах, форматах и «регистрах».

Таким образом, в самом общем виде под эссе можно понимать публицистическое произведение, непосредственно отражающее субъективные, экзистенциально окрашенные, аутопсихологические размышления автора над наиболее актуальными для него (смыслжизненными) вопросами внутренней и социальной жизни (как правило, ситуациями морально-нравственного выбора: «Как

мне быть?») в парадоксальной, зачастую ироничной форме с позиции индивидуально-мифологической картины мира.

Более кратко определение эссе будет звучать так: *публицистическое произведение, отражающее индивидуально-мифологическую рефлексию автора над жизненно значимыми для него проблемами внутренней (духовной) и социальной жизни.*

И окончательная формула жанра эссе будет таковой: публицистическое произведение, отражающее экзистенциальную рефлексию автора [13, 22].

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. — М.: Мысль, 1965.
2. Спиридонов В. Задачи, эвристики, инсайт и другие непонятные вещи / В. Спиридонов // Логос. — № 1. — 2014.
3. Лебедев С. А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории) / С. А. Лебедев. — М.: Академический проект, 2008.
4. Философия для аспирантов. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2003.
5. Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983.
6. Дмитриевский А. Л. Экзистенциальная теория журналистики: на пути к метатеории / А. Л. Дмитриевский // Вестник Челябинского государственного университета. — № 5 (360). — 2015.
7. Дмитриевский А. Л. Проблема теории журналистики в свете научно-методологических и философских подходов XXI века / А. Л. Дмитриевский // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — № 4. — 2011.
8. Бузальская Е. В. Функции концепта в современном эссе / Е. В. Бузальская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — Выпуск № 2. — 2015.
9. Ready A. W. Essays and Essay Writing for public examinations / A. W. Ready. — London: George Bell and sons, 1900.
10. Мартынова А. Г. Обучение академическому письменному дискурсу в жанре экспозитивного эссе. На материале старших курсов языкового вуза: дис. ... канд. пед. наук / А. Г. Мартынова. — Омск, 2006.
11. Гачев Г. Д. Из жизненных последних лет (2005–2008) / Г. Д. Гачев [и др.] // Дневник современного философа. — М.: МГИУ, 2009.
12. Дурова О. И. Эссеизм: вопрошание о смысле / О. И. Дурова. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001.
13. Дмитриевский А. Л. Жанр эссе. Очерк теории жанра / А. Л. Дмитриевский. — Орел: ИПФ «Картуш», 2006.

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева
Дмитриевский А. Л., доцент кафедры журналистики
и связей с общественностью
E-mail: dmitrovskiyal@ya.ru

I. S. Turgenev Orel State University
Dmitrovski A. L., Associate Professor of the Journalism and
Public Relations Department
E-mail: dmitrovskiyal@ya.ru

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНЫХ ОЖИДАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАНОМИНАЦИИ

М. А. Дрогайцева

Юго-Восточная железная дорога

Поступила в редакцию 21 июня 2018 г.

Аннотация: в данной работе обсуждаются экспериментальные методы исследования современных медианазваний. Описываются результаты реализации метода определения субъективных ожиданий на материале современных медианазваний. Полученные данные сопоставляются с результатами реализованного ранее метода свободного ассоциативного эксперимента. Подтверждается необходимость использования метода определения субъективных ожиданий для оценки коммуникативной эффективности медианазвания.

Ключевые слова: медианоминация, экспериментальные методы исследования, метод определения субъективных ожиданий, коммуникативная эффективность, информативность.

Abstract: the work is devoted to the experimental research methods of the nowadays medianominations. It describes the method of the subjective expectations which is based on the nowadays material of medianominations. The results of the method are compared with the results of the previously realized method of associative experiment. It confirms the need to use the method of the subjective expectations for assessment communication efficiency of medianomination.

Keywords: medianomination, experimental research methods, method of the subjective expectations, communication efficiency, informativity.

Объектом изучения в данной работе является так называемая медианоминация. Под медианоминацией понимается языковая номинация средств массовой информации [1, с. 60; 2, с. 132–133]. Феномен медианоминации рассматривался на материале названий региональных печатных средств массовой информации Центрально-Черноземного района, а именно Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой и Тамбовской областей. Общее количество рассмотренных названий, отобранных методом сплошной выборки, — 397 (например, «Курская правда» — название газеты, «Магазин выходного дня» — название журнала и т.п.). В общем перечне — издания, различные по широте аудитории, характеру распространения (платные, бесплатные) и тематике (общественно-политические, деловые, финансово-экономические и т.д.).

Экспериментальные методы исследования, которые позволяют выявить объективно существующие в сознании человека связи слов, занимают центральное место при изучении современной медианоминации. Так, в предыдущих работах ведущим методом нашего исследования стал метод свободного ассоциативного эксперимента.

Еще одним методом, широко используемым исследователями, является метод определения субъективных ожиданий. С его помощью может быть опре-

делена информативность медианоминации, иными словами, прозрачность номинации.

Для реализации названного метода в рамках данной работы опрос проводился в несколько этапов, в общей сложности в нем участвовало 400 информантов. Опрос осуществлялся как в массовой, так и в индивидуальной форме, при этом массовый эксперимент проводился с 15–50 испытуемыми. Анкеты, предлагаемые испытуемым, содержали от 95 до 100 слов.

В качестве слов-стимулов в данном эксперименте использовались слова из исходного списка названий региональных печатных средств массовой информации Центрально-Черноземного района.

В ходе реализации данного экспериментального метода испытуемым предлагалось ответить на вопрос типа: «Какую информацию, по Вашему мнению, можно получить в СМИ с таким названием, о чем можно прочитать?» Ответы на этот вопрос были распределены следующим образом: а) слово/словосочетание-стимул; б) количество информантов, опрошенных по данному стимулу; в) слова-реакции в порядке убывания частотности (с указанием этой частотности); при этом равночастотные реакции даны в алфавитном порядке; г) количество отказов (т.е. число информантов, не давших реакцию на данный стимул):

Белгородские известия 100 — новости города 25, новости 19, общественно-политические новости 9,

политика 8, события Белгорода 4, актуальная информация, аналитика, бизнес, власть, главные новости, достижения города, жизнь, известия, интервью, криминальные новости, критика, культура, люди, мнения, обзор, объявления, проблемы города, происшествия, пропаганда, реклама, рутина, скучная информация, слухи, спорт, телепрограмма, экономика региона; отказ — 9.

Как показали результаты исследования, задание не вызвало особых затруднений у испытуемых. Медианазвания, формирующие адекватные ожидания, связанные с предлагаемой информацией, будем называть далее информативными.

Изучение собранного материала позволило выявить следующие тенденции. Так, к информативным названиям могут быть отнесены 85% из исследуемых нами медианазваний: «Белгородская неделя», «Ваш стиль», «Вестник», «Женщина и автомобиль», «Лекарь», «Работа для Вас», «Житейские советы», «Женский», «Ваш Белгород» и др. К названному перечню примыкают медианазвания, тематика изданий которых уже знакома испытуемым: «Российская газета. Неделя в Воронеже», «Московский комсомолец в Воронеже», «Галерея Чижова», «Берег» и др.

Любопытно заметить, что так называемый прием упоминания географического объекта в медианоминании оказывается оправданным (например, «Липецкая спортивная газета», «Воронежское обозрение» и др.): упомянутый прием делает медианазвание более информативным, помогая читателю ориентироваться на соответствующий регион распространения издания.

Как видим, результаты реализации метода определения субъективных ожиданий демонстрируют высокий процент информативных названий. Интересно сопоставить полученные данные с результатами реализованного ранее метода свободного ассоциативного эксперимента. Так, к ассоциативным соответствующим названиям были отнесены 62,2% из исследуемых нами медианазваний. Таким образом, выявляется четкая корреляция результатов реализованных методов.

Таким образом, метод определения субъективных ожиданий выявляет в целом ряде случаев тож-

дественность замысла номинатора и восприятия медианазвания носителем языка, обнаруживает коммуникативную эффективность медианоминации (значительная часть исследуемых медианазваний обладает достаточной информативностью и явной соотносительностью ожиданий потенциального читателя с профилем издания).

Между тем в ряде случаев ожидания потенциального читателя заметно расходятся с реальным предложением издания (см., например, названия «Кувалда», «Колибри», «Парадный квартал», «Вперед», «Ёрш» и др.). Общее количество подобных названий — 11%. Также встречались отказы («АЗЪ ЭСМЪ ВСЕГДА», In Connect, «ИН», Mosty, «АС» и др. — 3% отказов). Думается, что использование в качестве медианазваний слов, семантически незнакомых носителю языка, вряд ли является оправданным.

В описанных выше случаях имеет, видимо, смысл говорить о неинформативных медианазваниях. В целом сказанное согласуется с результатами проведенного нами раннее ассоциативного эксперимента. Именно те медианазвания, которые вызывают наибольшие затруднения у информантов при описании ассоциаций, характеризуются самой высокой долей отказов и при реализации метода определения субъективных ожиданий.

Исследование медианазвания методом определения субъективных ожиданий подводит к выводу о том, что в идеале медианазвание должно быть нацелено на актуализацию определенной информации, доносящей до сознания читателя тематику предлагаемого издания. Чем ближе ожидания читателя к предлагаемой изданием информации, тем лучше медианазвание выполняет коммуникативную функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Науменко И. И. Медианоминация: к вопросу о терминологии // Коммуникация в современном мире: Сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф. — Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2012. — С. 60.

2. Новичихина М. Е. Медианоминация и медийное имя: дифференциация понятий / М. Е. Новичихина // Культура общения и ее формирование. — Вып. 27. — Воронеж, 2013. — С. 132–133.

Юго-Восточная железная дорога

Дрогайцева М. А., помощник заместителя начальника дороги

E-mail: marina_dro@list.ru

South-East Railway

Drogaitseva M. A., Assistant Deputy Chief

E-mail: marina_dro@list.ru

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ, ПРОТЕСТЫ И КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ: ДИСКУРСЫ, КОММУНИКАЦИИ, ЭФФЕКТЫ

Ю. В. Ключев

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 9 января 2019 г.

Аннотация: в статье представлен анализ дискурсов парламентаризма, федеральных выборов и протестов несистемной оппозиции на этапе новейшей политической истории России с 2010 по 2018 гг. Раскрыты формы, каналы и факторы предвыборных коммуникаций, характеристика оппозиционных действий, их результаты и эффекты. С учетом изменений в политической и экономической повестке развития общества выявлен «конституционный вектор» тематики публикаций федеральных СМИ. Поставлен вопрос о перспективах идеологической модернизации социума путем экспертного обсуждения предложений по легитимному реформированию Конституции России.

Ключевые слова: политический процесс, парламент, СМИ, выборы, оппозиция, идеология, Конституция.

Abstract: the analysis of discourses of parliament, federal elections and protests of not system opposition at a stage of the contemporary political history of Russia from 2010 to 2018 is presented in article. Forms, channels and factors of pre-election communications, the characteristic of oppositional actions, their results and effects are opened. Taking into account changes in the political and economic agenda of development of society “the constitutional vector” of subject of publications of federal mass media is revealed. The question of prospects of ideological modernization of society by expert discussion of offers on legitimate reforming of the Constitution of Russia is raised.

Keywords: political process, parliament, mass media, elections, opposition, ideology, Constitution.

Мера подотчетности государственных органов общественности и гражданам определяет качественные характеристики демократического развития. Массмедиа выступают медиаторами социального взаимодействия и обеспечивают развитие структуры социальных коммуникаций, способствуют актуализации общественно-политических вопросов и вовлечению акторов в процесс поиска решений существенных проблем. Роль СМИ в демократической политической системе заключается в выполнении конструктивной функции «артикуляции различных общественных интересов, конституирования и интеграции политических субъектов. Они обеспечивают представителям различных общественных групп возможность публично выражать свое мнение, находить и объединять единомышленников, спланировать их общностью целей и убеждений, четко формулировать и представлять в общественном мнении свои интересы» [1, 300].

Политический процесс в Российской Федерации базируется на принципах многопартийности, основу которой составляют гарантированные в ст. 29 Конституции России свобода мысли, слова и мнений, запрет на цензуру в СМИ. Предвыборный дискурс — особый тип публичного политического взаимодействия, выраженный в вербальных и невербальных формах тактического и стратегического воздействия поли-

тических лидеров — субъектов политической коммуникации — на сознание и подсознание избирателей. В предвыборном коммуникативном процессе субъект коммуникации выполняет доминирующую роль по отношению к психологически зависимому объекту коммуникации.

Парламент как орган государственной законодательной и представительной власти обеспечивает демократическое развитие в пространстве публичности, в котором функционируют средства массовой информации и коммуникации (СМИ и СМК). Ораторское искусство, политическая риторика выступают в качестве консолидирующего фактора, который объединяет возможности журналистики как института общественной деятельности и характерные возможности парламентаризма как одного из максимально открытых в своей публичности институтов государственной власти. И в журналистской, и в парламентской практиках публичная риторика является ресурсом осуществления политики: «Институциональным — политическим — субъектам не только не чужда публичная риторика, но, более того, некоторые из них специально создаются именно как публично-политические органы, служащие “мостиком” от пространства публичности к пространству политики» [2, 202].

Каждая политическая сила, допущенная к участию в предвыборной агитации (в 2011 г. — семь

политических партий), стремится через массмедиа максимально воздействовать на политическое поведение электората. Для подготовки и распространения нужной политическим деятелям информации применяются внутренние и внешние ресурсы предвыборной коммуникации. В их числе: 1. Внутренние ресурсы коммуникации — официальные интернет-сайты политических партий, агитационные предвыборные газеты, брошюры, листовки, календари, аудио- и видеоролики, выпущенные по заказу и под контролем политических партий и кандидатов в депутаты, лидеров политических партий. 2. Внешние ресурсы коммуникации — подготовленные независимыми от партийной принадлежности журналистами предвыборные информационные публикации в печати, аудио-, видеосообщения, политические дебаты и другие сообщения в газетах, журналах, по телевидению и радио.

Парламентский дискурс имеет ряд особенностей, раскрывающих специфику порождения, передачи и принятия актуальных сообщений. Они проходят несколько этапов: А. Порождение идеи сообщения может осуществляться на персональном и групповом уровнях. Текущее знание об окружающем мире и происходящих в политическом пространстве событиях формирует в сознании политического лидера или партийной группы набор актуальных современных задач для достижения цели. Б. Выявленные задачи проходят отбор и анализ в избирательных штабах, группах поддержки лидеров и в экспертных группах. В. Составляются тексты выступлений кандидатов в депутаты для печатных и аудиовизуальных СМИ, внимание уделяется содержанию и смыслу агитационных сообщений.

В современном политическом процессе невозможно четко просчитать, какие методы влияния через массмедиа окажут наибольшее воздействие на избирателя, потому что его настроение в период предвыборной кампании может варьироваться от благожелательного до агрессивного. При этом и сам факт проведения выборов и деятельность СМИ в период избирательной кампании «являются одним из мощнейших рычагов политической мобилизации. Политическими журналистами и консультантами освоен значительный арсенал приемов и методов влияния на формирование установок, мнений и в конечном итоге — на характер волеизъявления избирателей. Между тем норма политического участия в рамках демократической модели предполагает свободное и ответственное формирование гражданином политической позиции на основе достоверной информации» [3, 3].

В 2011 г. выборы в Государственную думу VI созыва продемонстрировали усиление противоречий и разногласий в политическом пространстве, что подтвердилось ожесточенной партийной борьбой за голоса избирателей. На указанном этапе политического процесса риторике лидеров и кандидатов

в депутаты была свойственна речевая агрессия, применялись методы языка вражды, в целом пропаганда политических партий основывалась на дихотомии «мы — они», «свой — чужой». Можно говорить о высоком уровне эмоциональной агрессии, свойственной участникам политического процесса. Такая характеристика проявилась и в выборной кампании в Государственную думу 2016 г., в ряде случаев она получила в публичном пространстве более широкий резонанс. Эмоциональная агрессия пользователей Интернета проявлялась в комментариях: их реплики были наполнены оскорблениями и бранью в адрес участников партийных дебатов.

В 2011 г. предвыборную агитацию активно вели КПРФ, ЛДПР, партии «Справедливая Россия» и «Яблоко». Выяснилось, что политическим партиям не хватает не столько новых людей, сколько новых идей, новых и свежих взглядов на застарелые проблемы. Успешность на выборах зависит и от системной работы по налаживанию обратной связи с избирателями. Американский политолог Д. Истон считает, что обратная связь в политике «включает в себя производство властями “выходов”, реакцию членов общества на эти “выходы”, передачу информации об этой реакции властям и, наконец, возможные последующие действия властей. Таким образом постоянно приходят в движение новые циклы выходов, ответов, информационной обратной связи и реакций властей, создавая непрерывную цепь взаимосвязанных действий. Наличие обратной связи оказывает тем самым существенное влияние на способность политической системы справляться со стрессом и выживать» [4, 638].

В целом предвыборную и послевыборную ситуацию в период голосования на выборах Государственной думы и президента России в 2010-х гг. можно охарактеризовать как политически напряженную. Массовые протестные акции начались практически сразу после федеральных парламентских выборов (4 декабря 2011 г.) и продлились вплоть до президентской инаугурации В. В. Путина (май 2012 г.). Оппозиционные мероприятия проходили в крупных городах, прежде всего в Москве, и носили ярко выраженный антипутинский характер, хотя формальным поводом для первых выступлений была так называемая «фальсификация» (по мнению оппозиционеров) выборов в Государственную думу. Для сбора участников акций на митинги широко применялись блоги и социальные сети (в частности, активно использовался ресурс «ВКонтакте»). О протестных акциях сообщали федеральные телеканалы, хотя информация подавалась в небольших объемах, нейтрально и сдержанно. Большую роль в распространении сообщений о протестном движении сыграли оппозиционные, в том числе сетевые СМИ: «Эхо Москвы», «Грани.ру», «Каспаров.ру», «Дождь» и другие.

Компанией «Яндекс» (одной из крупнейших в России сетевых поисковых систем) был подсчитан уровень

наивысшей популярности главных мемов и лозунгов представителей протестного движения, а также сторонников власти по количеству и периоду их упоминаний в блогах. Выяснилось, что оппозиционные силы чаще всего использовали выражения: «Партия жуликов и воров» (наивысшее количество упоминаний 13 475, декабрь 2011 г.); «Честные выборы» (87 259, этот же период); «Россия без Путина» (87 259, февраль 2012 г.); «Окупай» (7 038, май 2012 г.). Сторонники власти политические выражения в блогах чаще всего использовали в феврале 2012 г.: «Госдеп» (наивысшее количество упоминаний 52 749); «Оранжевая чума» (815 упоминаний); «Сетевые хомячки» (678 упоминаний); «Путин любит всех» (1212 упоминаний). Повышенная активность сторонников власти в пространстве блогов в феврале 2012 г. объясняется тем, что именно в этот период в России с января 2010 г. по май 2012 г. состоялось наибольшее количество оппозиционных митингов.

В 2012 г. власть удержала протестную ситуацию под контролем во многом благодаря тому, что не поддавалась на провокации оппозиционеров, умело и в достаточно мягкой форме останавливала несанкционированные мероприятия (хотя и с применением правоохранительных органов и ОМОНа), проявляла выдержку и демонстрировала готовность к диалогу (действующий в то время президент России Д. А. Медведев высказался за возможность политических реформ в стране). Федеральная власть выполнила обещания: были возвращены выборы губернаторов прямым голосованием населения (правда, через так называемый президентский фильтр), указом главы государства Д. А. Медведева впервые в нашей стране было реально создано (в отличие от ОРТ, принадлежавшего Борису Березовскому) «Общественное телевидение России» — ОТР (форма собственности — автономная некоммерческая организация), в марте 2016 г. председателем Центризбиркома России избрана Элла Памфилова.

В июне 2012 г. журнал «Русский репортер» в рубрике «от редакции» опубликовал статью «Не буржуазная революция». В этом тексте в нейтральном ключе была резюмирована реакция власти на протестное движение и представлена позиция журналистского коллектива, раскрывающая отношение к политическим событиям, происшедшим между думскими и президентскими выборами: «В декабрьском президентском послании прозвучали слова о таких неслыханных нововведениях как прямые выборы губернаторов и свободная от любых ограничений регистрация партий. Власть пошла навстречу улице, хотя, как принято в политике, отказались это признать. И в этот момент оказалось, что лидеры улицы ослеплены первыми удачами: массовостью выступлений и сговорчивостью властей. Тут на самом деле трудно было не потерять голову. Что и произошло. Вместо того, чтобы распропагандировать изменения

в политической системе как свое достижение, зафиксировать его как отправную точку для выдвижения конкретной программы, оппозиция презрительно отбросила уступки власти как половинчатые. Были затребованы новые уступки, вплоть до переноса президентских выборов и изменения избирательного закона. Ничего из этого не вышло, и нужно было быть уж очень погруженными в водоворот оппозиционной активности, чтобы ожидать, что что-то выйдет. После относительного успеха февральской акции, где было много людей, но очевидно мало смыслов, движение пошло на спад. Не признав этого вовремя хотя бы среди своих, не скорректировав повестку, так и не озаботившись выработкой социально-экономической программы, лидеры уличной оппозиции обрекли себя на “революцию слов”. По ее логике, раз нет реальной динамики протестного движения — значит, надо выдвигать все более радикальные лозунги. Хотя таким путем можно дойти до призывов к насильственному изменению конституционного строя, что уже является уголовным преступлением» [5, 31].

Как видно из фрагмента приведенной публикации, редакцией «Русского репортера» отмечены признаки радикальности оппозиционных идей и ориентация оппозиционеров на возможные антиконституционные действия. Один из факторов сохранения власти в 2012 г. — устойчивость политического лидерства, обеспечивающая общественно-политическую стабильность для широких слоев населения. Феномен политического лидерства оказал существенное влияние на избирателей. Политолог Ж. Блондель убежден, что политическое лидерство «есть существенный, хотя отнюдь не всесильный элемент в панораме общественной жизни. Если свести политику к ее костяку, к тому, что наиболее видимо для граждан, то таким костяком окажутся общенациональные политические лидеры, как отечественные, так и иностранные. Они — самый признаваемый, самый универсальный, вызывающий всеобщий интерес элемент политической жизни» [6, 3].

Ситуация 2011–2012 гг. показала, что феномен политического лидерства в России по-прежнему имеет большое значение для обеспечения стабильности и может расцениваться как главный фактор управляемости, сохранения государственного строя и политического режима. Вместе с тем упование на консолидированную политическую солидарность населения (высокую степень единомыслия) в предвыборный период в условиях демократии остается утопией, особенно в условиях жесткой межпартийной конкуренции, идейной и экономической дифференциации разных политических групп и элит. Непосредственно в день президентских выборов 4 марта 2012 г. впервые в отечественной избирательной практике с помощью сайта «Web-выборы 2012» обеспечивалась возможность гражданского видеомониторинга — общественного контроля за ходом

голосования на избирательных участках. Но для радикальной оппозиции этот наиболее транспарентный метод наблюдения за волеизъявлением избирателей не стал императивным поводом признать итоги голосования действительными.

Выступления несистемной, уличной, а, по сути, непарламентской оппозиции представляют собой распространение персонифицированных идей через мировосприятие и мировоззрение конкретных вожakov (вожаки толпы — термин французского социолога Г. Лебона). Вожаки толпы обладают силой внушения, могут создать веру для толпы и организовать ее, вожаки имеют сильную волю, обладают качеством насильственного деспотизма. При этом толпе дается превращенная (упрощенная) идея, личные интересы толпы уничтожаются, ее основными свойствами являются импульсивность, изменчивость, раздражительность, податливость внушениям и легковерие, преувеличение и односторонность чувств [7, 200, 226, 286].

В России вожди несистемной оппозиции сами себя выводят за пределы парламентской демократии, а именно: не принимают общих и легитимно установленных пределов свободы. Для их персонифицированного, точнее — гипертрофированного — индивидуалистического поведения не существует границ социальной ответственности и законных ограничений. Поскольку ни моральных, ни юридических норм нет, вожаками несистемной оппозиции для достижения власти используются силовые методы, прежде всего радикальные (националистические и экстремистские) группировки, готовые применить насилие в отношении власти и правоохранительных органов. В событиях 6 мая 2012 г. в Москве социальная база протестов была обозначена в СМИ прослойкой «сердитые горожане», так называемый средний класс, сумевший сделать карьеру в 2000-х годах. Именно эта группа, объединившая менеджеров, предпринимателей и торговцев высказалась за радикальные политические перемены в системе, которая предоставила ей основные материальные блага. Причем, как показала практика протестов, их инициаторы были недовольны не экономической ситуацией в стране как таковой, а фактическим возвращением к управлению государством конкретного лидера — Владимира Путина. Через возможность его кардинальной смены на посту главы государства сторонники оппозиции видели, по их представлениям, перспективу существенных экономических и политических преобразований.

Протесты в стиле «оранжевых революций», прокатившихся по всему миру, в том числе в странах бывшего СССР, и последующие события на Украине (государственный переворот 22 февраля 2014 г.) позволяют предполагать, что генеральной целью руководителей несистемной оппозиции был так называемый проевропейский, либерально-проза-

падный путь развития России. Об этом свидетельствует тот факт, что протесты в России поддержали пресс-секретарь администрации США Джей Карни (назвал митинги положительным знаком поддержки демократии в России) и Европейский парламент (призвал Россию провести «новые свободные и справедливые выборы после регистрации всех оппозиционных партий»).

Выступления несистемной оппозиции выявили необходимость углубления и развития реального диалога между действующей властью и оппозиционными движениями и партиями, а также показали уязвимости государственной системы, ориентированной на либеральные преобразования исключительно в экономической сфере и оставляющей развитие политического диалога и общественных дискуссий за пределами своего внимания. Также тревожным сигналом для власти стало явно выраженное формирование агрессивно настроенного мощного блока журналистов и оппозиционных СМИ, ставящих своей целью усиление радикальности политического взаимодействия, а по сути, призывающих к ослаблению существующих институтов государственной власти.

Этот психологический настрой был заложен в лозунг на оппозиционном мероприятии, так называемом «Марше миллионов»: 6 мая 2012 г. он прошел от Калужской до Болотной площади в Москве. Был выдвинут лозунг: «За честную власть! За Россию без Путина!» Во второй части лозунга («За Россию без Путина!») жестко противопоставляются друг другу ключевые и взаимосвязанные с учетом сложившейся на тот момент политической обстановки концепты «Россия» и «Путин». Этот лозунг был выдвинут, чтобы максимально расколоть общество на два диаметрально противоположных лагеря. Первый лагерь — те, кто за Россию и, значит, против Путина. Второй лагерь — те, кто за Путина и, значит, против России.

Исходя из формулировки первой части лозунга («За честную власть!») в массовое сознание внедряется тезис о нечестности действующей власти и о том, что честной может быть не существующая, а какая-то другая власть, за которую агитирует несистемная оппозиция. Во второй части лозунга в отношении государственного деятеля — Владимира Путина — массовую аудиторию готовят к восприятию возможной ситуации его отсутствия не только во власти, но и в России. Основная версия этих действий заключается в том, что оппозиция рассчитывала на другой итог протестов и возможное насильственное смещение избранного главы государства.

В связи с этим небезынтересным является аналитический отчет о социологическом исследовании «Динамика протестной активности: 2012–2013», проведенном автономной некоммерческой организацией «Лаборатория Крыштановской». Эмпирической базой указанного исследования явились два социологических опроса, проведенных в апреле

–июне 2012 г. и в мае 2013 г. Генеральной совокупностью опросов стали участники митингов протеста. По данным МВД, 6 мая 2013 г. в Москве на Болотной площади присутствовало 8000 человек. Это сообщество рассматривалось социологами как однородная совокупность, репрезентируемая по признаку «вовлеченность респондента в протестную активность и его критическое отношение к действиям власти». В исследовании использовалась систематическая вероятностная выборка. Из 8000 человек маршрутным способом (равномерно растянутая цепь интервьюеров) было выбрано 309 человек для интервьюирования. При однородной генеральной совокупности вероятностная систематическая выборка дала равную возможность каждому участнику митинга стать респондентом. Ошибка выборки составила 1,1 пункта с вероятностью 95%. Объектом исследования стала протестная часть населения Москвы, посещающая массовые антиправительственные мероприятия.

Положения аналитического отчета «Лаборатории Крыштановской» подтверждают развернутые нами положения о росте агрессивных и радикальных настроений, складывающихся в протестном оппозиционном движении: «Субъектом протеста является главным образом студенчество и интеллигенция крупных городов России. Совокупный портрет оппозиционера выглядит так: мужчина старше 40 лет, с высшим образованием, занимающийся умственным трудом. <...> Сравнение результатов опросов 2012 и 2013 гг. показало, что изменилась повестка дня протестующих. Если в 2011–2012 гг. главным нервом протеста были выборы, то теперь на первый план вышла борьба за свободу “политических заключенных”, “узников 6 мая”, Алексея Навального. <...> Стабильность, которую власть пытается представить как благо, этой группой населения воспринимается как застой. Отсутствие развития, реальной модернизации мотивирует оппозиционеров выражать свое недовольство через массовые демонстрации. <...> О том, что радикализация протеста все же происходит, свидетельствует анализ диалогов в твиттере. Внутри оппозиции идут дебаты по поводу правомерных форм протеста. Одна часть оппозиционеров настаивает на том, что использование исключительно разрешенных акций превращает протест в бессмыслицу, которая заканчивается взаимными “лайками и ретвитами”. Все чаще слышны призывы оккупировать здания органов власти, перекрывать улицы, использовать жесткую силу, если надо — драться. Молодые люди, настроенные агрессивно, жаждут бурного развития событий. Мирные акции в рамках разрешенного правового поля представляются радикалам изжившими себя. Происходит систематизация и планирование участия в протестных мероприятиях. <...> Социальные сети заняли прочное место главного информационного инструмента оппозиции. До сих пор в социальных сетях преобладают сторонники оп-

позиции. Провластные силы отстают и в скорости реакции, и в креативности идей. Возросла внутренняя солидарность оппозиции. <...> Она все меньше готова идти на компромиссы с властью. Внутри оппозиции все слышнее голоса тех, кто призывает к гражданскому неповиновению, к жесткому противостоянию с полицией, к захвату государственных зданий. Открыто выражается желание заменить тех, кто стоит у руля государства» [8].

Непредсказуемость и нестабильность политической системы во многом связана с тем, что сложившиеся в демократический период политические партии практически не акцентируют внимание избирателей на актуальной общественной проблематике во внутриполитическом процессе. Полноценный диалог в СМИ по внутренним проблемам российского социума ведется слабо, наряду с этим существенно возрастает потребность и гражданский запрос на содержательно-смысловую глубину и насыщенность контекста коммуникации между обществом и властью.

9 октября 2018 г. в федеральном выпуске «Российской газеты» № 7689 (226) председатель Конституционного суда России Валерий Зорькин выступил со статьей «Буква и дух Конституции». Он выразил убеждение, что изменения в Конституции должны носить не кардинальный, а точечный характер, отметил неблагополучность социально-экономической ситуации в стране: нерешенность социально-экономических проблем, недостаточную защиту социальных прав граждан, рост социального неравенства, углубление бесправного положения работающих, наращивание объемов их трудовых нагрузок с одновременным снижением их социальной защищенности. По мнению В. Зорькина, путь к общественному согласию и справедливости лежит в плоскости идей русской философии конца XIX — начала XX вв. с ее учениями о соборности, всеединстве, всечеловечности. Через корректировку либерально-индивидуалистического подхода к пониманию права, через синтез идей индивидуальной свободы и социальной солидарности, через соединение идеи правового равенства с идеей ответственности каждого не только за себя, но и за других. «Это позволит нам освободиться от ошибочных представлений о солидаризме как об идеологии авторитарного типа и на новом уровне возродить в России солидаристское мировоззрение, которое все еще остается погребенным под обломками социализма», — считает В. Зорькин.

О возможных изменениях в Конституции России, кроме В. Зорькина, заявляли: председатель Государственной думы Вячеслав Володин — на встрече президента В. Путина с руководством Федерального собрания РФ и председателями профильных комитетов обеих палат парламента 25.12.2018, профессор МГИМО Валерий Соловей и член Общественной палаты Союзного государства России и Белоруссии,

священник Всеволод Чаплин — опубликовано в статье: «Прерванный правовой акт. Кремль готовит федеральный референдум об изменении Конституции России», газета «Наша версия» № 28 от 23.07.2018, автор публикации Руслан Горевои.

Время от времени в публичном пространстве возникает дискуссия о возможности и даже необходимости установления единой общественной и государственной идеологии, которая могла бы максимально скоординировать усилия граждан по решению значимых вопросов. Хотя формально в России действует принцип идеологического многообразия, от власти социум запрашивает конкретизированные и понятные приоритеты общего развития. Это могут быть концептуально развернутые, стратегические, легитимно закреплённые конституционные приоритеты, подчеркивающие значение государственности как идеи, обосновывающие развитие России как независимого и суверенного государства в обязательной увязке идеи сильной государственной власти с укладом общественной, а по существу, народной жизни.

Содержание этих приоритетов не может быть основано на принципах деятельности какой-либо партии. Целостная концепция человека, общества и государства — не временная идеология текущего этапа развития, а перспективная формула организации социальной действительности, определяющая гражданское сознание человека, неразрывно связанное с интересами своей страны и своего народа. Собственное понимание такой концепции выдвинул С. Г. Корконосенко: «<...> Необходима оригинальная, культурно обусловленная концепция развития, основным ресурсом которой служит свободная личность, разделяющая ценности коллективизма и общественного служения» [9, 72]. Безыдейное существование современного российского гражданина характеризует М. А. Воскресенская: «Мнимое отсутствие идеологии в государстве — это и есть идеология. Идеология особого рода. Она взращивает равнодушную бездумную массу в противовес сообществу мыслящих граждан» [10, 48]. Отсутствие консолидированной личностно, общественно и государственно ориентированной идеи вызывает существенные опасения, особенно с учетом активного влияния на массовое сознание идеологий партийного типа, ориентированных

в большей мере на узкие партийные интересы, чем на системный — личностный, общественный и государственный — приоритеты развития. Организация конституционного процесса и легитимные, с участием экспертов, изменения в Основном законе могут стать действенными и адекватными ответами на актуальные вопросы социально-экономического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пугачев В. П. Введение в политологию / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. — М.: Аспект Пресс, 2004.
2. Дорский А. Ю. Эстетика власти / А. Ю. Дорский. — СПб.: Алетейя, 2013.
3. Козина Е. С. СМИ и выборы: ресурс и угроза политического мифотворчества / Е. С. Козина. — М.: Изд-во ВК, 2005.
4. Истон Д. Категории системного анализа политики / Д. Истон; пер. с англ. К. А. Зубова // Антология мировой политической мысли: В 5 т. — М.: Мысль, 1997. — Т. II. — С. 630–642.
5. Не буржуазная революция (редакционная статья) // Русский репортер. — 2012. — № 23 (252). — 14–21 июня.
6. Блондель Ж. Политическое лидерство: путь к всеобъемлющему анализу / Ж. Блондель; пер. с англ. Г. М. Квашнина. — М.: Российская академия управления, 1992.
7. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон; пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана. — М.: АСТ, 2018.
8. Крыштановская О. В. Динамика протестной активности 2012–2013: аналитический отчет о проведении социологического исследования / О. В. Крыштановская [и др.]. — Режим доступа: <http://gefeter.ru/archive/9579> (дата обращения: 18.01.19).
9. Корконосенко С. Г. Ценность коммуникационной свободы в общественном сознании / С. Г. Корконосенко // Журналистика в мире политики: ценностный раскол и согласие: материалы круглого стола Всерос. форума с междунар. участием «Дни философии в Петербурге — 2011» / ред.-сост. И. Н. Блохин, С. Г. Корконосенко. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. — С. 59–73.
10. Воскресенская М. А. Социальная ответственность журналистики в эпоху анонии / М. А. Воскресенская // Журналистика в мире политики: ценностный раскол и согласие: материалы круглого стола Всерос. форума с междунар. участием «Дни философии в Петербурге — 2011» / ред.-сост. И. Н. Блохин, С. Г. Корконосенко. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. — С. 42–49.

Санкт-Петербургский государственный университет
Ключев Ю. В., доктор политических наук, доцент кафедры телерадиожурналистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ
E-mail: klim-yurish@inbox.ru

St. Petersburg State University
Klyuev Y. V., Doctor of Philology, Associate Professor of the Teleradiojournalism Department of "The Higher School of Journalism and Mass Communications" Institute of SPbSU
E-mail: klim-yurish@inbox.ru

ВОПРОС О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

Н. Н. Козлова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 февраля 2019 г.

Аннотация: статья посвящена особенностям позиции либерально-западнического журнала «Вестник Европы» по вопросу о путях развития России рубежа XIX–XX вв., рассмотренным на материале публикаций за период с середины 1880-х гг. до начала 1918 г. Считая европейский путь естественным и необратимым, отвергая обвинения в отсутствии патриотизма и преклонении перед Западом, авторы журнала доказывали, что западный опыт противоречил прежде всего убеждению власти в незаменимости самодержавия как способа управления Российской империей, и антизападнический характер официальной идеологии, определявшейся известной формулой «Православие, самодержавие, народность», был направлен на консервацию устаревших форм социально-политической жизни, что в конечном счете привело страну к потрясениям начала XX столетия.

Ключевые слова: рубеж XIX–XX вв., идеология российского самодержавия, российский либерализм, журнал «Вестник Европы», русская революция.

Abstract: the article deals with unique aspects of the approach of the liberal Western-oriented periodical “Vestnik Evropy” to the issue of the ways of Russia’s development at the turn of the 19th and 20th centuries studied on the basis of the publications from the mid-1880s to the beginning of 1918. The authors of the periodical considered the European way of development as natural and irreversible rejecting the accusations of lack of patriotism and admiration for the West. They argued that the Western experience was primarily contrary to the belief of the authorities in the irreplaceability of the czarist regime as a way of ruling the Russian Empire. The anti-Western nature of the official ideology, described by the well-known formula “Orthodoxy, autocracy, national spirit”, was aimed at safeguarding obsolete forms of socio-political life, which finally led the country to the cataclysms of the early 20th century.

Keywords: the turn of the 19th and 20th centuries, the ideology of the Russian czarist regime, Russian liberalism, the periodical “Vestnik Evropy”, the Russian revolution.

Путь развития России — одна из «вечных» тем отечественной публицистики. Более двух столетий продолжают споры о том, какая модель предпочтительнее для нашей страны. И, хотя объективно она на протяжении всего этого периода с большим или меньшим успехом шла по пути европеизации, вопрос об отношении к Западу продолжал и продолжает оставаться в общественном сознании поводом для серьезных идейных разногласий.

Идея о том, что уникальность исторической судьбы России делает как минимум проблематичным следование европейским образцам в ее развитии, легла в основу формирования целого ряда течений русской общественной мысли, начавшегося в 1830–40-е гг. Инициатива принадлежала тогда российской власти, предложившей триаду «Православие, самодержавие, народность» в качестве основы официальной идеологии. Она утвердила принципиальную, освященную многовековой традицией специфику российского социально-политического устройства и указала на его «здоровые

начала» в противовес охваченной всевозможными «заразами» Европе.

Начавшиеся вслед за этим дискуссии между сторонниками «официальной народности», западниками, славянофилами приобрели особую остроту и новых участников — почвенников, народников — в 1860-е гг. Известно, какое влияние оказала на общество идея «особого пути» России в эпоху «великих реформ». В то же время проводившиеся властью либеральные преобразования по европейским образцам способствовали усилению позиций либерального западничества. И появление в этих условиях такого издания, как «Вестник Европы», было закономерным. Однако до трагического завершения царствования Александра II дискуссии с «самобытниками» не входили в число первостепенных задач редакции. Главными были поддержка либерального курса правительства и критика отступлений от него, которая в первой половине 1870-х гг. вызвала два предостережения со стороны цензурного ведомства, поставивших под угрозу существование журнала. И если бы не «амнистия печати» 1877 г. после победы под Плевной, судьба «Вестника Европы» могла быть весьма драматична.

Свидетельство чему — заключение, данное Главным управлением по делам печати в 1879 г.: «После сделанных взысканий преследуемое ими направление журнала значительно ослабло, хотя и до последнего времени остались в нем следы прежних тенденций» [1, 8–9] с длинным списком этих «следов», представляющих собой критику разных сторон внутренней политики правительства.

Привлечь весь авторский актив к разностороннему анализу и критике концепций «особого пути» России редакцию «Вестника Европы» заставила кардинальная смена правительственного курса после 1 марта 1881 г. С началом контрреформ Александра III триада «Православие, самодержавие, народность» была поднята на уровень национальной идеи, в свете которой либеральные ценности, выработанные европейской социально-политической культурой, представлялись враждебными национальным интересам России и не могли служить образцом для ее дальнейшего развития. Больше всего этот западный опыт противоречил убеждению верховной власти в незаменимости самодержавия как способа управления Российской империей. Унаследованное Николаем II, это убеждение фактически сохранялось до самого падения монархии, хотя взрыв 1905 г. и вынудил последнего российского императора провести серию серьезных либеральных преобразований.

Именно эта официально утвержденная специфика российской судьбы: «особая» власть в соединении с «особой» религией и «особым» народом¹, моральное превосходство режима российской власти над всеми существовавшими на Западе — стала главным объектом критики в «Вестнике Европы» на рубеже XIX–XX вв. Поскольку осуществляемая под этими знаменами консервация устаревших форм социально-политической жизни, по мнению авторов журнала, могла привести страну к серьезным потрясениям.

Средоточием этой критики стала рубрика «Из общественной хроники», которую вел постоянный автор «Внутреннего обозрения» К. Арсеньев. О причинах, по которым полемическое острие его публицистики было направлено в сторону правительственной печати, главным образом газеты «Московские ведомости», он не раз упоминал в письмах издателю и редактору журнала М. Стасюлевичу. 1898 г.: «Мнения их («Московских ведомостей». — Н. К.) опровер-

гаются нами настолько, насколько это мнение кое-кого “другого” [2, 14]. 1907 г.: «Когда у нас началась “новая эра”, я думал, что мне никогда больше не понадобится излюбленный мной в течение многих лет прием полемики, номинально направленный против “Моск. вед.”... а на самом деле метящий в другую цель. И вот приходится к нему возвращаться: опять за статьями “М. в.”, как и за прокламациями “Союза русского народа”, стоит сила, с которою трудно бороться прямо и открыто!» [3, 38].

Вот только один из многочисленных эпизодов этой полемики, имеющий непосредственное отношение к нашей теме. В начале 1890-х гг. вышло новое издание комедии А. Грибоедова «Горе от ума», которую «Московские ведомости» тут же охарактеризовали как сатиру на холопов европейского просвещения. «В том, против чего восстает Чацкий, нет ровно ничего европейского, — отвечал К. Арсеньев. — Не у Запада научился Максим Петрович... “отважно жертвовать затылком”, не в европейской школе образовался “Нестор негодяев знатных”. То зло, которое внушает не смех, а отвращение и ужас, то зло, в борьбе с которым Чацкий только и мог возвыситься до истинного героизма, — не имеет ничего общего с “людьми из города Бордо” или с “подражательницами модистками”... “толпу мучителей” Чацкий возбудил против себя не осуждением “пустого, рабского, слепого подражания”. Она вооружилась против него за непочтительность к властям, за непризнание спасительной силы поклонов и “исканий”, за скептическое отношение к чинам и мундиру, за сочувствие “завиральным идеям”, и нельзя не сказать, что она поняла его гораздо лучше, чем понимает его современная quasi-консервативная критика... невозможно искать Чацкого в лагере консервативном или ретроградном... По терминологии этого лагеря, свобода для них есть полнейшая несвобода для всех, “несогласно мыслящих с нами”. Не о такой свободе мечтал грибоедовский Чацкий» [4, 456, 457].

Неоднократно со стороны «Московских ведомостей» и близких им изданий звучал призыв принять у М. Стасюлевича новую присягу на верноподданство, выдвигались прямые обвинения типа: «“Вестник Европы” доволен перечисленными мерами — ergo эти меры идут против русского государственного строя» [5, 379]. Цензурное ведомство еще на исходе эпохи реформ отмечало: «Подкладкою всему, что пишется в этом журнале, служит какое-то высокомерное и презрительное отношение к русской народности и благоговение предо всем западноевропейским [6, 46]. Весьма определенно по этому поводу высказался еще в первые годы своей обозревательской деятельности К. Арсеньев: «...у нас... закоснела шея в подбострастном наклоне к Западу? — цитировал он московскую славянофильскую газету “Русь”. — К какому Западу? К тому ли, который во многом сходится с Востоком, — который создает “антисемитские” движе-

¹ Л. Толстой в письме жене 25 октября 1894 г. цитировал манифест Николая II, всходившего на престол после смерти отца, «Россия сильна беспредельной преданностью к нам», назвав его «исключительно неприличным» (см.: Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М., 1928–1964. Т. 84. С. 229). А 30 ноября записал в дневнике: «Хотят удержать и спасти тонущее самодержавие и посылают на выручку ему православие, но самодержавие утопит православие, и само потонет еще скорее» (Там же. Т. 52. С. 152).

ния... мешает в Испании постройке протестантских церквей, в Бельгии — организации светских школ? ...Который недавно увлекался “имперскою” политикою Биконсфильда... продолжает идти по стопам кн. Бисмарка, сегодня исповедуя вместе с ним учение “железа и крови”, завтра слепо веруя в его социальные эксперименты? ...Который действует динамитом и возводит в догмат анархию?» [7, 460]. Позже его поддержал А. Пыпин: «...у нас процесс развития был еще в периоде брожения, — писал он, размышляя о судьбах русского романа за границей, — между тем критическая мысль была уже настолько развита, что односторонности западного предания стали бросаться в глаза, как ясны были и несовершенства социальных отношений... сильнейшие умы русской литературы умели критически относиться к явлениям западной жизни» [8, 342–343]. Вместе с тем известен ответ М. Стасюевича на намерение Л. З. Слонимского, постоянного автора «Иностранного обозрения», написать статью о кризисе европейского парламентаризма: «...осторожно нужно говорить о “кризисе” парламентаризма там, где и репа растет еще плохо!» [9, 13].

В поисках эффективных методов возделывания «репы» авторам «Вестника Европы» приходилось обращать взоры на этот пусть и несовершенный Запад, пытаясь определить как ближайшие, так и отдаленные перспективы развития собственной страны. Здесь считали, что необходимым этапом эволюции социально-политической системы России должна стать конституционная монархия. Германия рубежа XIX–XX вв. как нельзя лучше подходила для обсуждения этой перспективы. С одной стороны, напрашивались аналогии: самая консервативная монархия Западной Европы, сохранившая в государственном устройстве черты феодализма, в общественном — сословные перегородки, с довлеющей над населением бюрократией и ярко выраженным милитаристским уклоном. С другой — в стране существовала конституция, работал парламент, в котором были представлены в том числе и социалисты, власть «допускала свободу печати, публичное обсуждение государственных дел, участие выборных представителей в решении внутренних законодательных вопросов, гласный суд и несменяемость судей» [10, 862]. Здесь аналогии заканчивались и начинались «бесплодные мечтания» российских либералов, как выражался при вступлении на престол Николай II. Да, в письмах редактор «Вестника Европы» называл правящую верхушку Германии конца XIX в. «партией бездарного произвола» [11, 98]. Л. Слонимский в «Иностранном обозрении» неоднократно приводил факты игнорирования ею и конституции, и решений рейхстага. Но в России отсутствовала даже попираемая конституция и зависимый парламент — институты, которые, по убеждению авторов журнала, самим фактом своего существования создавали возможность

демократизации социально-политической жизни. В России ближайший советник двух последних императоров К. Победоносцев в своих публицистических выступлениях, называя демократию «великой ложью нашего времени», писал: «Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда бы судьба послала нам роковой дар — всероссийского парламента! Да не будет!» [12, 51]. Поэтому, в целом не симпатизируя Бисмарку как государственному деятелю, Л. Слонимский после его отставки замечал, явно имея в виду обер-прокурора Священного синода: «Князь Бисмарк, при всем своем консерватизме и при всей односторонности своих военно-политических идеалов, никогда не употреблял своего руководящего влияния и авторитета для противодействия свободному умственному и культурному развитию немецкого народа» [13, 391].

Отсутствием надежд на изменения во внутренней политике российской власти были вызваны и демонстративно завышенные оценки в материалах журнала внутривластной деятельности взошедшего на германский трон Вильгельма II. Отставка Бисмарка, отмена репрессивного «закона о социалистах», меры по улучшению положения рабочих, повышение роли рейхстага в решении социально-политических проблем, — все это рассматривалось как свидетельства интенсивной демократизации системы управления страной в контексте аналогичных процессов в других государствах Европы. «Политические принципы, которые еще недавно считались основами государственной мудрости, изменились до неузнаваемости в Западной Европе. Правительственный консерватизм нигде уже не понимается в смысле охраны или восстановления старых привилегий, ограничений и стеснений, — писал Л. Слонимский, — серьезные политические деятели консервативного лагеря повсюду выступают с программами обширных и смелых реформ, которым даже радикальные элементы оппозиции не могут отказать в сочувствии и поддержке. Самое консервативное и крепкое из европейских правительств — прусское — решительно вступило на путь либеральных преобразований... согласно народным нуждам и потребностям, оно отвергло всякую солидарность с реакционерами старого закала... и неуклонно преследует реальные, жизненные задачи, возлагаемые на государство современным положением народов». Король «обратил... внимание на громадное большинство населения, на... народные массы, столь долго заслоненные от высшей власти привилегированными общественными слоями» [14, 379].

Нечто подобное в поведении правящей верхушки России увидели авторы «Вестника Европы» после появления манифеста 17 октября 1905 г., о чем свидетельствовала появившаяся в начале 1906 г. статья К. Арсеньева «Партия демократических реформ и ее программа». Здесь в качестве ближайшей перспекти-

вы рассматривалось превращение Российской империи в наследственную конституционную монархию, проводящую масштабные либеральные преобразования под контролем двухпартийного парламента с правом законодательной инициативы. «Ни одно постановление, распоряжение, указ, приказ и т.п. акт, не основанный на решении народного представительства, как бы он ни назывался и от кого бы ни исходил, не может иметь силы закона» [15, 788]. Однако вера в реальность таких трансформаций российской монархии тогда быстро растаяла, и в 1909 г., откликаясь на выход сборника «Вехи», К. Арсеньев с горечью констатировал: «Русская государственность возвратилась к той мертвой точке, на которой стояла пять лет тому назад... Слегка измененная внешность прикрывает старое политическое содержание. Личная и общественная инициатива встречают те же препятствия, как и прежде» [16, 304].

Следует заметить, что такой ход событий не мог быть для обозревателя «Вестника Европы» неожиданным. Еще в размышлениях авторов журнала над судьбами Германии на рубеже 1880–90-х гг. было предвосхищено — пусть невольно — многое из того, что произошло с Россией в начале XX в. В частности, Е. Утин отмечал, что конституция была дана властями Германии не добровольно, а под давлением революционного движения, и император сохранял убеждение в приоритете монархической воли над конституционными правами подданных [17, 310]. Результатом была «тяжесть внутренних вопросов, неуверенность в прочности европейского мира, возможность новых кровавых столкновений для Германии» [18, 336]. А. Градовский писал о постоянном стремлении немецкой правящей верхушки из временных «боевых мер», принятых в чрезвычайных ситуациях, делать общие «боевые законы», роль которых в укреплении империи весьма сомнительна [19, 90, 91]. Л. Слонимский видел в политике правительства Германии подчинение реальных интересов страны и народа временным выгодам и удобствам власти и внесение «элемента произвола и неопределенности в общий ход политической жизни» [20, 854–855].

Можно было бы назвать эти аналогии случайными. Но листаем номера «Вестника Европы» начального периода участия России в Первой мировой войне. Присоединившись к общему патриотическому восторгу, максимально резко высказавшись о неслыханном со времен Наполеона попрании Германией международного права, о преступном характере начатой ею войны, журнал достаточно быстро перешел к свойственному ему трезвому анализу ситуации. К Арсеньев, рассуждая в своих ежемесячных обзорах «На темы дня» о том, какое влияние может иметь война на всех представителей противоборствующих сторон, писал: «...пускай освобожденный (в результате поражения Германии. — Н. К.) германский народ займет в европейской семье место, при-

надлежащее ему по праву» [21, 328]. Следует отметить, что месяцем ранее в «Иностранном обозрении» Л. Слонимский уверенно заявлял: «Никакие случайные задачи... не вознаградят Германию за неизбежное разорение ее мировой торговли, ее колоний и всего ее народного хозяйства» [22, 406]. Далее у Арсеньева — о России: «Война, освободительная по своему духу и по своим целям, не может не стать освободительной и внутри государства» [23, 340].

Приветствуя Февральскую революцию 1917 г. как падение отжившего режима, благодаря чему, по словам К. Арсеньева, «в плоть и кровь облекался образ русского гражданина, стертый до неузнаваемости в реакционные годы» [24, 360], Слонимский указывал, что решение вопроса о продолжении или скорейшем окончании «убийственной войны» зависит от того, какое влияние окажет русская революция на положение дел в Германии. И мир возможен, если германские социал-демократы в ответ на призыв Совета рабочих и солдатских депутатов будут способны мобилизовать силы для уничтожения монархии в своей стране [25, 379].

Даже определяемый рамками данной статьи весьма краткий обзор германской тематики в публицистике «Вестника Европы» рубежа XIX–XX вв. показывает, что речь не шла не только о «преклонении», но и о каком-то особом пиетете по отношению к «немецким образцам». Да, авторы журнала постоянно указывали, по каким ключевым направлениям развития страны Германия шла впереди России. Но никогда этот разрыв не представлялся непреодолимым и, как следовало из многих публикаций, мог быть сведен к минимуму в обозримом времени при наличии того, что мы сегодня называем политической волей. В конечном же счете ведущие публицисты журнала пришли к выводу, что ни монархия российская, ни монархия германская оказались не способны решать жизненно важные проблемы своих государств. И не без удовольствия констатировали, что Россия раньше, чем Германия, отказалась от дискредитировавшей себя системы власти.

Германия делила лидерство среди стран Запада, включая США, по количеству и объему посвященных ей публикаций в «Вестнике Европы» рубежа XIX–XX вв. (имея в виду период со второй половины 1880-х до 1917 г.), с Францией. И если правомерно говорить о наличии у ведущих авторов журнала своего рода политического идеала, то эта роль принадлежала именно Франции. Комментируя визит французской эскадры в Кронштадт в 1891 г., предшествовавший заключению Франко-русского союза, Л. Слонимский писал: «Французская республика представляет собою крайнее осуществление политических начал, которым у нас присваивается название западноевропейских. Французы несомненно являются самым западным народом в Европе в том специальном смысле, который придается слову “Запад” в нашей политической

литературе. Если наши публицисты говорят о гниении Запада и ведут борьбу с этим разлагающимся будто бы западноевропейским миром, то при этом они должны прежде всего иметь в виду передовую представительницу западных идей и учреждений, Францию» [26, 829].

Источник идей, обогативших жизнь народов всего мира; убедительное доказательство ведущей роли политических свобод в материальном и духовном развитии народа — в таком качестве выступала эта страна во многих материалах «Вестника Европы» указанного периода. Вместе с тем присутствовало понимание, что Французская республика представляет собой «прочно укрепившееся господство промышленной буржуазии» [27, 852], что «в современной Франции принципы свободы и равенства уживаются еще с административными и судебными порядками, унаследованными от империи» [28, 889], что «французский парламентский режим в современном его виде не соответствует идеалу народного самоуправления» [29, 105]. Но эти и другие серьезные изъяны французской демократии перекрывались ее главным достоинством: «...во Франции закон служит единственным источником власти, а у нас кроме него существуют и другие» [30, 826].

Заслуживает внимания серия публикаций о столетии Великой французской революции, подготовленных редактором М. Стасюлевичем. Достижения Франции в промышленности, науке, искусстве автор связывал с упрочением республиканского режима. О созидательной силе республики писал и Е. Утин: несмотря на поражение в войне с Пруссией, породившее «кровавую междоусобицу» Парижской коммуны, «ни одно из европейских государств за последний восемнадцатилетний период (1871–1889 гг. — Н. К.) не сделало столько для своего внутреннего развития, как Франция» [31, 577]. Непреходящее значение французской политической системы подчеркивал Л. Слонимский: «Прочность республики не зависит от личностей, пристегивающих к ней свое имя, а определяется совокупностью условий и обстоятельств, которые сложились в нынешней Франции в пользу широкого демократического режима» [32, 873–874]. Но самое интересное во всех этих материалах — отношение к революции 1789 г. как историческому событию. Празднование ее столетнего юбилея — «память, конечно, не кровавых внутренних междоусобиц, а тех новых начал, которые... проникли в политическую жизнь всех европейских народов» (Л. Слонимский) [33, 793]. «Французы празднуют годовщину вовсе не мрачной, трагической, кровавой стороны революции, а лишь тех светлых, далеко еще не осуществленных идеалов, знамя которых они думали водрузить на благо всего человечества (Е. Утин) [31, 570]. К. Арсеньев, неоднократно излагавший в своих статьях и обзорах суть либеральной программы журнала, которая основывалась в том числе и на не-

приятии революции как средства решения социально-политических проблем государства, писал о новой книге знаменитого французского историка И. Тэна: «Антипатия его к революции внушает ему слишком снисходительное отношение к ее предшественникам и к ее преемнику — к старой бурбонской монархии и к наполеоновской системе... Тэн не принимает в расчет общее свойство переходных эпох, больше намечающих, чем исполняющих... Он предъявляет к революционному правительству такие же требования, как и к правительству, действовавшему среди глубокого мира» [34, 798]. Приведенные высказывания — ключ к пониманию позиции, занятой «Вестником Европы» в полемике 1909–1910 гг. вокруг сборника «Вехи»: «Не такими поспешными обобщениями можно предвосхищать суд истории, который для русской революции вообще еще не наступил и едва ли наступит скоро... Характер революции освободительное движение получило... потому, что слишком долго был закрыт для русских граждан доступ к государственной деятельности и до крайности затруднено даже ее обсуждение» [16, 307].

В марте 1917 г., вписав Февральскую революцию в общеевропейский революционный процесс, К. Арсеньев провел аналогию с 1789 г. Он указал, с одной стороны, на востребованность этого опыта в сложившейся ситуации, напомнив об умершем год назад постоянном авторе журнала, депутате Государственной думы от партии демократических реформ М. Ковалевском: «Для историка французского учредительного собрания 1789–91 гг. нашлось бы место в первом русском учредительном собрании» [24, 372]. С другой стороны, Арсеньев отметил специфические черты русской революции, которые, с его точки зрения, несколько облегчали для новой российской власти решение стоявших перед ней проблем. Так, в дворянстве России, в отличие от Франции вековой давности, не нашлось много защитников монархии; невозможна русская Вандея, т.к. нет почвы для объединения крестьян, помещиков и духовенства, а последнее никогда не было у нас правящим сословием. Таким образом, строю не угрожает гражданская война. Так же, как для Франции 1789 г., существует внешняя угроза, но есть большая надежда на победу над немцами благодаря наличию мощных союзников и процессам демократизации в армии [24, 359–372]. Л. Слонимский связал надежду на победу со вступлением в войну США, полагая, что «в этом решении сыграло свою роль появление на арене всемирной истории новой русской демократии, способной внушать сочувствие и доверие великой американской республике» [25, 391]. В целом он разделял мнение К. Арсеньева о специфичности русской революции, которая «совершалась не по заграничным образцам и не в силу заговора или взаимного соглашения оппозиционных “буржуазных” партий с рабочим классом, а благодаря удивительному совпадению стихийных

обстоятельств и условий, подготовленных старым режимом» [25, 737].

К. Арсеньеву выпала возможность высказаться и о том, что происходило в первые месяцы после октября 1917 г. В апрельском номере 1918 г., после выхода которого журнал прекратил существование, он писал о все большем преобладании в текущей жизни тех самых темных и кровавых сторон, о которых не хотелось вспоминать когда-то в связи с празднованием столетия Великой французской революции. Террор, инициируемый новой властью; культивирование ненависти по отношению к имущим классам, особенно буржуазии; разгорающаяся гражданская война; диктатура, которую обозреватель «Вестника Европы» назвал несовместимой с властью, рассчитывающей управлять государством сколь-нибудь длительный срок, как о том заявляли большевики. Интересно, что альтернативу он нашел в «народном социализме» журнала «Русское богатство» 1905 г., т.к. «обещая удовлетворение всех народных нужд, этот социализм не разжигает народных страстей, он сеет ненависть и злобу; он открывает путь к общему счастью и истинной свободе» [35, 316].

Понять это обращение к программным установкам народнического журнала при том, что народничество как концепция «особого пути» России много лет подвергалось последовательной и жесткой критике авторами «Вестника Европы», невозможно, не учитывая их отношения к социализму. В частности, К. Арсеньев, наблюдая за ростом рабочего движения в Западной Европе и в России, усилением влияния социал-демократических партий в ряде наиболее развитых европейских стран, считал победу социализма хотя и отдаленной, но вполне возможной. Однако не видел другого пути к ней, кроме завоевания партией «четвертого сословия» парламентского большинства, вероятность которого росла вместе с ростом демократии в западном мире. «Всеобщая подача голосов, — писал он, — подготавливает почву для четвертого сословия; окончательная его победа — вопрос времени, меры и формы» [36, 891]. А в 1915 г., подводя итоги пятидесятилетнего пребывания своего журнала в системе российской печати, он отмечал, что «Вестник Европы», «расходясь с левыми в выборе средств действия... был во многом близок к ним по целям» [37, VII]. Но если в начале 1890-х гг., сравнивая положение рабочих в России и в Западной Европе, Л. Слонимский писал, что последние «имеют все-таки возможность организоваться, охранять свои человеческие права и свой быт» [30, 339], в то время как российские рабочие этой возможности практически лишены, то в 1917 г. он же назвал рабочий класс решающим фактором победы Февральской революции [25, 373–374]. По этой логике и после октября 1917 г. не было причин отказывать рабочим в праве строить социализм под руководством пришедшей к власти РСДРП.

Отсутствие прецедентов социалистических революций в мировой практике; специфика России как крестьянской страны; особенности российского капитализма, нигде в Европе не имевшего «таких разнообразных и соблазнительных средств наживы, как в нашей “великой и обильной” стране, такого простора для всяческих хищений и обирательств, истребления народных богатств, для эксплуатации народной нужды, невежества и беспомощности рабочего люда» [39, 759], о чем говорилось в многочисленных публикациях разных авторов «Вестника Европы» рубежа XIX–XX вв.; неприятие в этих условиях марксистской концепции скачка из одной общественно-экономической формации в другую, видимо, и побудили К. Арсеньева обратиться к отечественным разработкам в области теории социализма. Народничество имело здесь самую богатую традицию. К началу XX в. его либеральное крыло, представленное в журнале «Русское богатство», практически избавилось от «греха» антиисторизма, долгое время вызывавшего упреки со стороны публицистов «Великой Европы», которые в то же время симпатизировали народникам как искренним и последовательным защитникам интересов трудящихся масс, особенно крестьянства. Программа сформировавшейся вокруг «Русского богатства» в 1905–1906 гг. партии народных социалистов с ее установкой на «социалистическую эволюцию» — мирное внедрение элементов социализма в капитализм — не могла не быть близка К. Арсеньеву, поскольку в ее конечных целях совпала с многим из того, что обозреватель «Вестника Европы» исповедовал и проповедовал на протяжении всей своей полувековой журналистской деятельности. Исключение радикальных методов борьбы; самоценность и верховенство человеческой личности; прямое участие народа в законотворчестве и управлении государством; открытая социалистическая партия всех трудящихся, отстаивающая интересы любой социальной группы, если они не идут вразрез с интересами трудящихся; крепкое крестьянское хозяйство как цель аграрной политики; наконец, демократические начала жизни всего народа, которые для К. Арсеньева составляли суть либерализма, его непреходящую ценность. «Мы не можем себе представить такого момента, когда потеряла бы свою цену, например, свобода печатного слова. Она всегда будет составлять любимую мечту, заветную цель всех тех, кто видит в ней неискоренимую потребность человеческой мысли и незаменимое условие общественного развития... То же самое следует сказать и о свободе верований, и о неприкосновенности личности, и о равенстве перед законом... о всем том, что входит в состав известной, но вечно юной “либеральной программы”» [40, 467].

Подводя итоги, в первую очередь следует сказать о том, что в публицистике «Вестника Европы» рубежа XIX–XX вв. европейский путь развития Рос-

сии не только не вызывал вопросов, но представлялся естественным, само собой разумеющимся. Как писал Вл. Соловьев, наверное, самый яркий и неординарный автор журнала последнего пятидесятилетия XIX в., на этот путь «прочно, бесповоротно» поставил страну Петр I. Более того, «по общему своему смыслу и направлению реформа Петра Великого не была для русского народа чем-то совершенно новым: он своим историческим подвигом возвращал Россию на тот христианский путь, на который она впервые встала при св. Владимире. Меняя свое национальное идолопоклонство на всечеловеческую веру... Россия тем самым признавала себя составною частью единого человечества, приобщалась к его исторической судьбе» [41, 290, 301]. При этом «для всякого неослепленного ума было ясно, что зло русской жизни состояло в том, что у нас было слишком мало европейского содержания» [42, 737], главной составляющей которого к концу XIX столетия стала все возрастающая активность гражданской жизни на Западе, находившейся в России на самом низком уровне развития. «Главная наша немощь здесь состоит в слабом развитии личности, а через это и в слабом развитии общественности... при подавлении личного начала из людей образуется не общество, а стадо, — писал Вл. Соловьев. — Тут уже нет речи о законности, о праве, о человеческом достоинстве, о нравственности общественной, — все это заменяется произволом и раболепством... культ сильной власти... возводит в принцип коренное бедствие нашей жизни, указывает в нем наше главное превосходство над западной цивилизацией, погибающей будто бы от доктринерских идей законности и права» [43, 778].

Вместе с тем авторы журнала всегда подчеркивали, что европейские модели, переносимые на российскую почву, никогда не могли и не смогут в дальнейшем избежать существенного влияния особенностей исторического развития и современного состояния страны. И Запад в публицистике «Вестника Европы» никогда не был ни неким монолитом, ни объектом поклонения, как представляли позицию издания цензура и охранительная печать. Критика несовершенств западных экономических, социальных, политических систем последовательно велась в журнале на протяжении всего времени его существования. Она затрагивала и «либерализм западного образца», который принимался как носитель фундаментальных демократических ценностей, но не вызывал сочувствия как защитник «односторонних буржуазных интересов».

Однако постоянное и подчас демонстративное обращение к опыту развития Запада редакция «Вестника Европы» считала необходимым, поскольку антизападнический характер официальной идеологии рубежа XIX–XX вв. был обусловлен неприятием

фундаментальных либеральных ценностей и чем дальше, тем очевиднее направлен на консервацию архаичной социально-политической системы, режима власти, неспособного адекватно реагировать на вызовы времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. РГИА, ф. 776, оп. 6, д. 402.
2. ОР ИРЛИ (ПД), ф. 293, оп. 2, д. 165/6.
3. ОР ИРЛИ (ПД), ф. 293, оп. 2, д. 165/7.
4. Из общественной хроники // Вестник Европы. — 1890. — № 3. — С. 453–462.
5. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. — 1886. — № 7. — С. 373–411.
6. РГИА, ф. 776, оп. 3, д. 87.
7. Из общественной хроники // Вестник Европы. — 1884. — № 11. — С. 445–466.
8. Пыпин А. Н. Русский роман за границей / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. — 1886. — № 9. — С. 301–344.
9. ОР ИРЛИ (ПД), ф. 293, оп. 1, д. 18.
10. Иностранное обозрение // Вестник Европы. — 1887. — № 4. — С. 857–872.
11. ОР ИРЛИ (ПД), ф. 293, оп. 1, д. 98.
12. Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени / К. П. Победоносцев. — М.: Русская книга, 1993. — 640 с.
13. Иностранное обозрение // Вестник Европы. — 1891. — № 5. — С. 378–395.
14. Иностранное обозрение // Вестник Европы. — 1891. — № 7. — С. 376–392.
15. Партия демократических реформ и ее программа // Вестник Европы. — 1906. — № 2. — С. 786–793.
16. Арсеньев К. К. Призыв к покаянию / К. К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1909. — № 5. — С. 299–309.
17. Утин Е. И. Император Вильгельм I. Старая и новая Германия / Е. И. Утин // Вестник Европы. — 1888. — № 5. — С. 308–339.
18. Утин Е. И. Император Вильгельм I. Старая и новая Германия / Е. И. Утин // Вестник Европы. — 1888. — № 5. — С. 301–345.
19. Градовский А. Д. Государство и церковь в Пруссии / А. Д. Градовский // Вестник Европы. — 1886. — № 9. — С. 82–136.
20. Иностранное обозрение // Вестник Европы. — 1890. — № 4. — С. 848–865.
21. Арсеньев К. На темы дня / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1914. — № 10. — С. 317–332.
22. Иностранное обозрение // Вестник Европы. — 1914. — № 9. — С. 402–417.
23. Арсеньев К. На темы дня / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1914. — № 11. — С. 330–345.
24. Арсеньев К. На темы дня / К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1917. — № 3. — С. 359–372.
25. Слонимский Л. Иностранное обозрение / Л. Слонимский // Вестник Европы. — 1917. — № 3. — С. 373–392.
26. Иностранное обозрение // Вестник Европы. — 1891. — № 8. — С. 827–849.

27. Иностранное обозрение // Вестник Европы.— 1891.— № 6.— С. 842–881.
28. Иностранное обозрение // Вестник Европы.— 1888.— № 4.— С. 889.
29. Слонимский Л. З. Новейшие критики парламентаризма / Л. З. Слонимский // Вестник Европы.— 1888.— № 5.— С. 101–137.
30. Внутреннее обозрение // Вестник Европы.— 1888.— № 6.— С. 804–829.
31. Утин Е. И. Восемнадцать лет спустя. 1871–1889 / Е. И. Утин // Вестник Европы.— 1889.— № 12.— С. 560–582.
32. Иностранное обозрение // Вестник Европы.— 1889.— № 2.— С. 858–882.
33. Иностранное обозрение // Вестник Европы.— 1889.— № 6.— С. 789–819.
34. Арсеньев К. К. Новый историк современной Франции / К. К. Арсеньев // Вестник Европы.— 1891.— № 2.— С. 773–800.
35. Арсеньев К. На темы дня / К. Арсеньев // Вестник Европы.— 1918.— № 1–4.— С. 304–317.
36. Из общественной хроники // Вестник Европы.— 1891.— № 6.— С. 882–898.
37. Арсеньев К. Пятидесятилетие «Вестника Европы» / К. Арсеньев // Вестник Европы.— 1915.— № 12.— С. I–XIV.
38. Слонимский Л. З. Промышленные идеалы и действительность / Л. З. Слонимский // Вестник Европы.— 1891.— № 11.— С. 330–350.
39. Слонимский Л. З. Промышленные идеалы и действительность / Л. З. Слонимский // Вестник Европы.— 1891.— № 12.— С. 730–766.
40. Из общественной хроники // Вестник Европы.— 1891.— № 1.— С. 461–478.
41. Соловьев В. С. Очерки из истории русского сознания / В. С. Соловьев // Вестник Европы.— 1889.— № 5.— С. 280–319.
42. Соловьев В. С. Очерки из истории русского сознания / В. С. Соловьев // Вестник Европы.— 1889.— № 6.— С. 734–756.
43. Соловьев В. С. Очерки из истории русского сознания / В. С. Соловьев // Вестник Европы.— 1889.— № 12.— С. 773–795.

*Воронежский государственный университет
Козлова Н. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры истории журналистики и литературы*

*Voronezh State University
Kozlova N. N., Candidate of Philology, Associate Professor of
the Journalism History and Literature Department*

МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

К. С. Корнилова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 12 декабря 2018 г.

Аннотация: в статье рассмотрена проблематика организации музейно-выставочной деятельности с точки зрения осуществления маркетинговых коммуникаций с различными аудиториями.

Ключевые слова: музейно-выставочная деятельность, музей, система маркетинговых коммуникаций, медиасреда.

Abstract: the article deals with the problems of organizing a museum and exhibition activities from the standpoint of marketing communications with various audiences.

Keywords: museum and exhibition activities, museum, marketing communications system, media environment.

Понятие информатизации и медиатизации общества трактуется через технологический подход. При этом феномен медиатизации как критерия информатизации общества описывается как процесс совершенствования средств сбора, хранения и распространения информации [1, 16]. Сегодня музей, общество, информация и понятие «медиатизация» перекликаются и интегрируются, выводя выставочную деятельность в музее на новый уровень. В современных условиях крайне сложно представить музейную деятельность без формирования маркетинговых коммуникаций, направленных на самые широкие слои общественности.

В сегодняшнее непростое время у музеев есть разные потенциальные посетители – преуспевающие, активные и образованные молодые люди, студенты вузов, специалисты по различным отраслям знаний и др., которые способны оценить образовательные и досуговые возможности музейных коллекций и выставок. Завоевание этой аудитории – актуальная задача музеев и выставочных центров.

Как показало исследование, проведенное Институтом музееведения Берлина во Франции, Германии и Великобритании, музеи находятся в состоянии конкуренции с другими учреждениями культуры и досуга и вынуждены вести «борьбу» за посетителя (особенно это касается взрослой аудитории). Осознавая это, зарубежные музеи прежде всего обратили внимание на резервные возможности расширения своей аудитории за счет редкого и «немuseumного» контингента, т. е. граждан, которые не испытывают потребности в общении с музейными ценностями, и вообще региональных посетителей [2, 33].

По свидетельству специалистов, такая политика способствует успехам в области менеджмента музеев Великобритании, которые значительно опережа-

ют в этом направлении другие европейские страны. По мнению Р. Майлза, заместителя директора Музея естествознания Лондона, «самый простой способ увеличить аудиторию музея – это сделать так, чтобы “редкие” посетители (самая многочисленная группа, не отличающаяся изысканностью вкуса) начали приходить повторно». Анализ музейной аудитории показал, что эта группа посетителей высоко ценит комфортные условия, под отдыхом посетителями обычно подразумевается релаксация, а приходят они в музей, как правило, в связи с модными выставками [3, 28].

Зарубежные специалисты уже давно осознали, что действенным способом привлечения взрослых посетителей в музеи является не только расширение культурно-образовательных программ и проектов. Один из крупнейших специалистов в области музейного маркетинга Великобритании С. Раньярд отмечает, что образование и просвещение, может быть, и являются одной из главных целей работы музеев, но мало кто из посетителей станет добровольно посещать какие-то учебные циклы, если только у них не будет для этого очень серьезного стимула [4, 34].

Практика показывает, что больше всего музейные посетители любят участвовать в работе семинаров-мастерских, присутствовать при демонстрациях. При этом они сами отмечают, что новейшим информационным технологиям (все более модным и в отечественных экскурсиях) предпочитают общение со специалистами и волонтерами по поводу музейных экспонатов [4, 35].

Особо отметим роль музейных зрителей. Во многих зарубежных музеях они рассматриваются не только как охранники, но и как индивидуальные партнеры для диалога с посетителями. В общении с ними посетитель как бы «обретает голос», получает ощущение комфортности, теряет неуверенность в своих знаниях. Например, в музеях США волонтеры

проходят специальную подготовку в качестве возможных собеседников музейных посетителей.

Музейно-выставочная работа превратилась во многих музеях Европы, и особенно США, в своеобразную форму культурно-предпринимательской деятельности, способной приносить доход. Стоимость участия в досуговых программах, как правило, невелика. Например, Музей истории Лондона предлагает вечерние мастерские для взрослых, билет на которые «равен одному бокалу вина», т. е. 1 фунту стерлингов. В определенной степени это характеризует подход музейных сотрудников к своим возможностям как к необходимому современному музею сервису и уровню услуг [5, 54].

При составлении программ работы с различными категориями посетителей учитывают не только возраст, уровень образования, но и множество других факторов: мотивацию музейного посещения, психофизическое состояние, религиозную принадлежность, финансовое состояние, социальный статус. Так, Гамбургская картинная галерея и Шпренгель-музеум в Ганновере уже в течение ряда лет практикуют проведение богослужений перед находящимися в экспозиции алтарями, собирающих неизменно большие аудитории верующих [5, 56].

Борясь за новых посетителей, российские и зарубежные музеи организуют передвижные экспозиции на промышленных предприятиях и в учреждениях муниципального значения. Например, Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на Поклонной горе организует передвижные выставки не только в горячих точках Донбасса – Луганске и Донецке, но и во многих военных учебных заведениях Московской области и регионов страны.

Современные музеи Германии проводят большую работу по социализации, культурной и национальной идентификации недавних иностранцев, выходцев из Южной и Восточной Европы, поволжских и казахских немцев, составляющих наибольшую часть населения немецких городов. Российские музеи тоже занимаются социализацией выходцев из ближнего зарубежья, бывших республик Советского Союза (Узбекистана, Таджикистана, Армении, Грузии, Киргизии, Азербайджана, Белоруссии, Украины, Казахстана и др.).

Интересно отметить, что в истории СССР были выставки, в которых участвовали представители всех республик, например вторая трехгодичная художественная выставка в г. Дели «II Триеннале в Индии – 1971». На выставке экспонировалось около 800 произведений живописи, скульптуры, графики, участвовало 360 художников из 47 стран. Советский раздел был представлен работами живописцев – М. Сарьяна, П. Корина, Г. Нисского, Н. Ромадина, Б. Окоорокова, И. Пекура, скульпторов – Н. Нигосяна, А. Файдыша, графиков Д. Битси, И. Голицина и Г. Захарова. В экспозициях других стран были представлены работы художников-абстракционистов [6, 92].

Привлечь в музей людей, которые в силу своего образования, общего уровня культуры никогда его не посещали, непросто. Но и такие задачи решают службы маркетинга, коммуникаций и PR. Специалисты музеев огромное значение уделяют приветливости и вежливости своих сотрудников, научного и технического персонала, наличию справочно-информационных служб при входе в экспозицию.

Разнообразен и ассортимент музейных магазинов. Здесь можно приобрести открытки, каталоги, плакаты, майки и пуловеры с изображением музейных предметов, копии с них, рекламно-информационные материалы, книги, как недорогие, выполненные репринтным способом, так и отвечающие самому высокому полиграфическому стандарту. В магазинах предусмотрен фирменный упаковочный материал, предоставляется возможность оплаты купленных товаров кредитными карточками, заказа и доставки покупок почтой или курьером, система скидок на покупки дорогостоящих вещей и предоставление их покупателям права на годовую бесплатную карту в музей.

Таким образом, очень важно, чтобы у человека появилось желание прийти в музей, чтобы ему там было удобно и комфортно. Специалисты отмечают, что музейных посетителей нужно воспринимать такими, какие они есть, и избегать пагубного стремления работать на аудиторию, которая бы соответствовала желаемым ожиданиям, но при этом отсутствовала среди реальных посетителей. Чтобы процесс общения состоялся, необходимо хорошо знать аудиторию и говорить с ней на языке, специально предназначенном для того, чтобы удовлетворять ее потребности [7, 35].

Успехам музейного маркетинга немало способствует и введение в последнее время большинством музеев перспективного планирования, которое позволяет им, по отзывам музейных специалистов, «стать настоящими хозяевами своей судьбы, а не просто оставаться жертвой обстоятельств». Это касается не только финансовых планов музеев. Глубокое исследование современной ситуации в музейном деле способствует определению главной стратегической цели и задач для ее реализации, касающихся всех видов музейной деятельности – приобретения и продажи экспонатов, их хранения, обновления экспозиций, оборудования стоянок для автомобилей и др. [8, 152].

Однако все вышеизложенное требует внедрения в практику не только больших известных музеев и музейных комплексов, но и средних и малых музеев, как столичных, так и региональных. Только тогда можно говорить об инновационном подходе к организации музейно-выставочной деятельности в России.

В контексте модернизации музейной деятельности следует говорить о стратегии коммуникационных процессов, при этом рассматривая музей как

коммуникативную систему. Музейная экспозиция в данном случае предстает как знаковая система, в которую вовлекается все общество. К новым коммуникационным моделям можно отнести цифровую стратегию, которая направлена на актуализацию музейного продукта, а именно – оцифрование подлинных экспонатов. Такой подход может считаться эффективным для поддержания интереса посетителя к музею, расширения его аудитории и продвижения музея, а также его услуг [9, 187].

По нашему мнению, использование целостного и системного подхода к построению цифровой стратегии имеет большой потенциал в коммуникационной деятельности музея. Аттрактивный (привлекательный) эффект цифровых технологий можно использовать для актуализации музея и смыслов, заложенных в музейном пространстве, трансформирования музея в современное и востребованное место для проведения досуга без утраты его тематической ценности.

Применение инновационных технологий в практике современных музеев позволит актуализировать одну из функций музейной педагогики – дополнительное образование, которое организуется в целях расширения образовательного пространства, формирования исторического сознания учащихся, развития их социальной активности и творческой инициативы в процессе сбора, исследования, обработки, оформления и презентации предметов материальной культуры, источников по истории природы и общества, имеющих воспитательную, научную и познавательную ценность.

Например, музей образовательного учреждения (школы, колледжа, лицея, гимназии) способствует гражданско-патриотическому воспитанию учащихся, расширению их кругозора, развитию познавательных интересов и способностей, овладению практическими навыками поисковой, исследовательской деятельности, служит целям совершенствования образовательного процесса средствами дополнительного образования.

При военно-исторических музеях часто создаются военно-патриотические отряды и клубы, детские военно-патриотические объединения, которые занимаются туристско-поисковой деятельностью. Детские поисковые объединения после «Вахт памяти» обязательно организуют в своих образовательных учреждениях (лицеи, гимназии, колледжи, школы, институты) выставки материалов по следам боев Великой Отечественной войны.

Таким образом, в современных условиях медиатизация как процесс вовлечения медиа в музейно-выставочную деятельность выглядит крайне актуальной. Сегодня медиасреда, как органичная среда существования общества, необходима в качестве составляющей любой отрасли деятельности социума, в том числе и в музейно-выставочной деятельности.

Современная организация музейно-выставочной деятельности позволяет с помощью новых технологий осуществлять компьютерное моделирование экспозиций и выставок, внедрять компьютерные системы для посетителей малых и больших музеев, тем самым обеспечивая доступ к информации о произведениях, хранящихся в фондах музея, что значительно расширяет возможности привлечения посетителей, прежде всего молодежной аудитории.

Следует полагать, что в культурной жизни нашей страны дальнейшее развитие медиатизации и маркетинговой коммуникации даст импульс активной созидательной работе крупных музеев и более практико-ориентированным действиям малых и средних музеев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколова И. В. Социальная информатика / И. В. Соколова. – М. : Слово, 2008.
2. Медведева Е. Б. Музейная педагогика и музейный маркетинг (из зарубежного опыта) / Е. Б. Медведева // Музей и общество. Проблемы взаимодействия. – 2001. – № 3. – С. 31–40.
3. Культурно-образовательная деятельность музея. Методы работы музеев по привлечению посетителей. Из зарубежного и российского опыта : дайджест. – Екатеринбург, 2015.
4. Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки / сост. Е. Воронцова. – М. : Этерна, 2015.
5. Столяров Б. А. Музейная педагогика. История, теория, практика / Б. А. Столяров. – М. : Высшая школа, 2014.
6. Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. Выпуск 16. – М. : Советская энциклопедия, 1972.
7. Коровина Е. В. Выставочно-ярмарочная деятельность в контексте коммуникативной политики современной России / Е. В. Коровина, Е. А. Цветкова // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. – 2014. – № 2. – С. 33–37.
8. Музейное дело России. – М. : МК, 2010.
9. Жукова А. В. Музейно-образовательные программы и маркетинговая политика музея / А. В. Жукова // Музей и его аудитория. Маркетинговая стратегия. – 2006. – Выпуск 7. – С. 183–194.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Корнилова К. С., кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры рекламы и связей с общественностью
E-mail: k.kornilova84@gmail.com

Lomonosov Moscow State University
Kornilova K. S., Candidate of Philology, Researcher of the
Advertisement and Public Relations Department
E-mail: k.kornilova84@gmail.com

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕТСКИХ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ ЖУРНАЛОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕДИАСРЕДЫ

Е. Ю. Макаренко

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 6 декабря 2018 г.

Аннотация: в данной работе изучаются равнозначные структурные аспекты трансформации детских журналов на разных этапах их эволюционного процесса, взаимосвязь детских изданий с такими актуальными явлениями, как детский медиабренд и маркетинг, обеспечивающие медиапубличность процессов социализации подрастающего поколения.

Ключевые слова: детские иллюстрированные журналы, публичность, медиaprостранство, медиакартина мира, социализация, информационный потенциал.

Abstract: in the research framework were studied structural aspects of the children's magazines' transformation at different stages of the evolutionary process of the media system's formation and development, the interrelationship of children's publications with such topical phenomena as children's media brand and marketing as part of economic mass communications in the context of children's publications; consideration of modern key concepts related to the topic of research.

Keywords: children's illustrated magazines, publicity, media space socialization, media picture of the world, socialization, information potential.

Структура, по мнению академика В. Т. Афанасьева [1, 108], «служит» функцией системы. Если говорить о современной структуре российских СМИ, то она не справляется в должной мере с возложенными на нее обязанностями [2, 6]. Детские СМИ как типологическая система в условиях трансформации медиасреды претерпевают существенные преобразования. Структура — это конструкция, каркас медиасистемы, «ее скелет» и включает: единое информационное поле медиа как совокупность медиатекстов, медиареальность, вбирающую в себя важнейшие интеллектуальные ресурсы социального пространства, связана с устойчивостью и изменчивостью структуры медиaprостранства [3, 179–181].

Эволюция типологической структуры опосредуется функциональной целостностью медиaprостранства. Актуализация ее функций, расширение их состава зависит от характера трансформации среды медиасистемы, от трансформации экономической, политической, научной, образовательной, социальной и технологической реальностей.

Медиаатизация процессов освоения детьми интеллектуального потенциала общества составляет сущность взаимосвязанных этапов деятельности СМИ в рамках вербального медиаконтента [4, 125–167], адресованных подрастающему поколению. Медиапубличность этого процесса состоит в том, чтобы сформировать в информационном потенциале детской журналистики такую совокупность интеллек-

туальных ресурсов, которые адекватны тем ресурсам в интеллектуальном потенциале общества, которые способствуют процессам социализации различных детских возрастных групп, удовлетворяют их информационные потребности, рождаемые на этом пути. Функциональная целостность медиасистемы представляется в ее интегративном результате. Для журналистики этим результатом является медиапубличность социальной практики [5; 6], связанная с созданием медиареальности и медиакартины мира в рамках функционирования, моделирования и модернизации медийных проектов [7; 8; 9].

Характер целостности детской журналистики состоит в формировании публичности процессов социализации детей и обеспечении эффективного информационного взаимодействия, авторских общностей с различными детскими аудиторными группами. Современные СМИ в целом и детские издания в частности обеспечивают публичность, предоставляющую возможность освоения молодым поколением интеллектуального потенциала общества.

Современное информационное общество создает новые условия функционирования СМИ, инициирует инновационные процессы в области журналистики. Научно-техническая революция обусловила возможность доступа к информационным инновационным ресурсам общества, что привело к существованию человека в окружении огромного количества информации. Современный информационный потенциал основан на интеллектуальном потенциале, а инновации реализуются благодаря деятельности СМИ,

предполагающей максимально широкий охват аудитории, приобщение детей к созданию медиаконтента и творческой журналистской деятельности с учетом возрастных возможностей усвоения данных представителями подрастающего поколения.

Интеллектуальный потенциал на современном этапе недостаточно четко отражается содержанием большинства детских СМИ. Происходит трансформация в сфере детских изданий, интеллектуальный потенциал общества постепенно интегрируется в контексте периодики, адресованной юным читателям. Таким образом, информационные ресурсы связаны с детскими СМИ, основной целью которых является обеспечение условий социализации и публичности, причем повестка дня формируется не только на основе информационного потенциала, но и принимаются во внимание информационные потребности целевой аудитории. В том числе детским СМИ необходимо превращать регулярно обновляемый информационный потенциал (знания, ценности, модели поведения) в дифференцированную медиакартину мира в сознании подрастающего поколения. Постиндустриальный этап информационного общества в идеале готовит личность к восприятию инноваций, их реализации в практической деятельности и отражению в концепции «картины мира» юной аудитории.

В информационном обществе любая информация, благодаря ее воздействию и освоению, инвентаризируется и используется в общем информационном процессе, преобразует существующую реальность. Актуализируется медиаобразование в плане работы со СМИ, появляются собственные детские издания, в результате публичность рассматривается не только в смысле получения медиаконтента, но и с точки зрения воздействия на информационный потенциал.

Современным СМИ необходим новый, более творческий подход к работе с детьми, обязательно соответствие их интересам. Участие подрастающего поколения в массовом информационном процессе осуществляется благодаря деятельности собственных СМИ детей, что совершенствует наличие обратной связи и, соответственно, внимание к мнению аудитории. Положительный опыт журналистов в плане обновления информационного потенциала и соответствия потребностям различных возрастных групп молодого поколения способствует усвоению медиаконтента, а отражение жизни детей в материалах СМИ характеризует открытость поколения с точки зрения восприятия детских медиапродуктов.

В рамках исследования нами был рассмотрен не только заявленный эмпирический материал, но и некоторые другие, актуальные в контексте исследования, издания, в частности, первый детский журнал в России «Детское чтение для сердца и разума» и «Журнал для детей, или Приятное и полезное чтение для образования ума и сердца» как первый иллюстрированный отечественный детский журнал.

На примере дореволюционных детских журналов особенно заметна взаимосвязь детской журналистики и литературы, благодаря тому, что значительную часть детского журнала составляли литературные произведения. Само понятие «детский журнал» неоднозначно, в связи с наличием изданий, созданных не только «для детей», но и «самими детьми». Подобные издания появились вместе с первым детским журналом в России и представляют собой особую возможность для развития детского творчества. К тому же всегда существовали детские журналы, которые по оформлению сближались с детской газетой.

Раньше журналы могли оформляться и переплетаться как книги, а сейчас резко отличаются от них. Однако такое явление, как партворк, наводит на мысль о преемственности традиций, потому что серия журналов, собранная в общую папку, напоминает досоветские годовые сборники выпусков журнала. Несмотря на эту неожиданную аналогию, нельзя отрицать, что досоветский сборник подобного рода невозможно перепутать с современным изданием. Предполагалось, что его будут долго и вдумчиво читать как своеобразную книгу, а не просматривать и «прочитывать» историю по картинкам, как это возможно в современных детских журналах.

Первые детские журналы в плане контента во многом соответствовали традициям книжного издания для детей, в журналах применялись те же декоративные элементы, а само периодическое детское издание было сложно отличить от детской книги. В «Детском чтении для сердца и разума» можно отметить наибольшее количество растровых линеек и колонлинеек, которые в разные годы составляли от 61,7 до 90,9%. Заставки и концовки встречались значительно реже (наибольшие значения: 2,5% и 3,9%).

«Журнал для детей, или Приятное и полезное чтение для образования ума и сердца» отличался использованием таких декоративных элементов оформления, как горизонтальные линейки (максимальное значение: 98%), количество других элементов варьировалось в разные годы и достигало 48%. В «Задуманном слове» применялось широкое разнообразие декоративных элементов, характерных для книжного оформления. В журнале были заставки, концовки, буквы, рамки и даже «указательные руки» (наибольшие показатели для разнообразных линеек: горизонтальные двойные, жирные: 21,5%, вертикальные: 81,1%, волнистые, фигурные: 22,1%, и тонкие светлые отбивочные: 68,1%). Согласно данным исследования, волнистые, фигурные линейки (89,3%) и светлые тонкие горизонтальные линейки, колонлинейки (79,8%) долго оставались ведущими элементами оформления журнала «Детское чтение».

Согласно результатам исследования, можно отметить динамику количественных изменений основных признаков в категории декоративных элемен-

тов, которые формируют узнаваемый облик журнала.

Первый год издания отличался наличием множества рамок и горизонтальных линеек на страницах журнала, далее они уступили место вертикальным линейкам, затем использовались преимущественно горизонтальные колонлинейки и, наконец, количественные показатели всех вышеперечисленных элементов стали менее дифференцированными.

Изначально детский журнал имел многочисленные сходные черты с детской книгой и альманахом, что выражалось в преобладании вербального медиаконтента, общих декоративных элементах (реализующих декоративную и утилитарную функции), стремлении настроить читателя на восприятие материалов журнала, которое выражалось в отсутствии разнообразия иллюстративного материала, объеме издания, достигавшем ста или даже двухсот страниц, шрифтовом единообразии, композиции издания в целом.

Постепенно разнообразие декоративных элементов возросло, и в художественном редактировании детского журнала все меньше наблюдалась преемственность книжной формы, постепенно складывался самостоятельный тип детского издания, с собственными индивидуальными особенностями. На протяжении долгой истории развития детских журналов росло количество иллюстраций (от 5% в первом иллюстрированном детском журнале до 84% в современных детских изданиях). В целом основными функциями иллюстраций в детских журналах, согласно проведенному методом контент-анализа исследованию, являются дополняющая, эстетическая и развлекательно-развивающая функции (средние показатели в изучаемых журналах: 45,5%, 17,3%, 23,9%).

Значительно реже других проявляется воспитательная и информационно-познавательная функции. Разнообразие тематики иллюстративного материала наглядно представлено в изданиях послевоенного периода. И если образовательная (средний показатель в изучаемом журнале: 19%) и развлекательная темы (64%) являются традиционными для любых периодических изданий, то наличие политики и пропаганды интернационализма (максимальные показатели: 9% и 8%) выглядит непривычно и удивляет современного читателя. Иллюстративное оформление детского журнала особенно важно, так как даже не умеющий читать ребенок может по рисункам понять сюжет произведения.

Существование подарочного приложения, в роли которого раньше могли выступать цветные иллюстрации, также не является современным изобретением. Изначально иллюстрации не были внедрены в текст и представляли собой своеобразные отдельные вкладыши, наличие которых было призвано стать «премией» для читателей. Цветная печать была дорогостоящей, поэтому цветные иллюстрации явля-

лись ценным подарком для ребенка-читателя. Использование цветных изображений было большой редкостью, потому в лучшем случае цветной была обложка или несколько отдельных иллюстраций, которые могли заимствоваться из зарубежных изданий. Повсеместное распространение многокрасочных изображений теперь стало обычным явлением, оно обусловлено полиграфическими возможностями.

Наиболее заметное отличие досоветских детских журналов от большинства советских и современных изданий связано с техническим прогрессом и состоит в том, что они преимущественно являлись черно-белыми. Например, первый иллюстрированный отечественный «Журнал для детей, или Приятное и полезное чтение для образования ума и сердца» выходил с несколькими иллюстрациями, раскрашенными вручную, а у «Задушевного слова» цветной чаще всего была только обложка (в его приложении «Детские моды» 12% цветных иллюстраций).

Цвет даже в изданиях начала XX в. появлялся нечасто. Например, в первые годы издания «Барабана» и «Пионера» в основном только обложки журналов были цветными. В «Еже» и «Чиже» наряду с черно-белыми размещались цветные изображения, но только в последние годы издания «Чижа» регулярно стали использоваться цветные иллюстрации, а черно-белые рисунки встречались крайне редко. Даже в военные годы «Мурзилка» и «Пионер» использовали цветные иллюстрации. Особенно отчетливо заметно увеличение количества цветных иллюстраций можно проследить на примере журнала «Пионер» (с 2% в 1947 г. до 72% в 1991 г., максимальное значение: 87%). Постепенно количество визуального медиаконтента начало значительно превалировать над вербальным.

Фотографии утвердились на страницах детских журналов в советский период, сначала это были только черно-белые изображения, а затем появились и цветные, которые стали размещаться регулярно в послевоенный период (цветные фотографии в «Пионере»: средний показатель 4%, черно-белые: 32%). Сейчас практически невозможно найти черно-белый детский журнал. Существуют редчайшие примеры детских изданий, которые выходят в черно-белом варианте. Например, возрожденный детский журнал «Детское чтение для сердца и разума», за исключением цветной обложки, размещает черно-белые иллюстрации.

В современных популярных детских журналах наиболее часто использовались следующие цвета: синий и зеленый (от 15 до 18%), желтый или желто-оранжевый (от 8 до 16%), красный (от 3 до 9%), реже фиолетовый (от 3 до 7%) и розовый цвет (от 5 до 7%). «Детское чтение для сердца и разума» можно назвать удивительным исключением, никак не влияющим на общую тенденцию, так как сейчас чрезмерная акциденция, активное цветовое и иллюстративное

оформление, а также многочисленные декоративные элементы композиции вытесняют пробельные элементы и препятствуют восприятию информации издания.

Художественные редакторы часто нарушают принципы качественной работы с материалом, используют разнохарактерные гарнитуры, а принцип яркости и оригинальности не согласован с детским восприятием. В плане шрифтового оформления на смену малогабаритному постепенно приходит многогабаритный стиль. Особенно это заметно на примере рекламных публикаций, число которых возрастает. Однако большинство детских журналов сохраняет единообразие шрифтового оформления и придерживается малогабаритного стиля. В контексте содержания можно отметить стабильное наличие как образовательного, так и развлекательного контента.

Новое в отечественной практике понятие «эдьютейнмент» объединяет в детском журнале обучение и развлечение. Чаще всего у журнала есть главный герой или брендовый персонаж, реализующий образовательно-развлекательную направленность издания, который становится другом читателей. Наиболее интересным персонажем можно назвать Мурзилку, который много раз менял облик и был героем сразу двух популярных журналов: досоветского «Задушевного слова» и советского «Мурзилки». Мурзилка фактически изменялся вместе с детским журналом и от черно-белого брауни с моноклем совершил переход к желтому, как одуванчик, и пушистому зверю с фотоаппаратом.

Столь же радикально изменился контент досоветских журналов по сравнению с советским периодом. В целом художественное редактирование зависит от возраста читателей, ориентирование на возрастные группы читателей и их интересы появилось еще в конце XIX в., было закреплено в советское время и сохраняется до сих пор, хотя разнообразие предлагаемых аудитории изданий стало гораздо более широким.

Детский журнал, как особый тип издания, обладает характерным медиаконтентом, связанным с типформирующими признаками. На данный момент существуют критерии редактирования журналов в зависимости от возрастных групп читателей, однако издания стремятся к максимально широкому охвату аудитории и не всегда ориентируются на конкретный возраст. Требования оформления для фотографий, а также рекламы и медиаконтента в Интернете еще не разработаны, и наше исследование в некоторой мере восполняет этот пробел.

В целом однозначного мнения на тему возрастной дифференциации детской аудитории не существует, что дает возможность для разночтений. Согласно данным Роскомнадзора, редактирование издания часто определяют читательские предпочтения, в резуль-

тате возраст, указанный на обложке, не имеет значения для читателей. Однако благодаря ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» появилась более точная классификация информационной продукции по возрастным категориям (знаки 0+, 6+, 12+, 16+, 18+). В том числе облик издания связан с психологическими особенностями и гендерными характеристиками детской аудитории, однако практическое применение данных рекомендаций осложнено размытыми возрастными границами и отсутствием единого мнения по многим вопросам.

Современные детские журналы существуют в условиях коммерциализации медиарынка и экспансии зарубежных изданий. Несмотря на то, что появление зарубежных журналов на медиарынке на первый взгляд кажется исключительно современным явлением, это не так. Самый первый детский журнал в России «Детское чтение для сердца и разума» был создан Н. И. Новиковым в связи с тем, что дети читали только французские и немецкие книги. Утверждение о господстве зарубежных изданий актуально в контексте современных условий существования детских иллюстрированных журналов, тиражи которых снижаются. Особенно это заметно на примере журналов «Мурзилка» и «Веселые картинки», которые в советское время были наиболее высокотиражными и на данный момент продолжают сохранять отечественные традиции оформления.

В целом данные о падении подписных тиражей во второй половине 2015 г. свидетельствуют, что на грани закрытия оказались многие детские и педагогические издания (уровень падения — от 20 до 50%), потому отрасль нуждается в срочных мерах господдержки. В современных условиях традиционным отечественным журналам и этническим журналам на финно-угорских языках сложно конкурировать с зарубежными медиапродуктами ИД «Эгмонт Россия» (зарубежные проекты издательства в 2015 г. составляют 83% или 85%). Однако ситуация постепенно меняется. Появляются успешные отечественные медиабренды и журналы на их основе: «Смешарики», «Маша и Медведь», «Лунтик», «Фиксики» и т.д. Медиабренд как основа детских журналов является современной тенденцией, подобное явление не наблюдалось в отношении досоветской или советской периодики.

У «детского медиабренда» есть специфика, связанная с аудиторией, и он включает ряд проектов: полиграфия, мультимедиа, мероприятия, анимация, Интернет, лицензионная продукция, франчайзинг. Впечатление от одного из проектов может оказать влияние на восприятие другого. Показательно, что основу многих современных популярных детских журналов составляют именно комиксы, правда претерпевшие значительные изменения и занимающие

не несколько страниц, а большую часть площади журнала.

На данный момент важнейшей частью медиаконтента большинства современных изданий являются комиксы (могут составлять от 13 до 100%), однако и они возникли не одновременно. Изначально своеобразные формы комикса появлялись в дореволюционных детских журналах, но наибольшее развитие комикс в детском издании получил благодаря советскому журналу «Веселые картинки», где весь материал был представлен в иллюстративной форме. Непосредственно комиксы, особенно в их современном понимании, занимали не самое значительное место (среднее значение — 25%), но качество изображений неизменно производило впечатление на читателя. Дореволюционные детские журналы условно можно назвать своеобразными «журналами-книгами» по сравнению с современными «журналами-комиксами».

Сегодня популярность и конкурентоспособность издания на медиарынке во многом определяется эффективностью его медиаконтента. Разработка брендовой продукции и журнала как ее части предполагает мгновенную идентификацию медиабренда покупателем. Узнаваемая знаковая система в детских журналах формируется на основе фирменного логотипа, персонажей, верстки, иллюстративного материала, цвета, шрифта и т.д. Важно отметить, что данный логотип, персонажи, цвета, шрифты и др. являются общими для проекта в целом и не разрабатываются специально для журнала. Даже интернет-сайты создаются для медиабренда, а не на основе детского журнала, у которого может быть только страничка на сайте издательства. Дело в том, что медиабренд, благодаря различным каналам распространения информации, достаточно известен, и журнал не нуждается в популяризации благодаря отдельному сайту.

Нами была изучена взаимосвязь маркетинга с медиаконтентом и рекламой детского журнала. Отечественные авторы практически не обращаются к этой теме, хотя ее значение возрастает в контексте активного развития детского медиaprостранства. Повысить конкурентоспособность современных детских изданий могут только преобразования в области стратегий редактирования и маркетинга.

Целесообразно развивать оригинальные издания для детей на основе национальной культуры и традиций, которые веками были основой просвещения и воспитания, обладают духовно-нравственным и эстетическим потенциалом, потому могли бы стать достойной альтернативой иностранным изданиям в области детской иллюстрированной периодики.

Оформление традиционными художественными инструментами уступает место компьютерной графике. Служебные комплексы большинства изданий представлены четко и ясно, что способствует навигации. У многих детских журналов появились онлайн-версия, страничка или сайт в Интернете. Изменение

способа создания иллюстраций не вызывает сомнений и связано с технологическим совершенствованием и развитием интернет-пространства.

Детские сетевые издания [10–14], согласно данным исследования, представляют собой с точки зрения медиаконтента и типологии результат эволюционного процесса в области детских печатных СМИ. Можно отметить удивительную тенденцию: совершенствование компьютерных программ как основного инструмента современного редактора не гарантирует качество редактирования детского журнала. Чрезмерная цветовая акциденция не способствует удобочитаемости детского издания, а заполнение всей площади журнала иллюстративным материалом усложняет восприятие информации. Показательно, что схематичность, непрофессионализм, избыточность цвета, нарушение единообразия и гармонии композиции особенно заметны на примере современных популярных журналов по сравнению с изданиями, выходившими в другие периоды. Несмотря на то, что были сформированы критерии оформления детских изданий, утвержденные санитарными правилами и отраслевым стандартом, большинство журналов воспринимает их в качестве рекомендаций, а не конкретных требований.

Журналы для детей стали не просто «товаром на российском медиарынке», а постепенно становятся «lifestyle-медиабрендами», то есть своеобразным феноменом медиареальности, который обладает собственной идеологией, вдохновляет, направляет, мотивирует и определяет «образ жизни» своих многочисленных читателей (речь идет, например, о «Смешариках», «Тачках» и «Волшебницах WINX», «Маше и Медведе», «Лунтике» и др.).

Термин *lifestyle media brand* применяется американской медиакомпанией SheKnows Media, ориентированной на женскую аудиторию. Современные СМИ пропагандируют потребительский тип личности, связанный с постмодернистской культурой стран Запада, в том числе благодаря глянцевым lifestyle-журналам. Подобные издания создают представления об определенном образе жизни, философии и коммуникации. Консьюмеризм не только экономический, но и социальный процесс, обусловленный не базовыми потребностями, а символическим смыслом информирования о своем статусе.

Согласно данным Е. А. Зверевой [15], появился медиапотребитель постиндустриального общества, он более образованный, самостоятельный и самодостаточный, свободно ориентируется в сфере информационных ресурсов и умеет продуктивно анализировать медиаконтент: «Изменение возможностей трансляции нового медийного продукта трансформировали сущность и возможности аудитории потребителей: соучастие аудитории в создании контента СМИ позволяет констатировать сочетание в лице новых потребителей консьюмеров и социальных авторов

одновременно — просьюмеров (от англ. *prosumer*, от *professional* либо *producer* + *consumer*)» [15].

Потребление приобретает знаковый характер, присущий медиабрендам. В том числе журнал «Смешарики» мы считаем возможным определить как журнал типа *edutainment*, или «эдьютеймент» (возможны разные варианты написания: наряду с «эдьютеймент» применяется «эдьютейнмент»), его образовательная направленность в игровой форме выражена посредством адресации и позиционирования, направленных на детскую аудиторию. В контексте роста коммерциализации детской медиакультуры и кроссмедиа мерчандайзинга основными направлениями отечественного проекта «Смешарики» являются: сериал, книги, журналы, Интернет, мультимедиа, лицензионная продукция, мероприятия и франчайзинг (способ организации бизнеса, при котором используется уже проверенная и доказавшая свою эффективность на практике бизнес-модель).

Что касается сопутствующих товаров бренда, то для проекта «Смешарики» (по данным продвигающей его группы компаний «Рики»), весной 2014 г. было разработано 4 новых гйда по стилю: Fresh Style, Logo Face, Смешарт и Смешкомикс. Представлен широкий выбор лицензионной продукции — от одежды и аксессуаров (платки, зонты, бабочки, чемоданы и др.) до предметов интерьера и кредитных карт. Свой двенадцатый день рождения (01.06.2015) и Международный день защиты детей «Смешарики» отметили выпуском электронного журнала «Смешарики Родителям» [16].

Благодаря сопутствующей продукции развиваются не только «Смешарики», но и бренды «Тачки» и «Волшебницы WINX» как одни из самых успешных и прибыльных франшиз (объектов договора франчайзинга) зарубежных компаний Disney и Rainbow, которые привлекают детей всех возрастов. Детские журналы идут в ногу с современными технологиями: у «Смешариков» есть специальное приложение для Android, рассчитанное на любой возраст (найти для себя что-то новое и увлекательное сможет каждый пользователь). Контент отображается на двух языках — русском и английском.

Для «Тачек» важна технологичность мерчандайзинга: новые игрушки на пульте управления, книги и журналы, в которых используется не только текст, но и другие аудиовизуальные средства, сайты и приложения Disney AppMATES. На основе этого бренда производится одежда, как и в случае «Волшебниц WINX», одного из самых известных анимационных брендов среди девочек.

Сейчас сайт Winx ежемесячно посещают около 350 тысяч уникальных пользователей, а у международной фан-страницы в Facebook больше 1 000 000 подписчиков. Россия на первом месте по скачиванию игровых приложений Winx в Google Play. Мы видим, что роль интернет-контента в сфере детских меди-

апродуктов со временем только возрастает, но значение оформления детского журнала, который часто разрабатывается на основе медиабренда, неизменна. Теперь появилась необходимость соблюдать общее оформление не только в журнале, но и в других воплощениях медиабренда (анимационный сериал, книга, мультимедиа (игры, приложения), интернет-сайт и т.д.), они составляют единую систему, которая успешно функционирует благодаря взаимодополнению ее элементов. В зависимости от канала распространения информации изменяются методы и инструменты дизайна, но сохраняется общий фирменный стиль, что способствует узнаваемости, популярности и рентабельности проекта. Однако дизайнеры детских медиапродуктов по-прежнему стремятся к созданию качественного графического языка, который будет наиболее благоприятным для восприятия детской аудитории.

Подводя итоги, можно говорить об эволюции типологической структуры российских детских иллюстрированных журналов в условиях трансформации медиасреды. Как бы ни изменялся медиаконтент журналов, они, как и «Детское чтение для сердца и разума», стремятся к «распространению науки, добрых обычаев, обогащению ума и воспитанию чувств». Сохранение отечественных традиций художественного редактирования детских изданий, выражающихся в оригинальном формате, рукотворных иллюстрациях, умеренной цветовой акциденции, малогарнитурном наборе, оригинальной шрифтографике и визуальной гармонии вместо заимствования зарубежных проектов, на наш взгляд, может способствовать созданию качественного детского журнала, который будет популярным даже в условиях конкурентного медиарынка.

Таким образом, можно отметить наличие преобразований эволюционного характера, произошедших в области типологической структуры детской периодики. Детский журнал совершил переход от альманаха с характерными для книжного издания элементами оформления до комплексной модели иллюстрированного издания, которое ориентируется на особенности восприятия аудитории и наглядно реализует различные функции благодаря разнообразию иллюстративного материала. Тип детского журнала как современного периодического издания постепенно сформировался благодаря опыту предшественников и на основе сложившихся традиций. Интеллектуализация общества на современном цивилизационном этапе существенно влияет на характер социализации подрастающего поколения, в том числе посредством детских иллюстрированных журналов, значительно меняющих свое содержание и оформление.

Детские журналы существуют и развиваются в условия развития медиaprостранства в Интернете, а электронная эпоха инициирует использование компьютерной верстки на основе композици-

онно-графической модели, представляющей собой разработанный художественным редактором и сохраненный на компьютере систематизированный и унифицированный стиль. Несмотря на значительные трансформации визуальной формы, значение детских журналов «для сердца и разума» юных читателей остается неизменным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев В. Г. Системность и общество / В. Г. Афанасьев. — М.: Политиздат, 1980.
2. Медиасистема России: учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Е. Л. Вартановой. — М.: Аспект Пресс, 2015.
3. Медиапространство как структурный инвариант медиасистемы // Актуальные проблемы медиаисследований. — 2018. — М.: Москва, 2018. — С. 179–181.
4. Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров / Л. Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста: учебник для студентов вузов по спец. «Журналистика» / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. — СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. — С. 125–167.
5. Коломиец В. П. Медиасоциология: теория и практика / В. П. Коломиец. — М.: ООО «НИПКЦ. Восход-А», 2014.
6. Горохов В. М. Интегрированные социальные коммуникации в журналистике / В. М. Горохов, М. Г. Шилина // Медиаальманах. — 2014. — № 3 — С. 12–27.
7. Тулупов В. В. Техника и технология периодических изданий / В. В. Тулупов. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005.
8. Тулупов В. В. Газета: маркетинг, дизайн, реклама: новые тенденции в издании газет / В. В. Тулупов. — Воронеж: Кварта, 2001.
9. Тулупов В. В. Техника и технология медиадизайна. Книга 1: Пресса / В. В. Тулупов. — М.: Аспект Пресс, 2018.
10. Андронникова О. В. Типология современных сетевых журналов для детей в системе медиаобразования / О. В. Андронникова, Л. И. Демина // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2017. — № 1. — С. 19–24.
11. Андронникова О. В. Особенности развития сетевых журналов для детей в контексте массовой коммуникации / О. В. Андронникова, Л. И. Демина // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. — 2018. — Т. 18, вып. 2. — С. 225–229.
12. Андронникова О. В. Типологическая трансформация сетевых изданий для детей / О. В. Андронникова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки — 2018. — № 2. — С. 162–166.
13. Грудинская В. В. Современные СМИ для детей и юношества. Тенденции развития и типологические черты / В. В. Грудинская // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. — 2010. — № 8. — С. 163–174.
14. Звягина М. Ю. Содержательно-тематический характер детских сетевых журналов и их типы / М. Ю. Звягина, Н. В. Максимова // Гуманитарные исследования. — 2015. — № 4 (56). — С. 86–92.
15. Зверева Е. А. Модель «новой интерактивности» в журнальном сегменте: трансформация возможностей медиапотребления / Е. А. Зверева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2012. — № 2. — С. 169–177.
16. Электронный журнал «Смешарики Родителям». — Режим доступа: <http://www.riki-group.ru/news/smeharikiparents/> (дата обращения: 28.11.18).

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Макаренко Е. Ю., соискатель

E-mail: makarenko.katerina2011@yandex.ru

Lomonosov Moscow State University

Makarenko E. Yu., PhD Degree-seeking Student

E-mail: makarenko.katerina2011@yandex.ru

ЖЕНСКАЯ ПРЕССА: ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС РАССМОТРЕНИЯ

К. В. Марчан

Институт гуманитарного образования и информационных технологий

Поступила в редакцию 2 октября 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается краткая история возникновения и формирования особого типа издания — женской периодики — до 1990-х гг.

Ключевые слова: женская пресса, журналы «глянцевого» формата, литературные женские журналы, литературно-общественные журналы, педагогические журналы, женские журналы мод, домоводства и рукоделий.

Abstract: the article deals with a brief history of the emergence and formation of a special type of publication — women's periodicals — until 1990.

Keywords: women's press, magazines of "glossy" format, literary women's magazines, literary and public magazines, pedagogical magazines, women's fashion magazines, home Economics and needlework.

Сегодня отечественный рынок печатных средств массовой информации насыщен изданиями, ориентированными на женщин. При этом с типологической точки зрения в данном сегменте периодической печати необходимо изначально выделить: **собственно женскую прессу** как специфическую информационную нишу; те издания, в которых **женская аудитория преобладает: биографические** журналы («Караван историй», Story, «Gala. Биография» и др.); **информационно-развлекательные еженедельники о жизни знаменитостей** (Hello!, OK!, StarHit, «Тайны звезд» и др.). Важным данное размежевание является потому, что предполагает разный тематический контент и целевые установки, влияет на характер информирования и методы воздействия на аудиторию. В данной статье мы подробно рассмотрим издания для женщин.

Необходимо сразу отметить многочисленность существующих изданий и одновременно с этим их тематическое однообразие и преимущественно развлекательную направленность. В настоящее время на информационном рынке России среди женских периодических изданий в количественном отношении преобладают **журналы «глянцевого» формата** (Cosmopolitan, Glamour, Vogue, «Домашний очаг» и др.), прежде всего международные и общенациональные, круг интересов которых — это мода, красота, взаимоотношения полов, психология, досуг. Их лидирующие позиции объясняются просто: устойчивый спрос среди целевой аудитории обеспечивает высокие тиражи и стабильную прибыль, в первую очередь от реализации рекламных площадей. Такая ситуация стала складываться еще в 90-е годы XX в.

В связи со стремительным развитием и распространением женской печати на рубеже XX–XXI вв. изучением нового сегмента информационного рынка занялся ряд отечественных исследователей. Первые публикации, посвященные данной теме, были сделаны Р. М. Ямпольской и фокусировались на вопросах типологических особенностей женской прессы [1]. В дальнейшем появились диссертационные работы Лу Мими, А. В. Жуковой, В. В. Смеюхи, Е. А. Пленкиной и др. [2]. На сегодняшний день наиболее полно и разносторонне специфику, функционирование и историю становления женских СМИ в России рассматривает доктор филологических наук В. В. Смеюха [3].

Исторически женская пресса развивалась в двух основных направлениях: **качественные** издания просветительского/воспитательного толка (вариации: литературные, литературно-общественные, педагогические, социально-политические, идеологические и проч.) и **массовые**, ориентированные на прикладную, развлекательную тематику (мода, рукоделие, домоводство, взаимоотношения полов и т.д.). Причем более успешными во все времена, естественно, были последние, в их структуре лишь расширялся спектр тем и изменялись задачи.

Первым в истории печати изданием для женщин стал еженедельник The Ladies Mercury издателя и журналиста Джона Дантона, вышедший в Лондоне 27 июня 1693 г. Он представлял собой всего один лист, пропечатанный с обеих сторон. Журнал, по словам редактора, затрагивал «самые очаровательные и занимательные вопросы, касающиеся любви, замужества, стиля поведения, одежды и женского юмора». Именно в этом издании впервые появилась знаменитая колонка вопросов и ответов. Интерес к таким журналам публика проявила сразу. В начале XVIII в. в Европе выходило уже несколько изданий, преиму-

щественно посвященных моде: немецкий *Journal des Luxus und des Moden*, английские *The Lady's Magazine* и *Gallery of Fashion*, а во Франции одновременно издавались сразу четыре журнала [4].

В России идея выпускать журнал, адресованный женской аудитории, принадлежала издателю Н. И. Новикову. В 1779 г. он основал «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета» — первый женский литературный журнал. Журнал носил скорее дидактический характер. В отличие от европейских аналогов редактор журнала обозначил иные цели выпуска: «Доставить прекрасному полу в свободные часы приятное чтение, почему и будут в оном помещаться только такие сочинения или переводы, кои приятны или забавны». Страницы его заполнялись сказочками, анекдотами, идиллиями, эклогами, песнями, эпиграммами, загадками, да прилагалось «и о том старание, чтобы сообщаемо было о новых парижских модах» [5].

Новиков, воспитанный на традициях эпохи Просвещения, посредством своих изданий стремился помогать читателям в их духовном развитии. Среди отечественных издателей именно Новиков начал развивать специализированную прессу, которая предназначалась разным категориям читателей. Точечного воздействия на целевую аудиторию издатель стремился достигать за счет узконаправленной специализации каждого печатного органа, которые создавал, и, можно сказать, индивидуального подхода. Так, в женском журнале особое внимание было уделено оформлению — целенаправленное воздействие именно на женскую аудиторию: «Журнал Новикова был роскошным изданием: в то время как большинство журналов XVIII в. печаталось на шершавой серой бумаге, издатель “Модного ежемесячного издания...” часть тиража выпускал на веленовой бумаге, все номера были украшены, помимо картинок, виньетками, владельческим знаком издателя (две буквы “НН” в окружности) — Новиков завел особый цех художников, гравиров» [6, 27].

Типологическое нововведение Новикова, связанное с узкой направленностью периодических изданий, а значит, специализацией по тематике или аудитории, наложило отпечаток на дальнейшее развитие журналистики в целом. В связи с этим, возвращаясь к женской печати, нужно отметить дифференциацию первых изданий для женщин, появившихся в начале XIX в. Исследователь В. В. Смеюха отмечает тематический принцип классификации женской периодики этого периода и предлагает деление на следующие типы изданий:

— **литературные женские журналы** («Модное ежемесячное издание» (1779), «Журнал для милых, издаваемый молодыми людьми» (1804), «Кабинет Аспазии» (1815), «Дамский журнал» (1823–1883), «Лучи» (1850–1860));

— **женские журналы мод, домоводства, рукоделий и литературы** («Магазин английских, фран-

цузских и немецких новых мод» (1791), «Модный вестник» (1816), «Ваза» (1831–1884), «Гирлянда» (1846–1860) и др.).

Первый тип отличался яркой культурно-просветительской направленностью, наполнение таких журналов составляли литературные и публицистические материалы по вопросам литературы, истории, философии — все это отражало интересы узкой на тот момент образованной прослойки женского населения, что придавало журналам элитарный характер. В то время как второй тип изданий был ориентирован на более массовую аудиторию и предлагал, соответственно, иной набор тем, направленный на семейные, личные интересы женщин; позже добавилась функция развлечения, что и гарантировало им в дальнейшем залог популярности у женской аудитории [7].

Подобная ситуация в данной типологической нише очень точно определяет приоритеты большей части женского населения как в прошлом, так и в настоящем. Отраслевая печать для женщин всегда ориентировалась в первую очередь на решение прикладных задач и реализацию утилитарных, бытовых интересов. Этим можно объяснить и то, что уже во второй половине XIX в. выпускаются новые журналы, адресованные профильным группам («Вестник моды для портних», «Модный курьер», «Модистка», «Акушерка»); а также выходят тематические издания «Русская хозяйка», «Новый русский базар», «Модный свет», «Моды и рукоделия». В это же время продолжает углубляться специализация изданий по интересам и по возрастному критерию: «Рассвет» (универсальный, рассчитанный на широкую аудиторию), «Лучи» (для девушек), «Мой журнал» (для девочек), «На помощь матерям» [8, 156].

Эволюция женской прессы неразрывно связана с положением женщины в обществе в различные исторические периоды. Если на первоначальном этапе формирования этой типологической ниши женщине отводилась пассивная роль в жизни социума, что отражалось и в структуре, и в тематике первых изданий, а также сказывалось на их количестве и небольших тиражах; то с распространением в середине XIX в. феминистских взглядов активизировалось и движение за эмансипацию женщин, а вслед за этим в том же направлении стала развиваться и периодическая печать.

С распространением женского образования более регулярно стали выходить и женские журналы, в том числе профильные, например «Женское образование». Женщины берут управление в свои руки и становятся редакторами, издателями. Изменяется не только содержание, но и оформление изданий, в частности появляются иллюстрации. Параллельно с массовыми изданиями складывается особый тип **литературно-общественного журнала** для женщин («Рассвет», 1859–1862 гг.; «Женский вестник», 1866–

1868 гг., «Друг женщин», 1882–1884 гг.), отдельную группу представляет **педагогический журнал** («На помощь матерям», 1894–1904 гг.).

Но в количественном отношении во второй половине XIX в. все типы женской прессы превосходят **журналы мод, домоводства, рукоделия и литературы**: «В Петербурге выходили “Русская хозяйка” с подзаголовком “Домоводственный журнал” (1861–1862), “Модный магазин” (1862–1883), “Русский базар” (1863–1866), “Новый русский базар” (1867–1894), “Модный свет” (1868–1883), “Модные выкройки” (1872–1882), “Моды и рукоделия” (1875–1880), “Женский труд” (1880–1882), “Вестник моды” (1885–1916), “Венский шик” (1899–1908), “Модный курьер” (1900–1910), “Иллюстрированный журнал белья и рукоделия” (1901–1907) и др. В Москве в 1860 г. появился “Монитор. Журнал для дам и девиц, посвященный женскому хозяйству, рукоделиям, модам” (1860–1861)» [9, 48].

Первые годы XX в. ознаменовались существенными переменами в типологии русской журналистики, что отразилось и на женской периодике, а именно: сложился новый тип **женского политического журнала** («Женский вестник», 1904–1917 гг.; «Союз женщин», 1907–1909 гг.; «Работница», с 1914 г.). Политическая обстановка в стране требовала привлечения новых сил к продвижению идей революции, в числе которых было и отстаивание равноправия и свобод для женщин. Политические журналы активно взялись за подключение женского населения к «классовой борьбе», одной из основных тем публикаций была социально-политическая деятельность женщин. Однако несмотря на явную злободневность подобного рода изданий, круг их читательниц был весьма узок, а численность мала. Большинство женской аудитории по-прежнему нуждалось прежде всего в удовлетворении утилитарных потребностей.

Наиболее востребованными в начале XX в. все же оставались массовые издания, которые затрагивали широкий круг проблем и интересов женщины, представляли ее исконные роли в обществе — это были **литературно-общественные журналы универсального типа и издания мод, домоводства и рукоделий**. И особенно интересно отметить еще одно новое направление, возникшее в женской журналистике того периода, о котором пишет исследователь Е. Ю. Коломийцева: «...ученические издания, или журналы барышень, как их называли: “Начало” (1906–1911), “Пчелка” (1909–1915), “Ручеек” (1913–1914), “Наш друг” (1911–1914) и др. появились при различных женских учебных заведениях. Это была своеобразная школа юного журналиста, где оттачивали перья будущие писательницы и публицистки» [10, 165].

С приходом советской власти систему средств массовой информации затронули серьезные структурные и типологические трансформации: в органи-

зации их деятельности стал преобладать принцип иерархической вертикали, предполагавший деление органов печати на **центральные**, которые рассматривались как приоритетный сектор и чья информационная повестка жестко регламентировалась ЦК КПСС, и **региональные/местные** (краевые, областные, городские, районные, сельские и т.п.), которые в своей деятельности соответственно ориентировались на политику первых, но с учетом местной специфики, обычаев и традиций регионов. По такому же образцу стала складываться и система женской периодики.

Основными женскими изданиями советского периода стали журналы «Работница», «Крестьянка», «Советская женщина». Кроме того, выходило 17 республиканских, а также иллюстрированные журналы мод. После войны к ним добавились два международных — орган Международной федерации женщин «Женщины мира» и советско-индийский журнал для женщин «Диалог» [8, 156].

В годы становления советской власти содержательное наполнение женской периодической печати отражало и реализовывало идеологические установки по формированию образа советской гражданки: в первую очередь труженицы и общественницы. Постепенно, как не отвечающие задачам партии, из информационного пространства женской прессы уходят типы массового литературно-общественного журнала и изданий, посвященных моде, домоводству и рукоделию. Их место прочно заняли общественно-политические журналы (например, журнал «Общественница», 1936–1941). Хотя в 1930-е гг. выходило несколько модных журналов: «Костюм и пальто» (1935–1942), «Модели сезона» (1936–1941), «Моды» (1937–1941). Но данные издания не были рассчитаны на широкую аудиторию [11, 25].

Во время Великой Отечественной войны многие женские издания приостановили свою деятельность: вся журналистика была направлена на поддержание морально-боевого духа армии и мобилизацию трудовых ресурсов, а возродившиеся после женские СМИ расширили диапазон тематики и проблематики. В период оттепели на их страницах рождается обновленный образ соотечественницы: «Наряду с профессиональными качествами стал рассматриваться ее духовный мир». В 1980-е гг. происходит **модификация типа общественно-политического женского журнала в издание для женщины и ее семьи**: это выразилось в появлении приложений для семьи, рубрик по домоводству, рукоделию, воспитанию, психологии [7].

В годы перестройки читательницам был открыт журнал немецких домохозяек *Burda Moden*, который колоссально отличался от привычных отечественных изданий по содержанию и красочному оформлению, показывал им незнакомый быт и потому имел оглушительный успех у аудитории. Особый

интерес вызывало наличие в нем выкроек для моделей одежды. Burda Moden стал первым зарубежным изданием, оказавшим влияние на дальнейшее развитие отечественной женской периодики. Вслед за ним эстафету переняли крупные международные издательства, пришедшие уже на российский информационный рынок в 1990-е годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ямпольская Р. М. Новое в системе изданий для женщин // Журналистика в 1991 г. — М., 1992; Ямпольская Р. М. Быть или не быть женской прессе // Журналистика в 1992 г. — М., 1993; Ямпольская Р. М. Тенденции развития типологической структуры женской прессы // Вестник МГУ. Серия 10: Журналистика. — 1995. — № 6; Ямпольская Р. М. Женская пресса: Основные проблемно-тематические направления // Вестник МГУ. Серия 10: Журналистика. — 1997. — № 4 и др.
2. Лу Мими. Женская печать: эволюция типологической структуры в условиях реформирования общества: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лу Мими. — М., 1998; Жукова А. В. Женская пресса как фактор социализации личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Жукова. — Санкт-Петербург, 1999; Боннер-Смеюха В. В. Отечественные женские журналы: историко-типологическое исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Боннер-Смеюха. — Ростов-на-Дону, 2001; Пленкина Е. А. Элитарный женский журнал: типологические и профильные особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Пленкина. — М., 2004.
3. Смеюха В. В. Отечественные женские журналы. Историко-типологический аспект: монография. — Ростов-на-Дону, 2011; Смеюха В. В. Женские СМИ и новые медиа: учеб-

ное пособие / В. В. Смеюха. — Ростов-на-Дону, 2015.

4. Кондратьев М. Первый «модный журнал» основал мужчина... для мужчин / М. Кондратьев // Правда. Ру. — 27.06.2010. — Режим доступа: <https://www.pravda.ru/society/27-06-2010/1037765-magazine-0/> (дата обращения: 11.09.2018).
5. Журналы Н. И. Новикова 1770–1780-х годов // История русской журналистики XVIII–XIX веков / Под ред. А. В. Западова. — Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text3/03.htm%0D0%B7_11 (дата обращения: 11.09.2018).
6. Пирожкова Т. Ф. Журнал для «прекрасного пола» / Т. Ф. Пирожкова // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. — 1994. — № 6. — С. 27–36.
7. Смеюха В. В. Отечественные женские журналы: классификационно-типологический аспект (1779–2000 гг.) / В. В. Смеюха // Гуманитарные и социальные науки. — 2011. — № 5. — Режим доступа: <http://www.hses-online.ru/Actual.html> (дата обращения: 12.09.2018).
8. Свитич Л. Г. Издания для женщин / Л. Г. Свитич // Типология периодической печати: учебное пособие для студентов вузов / Под ред. М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской. — М., 2009. — С. 156–170.
9. Смеюха В. В. Отечественные женские журналы. Историко-типологический аспект: монография. — Ростов-на-Дону, 2011.
10. Коломийцева Е. Ю. Особенности развития женских журналов в России начала XX века / Е. Ю. Коломийцева // Журналистика в 2009 году: Трансформация систем СМИ в современном мире: Сборник матер. науч.-практ. конф. — Москва, 2010. — С. 164–165.
11. Смеюха В. В. Женские СМИ и новые медиа: учебное пособие / В. В. Смеюха. — Ростов-на-Дону, 2015.

Институт гуманитарного образования и информационных технологий (Москва)

Марчан К. В., кандидат филологических наук, старший преподаватель

E-mail: tulupovak@yandex.ru

Institute for the Humanities and Informational Technologies (Moscow)

Marchan K. V., Candidate of Philology, Senior Lecturer

E-mail: tulupovak@yandex.ru

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ В ОБЫДЕННОМ ДИСКУРСЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ «ОТКРЫТАЯ»

М. А. Ничеговская

Северо-Кавказский федеральный университет

Поступила в редакцию 21 августа 2018 г.

Аннотация: статья знакомит с исследованием в области социального самочувствия населения Ставропольского края в социально-экономической сфере через призму быденного дискурса, представленного в виде читательских писем в газету. Анализ показал, что социально-экономическая ситуация в контексте общественно-политической газеты «Открытая» в целом носит отрицательный характер, что зачастую подтверждается негативными оценками большинством жителей региона их материального положения и общего состояния экономической сферы края.

Ключевые слова: социальное самочувствие населения, быденный дискурс, социально-экономическая сфера.

Abstract: the article introduces the research in the field of social well-being of the population of the Stavropol Territory in the social and economic sphere through the prism of everyday discourse. The analysis showed that the social and economic situation in the context of the public-political newspaper "Otkrytaya" as a whole is negative, which is often confirmed by negative assessments of the majority of the region's inhabitants in terms of their material situation and the general state of the economic sphere in the region.

Keywords: social well-being of the population, everyday discourse, social and economic sphere.

Газета «Открытая», издаваемая в городе Ставрополе, позиционирует себя как общественно-политическая, познавательная, независимая, рассчитанная на широкий круг читателей: газета «интересна старшему поколению и молодежи, руководителям коммерческих предприятий и представителям малого бизнеса, правоохранительным органам, представителям власти».

Одним из оптимальных источников для изучения социального самочувствия населения являются региональные СМИ, отражающие события и проблематику региона, представляющие подробную картину жизни и включенные в процессы, происходящие на местах.

Социальное самочувствие, выступая интегральным показателем адаптации населения к новым условиям, в котором отражается соотношение между притязаниями субъекта и степенью их реализации, является важной характеристикой положения дел в обществе, как отдельного человека, так и социальных групп. В социальном самочувствии в концентрированном виде отражаются степень адаптации к различным сферам общественной жизни, ожидание будущего, самооценка успеха, уровень тревожности и уровень результативности проводимых реформ [1].

На социальное самочувствие населения могут оказывать влияние как внешние (объективные) факторы (состояние политической, экономической сферы в регионе, доступность медицинской помощи и об-

разования и т.д.), так и внутренние (субъективные) (внутреннее состояние, характерное для определенного индивида: настроение, состояние собственного здоровья и здоровья родных и др).

Большинство исследователей считает, что именно социально-экономическая удовлетворенность индивида (например, удовлетворенность содержанием работой и ее условиями, вознаграждением, организацией труда, материальными условиями жизни и т.д.) является приоритетной для определения социального самочувствия населения.

Центральным звеном в общественно-политической газете «Открытая» выступает транслируемая на широкую аудиторию информация общего интереса с социальной окраской — человек и его жизнь. Важной характеристикой этого регионального периодического издания является связь с аудиторией. Читательские письма, публикуемые в рубрике «Из почты «Открытой»», могут служить источником информации о социальном самочувствии населения.

Посредством анализа сплошной выборки публикаций за 2017 г. в общественно-политической газете «Открытая» [2] мы выяснили, что социально-экономическая сфера является недостаточно благоприятной сферой жизнедеятельности в Ставропольском крае.

В результате сплошной выборки публикаций за 2017 г. в газете «Открытая» нами было установлено, что самая большая доля читательских писем (77% всех публикаций) относится именно к социально-экономической проблематике. Это не случайно,

ведь экономическая обстановка в регионе оказывает влияние непосредственно на материальное положение каждого отдельного гражданина и его семьи, проживающего на территории Ставропольского края. Причем доля писем, в которых читатели жалуются на неблагоприятно сложившуюся социально-экономическую ситуацию в регионе, составляет 96%, т.е. она значительно больше той, в которой говорится о благоприятной обстановке.

Рейтинг тем обыденного дискурса газеты «Открытая» в области неблагоприятной социально-экономической сферы Ставропольского края выглядит так:

Проблемы ЖКХ, недобросовестные застройщики — 60%.

Высокие цены, налоги, низкие пенсии и зарплаты — 21%.

Проблемы здравоохранения — 10%.

Коррупционная деятельность судебной системы — 6,8%.

Бюрократизм и взяточничество органов власти и полиции — 2,2%.

Самой популярной проблемой в социально-экономической сфере Ставропольского края, согласно обыденному дискурсу газеты «Открытая», стали проблемы ЖКХ. Читатели пишут о высоких взносах ставропольчан на капитальный ремонт жилья, ненадлежащем выполнении обязанностей коммунальными службами, ремонте дорог в краевом центре, неудовлетворительном состоянии дорожных покрытий за его пределами, незаконных застройках.

Авторы писем в основном пенсионеры, ветераны труда, инвалиды. Но встречаются и обращения людей среднего возраста и представителей молодежи. Так, автором письма «“Адмирал” по уши в грязи» выступила молодая женщина, выразившая общее мнение обеспокоенных жильцов микрорайона «Адмирал» г. Михайловска: «Район заселен примерно на 80%, в основном молодыми семьями с детьми. Представляете, каково тут живется без дорог, маршруток, школ и детсадов?! Нам очень тяжело. Мы прописаны в Михайловске, исправно платим налоги в местную казну и имеем право комфортно жить со своими семьями, а не существовать, пробираясь за три километра до школы по уши в грязи» [3].

Проблемы читателей, которые зачастую игнорируют представители власти, выходят в рубрике «Из почты “Открытой”» с пометкой «Крик о помощи». Например, письмо «Когда рухнет наш дом», в котором читатели пишут о незаконной застройке на оползневом склоне: «Вокруг частный сектор, где запрещена любая застройка выше двух этажей. Каким же образом тут появится десятиэтажка?! А очень простым. Застройщиком является Николай Стаценко, бывший заместитель главы администрации Ставрополя, а ныне — член Общественной палаты края, председатель комиссии по развитию местного само-

управления, ЖКХ и строительства. Пользуясь служебным положением, он может изменить карту землепользования, нормы освещенности и еще какие угодно нормы — парковки, озеленения, шума, загазованности...» [4].

Второй по уровню злободневности проблемой в социально-экономической сфере, согласно мнению читателей газеты «Открытая», стали высокие цены, налоги, низкие пенсии и зарплаты. Данная проблема особенно беспокоит самый малоимущий слой населения — пенсионеров. Например, письмо Л. Богдановой «У чиновника совесть не плачет»: «Несчастливые старики в схватке с болезнями, ЖКХ, УЖФ остаются без всякой помощи. Люди жалуются на неправильное начисление платы за капремонт и пени. Никто из “верхов” не слышит пенсионеров, которые попросту не доживут до обещанных капремонтов... В XXI веке я, ветеран труда, при унижительно малой пенсии — 8738 рублей — голодаю. Из-за долгов по капремонту субсидия мне не положена. Каждый месяц я, тяжелобольной человек, получаю предупреждения с угрозами о привлечении меня к суду за долг по капремонту. После таких предупреждений сахар у меня подскакивает до 15, давление — до 200, а это реальная угроза жизни» [5].

В 10% писем (газета «Открытая» за 2017 г.) в сфере неблагоприятной социально-экономической среды читателями была затронута тема здравоохранения. Авторами писем выступают не только пациенты больниц и поликлиник, не получившие должного лечения, но и сами врачи, пытающиеся через газету бороться со злоупотреблением вышестоящими лицами должностными обязанностями. Например, в письме «Земский доктор не прижился» автором выступила Г. Яровая, врач психиатр-нарколог высшей категории с. Красногвардейского. В своем обращении она рассказала о том, что после введения программы «Земский доктор» главный врач начал «выдавливать» из больницы специалистов, проработавших в медицине долгое время, в общей сложности доведя до увольнения более двухсот человек [6].

В целом в газете «Открытая» из 75 писем читателей за исследуемый период в 58 присутствуют маркеры социального самочувствия, отражающие социально-экономическую сферу Ставропольского края. В остальных материалах внимание обращено к сфере политики, культуры, экологии. Анализ обыденного дискурса с позиций ценностной ориентации читателей газеты «Открытая» за 2017 г. позволил выявить отрицательное восприятие социально-экономической ситуации в крае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ничеговская М. А. Социальное самочувствие населения полиэтнического региона как показатель социальной адаптации: дис. ... канд. социол. наук / М. А. Ничеговская. — Ставрополь, 2017. — Режим доступа: <http://www.>

ncfu.ru/uploads/doc/disser_nichegovskaua.pdf (дата обращения: 21.08.18).

2. Общественно-политическая и познавательная газета «Открытая». — Режим доступа: <http://www.opengaz.ru> (дата обращения: 21.08.18).

3. «Адмирал» по уши в грязи // Открытая. — 2017. — Режим доступа: <https://www.opengaz.ru/stat/admiral-ro-ushi-v-gryazi> (дата обращения: 21.08.18).

4. «Когда рухнет наш дом...» // Открытая. — 2017. —

Режим доступа: <https://www.opengaz.ru/stat/kogda-ruhnet-nash-dom> (дата обращения: 21.08.18).

5. «У чиновника совесть не плачет» // Открытая. — 2017. — Режим доступа: <https://www.opengaz.ru/stat/uchinovnika-sovest-ne-plachet> (дата обращения: 21.08.18).

6. «Земский доктор не прижился» // Открытая. — 2017. — Режим доступа: <https://www.opengaz.ru/stat/zemskiy-doktor-ne-prizhilsya> (дата обращения: 21.08.18).

Северо-Кавказский федеральный университет

Ничеговская М. А., кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики

E-mail: just_maria87@mail.ru

North-Caucasian Federal University

Nichegovskaya M. A., Candidate of Sociology, Senior Lecturer of the Journalism Department

E-mail: just_maria87@mail.ru

ПОТЕНЦИАЛ ПОДКАСТОВ ЭФИРНОГО РАДИО В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ АУДИТОРИИ

О. А. Петренко, А. М. Горбачев

Северо-Кавказский федеральный университет

Поступила в редакцию 14 ноября 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается подкастинг как эффективная технология формирования исторического сознания аудитории современных медиа. Выявляются потенциальные возможности подкастов в данной сфере, обусловленные как технологическими характеристиками подкастинга, так и их тематической спецификой. В качестве источниковой базы используются подкасты на историческую тематику радиостанции «Маяк». Предпринята попытка их тематической и жанровой классификации.

Ключевые слова: радио, интернет, подкаст, историческое сознание.

Abstract: the article considers podcasting as an effective technology for forming the historical consciousness of the audience of modern media. Potential opportunities of podcasts in this field are identified, due to both the technological characteristics of podcasting and their thematic specificity. As a source base, podcasts are used on the historical theme of the Mayak radio station. An attempt was made to thematic and genre classification.

Keywords: radio, Internet, podcast, historical consciousness.

Термин «подкаст» отличается некоторой размытостью определения в научной и справочной литературе. В качестве общих сущностных признаков подкаста называется его размещение в интернете, возможность подписки на него и скачивания в виде файла. При этом в одних источниках подкастом называется отдельный (единичный) цифровой файл [1; 2; 3], в других подкаст понимается и как файл, и как группа (серия файлов) [4, 38; 5, 98].

Существуют также разногласия в том, какой формат файлов называть подкастом: исключительно аудиофайл или это может быть также видео, текст, фото. Это приводит к введению в научных публикациях дополнительных, уточняющих терминов. Например, в публикации З. К. Саламовой используется термин «аудиоподкаст» [6, 291]. Об аудиоподкасте как возможной составной части мультимедийного лонгрида говорят А. Галустьян и Д. Кульчицкая [7, 197]. Авторы учебного пособия «Подкастинг» С. С. Распопова и Т. А. Саблина разновидностями подкаста называют «видеоподкаст» и «аудиоподкаст», а их производными — «скринкаст» и «слайдкаст» [8, 62–66]. На крупнейшем подкаст-терминале iTunes в настоящее время есть разделение на «аудиоподкасты» и «видеоподкасты».

Спорным является вопрос о том, можно ли считать подкастом запись традиционной радиопередачи, выложенной в интернет, или подкаст — это особое произведение, созданное профессиональными журналистами или любителями исключительно для онлайн-распространения. Например, в интер-

вью профильному изданию «Журналист» преподаватель и радиожурналист В. Некрасова утверждает, что «полноценными подкастами все-таки следует считать эксклюзивно созданный контент, который, например, может включать фрагменты эфира и некоторые аналитические материалы» [9]. В цитируемом выше пособии «Подкастинг» используется термин «официальные подкасты эфирного радио» для обозначения архивных записей радиопередач. Подкаст, в определении радиожурналиста Л. Телень, — новая интернет-форма для традиционных радиийных программ [10, 112].

Отметим, что в современной журналистской практике наметилась явная тенденция к использованию термина «подкаст»: им обозначается **серия периодических выпусков («эпизодов») определенной программы, записанных в аудиоформате и доступных для прослушивания или скачивания на сайте радиостанции или в подкаст-терминалах**. На наш взгляд, это обуславливает и специфику словоупотребления в научном дискурсе, в задачи которого входит адекватное описание существующей журналистской практики. Именно такое понимание термина мы используем в настоящей публикации.

В качестве источниковой базы использованы подкасты радио «Маяк».

Возможность прослушивать и скачивать контент на сайте «Маяка» radiomayak.ru появилась в 2015 г. [11]. При этом были выложены и архивные версии программ, относящиеся к более раннему периоду. Например, программа Р. Вахидова «Брендятина» представлена выпусками начиная с 2008 г. (на сайте радиостанции дата выхода в эфир не всегда ука-

зана корректно).

Помимо собственного сайта радиостанций используются для распространения контента популярные подкаст-терминалы — iTunes, Soundstream, GooglePodcasts и др., предназначенные для ПК и мобильных устройств. Количество представленных в них подкастов отличается: на платформе iTunes их больше всего, вероятно, в виду первенства американской компании в этой сфере.

На сайте radiomayak.ru раздел «Подкасты» разделен на две части (вкладки): «В эфире» и «Архив». Это разделение, вероятно, было актуальным лишь некоторое время, так как часть подкастов, позиционирующихся редакцией «Маяка» как продолжающиеся («В эфире»), уже не обновляются, а передачи не выходят в эфир.

В каждой из вкладок представлены сами подкасты — записи выпусков **авторских передач** (ведущих «Маяка»), изначально выполнявших роль **рубрик** в эфире тех или иных **шоу**. Например, подкаст «Именем революции» представляет собой запись выпусков еженедельной рубрики в рамках утреннего шоу «Сергей Стиллавин и его друзья», а подкаст «Несерьезные люди» — запись эфиров рубрики в воскресном шоу «Кафедра». В отдельных случаях подкастом может называться на сайте и запись эфира всего шоу («Подкаст «Сергей Стиллавин и его друзья»»), могут также совпадать названия подкаста и шоу при различиях в контенте соответствующих интернет-страниц (шоу «Хочу все знать» и подкаст «Хочу все знать»).

Охарактеризуем подкасты, представленные на сайте radiomayak.ru (вкладка «В эфире»). Всего во вкладке «В эфире» на 1 ноября 2018 г. было размещено 98 подкастов, из которых 30 полностью или частично посвящены истории. Из трех основных разновидностей подкастов (разговорный, нарративный, художественный [11]) представлены все три. При этом в выпусках на историческую тематику абсолютно доминирует разговорный. В контексте традиционной системы жанров радиожурналистики большинство таких подкастов можно отнести к радиобеседе, представленной в двух форматах: разговор приглашенного специалиста с журналистом и интервью [12]. В настоящее время такой жанр все чаще обозначают как «ток-шоу». Исключение составляют лишь подкасты «Брендытина», «ВИА» и «Сладкая жизнь», в которых ведущие сами выступают в роли экспертов.

Все подкасты на radiomayak.ru, так или иначе связанные с историей, можно классифицировать следующим образом:

— по степени представленности исторической составляющей в подкасте:

- подкасты, все выпуски которых **полностью посвящены вопросам истории** («Именем революции», «Великий XIX», «30 сюжетов цивилизации» и др.) — всего 15 подкастов;

- подкасты, **содержащие отдельные выпуски на историческую тематику** («4 сезона», «Мозг» и др.) и (или) выпуски, в которых достаточно подробно **рассматривается история основного предмета** обсуждения («Неизвестное об известном», «Сборная мира», «Курс повышения знаний», «Клуб радиопутешественников» и др.) — всего 15 подкастов.

— по тематике:

- **общейсторические (универсальные)**, в эпизодах которых предметом беседы выступает какая-либо историческая эпоха, значимые политические, экономические, культурные процессы и события в истории, исторические персонажи и т.п. («Именем революции», «Великий XIX», «30 сюжетов цивилизации», «Об этом не писали в газетах», «Хочу все знать. История», «Маленькие истории большой страны» и др.) — всего 12 подкастов;
- **биографические**, полностью посвященные известным личностям («23 февраля») — 1 подкаст;
- **специализированные**, рассказывающие об истории спорта («Красная машина»), флота («Адмиралтейство»), музыки («ВИА», «Хочу все знать. Школа рока»), авиации («Крылья Советов»), кулинарии («Сладкая жизнь»), брендов («Брендытина»), литературы («Литературный Нобель»), моды («Мода, стиль»), городов («Московедение», «Клуб радиопутешественников»), стран («Товарищ Цинь», «Сборная мира»), языков мира («Толковый словарь»), философии («Философия»), культурологии («Хочу все знать. Культурология»), географии («Хочу все знать. География») — всего 17 подкастов.

Таким образом, можно констатировать тематическую палитру подкастов исторической тематики и их значительную представленность в объеме всего контента сайта radiomayak.ru.

Следует подчеркнуть, что разделение программ на эфирные и архивные становится в значительной степени условным, когда речь идет о таком явлении, как подкастинг, подразумевающим прослушивание радиопрограмм в любое время. В случае с подкастами, не имеющими жесткой привязки к информационной повестке дня, время прослушивания их выпусков может значительно отстоять от времени выпуска. Это в значительной степени касается программ исторической тематики, актуальность которых для аудитории долго может оставаться высокой. Ведущий радио «Маяк», первый заместитель директора ГРК «Радио России» Р. Вахидов в интервью 2016 г., основываясь на опыте радиостанции, отмечал, что история входит в топ-3 тем для контента подкастов, а их «сериальная» структура может обеспечить по-

стоянное привлечение новой аудитории: с какого-бы эпизода человек ни начал слушать, заинтересовавшись тематикой или ведущими, он станет постоянным слушателем [11].

Вневременной характер подкастов исторической тематики, их популярность у слушателей разговорного радио и, следовательно, их потенциал в привлечении новой аудитории в эпоху интернета осознается на «Маяке», о чем свидетельствует, например, регулярная реклама в эфире радиостанции подкаста «Царь» (об эпохе правления Николая II), записанного на рубеже 2013–2014 гг. Рекламируются также и другие подкасты образовательного характера: «Нефть», «Мужчина: инструкция по применению» и т.п. В прямом эфире ведущие стимулируют обращение аудитории к подкастам на сайте радиостанции и на подкаст-терминалах. Используются для этого и игровые формы. Например, 9 февраля 2018 г. участникам викторины в рамках шоу «Кафедра» ведущим задавался вопрос: какого подкаста нет на сайте радио?

Таким образом, подкасты используются на «Маяке», во-первых, как инструмент продвижения эфирного радио-контента. Потенциал подкастинга в этом направлении осознавался отечественными радищиками еще на рубеже 2010-х гг. Например, главный редактор сайта «Радио Свобода» Л. Телень, описывая разработанную в 2009 г. концепцию реорганизации сайта радиостанции, указывала подкасты в ряду специфических интернет-инструментов для продвижения радиопрограмм [10, 112].

Во-вторых, сама история рассматривается журналистами «Маяка» не просто как тематическая область, обращение к которой гарантированно способно привлечь внимание значительной части аудитории. Историческое знание подается как необходимая составляющая современного образованного человека. Например, С. Стилавин, регулярно обращающийся к слушателям со словами о необходимости изучения истории, в одном из выпусков подкаста «Именем революции» так определил его значение: «Воспринимайте, пожалуйста, наши разговоры как беседы о вашем, пускай и не вашем личном, но вашей семьи прошлом. И как бы ни горько было воспринимать что-то, отказаться от него невозможно. Это не фантастический рассказ, это, к сожалению, было, которая произошла с нашей страной. Но не зная об этом прошлом, трудно двигаться в будущее» [13].

Неоднократно в эфире повторялась мысль еще об одной функции исторических передач — заинтересовать историей страны, подтолкнуть к ее дальнейшему изучению, так как в рамках эфира невозможно охватить все. Так, ведущий И. Ружейников, говоря о цели появления подкаста «Великий XIX», подчеркивал: «Разумеется, даже если цикл этих программ будет продолжаться десять лет, мы не охватим и малой толики отечественной истории. Вся наша

задача — просто вас заинтересовать [14].

Если рассмотреть содержание типичного выпуска исторического подкаста на «Маяке», то часто действительно можно отметить некоторую фрагментарность и нелинейность повествования. Основная тема передачи может быть обозначена в описании, называться ведущим в начале передачи, но особенности беседы как разговорного жанра приводят к тому, что какие-то моменты описываются более подробно, какие-то опускаются, даются обширные исторические экскурсы, а также проводятся параллели с настоящим. Иногда нарушается и хронология подкаста в целом. Аудитории транслируется набор фактов и мнений об определенном событии, явлении в истории. Таким образом, в случае с подкастами на историческую тематику мы имеем дело не только с новым инструментом привлечения слушателей, но и с новой **технологией воздействия на общественное сознание посредством формирования исторического сознания** аудитории.

В классической отечественной теории журналистики историческое сознание рассматривается как один из четырех специфических компонентов массового сознания и определяется как «представления об историческом процессе возникновения, становления и развития человеческого общества, различных цивилизаций, стран и народов, экономики и культуры, науки и техники и т.д. и т.п., т.е. о самых различных явлениях жизни прошлого, его связях с настоящим и будущим» [15, 69]. При этом журналистика признается лишь одним из социальных институтов, формирующих историческое сознание общества.

Сам феномен исторического сознания является предметом постоянного внимания других общественных наук, прежде всего истории, социологии и культурологии. Наиболее цитируемыми в научной — не журналистской — литературе являются определения исторического сознания, данные учеными Ю. Левадой и Ж. Тощенко.

Ю. Левада утверждал, что историческим сознанием «охватывается все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее — в которых общество воспроизводит свое движение во времени. В каждую данную эпоху историческое сознание представляет собой определенную систему взаимодействия «практической» и «теоретической» форм социальной памяти, народных преданий, мифологических представлений и научных данных» [16, 305].

По определению Ж. Тощенко, историческое сознание представляет собой «совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущем и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-де-

мографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей» [17].

Предмет современных исследований составляют как теоретико-методологические, так и прикладные аспекты исторического сознания общества. Уделяется внимание роли СМИ в формировании исторического сознания различных социальных групп, предлагается анализ содержания и форм работы массмедиа с аудиторией в данной сфере [18; 19; 20; 21 и др.].

Однако в массиве научных публикаций не было обнаружено специальных исследований, посвященных роли подкастов на историческую тематику в формировании исторического сознания. При этом, на наш взгляд, подкастинг в данной сфере обладает значительным потенциалом, что важно как для СМИ, так и для общества. Для понимания этого потенциала следует выделить **преимущества подкаст-технологий** в практике современного радио.

К традиционно выделяемому плюсу радио как вида СМИ — возможности потребления информации во время занятия собственными делами — добавились и другие. Это не только очевидная для всех возможность потребления вне временной привязки к эфиру, в удобное время, но и возможность прослушивания нескольких передач подряд в относительно короткий временной промежуток — день, несколько дней, неделю (если подкаст достаточно большой).

Такое потребление не только расширяет потенциальную аудиторию, но и способствует более эффективному воздействию на историческое сознание слушателя. Подкаст, выпуски которого выходят раз в неделю и реже, в определенный момент может стать неким целым произведением, не сводимым исключительно к сумме частей, а его воздействие на слушателя потенциально должно стать более глубоким не только в силу его продолжительности.

Т. Мачнова, анализируя особенности коммуникации с аудиторией интернет-радио с опорой на типы слушания традиционного (волнового) радио (поисковое, фоновое, выборочное (селективное) и сосредоточенное), делала вывод: в случае с интернет-радио способность аудитории воспринимать и понимать эфирные сообщения значительно выше: слушатель «не машинально вращает ручку приемника, а сознательно заходит на сайт конкретной радиостанции или формирует список избранных радиостанций в специальной программе» [22, 62].

В маркетинге возможность для пользователя настроить интерфейс под себя и выбрать интересующее содержание определяется как кастомизация. Однако согласиться с мнением исследователя можно лишь отчасти: простой, пусть и осознанный, выбор радиостанции в интернете вовсе не гарантирует какое-либо особое внимание слушателя к контенту: потоковое воспроизведение эфира радиостанции ничем принципиально не отличается от волнового, слушание может быть фоновыми или выбороч-

ным. Подкастинг оказывается более эффективным средством кастомизации. Если человек осознанно выбирает конкретную передачу на определенную тему, высока вероятность того, что он будет слушать ее именно «сосредоточенно», когда «с установкой на полное понимание и запоминание слушается все сообщение» [23].

Помимо этого, подкаст предоставляет каждому пользователю возможность повторного прослушивания отдельных моментов передачи, эпизода целиком или серии эпизодов. Последнее важно для радиопрограмм исторической тематики: не всегда возможно при однократном прослушивании адекватно воспринять информацию, насыщенную датами, именами и событиями. Повторное прослушивание повышает информативность журналистского материала уже постфактум, без участия самого журналиста. Отсюда и потенциально **более высокая** по сравнению с традиционным эфирным радио **эффективность формирования исторического сознания** у аудитории.

Таким образом, можно сделать вывод о высоком потенциале подкастов эфирного радио в формировании исторического сознания аудитории. Возможности подкастинга в этой области осознаются и используются профессиональными производителями радиоконтента. Поэтому в качестве дальнейшего направления исследования можно предположить актуальность качественного анализа этого контента и его аудиторных эффектов методами лингвистики, психологии, социологии, журналистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. OxfordDictionary of Social Media. — 2016. — Режим доступа: <http://www.oxfordreference.com/search?q=podcast&searchBtn=Search&isQuickSearch=true> (дата обращения: 01.11.2018).
2. OxfordDictionary. — Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/podcast> (дата обращения: 01.11.2018).
3. For Podcast Fans: Frequently Asked Questions. — Режим доступа: <https://www.apple.com/itunes/podcasts/fanfaq.html> (дата обращения: 01.11.2018).
4. Литвиненко И. «Подстанция» — первый российский подкаст-терминал для профессиональных радиожурналистов / И. Литвиненко // МедиаАльманах. — 2012. — № 2. — С. 36–42.
5. Егорова Л. А. Особенности функционирования звучащего научно-популярного дискурса в гипермедийной среде / Л. А. Егорова // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. — 2008. — № 3. — С. 98–103.
6. Саламова З. К. Сторителлинг о «Реальных преступлениях» в аудио-подкастах: способы взаимодействия авторов и аудитории / З. К. Саламова // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». — 2017. — № 10–2 (31). — С. 289–305.
7. Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016. — Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016.

8. Распопова С. С. Подкастинг / С. С. Распопова, Т. А. Саблина. — М.: Аспект-Пресс, 2018.
9. Распопова С. Подкасты — это просто удобно / С. Распопова // Журналист. — 2018. — 26 апреля. — Режим доступа: <https://jrnlst.ru/podcasting> (дата обращения: 08.10.2018).
10. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. — М., 2010.
11. Гагарина А. Подкастинг сегодня и завтра / А. Гагарина // tvkinoradio.ru. — 2016. — 24 декабря. — Режим доступа: <https://tvkinoradio.ru/article/article9964-podkasting-segodnya-i-zavtra> (дата обращения: 17.09.2018).
12. Смирнов В. В. Жанры радиожурналистики / В. В. Смирнов. — М.: Аспект Пресс, 2002.
13. Александр II. Предпосылки революции. Крепостное право. Продолжение / Именем Революции // radiomayak.ru. — 2016. — 16 ноября. — Режим доступа: <https://radiomayak.ru/shows/episode/id/1431169/> (дата обращения: 17.09.2018).
14. Отечественная война 1812 / Великий XIX // radiomayak.ru. — 2015. — 24 ноября. — Режим доступа: <https://radiomayak.ru/shows/episode/id/1251951/> (дата обращения: 17.09.2018).
15. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: учебник для студентов вузов / Е. П. Прохоров — 8-е изд., испр. — М.: Аспект Пресс, 2011.
16. Памяти Юрия Александровича Левады. — М.: Издатель Карпов Е. В., 2011.
17. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историче-

ская память. Анализ современного состояния / Ж. Т. Тощенко // Новая и новейшая история. — 2000. — № 4. — Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (дата обращения: 08.11.2018).

18. Старых Н. П. Средства массовой информации как источник формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне / Н. П. Старых // Вестник государственного и муниципального управления. — 2015. — № 2. — С. 18–152.

19. Шумилина-Павлова М. О. Источники формирования исторического сознания российской молодежи / М. О. Шумилина-Павлова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». — 2014. — № 4 (126). — С. 226–232.

20. Фокина Н. Н. Формирование исторической правды художественно-публицистических программ / Н. Н. Фокина // Вестник ЧГАКИ. — 2010. — № 3 (23). — С. 91–97.

21. Российская историческая журналистика: учебно-методическое пособие для студентов и магистрантов коммуникационных специальностей / С. Н. Ущиповский, О. С. Кругликова. — Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015.

22. Мачнова Т. М. Коммуникация с аудиторией на интернет-радио: вчера и сегодня / Т. М. Мачнова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. — 2015. — № 2 (138). — С. 61–67.

23. Радиожурналистика: учебник / под ред. А. А. Шереля. — М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005.

Северо-Кавказский федеральный университет

*Петренко О. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики
E-mail: petr_ol79@mail.ru*

Горбачев А. М., кандидат филологических наук, доцент

*кафедры журналистики
E-mail: drong77@mail.ru*

North-Caucasus Federal University

*Petrenko O. A., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Journalism Department
E-mail: petr_ol79@mail.ru*

Gorbachev A. M., Candidate of Philology, Associate Professor

*of the Journalism Department
E-mail: drong77@mail.ru*

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЖУРНАЛИСТСКАЯ ЭТИКА КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Д. А. Рустамова

Таджикский национальный университет

Поступила в редакцию 24 декабря 2018 г.

Аннотация: в статье предпринимается попытка рассмотреть роль профессиональной этики журналиста в вопросе сохранения национальной идентичности. Фактическим материалом данного изыскания являются программы радио «Таджикистан». Контент-анализ передач этого радиийного сегмента подтверждает наличие прямой корреляции между соблюдением нравственных принципов журналистами и сохранением, развитием национальных культурных ценностей и традиций.

Ключевые слова: медийное пространство, радио, профессиональная этика, журналистика, национальная идентичность, нравственность, идеология, пропаганда.

Abstract: this article is an extensive scientific research into role of professional journalism ethics as a factor of preserving national identity. This study is based entirely on the analysis of radio "Tajikistan" broadcasts, which demonstrates a direct correlation between the following moral principles by journalists and the preservation and development of national cultural values and traditions.

Keywords: media space, radio, professional ethics, journalism, national identity, morality, ideology, propaganda.

Уважительное отношение к национальным ценностям и традициям и активная их популяризация априори выступают в качестве важных составляющих деятельности радио «Таджикистан» как мощного средства агитации и пропаганды, реализующего государственную политику.

В современном мире и информационном веке, когда существенно возросла роль СМИ, в условиях, когда появились новые возможности доступа к информации, в условиях, когда информация не признает границ, СМИ, в частности их радиийный сегмент, используются как серьезная сила для реализации геополитических целей. Особенно остро данный вопрос встал сейчас в период вооруженных конфликтов, повсеместной этнической, религиозной и расовой intolerance, которые представляют серьезную угрозу нашей (таджикской) национальной идентичности.

Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон, говоря о национальных традициях и ценностях, отметил, что таджики должны гордиться тем, что имеют собственную национальную самобытность, певучий и поэтический язык, историю, литературу и богатую культуру, просвещенное вероисповедание, национальные обычаи и обряды практически во всех сферах жизнедеятельности, начиная с домоводства до государственного управления. В связи с этим от всех членов общества, особенно от молодого поколения республики, требуется бережное отношение и сохранение вечных ценностей Родины — государственной независимости, культуры и национальных традиций [1, 178].

К числу таких значимых национальных традиций можно отнести весенний праздник Навруз, который широко отмечают не только в Таджикистане и в других центрально-азиатских государствах, но и на Балканах, Ближнем Востоке, Кавказе и в других регионах. Название праздника может варьироваться в зависимости от страны (Новруз, Нооруз, Невруз, Ноурыз и др.). 23 февраля 2010 г. на 71-м пленарном заседании Генеральная Ассамблея приветствовала решение ЮНЕСКО от 30 сентября 2009 г. о включении Навруза в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества, а 21 марта признано Международным днем Навруз.

В вопросе популяризации этого праздника одну из ключевых ролей сыграло радио «Таджикистан», в частности все его четыре канала — «Тоҷикистон» («Таджикистан»), «Овози тоҷик» («Голос таджика»), «Садои Душанбе» («Голос Душанбе»), «Фарханг» («Культура»). Среди СМИ, оказывающих активную информационную поддержку мероприятиям, посвященным Наврузу, находится и радиоканал «Овози тоҷик» («Голос таджика»). Отличительными характеристиками данного канала являются возможность вещания на нескольких иностранных языках и наличие постоянной аудитории в зарубежных странах. Это накладывает на редакционную коллегию и радиоведущих серьезную ответственность не только в плане языка, стилистики текста, но и в соблюдении базовых норм радиожурналистики, в том числе и этических стандартов, которые напрямую связаны с процессом сохранения национальных культурных ценностей и традиций.

Государственная независимость является важнейшим национальным достоянием Республики Таджикистан. Эта тема ежегодно находит свое всестороннее, обстоятельное и подробное освещение на всех радиоканалах страны. Медийная кампания, посвященная этой знаковой для граждан Таджикистана дате, начинается за несколько недель до 9 сентября (День Независимости) и достигает своего апогея накануне и в день праздника. Деятельность радио «Таджикистан» в качестве государственного учреждения занимающего одну из ключевых позиций в вопросе пропаганды и агитации заслуживает высокой положительной оценки. Конструктивный вклад в реализацию государственной политики внесли все четыре радиоканала, в частности редакции информационных, аналитических, культурно-развлекательных и молодежных и музыкальных программ.

Одна из важнейших социальных задач современности в эпоху глобализации состоит в пропаганде традиционной структуры семьи и ее роли в системе исконных национальных ценностей и обычаев. Бесспорно, даже сегодня таджикское общество отличается традиционализмом практически во всех сферах жизни. Однако влияние глобализации очевидно. В результате мы наблюдаем частичный коллапс многих социальных и сексуальных табу, что считается абсолютно недопустимыми для таджикского общества. В первую очередь необходимо отметить, что нравственность является фундаментальной основой таджикского социума в целом и национальной семьи в частности. Соответственно, все вопросы, связанные с этой темой, следует освещать с позиции высокого уровня этики и нравственности.

Радио «Таджикистан» организовало в эфире дискуссии по таким актуальным вопросам, как воспитание в семье, готовность нынешней молодежи к браку, пути укрепления семьи, значение семьи в современном обществе и другие схожие темы. Важность публичного обсуждения этих тем, сопровождаемых комментариями и советами специалистов, очевидна. Поскольку в современном, полном противоречий мире, где процессы глобализации отражаются на странах и нациях, в первую очередь на молодом поколении в психологическом, социальном, политическом и культурном планах, защита национальной идентичности таджиков, их исторической индивидуальности и национальных, этнических особенностей является задачей, от выполнения которой зависят государственные устои Таджикистана, его независимость и суверенитет. Безусловно, для молодых государств на начальном этапе становления и укрепления основ не может быть второстепенных проблем. Более того, особую значимость приобретают вопросы социального плана, что характерно для Республики Таджикистан, которая согласно Конституции является социальным государством.

Современные реалии доказывают, что трансформирование государственного строя и экономической системы не может обусловить единовременное изменение идеологии. Напротив, именно она (идеология), способствуя их реверсированию, видоизменяется и приспосабливается к происходящим политическим процессам, поскольку каждое общество, каждое государство нуждается в идее, концепциях, программах, которые объединяют все группы и слои населения вокруг жизненно важных политических и социальных задач. Сегодня одной из таких важнейших задач, стоящих перед гражданами Таджикистана, независимо от их национальной принадлежности, является защита и укрепление независимости Республики Таджикистан. Эта тема подробно освещается в радиопрограммах радио «Таджикистан».

Защита национальных ценностей — это защита идентичности, языка, обычаев и традиций; это верность и преданность культурным, историческим ценностям; это соблюдение моральных принципов и сохранение национального менталитета. Защита этих культурных и нравственных ценностей в постоянно изменяющемся мире позволит упорядочить системы воспитания и образования в эпоху непрерывных политических, экономических и социальных реформ.

Реформа и усовершенствование системы воспитания и образования объявлены приоритетными направлениями и важными задачами государственной политики. В настоящее время продолжается реформа системы образования, но все предпринятые государством меры не дадут желаемого результата без помощи и непосредственной поддержки общества, в частности родителей. Президент Эмомали Рахмон в процессе обсуждения проекта Закона Республики Таджикистан «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей» неоднократно заявлял о необходимости существенных преобразований в системе воспитания в нашей стране. При этом он проводил четкую дифференциацию между понятиями «воспитание» и «образование». Очевидно, что под образованием понимается получение систематизированных знаний и навыков; воспитание трактуется как навыки поведения, привитые семьей, школой, средой и проявляющиеся в общественной жизни [2].

Это различие стало предметом ряда дискуссий на радио «Таджикистан». Факт великих достижений современности неоспорим, однако нравственное преобразование личности, будучи одним из приоритетных социальных вопросов, сохраняет свой дискуссионный статус. По мнению большинства экспертов, в процессе становления личности значимость нравственных ценностей намного выше, чем наличие материальных благ. Специалисты также полагают, что причиной столь резкого падения уровня морали является явный дисбаланс в развитии науки и техники и неготовность человека адекватно воспринимать этот процесс закономерных изменений, что, в свою

очередь, приводит к повсеместному нарушению этических норм. Следовательно, отсутствие гармонии между научным, техническим прогрессом и добропорядочностью членов общества может обусловить начало нравственного кризиса.

Сегодня наблюдается тенденция дискредитации нравственных норм. Пропаганда абсолютной свободы, самовольная интеграция принципов демократического общества в угоду геополитическим интересам заставляют трактовать этические нормы как некий ограничитель свободы личности и слова, а все, что ограничивает свободу, следует отрицать. Данная позиция четко прослеживается на примере современных семейных отношений, когда отрицается сам институт семьи. Этот деликатный вопрос неоднократно оказывался в центре дискуссий в программах радио «Таджикистан» и его каналов, в частности радиопередачи «Нравственность и семья». Отечественные эксперты, занимающиеся изучением семейных проблем, влиянием западной мысли на традиционное восточное воспитание, в ходе обсуждения отметили значимость классических ценностей в процессе создания семьи. В частности, специалисты отмечают, что наряду с соблюдением национальных традиций необходимо учитывать реалии и требования современного мира, которые диктуют свои, новые условия для успешного, рационального, плодотворного сосуществования индивидов. Более того, СМИ как ретранслятор культурных ценностей играют одну из ключевых ролей в этом вопросе.

В современном мире отсутствие моральных, этических принципов приводит к недоверию, которое в свою очередь преобразуется в нравственный дефект. Игнорируется тот факт, что фундамент конструктивного будущего закладывается именно в настоящий момент. Более того, усиливается воздействие идей, чуждых, противоречащих моральным принципам. Противостояние таким тенденциям требует обращения к истинным национальным культурным основам: семье и семейным ценностям, национальным нормам нравственности, а реализовать это возможно посредством активного привлечения медийных сегментов, в частности радио, как одного из мощнейших инструментов пропаганды. Однако без нравственно ориентированных СМИ данная задача не найдет своего конструктивного решения, поскольку целый ряд факторов свидетельствуют о том, что медиaprостранство сегодня рассматривается как площадка для достижения различных, в том числе и геополитических, целей.

Известно, что геополитическая борьба ведется не только классическими, традиционными, видами интервенции, значимую роль играет экономическое, социальное и морально-нравственное влияние, которое обеспечивается посредством СМИ. Отечественное информационное пространство не стало исключением. В частности, радио «Таджикистан» ведет ак-

тивную пропаганду национальной идентичности, культуры и истории, национального самосознания и соблюдения общественных нравственно-этических ценностей, что сподвигло его на учреждение специального радиоканала «Культура». Его уставная задача состояла в сохранении исторической и духовной идентичности общества и популяризации ценностей, содействующих национальному самопознанию. Культурно-образовательные программы государственных радиоканалов нацелены в первую очередь на защиту нравственности и духовности общества в условиях информационных войн, когда такие понятия, как «добропорядочность», «добродетель», «мораль», «этика» и другие, теряют свою первоисточенную значимость и рассматриваются с позиции личной выгоды какой-либо социальной группы.

Это подтверждает и мнение отечественного исследователя Ибрагима Усмонова: «СМИ всегда выполняли, и впредь будут выполнять, только те задачи, которые перед ними ставят учредители и спонсоры» [3, 47].

Целесообразным считаем апробировать это утверждение, проанализировав способы выполнения СМИ этих задач на примере одной из передач радио «Таджикистан». «Намзамон» («Современник») — это программа, в рамках которой вопросы нравственности рассматриваются в контексте современных реалий. В обсуждении актуальных проблем принимают участие общественные деятели, ученые, политики и т.д. Так, в радиоэфире активно обсуждается тема вступления молодежи в ряды экстремистских движений и группировок. По мнению отечественных экспертов, безнравственное стремление молодых людей встать на путь экстремизма основано на лживых обещаниях агитаторов и пособников, которые ради достижения цели подрывают моральные устои таджикского общества — уважение к семейным ценностям и традициям, непоколебимый авторитет старшего поколения, богатое культурное и историческое наследие и т.д. Западный мир постепенно охватывает нравственный кризис, так как исчезает истинная основа общества — семья. Легализацией однополых браков Запад подвергает себя страшной опасности. Инициатива западных политиков и законодателей в поддержку ЛГБТ-сообществ преподносится как великое достижение современного мира и защита прав человека.

В других радиопередачах также затрагивается вопрос воспитания молодежи в духе традиционных духовных ценностей, так как именно молодые люди являются целевой группой, которая подвергается высокому риску быть вовлеченной в криминальную активность ввиду несформированности их мышления, доступности современных технологий и социальных сетей и т.д.

Однако есть программы, в которых под влиянием зарубежной пропаганды наблюдается непреднаме-

ренная агитация вышеперечисленных положений, то есть редакторы, авторы, ведущие не распознают «язык вражды» и негативные факторы фиксируются, закрепляясь в сознании миллионной аудитории. Безусловно, данный факт никоим образом не освобождает журналистов от ответственности, которую они должны нести за каждое сказанное в эфире слово. Ведь журналистика непосредственно связана со словом, и первостепенная задача служителей СМИ — использовать это слово во благо.

Таджикский национальный университет

Рустамова Дилафруз Абдусаломовна, старший преподаватель кафедры радио и телевидения

E-mail: dilush1975@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Напутственные слова Президента Республики Таджикистан, Основателя национального единства — Лидера нации Эмомали Рахмона / сост. З. Сайидзода. — Душанбе, 2017.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М.: Мир и Образование, Оникс, 2011.
3. Усмонов И. Журналистика. Часть 4. / И. Усмонов. — Душанбе, 2011.

Tajik National University

Rustamova Dilafruz Abdusalomovna, Senior Lecturer of the Radio and Television Department

E-mail: dilush1975@mail.ru

О ВЫРАЗИТЕЛЬНО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ПРИРОДЕ ПУБЛИЦИСТИКИ

С. Л. Страшнов

Ивановский государственный университет

Поступила в редакцию 31 марта 2018 г.

Аннотация: предлагаемый в работе подход позволяет вернуться к вопросу о сущности публицистики и уточнить некоторые ее особенности. Данной статьей автор продолжает свои исследования в области медийной поэтики.

Ключевые слова: публицистика, аналитика, выразительность, изобразительность, программные выступления, памфлет, очерк.

Abstract: the proposed approach allows us to revise the essence of journalism and clarify some of its features. In this article the author continues his studies in the field of media poetics.

Keywords: journalism, analytics, expressiveness, figurativeness, program statements, pamphlet, essay.

Рассматривая обозначенный аспект в самом первом приближении, естественно вспомнить о всеприсутствии публицистики в СМИ, а затем — о соответствующей типологии искусств, и тогда на одном полюсе окажется соприродная музыке радиопублицистика, а на другом — близкая к живописи фотопублицистика. Однако этот путь развития мысли способен мгновенно завести в тупик, поскольку синонимом выразительности является субъективность, а это родовой признак публицистики как таковой. Проблема, лишь обозначившись подобным образом, сразу рискует оказаться закрытой. Продуктивнее поэтому, взяв первое начало за основу, сосредоточиться на процессах и результатах взаимодействия с ним изобразительности. Впрочем, и при этом выразительное не следует воспринимать априорно: в той же фотопублицистике, в аналогичных телеформатах и видеофайлах, в описательных жанрах печатной периодики исходной будет зрелищность, а экспрессивность, напротив — силой преобразующей.

Специфика публицистики, естественно, связана с ее прямым, публичным же, назначением. Как сказано в одной из последних работ, данному феномену посвященных, «цель публицистики — пробуждение общественной мысли, объединение людей вокруг идеи, освещаемой в статье, формирование общественного мнения» [1, 136]. Публицистика (причем здесь она исторически возглавляет ряд, продолжаемый пропагандой и рекламой) стремится завоевать и воодушевить максимальное число современников, реально на них влияя. Две ее основы — это искреннее самовыражение и просветительство, поэтому автор одновременно должен быть убежденным и убедительным, красноречивым и ясным, впечатляющим и наглядным.

В большинстве дореволюционных, советских и некоторых более поздних суждений о публицистике внимание было сосредоточено на соотношении понятийно-логического и образно-эмоционального. Причем акцент ставился на том, как чувства просветляют мысль [см., например: 2, 161], превращают ее в пафос. Уже заинтересованно внедрявший этот термин В. Г. Белинский подчеркивал, что его сила как публициста «не в таланте, а в страсти, в субъективном характере натуры и личности» [3, 704]. Тезисы текстов, рассчитанных на широкие аудитории, не допускают хаотичности, они выстраиваются четко, упорядоченно, но сообщаются еще и энергично, активно, особенно в высказываниях устных, которые могут обладать даже повышенной суггестивностью.

Ведущими жанрами, к этому стремящимися и этого достигающими, являются программные выступления (манифесты, тронные/инаугурационные речи, воззвания, передовые статьи, развернутые некрологи, проповеди, открытые письма и т.п.), а также памфлеты. Все они декларируют credo вождя, пастыря, оратора, публициста, а обыкновенно — тех, кого каждый из них представляет: партию, конфессию, художественную группировку, редакцию.

Воздействующие, подчас манипулятивные, эффекты достигаются при этом прежде всего испытанными со времен античности риторическими выразительными средствами: обращениями и вопросами, гиперболами и литотами, повторами-заклинаниями, градациями, антитезами, умелыми инверсиями и т.п. С их помощью речь выполняет не информативную, а формативную, то есть именно формирующую функцию [см. об этом: 4, 205].

Однако и самое напористое использование перечисленных приемов — тактика лобовых атак — совсем не обязательно сулит успех. И, как правило, отвлеченность идеологических или иных установок преодолевается за счет разнообразной конкрети-

зации. В программных выступлениях и памфлетах ее любят осуществлять простым переключением регистров — полемическими выпадами в сторону врагов, противников, оппонентов [подробней см.: 5], но тем более плодотворными оказываются ресурсы изобразительности.

Выдвигая и внушая обобщающую идею, автор старается не оказаться голословным: характерными и спасительными для передовиц становятся поэтому обороты типа «возьмем другой пример» [см. как вариант в статье Г. В. Плеханова: 6, 21]. Постулаты и лозунги подкрепляются фактами, впрочем, как правило, в перечислительном виде. У Г. Зюганова, лидера КПРФ, это, положим, выглядит так: **«Жизнь представляет власти брать на вооружение то, над чем многие годы работала наша команда.** Мы настаивали на обеспечении безопасности северных рубежей, где сосредоточены гигантские богатства Родины. Эти территории оказались полностью оголенными после разрушения пяти авиационных полков МиГ-31. Сегодня эта лучшая в мире машина опять поставлена на поток. Одновременно реализуется проект по созданию новой модели истребителя-перехватчика МиГ-41. Принято наше предложение по энергичному развитию гражданской авиации» [7, 1]. И т.д. и т.п.

Перед нами лишь один, да еще и неполный, абзац политического заявления, но структура его типовая: императивное или эмоциональное высказывание (здесь, как и во многих других аналогичных положениях, оно имеет законное шрифтовое выделение) «подпирается» конкретными аргументами. Выходит, если это изобразительность, то сугубо плакатного свойства. Факты или образы составляют в подобном контексте материал подсобный, но они придают ему объемность, и трибун от них не только отталкивается, но и накаляется.

Могут возразить: разве иначе строятся статьи аналитические? Похоже, и все-таки по-другому: там автор ищет истину на наших глазах и демонстрирует богатство, разнообразие мысли, а здесь выступающий не ведает сомнений в том, что произносит: в наступление отправлена цепь пропагандистских лейтмотивов — текст бьет в одну точку, и, естественно, капли камень точат.

Еще очевиднее исповедует «одну — но пламенную страсть» [8, 80] памфлет, где она быстрее закипает и дольше клокочет. И это объяснимо: ведя огонь на уничтожение, человек должен быть абсолютно уверенным в собственной правоте. Подобную логику афористично сформулировал во время войны поэт-публицист М. Светлов: «Я стреляю — и нет справедливости справедливее пули моей!» [9, 440].

Но высокое и яростное пламя нужно все-таки не утомимо, даже агрессивно, поддерживать, и в топку идут разнообразные прецеденты: цитаты из художественной литературы, результаты научных исследований, статистика, личные текущие впечатления,

параллели (либо антитезы) из истории и преданий. Вот как выглядят современные жанровые решения: «В начале 90-х социологи провели масштабный опрос молодых людей от 18 до 20 лет. И выяснилось, что большинство из них мечтают стать не космонавтами и учителями, не врачами и инженерами, а проститутками и бандитами. Не то чтоб эти профессии казались молодым людям романтическими, но такая работа давала стабильный заработок. Прошло двадцать лет. Россия оправилась, привела себя в порядок. Потенциальные шлюхи и рэкетеры повзрослели, одумались и нашли себя в новой жизни. Теперь они служат на таможне, в милиции, в налоговых инспекциях и в судах. Романтики опять же никакой, но заработок стабильный» [10, 1].

А иногда конкретизация начинается уже с аллегорий, назначение которых как раз в том, чтобы запечатлеть умозрительную публицистическую идею в зримом образе. Памфлетист склонен обсуждать отвлеченные понятия (типа Добродетели, Совести, Чести, Истины), но их необходимо максимально реанимировать, приблизив к аудитории, задев ее за живое, поэтому он и прибегает к аллегории как способу однозначного, не допускающего иных толкований иносказания с заложенной в нем определенной и открытой оценочностью, когда добро есть добро, а зло есть зло. Вспомним хотя бы классические жанровые образцы: «Пчелы» Д. Писарева или «Скотный двор» Дж. Оруэлла. Будучи лишены изобразительности, памфлеты в лучшем случае становятся инвективами — гневными тирадами, а в худшем — «представляют собой цензурную матерщину» [11, 42], заурядную площадную брань, как охарактеризовал некоторые выпады А. Проханова Ю. Богомолов.

Очевидна правота А. Г. Алтунина, который утверждал, что образы в публицистике прагматичны, иллюстративно-аргументативны [см.: 12, 9–10, 26]. А еще — по мнению на сей раз И. Ф. Архипова — они схематичны, одноплановы [см.: 13, 48, 49]. И приблизительно так же, редуцированно, а подчас и фантастически трансформированно [см. об этом: 14, 360] выглядят в структуре наиболее выразительных публицистических жанров, о которых мы только что вспоминали, факты. Тем не менее и здесь, как было уже показано, образно-фактологические элементы совершенно необходимы: с их помощью производится визуализация — хотя бы и в вербальной форме.

В жанрах по своему происхождению скорее изобразительных — при сходных результатах — движение происходит едва ли не обратное. Если для памфлетиста характерна деперсонализация, и ему достаточно упомянуть одно лишь имя антагониста (будь то Троцкий, Гитлер или Усама бен Ладен), чтобы обрушиться на целую систему взглядов и действий, то очеркисты и фельетонисты зависимы от материала: свою концепцию в конкретике они предпочитают упрятать, либо находят ее, постигая людей

и обстоятельства. В особой цене наблюдательность, способность к описаниям, персонализация, умение подавать приметы окружающего мира и персонажей зримо, пластично, подробно. Иногда — как, например, у Ю. Роста — словесные зарисовки пишущего подкрепляются его же собственными фотографиями. Существенно и то, что, в отличие от насыщенной психологизмом художественной литературы двух последних веков, видимая реальность в предметных публицистических жанрах не оттесняется на периферию преимущественным воспроизведением внутренней жизни человека.

Однако даже повышенная детализация не может оказаться в СМИ самоцелью: медийные картины и характеристики не буквальны, а выразительны. Насквозь субъективны они у эссеистов; в фельетонах факты подаются, как в любой сатире, — условно, саркастически утрированно; а для фото- и телепублицистики привычны предвзятый подбор кадров и снимков, тенденциозные ракурсы и монтаж. Впрочем, интересней всего в этом смысле присмотреться к спокойным по тону и обстоятельным по изложению очеркам.

Не станем искать легких путей и цитировать, скажем, переполненные негодованием в каждой реконструируемой сцене «Окаянные дни» И. Бунина и подобные им записки — возьмем текст относительно ровный, описывающий сегодняшнее состояние Нижнего Новгорода. Однако и его автор, Борис Борисов, начинает все-таки с откровенных признаний: «Ну что тут скажешь... Люблю я свой город. И когда он был Горьким, и когда снова обрел свое историческое имя» [15, 190]. Создавая образ малой родины, очеркист обзвора разные сферы его жизнедеятельности: управление, транспорт, коммуналку, миграционную политику, СМИ, трудоустройство — и погружает объект в контексты временные («прежде» — «теперь») и пространственные (сравнение Нижнего с близлежащим Ивановом).

Кое-где Борисов и впрямь живописует, повествует: в произведении наличествуют 3–4 диалога, несколько эпизодов и немалое количество эпизодических же героев. Однако конкретика нередко и свернута: в чести характеристики самые обобщенные («Тут изготавливали «оборонный щит страны». Рабочий ставился в пример, рабочий был востребован. Ныне «рабочий» — слово редкое, единичное и если не ругательное, то свидетельствующее о неуспешной жизни» [15, 190]); или страницу спустя: «Нижегородская чвань любит блескучее, модное, дорогое и эксклюзивное» [15, 191], да при этом еще очеркист лукаво отрешивается от локальности своего интегрирующего метода: «Когда я говорю “Нижний Новгород”, я не исключаю, что говорю не только о своем, но и о любом другом городе» [15, 191]. Оценочность ощутима уже внутри отдельных фраз, а ниже она будет заметна в подтексте каждой из картин. Автор

решительно типологизирует факты и подает их где в иронической, а где и в драматической огласовке.

Надо отметить, что среди исследований, посвященных жанру, можно встретить и такие, где упорно говорится о его преимущественной документальности, зато авторское «я» представлено всего лишь как «выразительное средство» [16, 267]. Подобная минимизация роли очеркового автора вызывает даже не протест, а оторопь, потому что именно он является реальным организатором повествования. Несмотря на свое сосредоточенное внимание к окружающему, он весьма инициативен: поток жизненных явлений встречает его тенденциозно настроенный взгляд или, по крайней мере, они выступают в его интерпретации.

Вот и в нашем случае, у Б. Борисова, текст складывается из собственных впечатлений, личных наблюдений, что акцентируется («Я был свидетелем сцены...» [15, с. 195]), а также из показаний близких друзей. В других жанровых разновидностях (прежде всего путевой) оценочные суждения попадают на глаза еще чаще, разрастаясь иногда до очевидных лирических отступлений. Или до нескольких экскурсов: допустим, рассказывая про мальтийцев, Ю. Осипов заключает большой абзац фразой «Нам бы такую нежность к собственной истории» [17, 100]. Затем, после пробела, тем не менее продолжает: «В качестве небольшого отступления: далеко-далеко, в Калининском районе Петербурга, на Минеральной улице стоит католический храм Просвещения Пресвятой Девы Марии, внутри аскетично и по-настоящему духовно, в фундаменте похоронен сам проектировщик Бенуа...» [17, 100]. Далее следует довольно выразительный аргумент как раз из истории собственной, после чего повествование возвращается на Мальту, и в подобных переходах-камбэках тоже, несомненно, присутствует авторская воля. Очерковая журналистика — при всей своей наглядности — тоже позиционная, то есть выражающая позицию человека и гражданина.

Получается, что публицистика являет собой синтез выразительного и изобразительного, воздействующего и познавательного начал с меняющейся в разных жанрах доминантой. Обращаясь к большим, нерасчлененным на страты массам людей, журналистика этого рода занимается популяризацией, то есть широкозахватным распространением знаний и внедрением идей (заметим в скобках, что недаром и научно-популярную деятельность называют порой научной пропагандой). Поэтому публицистика стремится быть авторитетной и доходчивой, сложное излагает через простое, а неведомое через знакомое. Показательны те элементарные сравнения, при помощи которых В. Маяковский открывал для себя и для советского читателя 1920-х годов Америку: «Мелькнула американская Волга — Миссисипи» [18, 297].

Нельзя, впрочем, сказать, что обозначенный синтез относится к исключительным свойствам публицистики. Весьма характерен он для большинства рекламных текстов, только, в отличие от манифестов, в них преобладает индуктивная композиция: слоган не предшествует, а завершает демонстрацию примера, сценки, картины. В одном из последних диссертационных исследований на этот счет сказано, что такова «характерная для американской риторики композиция с «оттягиванием» темы и привлечением внимания к ключевой фразе, помещенной в самом конце текста» [19, 16]. С синтезом сталкиваемся мы даже в информационных разделах СМИ (таковы репортаж, в некоторых отношениях отчет), и тем более в новейшей конвергентной журналистике (прежде всего на ум приходят лонгриды, подробнее о которых см.: [20, 8–10]). А антипод публицистики, особенно в части визуализации, скорее всего, аналитика с ее преимущественно понятийно-логической, а не образно-эмоциональной аргументацией. Хотя иногда обозреватель может выражать и прихотливые мнения.

Общая структура публицистики в том виде, который мы обнаруживаем в давних и современных проявлениях, воспринимается как ее извечная, постоянная природа. Однако востребована она бывает в разные времена далеко не в равной степени. Новое обращение к ней, актуализация исследовательской проблематики оправданы тем, что сегодня публицистика заметно активизировалась. В условиях непрекращающихся предвыборных кампаний, информационных войн, усиления идеологического влияния на население вновь заговорили о возрождении духоподъемных массмедиа [см.: 21, 62–63; 22, 18]. Публицистика проникает в новостные сообщения, итоговые программы, что, разумеется, настораживает. Но для начала — побуждает научиться просто сызнова распознавать этот феномен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Машарипова Т. Ж. Публицистика и литература: общее и отличительные особенности / Т. Ж. Машарипова // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. — 2014. — № 2. — С. 130–148.
2. Основы творческой деятельности журналиста: учебник. — СПб.: Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000.
3. Белинский В. Г. Письма 1829–1848 годов / В. Г. Белинский // Собр. соч. в 9 т. — М.: Художественная литература, 1982. — Т. 9.
4. Эпштейн М. Слово и молчание в русской культуре / М. Эпштейн // Звезда. — 2005. — № 10. — С. 202–222.
5. Шестерина А. М. Полемический текст в совре-

менном медиапространстве (функциональные, жанровые и структурные особенности печатной полемики) / А. М. Шестерина. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003.

6. История отечественной журналистики (1917–1945). — М.: Изд-во МГУ, 1999.
7. Зюганов Г. За возрождение страны и достойное будущее народа / Г. Зюганов // Правда. Информационный бюллетень ЦК КПРФ. — 2016. — Январь — февраль. — С. 1–2.
8. Лермонтов М. Ю. Мцыри / М. Ю. Лермонтов // Собр. соч. в 4 т. — М.: Художественная литература, 1976. — Т. 2. — С. 78–98.
9. Светлов М. Итальянец / М. Светлов // Собр. соч. в 3 т. — М.: Художественная литература, 1974. — Т. 1. — С. 439–440.
10. Речкалов В. Сукины дети / В. Речкалов // Московский комсомолец. — 2011. — 16 февраля. — С. 1.
11. Богомолов Ю. Товарищ Гексоген / Ю. Богомолов // Журналист. — 2009. — № 7. — С. 42–44.
12. Алтунян А. Г. От Булгарина до Жириновского: идейно-стилистический анализ политических текстов / А. Г. Алтунян. — М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999.
13. Архипов И. Ф. К вопросу о существовании собственного публицистического образа / И. Ф. Архипов // Вестник МГУ. Сер. XI. Журналистика. — 1974. — № 5. — С. 44–53.
14. Третьяков В. Как стать знаменитым журналистом: курс лекций по теории и практике современной русской журналистики / В. Третьяков. — М.: Ладомир, 2004.
15. Борисов Б. Увы, НиНО, увы / Б. Борисов // Знамя. — 2014. — № 4. — С. 190–197.
16. Ким М. Н. Жанры современной журналистики / М. Н. Ким. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2004.
17. Осипов Ю. Краткий курс мальтийской жизни с красивой женщиной (или Большая Белая Акула Как Повод Для Гордости) / Ю. Осипов // Дружба народов. — 2016. — № 1. — С. 91–118.
18. Маяковский В. Мое открытие Америки / В. Маяковский // Полн. собр. соч. в 13 т. — М.: ГИХЛ, 1958. — Т. 7. — С. 265–346.
19. Рябиничева Д. В. Жанр плакатного лозунга и рекламы в творчестве Владимира Маяковского 1920-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Д. В. Рябиничева. — М., 2009.
20. Кульчицкая Д. Ю. Лонгриды в онлайн-СМИ: особенности и технология создания / Д. Ю. Кульчицкая, А. А. Галустьян. — М.: Аспект Пресс, 2016.
21. Тимченко И. Возвращение авторской журналистики / И. Тимченко // Журналист. — 2017. — № 3. — С. 62–63.
22. Свитич Л. Г. Коммуникативные характеристики контента городских газет (по результатам контент-анализа) / Л. Г. Свитич [и др.] // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. — 2016. — № 1. — С. 3–27.

Ивановский государственный университет
Страшнов С. Л., доктор филологических наук, профессор
E-mail: sstrashnov@yandex.ru

Ivanovo State University
Strashnov S. L., Doctor of Philology, Professor
E-mail: sstrashnov@yandex.ru

АУДИТОРИЯ КАК ТОВАР: ДИАЛЕКТИКА «БОЛЬШИХ ДАННЫХ» В МЕДИАИНДУСТРИИ

В. В. Хорольский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 сентября 2018 г.

Аннотация: в статье рассмотрена проблема аудиторного рынка в СМИ, влияющая на продвижение медийных текстов. Проанализированы примеры амбивалентности больших цифр и статистических материалов, а также примеры экспрессивности количественных показателей в медиаэкономике и ее отражение в СМИ. Сделаны выводы о принципиальной амбивалентной сути и в то же время неизбежности журналистской работы с Big Data.

Ключевые слова: медиаиндустрия, медиаиндустрии, аудитория как товар, «большие данные», медийный текст, амбивалентность, Ф. М. Наполи.

Abstract: the article deals with audience market problems influencing media texts promotion strategies. Examples of ambivalent figures in mass media and lack of robust statistics are scrutinized. Some expressive figures in media texts are given as illustrations of ambiguity in political economy of audience market. The conclusions are drawn about ambivalent gist of Big Data and their unavoidable impact on journalism.

Keywords: media industry, media industry, audience, Big data, media text, ambivalence, M. Napoli.

1. О ТЕРМИНАХ И ПРИРОДЕ МЕДИАЗЭКОНОМИКИ В СВЯЗИ С «ПРОДАЖЕЙ» АУДИТОРИИ

Известно, что журналисты производят информационный товар. Новости неплохо продаются, гляцевые журналы процветают, качественная аналитика пользуется спросом. Еще более выгодным товаром, производимым массмедиа, считается аудитория СМИ, т.е. люди, которые потребляют *медийные тексты* (далее — МТ), в том числе рекламу, пропагандистские месседжи, модные лозунги и т.д. Конституирование в лоне науки о коммуникациях (иначе говоря, в сфере коммуникативистики) теоретической медиаэкономики, важной отрасли знания о производстве и потреблении *медийного рыночного товара* (далее — МРТ), в том числе и людей как «товара», напрямую связано с теорией журналистики и с «медийной коммуникативистикой» (наукой о принципах и практиках массового общения в СМИ и СМК). В то же время термин «медиаэкономика», будучи частью терминосистемы особой науки о политэкономических отношениях в СМИ, базируется на общих законах экономики и политики (с приматом именно экономической составляющей отношений и связей в сфере массмедиа). Товарно-денежные отношения в сфере создания, распределения (распространения) и потребления медийного товара являются фундаментом рассматриваемой ниже науки, кстати, очень интересной для филологов, ибо в этой сравнительно новой отрасли науки, стремительно меняющей свой статус в рамках

экономики информационного общества, активнее всего проявляют себя технологии завтрашнего дня.

Для теории журналистики политэкономический подход к изучению СМИ является одним из многих. Но это принципиально важный для понимания законов рынка раздел знаний, эффективный способ познания товарности духовных ценностей. Целью статьи является анализ социокультурных процессов в ходе продвижения товаров с помощью СМИ, причем важно само уточнение сути *дилеммы интeресов* общества и покупателей такого необычного товара, как «аудитория» (т.е. субъекты медиапотребления). Эмпирической базой анализа названной дилеммы стали мнения ученых и практиков, работающих в сфере медиаэкономики, а также цифры, взятые в открытом доступе и отражающие процессы обмена, спроса и предложения, взаимодействия прибыли и риска в рассматриваемой области СМИ.

Наличие в структуре МРТ журналистской составляющей (как стержня медиаиндустрии и ядра медийного модуля культуры) не вызывает сомнений, хотя доля журналистского труда в изготовлении МРТ уменьшается, что легко увидеть, читая блоги и листовая гламурные издания, а в условиях технологического взрыва степень и интенсивность участия профессиональных журналистов в процессе создания МРТ тоже, как это ни парадоксально, не возрастает, хотя, казалось бы, общество заинтересовано в СМИ, которым можно доверять. Поэтому возникает закономерный вопрос: что дает теории журналистики усложнение статистических подсчетов и операций с большими данными? Сомнения коренятся в объ-

ективных противоречиях количественных и качественных характеристик аудитории, как и других компонентов медиаэкономики и политэкономии СМИ. Проблема в методах интерпретации цифр. Кое-что важное для журналистов существующие в Сети цифры, конечно же, отражают. Например, социологами РФ выявлено, что за последние годы в нашей стране возросло среднесуточное время просмотра ТВ — с 4, 1 до 4,6 ч. [1]. В США средняя цифра колеблется от 4,8 до 5,5 ч. в сутки, при этом у детей и пенсионеров данная цифра, фиксирующая только время у экрана, возрастает до 6 ч. в сутки. В странах Азии эта цифра растет, но значительно ниже, чем у нас. Хорошо это или плохо? Внешне вопрос некорректный, но смысл в оценочной, аксиологической трактовке есть. Ответим на этот маленький, но каверзный вопрос.

Потребление телепродукции в мире растет. ТВ остается базовым каналом медиапотребления. Этот процесс можно назвать ростом активности телезрителей, но можно говорить и о стремлении народа уйти от забот в мир иллюзий. Увеличение числа каналов может говорить о победах медиаиндустрии, а может косвенно свидетельствовать о намеренном стремлении элит дать массам больше зрелищ, отвлечь от классовой борьбы за хлеб насущный. Количественные показатели «по телесмотрению» (несколько неловкий «терминоид», но среди социологов и практиков «измерительного цеха» он в большом ходу) в РФ неплохие, наша страна находится в числе лидеров по совокупному объему потребляемой медиапродукции на душу населения. Но насколько это отражает динамику и качество массового медиапотребления, в частности телесмотра? Включенный ящик никак не свидетельствует о качественном потреблении, о серьезной работе мысли. Ведь самые простые опросы показывают, что усталость населения от ТВ все заметнее. Вызывает вопросы и статистика.

Как известно, существуют различные методики подсчета показателей при анализе особенностей потребления телепрограмм. ТВ опережает все другие виды СМИ в борьбе за деньги потребителя, получая основную прибыль от рекламы. Велико воздействие ТВ на умы массового потребителя, хотя духовные элиты и молодежная аудитория находятся в состоянии альтернативного выбора, особенно в условиях исторических «развилок» с присущими им точками бифуркации. Конечно, перетекание аудитории в Интернет подрывает монополию ТВ,

но запас прочности у ТВ настолько значителен, что говорить «о смерти телевидения» было бы глупо, а говорить о победе Интернета уже поздно, так как это уже трюизм.

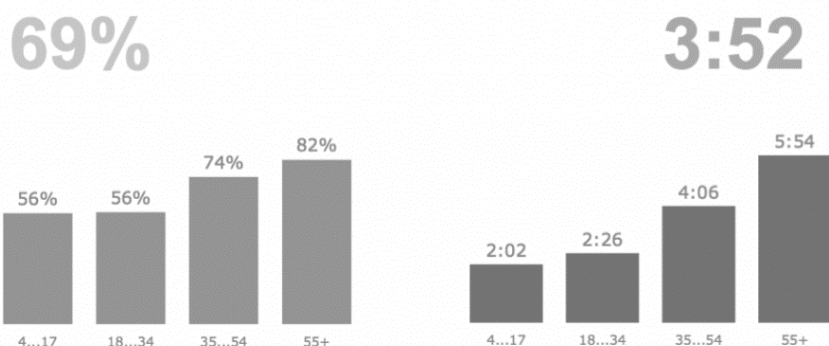
Опросы показали, что значительно понизился и продолжает понижаться, по мнению авторов социологических исследований последних лет, рейтинг трех ведущих каналов («топ-3»: Первый канал, «Россия» и НТВ), на их долю ныне приходится 35% зрителей, а раньше было более 50% [1; 10]. Аналитики, работающие на самих медиапредприятиях, говорят другое: мол, рейтинги растут. Расхождения в цифрах тут значительные: легко видеть ангажированность опросов. Для привлечения рекламодателей во всем мире заинтересованными лицами допускаются игры с цифрами: завышаются тиражи, преувеличивается капитализация предприятий и т.п. Другими словами, без цифр нельзя, но и доверять им полностью тоже не стоит. Рынок аудиторий строится как предположительная возможность без гарантированного результата.

А о ТВ еще надо сказать чуть больше, в связи с термином «медиаиндустрия». Медиаиндустрия, динамичная отрасль родного хозяйства и рыночный механизм распространения журналистской информации, развивается на основе двуединой природы медийного товара, соединившего в своей структуре материальные и духовные ценности, блага потребительские и духовно-образовательные. Продается на этом рынке и ярмарке тщеславия, подчеркнем это особо, прежде всего *внимание людей*, которые следят за происходящими событиями и потенциально могут быть покупателями любого товара. Формально на ТВ говорят о продаже времени на рекламу, но само время в этой ситуации подразумевает потраченное субъектом внимание и возможность убедить зрителя в чем-либо. Рекламодатели давно стали основными инвесторами СМИ. Их интересуют вкусы и мнения активных граждан, желательно, как показывают опросы, в возрасте от 30 до 50 лет, то есть в возрасте, когда идеалы потребления наиболее близки человеку. Но и другие возрастные страты также не остаются без внимания. Характеристики разных аудиторий изучаются во всем мире с помощью специализированных организаций и групп специалистов. Например, в конце 2017 г. компания Mediascope (бывшая TNS) обнародовала итоги изучения аудитории телезрителей в РФ за прошлый год. Одна из итоговых таблиц такова [2]:

Таблица 1

Охват ТВ и время просмотра среди населения

По возрастным группам

Как видим из диаграммы, чем старше аудитория, тем больше ежедневное время телепросмотров. После 55 лет аудитория меняет ориентиры: более популярными становятся сериалы, ток-шоу, политические комментарии. Предпочтения молодежи тоже хорошо известны: музыка, юмор, спорт и т.п. Это бесспорные и полезные сведения. Но банальные. Их научная стоимость невелика.

В начале этого века Филип М. Наполи отметил возрастание роли измерителей рейтингов и собирателей статистики в медиабизнесе. Известный ученый в своей книге «Экономика аудиторий: медиаорганизации и рынок аудиторий» уже в самом начале исследования, говоря о США, подчеркивает, что «медиаиндустрии (все чаще это слово употребляют во мн. ч. — В. Х.) представляют собой уникальный компонент экономики США... они отличаются от других индустрий количеством времени и денег, затрачиваемых публикой при общении с медиаорганизациями» [3, с. 19]. Далее автор книги, солидаризируясь с другими учеными (Дж. Дойл, Дж. Курран, Д. Фергюссон и др.), уточнил мысль о том, что аудиторно-центричный тип измерений в медиаиндустрии снижает статус журналиста, такой тип измерений чреват потерей миссии журналистики, хотя в этом отношении западные потребители находятся в более благоприятном положении, нежели жители развивающихся стран, где важнее «не те, кто голосует, а те, кто считает» [3, с. 20]. Ф. Наполи мимоходом упомянул о стремительно растущей тенденции распространять МРТ бесплатно. Думается, что последнее десятилетие убеждает в логичности и перспективности продвижения бесплатных товаров СМИ на меняющийся рынок услуг, ждущий новых гениев-создателей новых коммуникативных площадок и новаций в Сети. Плюсы для рекламодателя очевидны: забирая бесплатную газету, субъект коммуникации становится «таргетированным» товаром, объектом манипулирования. А при этом логика и диалектика самообмана, рыночной манипуляции и прямой лжи такова, что, как и в слу-

чае с бесплатным сыром, обладатель бесплатной или очень дешевой информации, якобы облагодетельствованный потребитель, попадает в капкан информационной зависимости. Но он, образно говоря, «обманываться рад», ибо потребность в разнообразии МРТ и в приобщении к универсальным ценностям образованного класса, как правило, перевешивает законы критического восприятия медийной информации.

Аудитория как товар и часть совокупного МРТ, как многомиллионная армия граждан, коммуницирующая с помощью МТ, представляет собой аналогичную дихотомию, такой же кентаврообразный симбиоз доверчивых реципиентов и сомневающихся критиков, сопротивляющихся воздействию любых МТ. Конечно, между двумя крайними полюсами целевой аудитории (далее ЦА) расположена основная масса потребителей продукции СМИ; характерной чертой этой массы можно считать психологическую волатильность, бесконечный дрейф между крайностями в поисках золотой середины. Массовидные, неравновесные системы и динамично развивающиеся процессы в культуре и ЦА прямо влияют на ситуацию в массмедиа и журналистике, сказываются на качестве МТ. В западных странах медиаиндустрия часто рассматривается как часть индустрии развлечений, особенно когда речь идет о ТВ. Данная тенденция говорит о потерях качественной журналистики. С одной стороны, связь массмедиа и развлечения очевидна, это грани единой массовой культуры. Но, с другой стороны, массмедиа, опираясь на традиционную журналистику, порождают ценности, абсолютно далекие от масскульта и гедонистической философии жизни. Дифференциация аудитории и корреспондирующая с ней диверсификация медиапродукции отражают центральную тенденцию культуры и эволюции медийности: уход от централизации, дрейф в сторону «самостоянья», противодействия массовому сознанию и «массовидному» потреблению, а как следствие, к конформизму. Интернет-коммуникации, отнимая аудиторию у ТВ, гарантируют рост незави-

симых и самодостаточных малых социальных групп, малых сетевых сообществ, что влечет за собой возрастание роли горизонтальных связей в обществе, разветвление ризоматичных коммуникативных процессов. Дробление ЦА не служит препятствием для гибкой рекламы.

2. МАГИЯ «БОЛЬШИХ ДАННЫХ» И ПРОДАЖА АУДИТОРИЙ

Начать разговор о специфике больших цифр в «цифровой» (дигитальной) медиаэкономике надо с уточнения терминов. Что же такое *Big Data*? Сразу скажем, что это пока не термин, а профессиональный жаргонизм, устойчивое словосочетание, за которым кроются разные понятия. Во-первых, это совокупность информационных множеств, «обозначение структурированных и неструктурированных данных огромных объемов» [4]. Во-вторых, это система методов и способов высокоскоростной обработки меняющихся массивов информации с учетом их волатильности, подвижности. По этому поводу аналитик Сьюзен Тиндал пишет: «Консалтинговая компания Forrester дает краткую формулировку: “Большие данные объединяют техники и технологии, которые извлекают смысл из данных на экстремальном пределе практичности”» [5, с. 23]. В-третьих, это социокультурная парадигма, философия работы с неопределенным числом незаствывших фактов и цифр, позволяющая по-иному интерпретировать уже известные вещи, опираясь на процедуры дата-майнинга, краудсорсинга, опираясь на данные об искусственных нейронных сетях, дающих толчок к продолжению темы искусственного интеллекта, и т.п. В-четвертых, это направление эволюции информационных технологий (ИТ), для которого существует отдельный термин *BigData*. Данное явление в культуре, по мнению аспиранта А. Веретенникова, связано с достижениями НТР, а идеология *BigData* опирается на решения таких программ и облачных сервисов, как Hadoop (Apache Software Foundation), Clickhouse, Cassandra, InfluxDB и многие другие. Исследователь справедливо отмечает значимость для идеологии *BigData* таких принципов, как а) «горизонтальная масштабируемость» (экспоненциальный рост, а также сопровождаемая этот рост текучесть, изменчивость потоков информации диктуют неизбежность расширения горизонта исчисления и, соответственно, требуют пропорционального увеличения инфраструктурного оборудования, «железа» (hardware), требуют адекватного роста технологических кластеров для большого исчисления); б) «отказоустойчивость» (упрощенно говоря, должна быть система подстраховки в работе с горизонтальной масштабируемостью «больших данных», параллельные компьютеры, копии документов и т.п.); в) «локальность данных», т.е. их концентрация в единой системе, данные обрабатываются там же, где они находятся [6, с. 9]. Соглашаясь с авто-

рами работ о «больших данных», надо в то же время иметь в виду противоречие между безграничностью машинной памяти и ограниченностью памяти человека. Думается, данное противоречие уже в скором будущем может служить источником когнитивного диссонанса глобального масштаба: люди не смогут «переварить» нахлынувший поток данных и перенасыщение информацией грозит «отрыжкой», реакцией отторжения у больших масс людей. Эрик Шмидт, один из руководителей корпорации «Гугл», опираясь на робастную статистику, утверждал: «С момента возникновения цивилизации до 2003 г. человечество создало 5 эксабайт данных. Теперь мы создаем 5 эксабайт за два дня, и скорость лишь увеличивается» [7]. И еще аналогичная цитата: «По состоянию на 2014 г., по данным IDC, в России накоплено 155 эксабайт информации, что составляет всего лишь 1,8% мировых данных. Объем информации к 2020 г. достигнет 980 эксабайт и займет 2,2%. Таким образом, средний темп роста объема информации составит 36% в год.

Компания IDC оценивает рынок России в 340 млн. долл. США, из них 100 млн. долл. США — решения SAP, примерно 240 млн. долл. США — аналогичные решения Oracle, IBM, SAS, Microsoft и др. Темп роста российского рынка “больших данных” составляет не менее чем 50% в год» [8, с. 3]. В обеих цитатах цифры поражают своей величиной, хотя мы с трудом представляем конкретику в оценке океана данных. Цифры, как зеркало роста, легко визуализируются, группируются в табличной форме. Инфографика стала нормой для СМИ. Все отчеты измерительных компаний, помогающих в продаже аудитории, базируются на графиках и таблицах. Но не всегда цифры проясняют картину.

Компания «Гэллэп» когда-то разработала методiku изучения аудитории радио, где основой были телефонные звонки и «дневники пользователя» (сегодня это дневники телезрителя), в которых добровольцы или нанятые граждане фиксировали поминутно время и программу, которая их заинтересовала. Сегодня техника, особенно связанная с дигитализацией контента и мобильной сетевой коммуникацией, позволяет выполнять сбор информации автоматически. Репрезентативные группы, по замыслу учетчиков, должны отражать всю стратификацию общества и выявлять доминанты предпочтений. Не всегда таргетирование ЦА выглядит убедительно, так как тщательно измеряются в основном социальные группы больших городов. Еще более смущает отсутствие робастной, т.е. надежной, непротиворечивой и строго задокументированной статистики в отчетах монополий. Но важнее отметить то, что имеет перспективу успешного решения проблемы.

Агентство We are social при помощи ряда структур уже не первый год дает вполне робастную статистику, совпадающую с привычными данными других

источников (GlobalWebIndex, AppAnnie и др.). Группа аналитиков в компании We are social проводит измерения темпов развития интернет-коммуникаций в рамках программы Global Digital, высоко оцененной экспертами. Российский обозреватель Ю. Сергеева приводит достаточно свежие цифры из последнего доклада (отчета) «Global Digital — 2018»: количество пользователей в Сети возросло до 4,021 млрд. человек, что на 7% превышает аналогичную цифру 2017 г. [9]. В докладе подчеркивается, что рост обеспечили в основном «незападные» страны (так называемый Юг планеты), где темпы роста числа пользователей значительно выше темпов в развитых странах. Бросается в глаза, что 3,196 млрд. пользователей подключены к социальным сетям. Причем каждая третья минута в Сети, проведенная пользователями всего мира, связана с социальными сетями. Темпы роста числа пользователей напрямую связаны с количеством персональных компьютеров и мобильных телефонов. В докладе указано, что 5,135 млрд. человек пользуются мобильными телефонами, причем в 2017 г. приобрели мобильные устройства более 200 млн. человек [9]. Конечно, рост числа потребителей прямо влияет на прибыли. Вот еще цифры. В 2015 г. известная фирма Google Inc. сообщила в СМИ о создании расширенного холдинга Alphabet Inc., который, согласно официальным данным, распространенным рекламно-промоутерским **агентством Zenith**, в 2016 г. стала крупнейшим медиасобственником [8, с. 3], хотя позже корпорация Alphabet Inc. уступила пальму первенства известной во всем мире компании по производству персональных компьютеров, смартфонов и айфонов «Эппл» (Apple), рыночная стоимость которой в августе 2018 г. достигла 1 триллиона долларов, и пока это абсолютный рекорд [8, с. 3]. Для сравнения аналитиками приводится такой показатель: стоимость фирмы Apple более чем в полтора раза превышает капитализацию всего российского фондового рынка. В конце 2017 г. (с октября до конца года) всего в мире сумма выручки от продажи смартфонов составляла 120 млрд. долларов. 51% получила Apple, ключевой фигурой в истории которой был создатель бренда Стив Джобс, умерший в октябре 2011 г.

Прогнозируется дальнейший рост потребления медиапродукции через Сеть. Более того, сторонники неизбежного изменения природы журналистики в цифровую эпоху верно говорят о ее частичном переходе в Интернет. Адепты радикального культурного перелома говорят об отмирании традиционного «бумажного» журнализма. Но уход бумажной прессы — это дело далекого будущего, сегодня же важно указать на тот факт, что влияние BigData на журналистику признается всеми серьезными учеными.

Журналистика больших данных (big data journalism, bdj или Data-driven journalism, ddj) во многом порождена стремительным ростом ста-

тистики, опирающейся на интернет-технологии. Важны и достижения «открытого общества», массовые устремления к расширению «зоны публичности», как ее трактовал Ю. Хабермас, и транспарентности во всех сферах бытия. Нельзя сбрасывать со счетов и фактор моды, трендовости научного поиска, но в данном случае это второстепенный фактор. Основными провайдерами услуг в сфере «больших данных» на российском рынке являются структуры: Sap, Oracle, IBM, EMC, Microsoft, IBS, Cloudera, Hortonworks, Teradata. Особо важны технологии поиска нужных цифр, которые в сообществе специалистов по «большим данным» номинируются как *Data mining* (т.е. добыча данных). Это сложная по процедурным шагам методика обработки известных цифр, она является продуктом «цифровой революции». Большие числа имеют значение при «сделке» между владельцами СМИ и рекламодателями, и такое же значение «большие данные» имеют для понимания экономических процессов в СМИ и в ориентирах ЦА. Проблема соотношения количественных и качественных измерений в такой ситуации становится основополагающей. Действительно, учитывая количественные показатели, мы в первую очередь фиксируем внешние обстоятельства медиапотребления, в то время как качественный анализ гораздо более сложен и релевантен. Вот почему при изучении вкусов аудитории мало отдачи от опросов и анкет. Нужны углубленные интервью и неструктурированные беседы с преобладанием включенного наблюдения и приемов социометрии, моделирования, журналистской тактики смены профессии, прогнозных замеров, форсайт-методик и т.д. Пока этого в наших работах не так уж много.

ВЫВОДЫ

В журналистиковедении больше ценностных и субъективно-эмоциональных суждений, чем в других науках, например в физике или в астрономии. Историко-культурные, социологические, структурно-семиотические, лингво-культурологические и другие методы фиксации данных не уступают политэкономическому подходу в научности, но последний более жестко обращается с аргументацией, требуя цифрового подтверждения тезисов. Пока успехи данного направления в науке о СМИ не особо сотрясают основы теории медиа, где интуитивные суждения, основанные на многолетних наблюдениях остаются фундаментом научной спекуляции. Но СМИ жаждут точности. Продавать аудиторию нельзя наобум, без анализа больших массивов цифр. Но пока в статьях ученых не так уж много общепризнанных аргументов, особенно в спорах о медиаиндустрии, «больших данных» и продаже аудитории. Мало убедительных данных, как нам представляется, о качестве медиапотребления, например о медиаэффектах телепро-

смотров. К сожалению, не видно жестких «официальных» цифр, так как фирмы старательно охраняют свои секреты, а госструктуры тоже тяготеют к тайне, журналисты же частенько врут и т.п. Достаточно редко появляются отчеты Росстата, документы о влиянии того или иного канала на массовую аудиторию, чему препятствует, например, рыночная конкуренция между каналами, что, с одной стороны, парадоксальным образом способствует распространению соревновательности, диверсификации, плюрализма и многообразия МРТ, а, с другой стороны, нездоровая конкуренция, связанная с поглощениями фирм, порождает монополизм.

Но позитивные результаты есть. Сокращается зона влияния законов стихийности рынка и, напротив, расширяется зона управляемости экономическими процессами, увеличивается зона прогнозируемых результатов за счет подключения к делу новейшей техники, измерительной аппаратуры. Изучение диалектики превращения медиапотребителя в потребителя-медиаграба, в жертву желтых СМИ по-прежнему актуально, но и здесь надо зафиксировать элементы добровольности и самообмана масс. Отсутствие должной медийной компетенции у широкой публики тормозит прогресс, что влияет и на продвижение такого товара, как аудитория (мн. ч.) СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический обзор рынка Big Data. — Режим доступа: <https://habr.com/company/moex/blog/256747/> (дата обращения: 27.08.2018).

2. Mediascope: телепросмотр в России // Мы и Жо (Медиа и журналистика). — Режим доступа: <https://themediacenter/2017/06/04/mediascope-teleprosmotr-v-rossii> (дата обращения: 29.08.2018).

3. Napoli Philip M. Audience Economics: Media Institutions and the Audience Marketplace / Philip M. Napoli. — N.Y., 2003.

4. Что такое Big Data (BigData) в маркетинге: проблемы, алгоритмы, методы анализа // Landing Page Generator — платформа создания и оптимизации посадочных страниц. — Режим доступа: <http://lpgenerator.ru/blog/2015/11/17/chto-takoe-big-data-bolshie-dannye-v-marketinge-problemy-algoritmy-metody-analiza/> (дата обращения: 08.08.2018).

5. Тиндал С. Большие данные: все, что вам необходимо знать / С. Тиндал // PC Week/RE. — № 25 (810). — 2012. — 2 окт. — С. 23–26.

6. Веретенников А. В. BigData: анализ больших данных сегодня / А. В. Веретенников // Молодой ученый. — 2017. — № 32. — С. 9–12. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/166/45354/> (дата обращения: 26.08.2018).

7. Мар Б. Что такое Большие данные? — Режим доступа: <https://hr-portal.ru> (дата обращения: 29.08.2018).

8. Ведомости. — 2018. — 2 авг.

9. Сергеева Ю. Интернет 2017–2018 в мире и в России: статистика и тренды / Ю. Сергеева. — Режим доступа: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2017-2018-v-mire-i-v-rossii-statistika-i-trendy/> (дата обращения: 14.02.2018).

10. World Content Market 2017: Телесмотрение в России стремительно меняется. — Режим доступа: <http://www.proficinema.ru/mainnews/markets/detail.php?ID=232547> (дата обращения: 29.08.2018).

*Воронежский государственный университет
Хорольский В. В., профессор кафедры истории журналистики и литературы
E-mail: khorolbox@mail.ru*

*Voronezh State University
Khorolsky V. V., Professor, Department of History Journalism and Literature
E-mail: khorolbox@mail.ru*

РАДИО В ВОРОНЕЖЕ: РАДИОФИКАЦИЯ И НАЧАЛО ВЕЩАНИЯ

М. И. Цуканова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 марта 2019 г.

Аннотация: работа посвящена описанию этапа становления радиовещания в Воронеже. В статье рассматривается период с 1925 по 1937 гг. Анализируется роль радио в политическом просвещении воронежцев.

Ключевые слова: ширококвещание, радиофикация региона, коллективное радиослушание.

Abstract: the work is dedicated to becoming a broadcasting step in Voronezh. The article deals with the period from 1925 to 1937. The role of radio in the political education of Voronezh.

Keywords: broadcasting, radio service in the region, collective radiousing.

В 2020 г. Воронежскому радио исполняется 95 лет. В связи с этим представляется актуальным рассказать о первых вещательных опытах в нашем регионе.

Первая радиопередача, которая состоялась 6 ноября 1925 г. в 18.00 [14, 1], началась словами: «Алло! Алло! Говорит радиостанция имени Профинтерна!» Сигнал этот слышали радиолюбители не только в губернии, но и за ее пределами — радиус его распространения на средних волнах был около 800 км.

На тот момент ширококвещательные радиостанции имелись в Москве, Ленинграде, Нижнем Новгороде, Иваново-Вознесенске и Ростове-на-Дону [28, 1].

Однако архивные документы свидетельствуют, что передающая радиостанция заработала раньше — 3 ноября 1924 г. [6, 44]. Об этом писали также в «Воронежской коммуне» [8, 1]. Планы же по созданию радиостанции в Воронежской губернии появились еще задолго до 1924 г. Но Гражданская война, а после нее недостаток средств мешали осуществлению этих планов. Все же 15 декабря 1923 г. на заседании президиума Воронежского губисполкома было решено приступить к подготовке строительства радиостанции в Воронеже. Это связано в первую очередь с тем, что предстояла организация Центрально-Черноземной области, центром которой должен был стать город Воронеж. Образовывалась огромная территория, которая включала современные 6 областей (тогда — губерний) — Липецкую, Тамбовскую, Орловскую, Воронежскую, Белгородскую, Курскую — и необходима была быстрая, устойчивая и надежная связь областного центра как с низовыми административными единицами, так и с объединяемыми областями и Москвой. В соответствии с заданием президиума Воронежского губисполкома от 15 декабря 1923 г. Воронежский округ связи, обследовав условия местности, нашел, что для установки мачт и размещения радиостанции более

всего подходит дом № 3 по проспекту Революции. Это был один из корпусов медицинского факультета Воронежского государственного университета. Здание располагалось на месте нынешнего главного корпуса технологической академии.

Планировалась постройка радиостанции по последнему слову науки и техники, закупалось самое современное на тот момент оборудование. 5 мая 1924 г. состоялось заседание президиума Воронежского губисполкома, на котором была утверждена смета в размере 10 тысяч 886 рублей 91 копейки на постройку в Воронеже приемно-передаточной радиостанции. Тогда же утвердили и план местности, предназначенной для установки станции. Сметой предусматривалось выделение средств на ремонт и приспособление помещения, для чего завезены были «столбы дубовые длиной 15 аршин и рельсовые основания для них; ламп генераторных пятисотваттных без охлаждения — 3 шт. на сумму 360 рублей; конденсаторы, арматура, медные клеммы щитовые — 10 шт.; вольтметры на 100,6 вольт постоянного тока», и т.д. [4, 56–57]. Подписан этот документ начальником Воронежского округа связи Богданником.

Торжественное открытие Воронежской ширококвещательной передаточной радиостанции РВ-25 имени Профинтерна было проанонсировано в губернской газете «Воронежская коммуна» [14, 1]. Уже на следующий день после официального начала вещания, 7 ноября, партийный лектор прочитал слушателям короткий доклад о роли Великого Октября в судьбе страны и ее народа [9, 1]. Поначалу передачи из Воронежа шли нерегулярно, а с 28 ноября перешли на ежедневное вещание. Объем его постепенно увеличивался с 5 минут до 4 часов в сутки. Причем работа шла в двух направлениях. Первое — ширококвещание. Это передачи, которые шли тогда только в прямом эфире, так как никаких средств записи не существовало. Второе направление — передача служебной информации в виде радиограмм.

В циркулярном письме Управления связи губисполкому от 27 ноября 1925 г. говорится: «С устройством и открытием в Воронеже ширококвещательной радиотелефонной станции имени Профинтерна представляется широкая возможность повести из Воронежа культурно-просветительную, научную и агитационную работу путем передачи по радиотелефону докладов и лекций на любую тему, коммерческих бюллетеней и объявлений, газетных сведений и концертов. Ширококвещательная работа Воронежской радиотелефонной станции достигает самых отдаленных уголков Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской и соседних с ними губерний, будет слушаться и приниматься, во-первых, всеми уездными городами и промышленными центрами, которые уже теперь имеют не только приемные радиостанции, но и громкоговорительные установки для массового слушания с аудиторией до 1000 человек, и, во-вторых, значительным числом сел и деревень, где к настоящему времени установлены профессиональными советскими органами и радиолюбителями приемные радиостанции и где число радиостанций неуклонно и быстро растет» [5, 15].

В Воронеже стала развиваться «печать без бумаги и типографских красок». Появилась областная радиогазета, которая была вызвана к жизни не только развитием радиовещания, но также малыми тиражами печатных изданий и необходимостью оперативно информировать область о происходящих в ее пределах событиях.

С ноября 1925 г. радиогазета была основной информационной и пропагандистской передачей в Центрально-Черноземной области, собирая и аккумулируя важнейшие темы и проблемы, интересующие слушателей. По верстке она копировала печатную и отдаленно напоминала современные выпуски «Последних известий», по манере исполнения носила информационно-директивный характер и фактически была чтением печатной газеты вслух. Кроме радиогазеты, в эфире звучали доклады и лекции на общественно-политические темы, а также концерты [27, 117].

Таким образом, Воронежская радиостанция стала одной из первых передающих станций в стране не только среди областных, но и среди республиканских станций. Факты, приведенные в исследованиях разных авторов, подтверждают это: «15 ноября 1925 года состоялось торжественное открытие ширококвещательной радиотелефонной станции в Минске. В 15 часов 30 минут проведена первая передача на белорусском языке» [7, 39];

«10 декабря 1926 года в Харькове передан первый номер всеукраинской «Рабочей газеты» [7, 43];

«23 марта 1927 года Ташкентская радиостанция начала проводить передачи на четырех языках — узбекском, туркменском, казахском и таджикском» [7, 44];

«7 ноября 1927 года в городе Казани начала работать первая в Татарии радиовещательная станция. Вещание велось на трех языках: татарском, русском и чувашском» [7, 48];

«Алло! Алло! Говорит Пензенская радиостанция». Впервые такие позывные прозвучали в ноябре 1927 года» [30, 80];

«1 мая 1928 года в городе Грозном состоялось торжественное открытие радиостанции» [7, 50];

«7 ноября 1928 года вступила в эксплуатацию радиовещательная станция в Ашхабаде. Начались регулярные передачи на туркменском языке» [7, 54];

«Местный комитет (в Иркутске. — М. Ц.) начал вещание 28 ноября 1929 года» [31, 69].

В марте 1926 г. ЦК ВКП(б) «в целях повышения действенности пропаганды через эфир» признал необходимым издание по радио нескольких радиогазет, и вскоре в Воронеже появились рабочая, крестьянская, комсомольская и пионерская радиогазеты, которые также составлялись из материалов печатной губернской «Коммуны».

Однако, как свидетельствуют отклики в той же губернской прессе, поначалу новый вид СМИ не пользовался достаточным вниманием со стороны областных руководящих организаций. Первые воронежские радиогазеты с трудом отвоевывали право на существование. Хотя с каждым месяцем росло количество писем в редакцию, что свидетельствовало о расширении аудитории и увеличивающейся популярности радио [2, 1]. Немалую роль в этом сыграли дикторы А. В. Караваева и Л. А. Кунаев, которые старались максимально понятно донести сухую политическую «агитку» до своих слушателей.

Ситуация довольно скоро изменилась. Уже в 1927 г. губернский комитет ВКП(б) и губисполком охотно использовали радио для разъяснения политики партии, агитации за выполнение хозяйственных задач, для просвещения трудящихся. «Ввиду того, что радиоагитация в деле политического и культурного воспитания и просвещения широких масс приобретает громаднейшее значение, президиум губисполкома предлагает Вам принять широкое участие в радиоагитации по вопросам советского хозяйственного строительства, используя для этого имеющуюся в городе Воронеже радиостанцию» [3, 576], — предписывал президиум губисполкома руководителям различных организаций города.

В связи с этим губполитпросвет, например, в план своих радиопередач на октябрь 1927 г. включил такие темы: «Подготовка к проведению 10-летия Октября», «Культурное состояние Воронежской губернии», «Сектантство в Воронежской губернии и меры борьбы с ним» и др. [3, 577].

На развитие радиогазет влияло и следующее обстоятельство: население области во второй половине 20-х гг. XX в. было почти поголовно неграмотным. Но когда к началу 30-х гг. ликбезы сделали свое дело,

наладилась полиграфическая база и доставка печатных изданий, выросли потребности аудитории, выпуск радиогазет прекратился.

Примерно в то же время закончился радиогазетный период и в истории Всесоюзного радио. Радиогазеты потеснили выпуски «Последних известий» и так называемых живых трансляций — прямых репортажей с заводов и строек. Сохранились только те газеты, которые выходили ежедневно и содержали свежий материал («Рабочая газета», «Пионерская зорька»). Ряд газет стали радиожурналами, перейдя на аналитику — беседы, комментарии к событиям, обзоры, рецензии. Уже тогда в спектре вещания была представлена разветвленная и совершенствующаяся по сей день система радиожурналистских жанров.

Интенсивная радиофикация Центрально-Черноземного региона началась в городах с 1928 г., в районах — с 1933 г. [12, 56]. Для развития радиовещания в Воронежской области многое сделало местное Общество друзей радио (ОДР). Воронежский филиал этой организации был одним из крупнейших и ведущих в СССР. И все же возросший спрос населения на установку радиоточек полностью удовлетворить было невозможно. И тогда перед районными обществами друзей радио поставили задачу: «Радиопередвижки — на поля!» Во время весеннего сева в 1930 г. радиоустановки были вывезены в места, где собиралось много колхозников. Так было положено начало коллективному радиослушанию в нашей области, которое на многие годы стало основой пропагандистской работы. Занимались организацией прослушивания добровольцы на местах, чаще всего партийные агитаторы. В обкоме партии было создано «Бюро заочной партучебы» и вместе с этим организован цикл радиолекций «В помощь партийной учебе». Областному ОДР поручили организовать во всех райкомах области специальные радиоаудитории для прослушивания лекций. Такие комнаты стали оборудовать при клубах, избах-читальнях, в общежитиях [13, 52].

Многочисленные факты говорят о том, насколько действенна была эта форма работы, особенно в сельской местности. Так, в одном из сел Богучарского района организатор коллективного радиослушания Манякин в дни весеннего сева извещал колхозников: «Сегодня вечером из Воронежа по радио будут передаваться материалы о ходе сева в нашем районе. Приходите слушать». После этого объявления в избе-читальне собралась многочисленная аудитория, передачу послушали и горячо обсудили [10, 31].

К концу первой — началу второй пятилеток радио заняло свое место в жизни и горожан, и селян Воронежской области, вошло в их быт. Хотя говорить о том, что оно стало «направляющим звеном» их жизни, еще рано. Партия старалась сделать радио массовым средством просвещения, при помощи которого могла бы вести воспитательную работу.

В связи с возросшим в целом по стране значением этого вида СМИ, в 1933 г. был учрежден Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию при Совнаркоме СССР. До этого Всесоюзный комитет радиовещания находился при Наркомпочтеле. XVII съезд партии уделил значительное место вопросам развития радиофикации, подчеркнув «необходимость большего развития связи всех видов, в особенности радио, и коренного улучшения качества работы связи» [1, 664]. Было решено увеличить за пятилетку количество приемных точек на душу населения и количество радиовещательных станций в стране с 57 до 93.

Бюро обкома ВКП(б) ЦЧО 19 апреля 1933 г. приняло постановление «Об использовании радио в МТС, колхозах и совхозах» [16, 181]. Радиоаудитории с их аппаратурой, расположенные в районных центрах, были переданы политотделам и сопровождаемы указанием максимально их использовать, «решительно добиваясь превращения их в действенное орудие партии в деле политического и культурного воспитания колхозников, рабочих МТС и совхозов, улучшения оперативного руководства партии на селе» [16, 181]. В результате по ЦЧО 126 аудиторий, принадлежавших ранее земельным отделам, перешли в ведение политотделов МТС и совхозов, кроме того, было вновь организовано еще 205 аудиторий.

К моменту реорганизации Центрально-Черноземной области (1934 г.) и образованию ряда менее крупных областей здесь были радиофицированы все общественные учреждения и организации. Радиоточки имелись в 64 тысячах квартир трудящихся, главным образом в городах и рабочих поселках [17, 15]. Политотделы совхозов и МТС имели 505 радиопартаудиторий, причем с 1931 по 1933 гг. посещение их слушателями возросло в среднем в 2,5 раза [17, 25].

С образованием Воронежской, Курской, а затем Тамбовской и Орловской областей в них были созданы областные радиокомитеты, что значительно ускорило развитие радиофикации, особенно в сельской местности. В годы второй пятилетки возникли штатные и общественные редакции радиовещания в городах, райцентрах, на многих предприятиях, в МТС, совхозах и некоторых наиболее крупных колхозах. И тем не менее в середине 30-х гг. темпы радиофикации областей Черноземья отставали от растущих потребностей жителей города и особенно деревни.

Значительна была роль радио в политическом просвещении воронежцев в 30-е гг.

В качестве основных задач радиовещания партийные организации Черноземья выдвинули пропаганду марксизма-ленинизма, а также оперативные радиоиформации о жизни страны и края и обзоры газет по радио. По требованию местной партийной организации вопросы радиовещания постоянно освещались на страницах областной газеты «Коммуна». Радио в Черноземье широко использовалось для

пропаганды решений XV, XVI и XVII съездов партии, задач первого и особенно второго пятилетнего планов, разъяснения трудящимся важнейших событий международной и внутренней жизни страны. Специальные передачи пропагандировали социалистическое соревнование, рассказывали о достижениях ударников и стахановцев на промышленных предприятиях, новостройках и в сельском хозяйстве края. В частности, практиковалось проведение радиомитингов, радиоперекличек, радиосовещаний, радиорапортов [15, 104], т.е. передач с ярко выраженной агитационной функцией, которые рассказывали о передовом опыте и достижениях, стремились восполнить, зажечь сотни людей, способных подхватить почин новаторов. Были передачи, освещавшие вопросы колхозного строительства, решения партии о сельском хозяйстве, пропагандировавшие достижения колхозного строя.

Ежедневно транслировались радиолекции для самостоятельного изучения марксистско-ленинскую теорию, для слушателей школ партийного и комсомольского просвещения. Радиокомитет организовывал передачи-беседы, передачи-консультации для пропагандистов и работников культуры, передачи в помощь избачам, учителям, лекторам-антирелигиозникам, которые помогали рабочим, крестьянам, интеллигенции области «глубже понять политику коммунистической партии, вырабатывать революционное научное мировоззрение, яснее разглядеть антинародную сущность буржуазной идеологии и оппортунизма всех мастей» [12, 58].

Однако нельзя не сказать о недостатках в работе радио. Воронеж обеспечивался передачами с помощью городского узла Управления связи ЦЧО, при этом в эфире иногда случался брак. Журнал «Радиофронт» приводит иронические замечания по этому поводу некоего жителя, подписавшегося псевдонимом Эй: «Абонент имеет увлекательную возможность слушать доклады в самых оригинальных сочетаниях: с конца, с середины, с полуслова, под аккомпанемент хора имени Пятницкого, под завывание арктических ветров, улавливаемых микрофоном на острове Франса-Иосифа. На перекличке о ходе уборочной кампании в разговор двух рассказчиков вмешивается “Князь Игорь” и жалуется на то, что “нет ни сна, ни отдыха измученной душе”. Часто воронежский абонент бывает лишен возможности слушать и эти “актуальные” передачи. Его точка перестает работать и засыпает “летаргическим” сном. Тогда вы можете звонить на радиоузел, волноваться, но она все равно не проснется» [32, 16]. Еще одна тема для критики радио — замена и отмена ранее объявленных передач. Это сильно усложняло организацию коллективного радиослушания и подрывало доверие к радиовещанию в целом.

К концу 1934 г. было, наконец, завершено строительство новой, более мощной радиостанции. Долго-

строй начался еще в 1929 г. и затянулся из-за того, что Ленинградское отделение Радиостроя несколько раз присылало не то оборудование, которое было необходимо для продолжения строительства. Эта проблема освещалась в прессе, в том числе в журнале «Радиофронт» [11, 7]. С пуском радиостанции на улице Фридриха Энгельса стала активнее расширяться сеть радиоточек, еще более увеличилось количество радиоточек, радиоприемников и радиоузлов. Кроме того, в структуре облисполкома образовался, наконец, комитет по радиофикации и радиовещанию (радиокомитет).

В период с 1931 по 1934 гг. в Воронежской области заметно возросла роль радио в повышении культурно-политического уровня населения. Воспитание масс с помощью радио в духе «высокой революционной сознательности» считалось «важнейшим условием построения социализма, осуществления культурной революции, мощным средством формирования научного мировоззрения, идейной убежденности советского народа, непримиримости к буржуазной идеологии и оппортунизму» [12, 59].

Во второй половине 30-х гг. отдельной редакции пропаганды еще не было, поэтому пропагандистские функции распределялись между имеющимися редакциями — «Последних известий» и литературно-драматических программ. Особенно часто пропагандистские материалы звучали в новостных выпусках, что московским «Последним известиям» было не свойственно.

В частности, 4 января 1936 г. в «Последних известиях» звучала пространная беседа о задачах профсоюз в связи с развертыванием стахановского движения, и буквально через два часа — литературное чтение «Против фашизма», т.е. и художественные программы также включали политические тексты [18, 7–8].

В целом «Последние известия» в 1936–37 гг. посвятили пропаганде больше половины своего эфирного времени. При этом особое внимание уделялось внедрению в жизнь идей Ленина и Сталина, а также работе областных партийных и комсомольских ячеек.

Редакция литературно-драматического вещания вносила вклад в коммунистическую пропаганду с помощью отбора для эфира художественных произведений. В январе 1936 г. у микрофона исполнялась радиопостановка «Юность Сталина» [18, 14]. Главы из книги Анри Барбюса «Сталин» читал заслуженный артист республики А. В. Поляков. В течение года передача повторялась четырежды. В феврале 1936 г. звучал литературный монтаж «На страже» под редакцией М. Голода [19, 23], в сентябре 1936 г. — критическая передача «Иностранный юмор и сатира» [20, 12]. В марте 1937 г. вышла в эфир программа об испанской революционной литературе [23, 7], в июне 1937 г. — композиция «Красные пограничники» [24, 7]. Часто звучали подборки из произведений М. Горь-

кого, Н. Островского, В. Маяковского. Литературные передачи пропагандистской направленности передавались не реже одного раза в месяц.

Выходили также антирелигиозные концерты, представлявшие собой тематический монтаж газетных текстов и фрагментов из популярных в то время музыкальных произведений.

Долгое время ежедневно, кроме выходных, по вечерам шли передачи «В помощь самообразованию» (редактор — М. Голод), которые тоже уделяли пропаганде немало внимания. Вот некоторые темы лекций: «Маркс и Энгельс о происхождении человека», «Политические маскировки контрреволюционных религиозных организаций», «Ленин и просвещение». Во второй половине 1936 г. в помощь самообразованию был запущен цикл «Наша социалистическая Родина», где рассказывали о Советской Армении, Советской Грузии, Туркмении и т.п. В целом передачи пропагандистской направленности передавались наиболее часто и составляли примерно четвертую часть программ «В помощь самообразованию».

Коммунистическая пропаганда звучала в беседах и докладах партийных деятелей, зачастую одной пропагандой не ограничивались. Например, 8 февраля 1936 г. состоялось выступление секретаря горкома ВКП(б) тов. Власова о том, что дала проверка партийных документов. Выступление представляло собой открытую агитацию за вступление в ряды компартии [19, 11]. Таких выступлений в 1936 г. прозвучало 10, в 1937 г. — 12. Однако стоит отметить, что подобные передачи в обозначенные годы носили эпизодический характер, какой-либо периодичности выхода их в эфир не прослеживается. От одной передачи до другой могло пройти несколько дней, а могло — несколько месяцев. Поэтому критику местных радиокомитетов за то, что они не максимально используют возможности радио для укрепления советского политического строя, можно считать вполне справедливой. Журнал «Радиофронт», отмечая в передовой статье номера 24 за 1940 г. как технические, так и идеологические недостатки в работе местного вещания, писал: «Каждая передача должна служить делу коммунистического воспитания и общего культурного подъема трудящихся нашей родины. Радиокомитеты обязаны на высоком идейном уровне вести пропаганду марксизма-ленинизма, широко пропагандировать по радио классическое наследство прошлого и лучшие образцы советского искусства и литературы» [29, 1–2].

Справедливости ради следует отметить, что функция пропаганды, хотя и была основной в 20-е — 30-е гг., но не ограничивалась политикой. В сетке вещания мы находим немало рубрик просветительского характера, прежде всего на медицинские и юридические темы.

Пропаганде здорового образа жизни стали регулярно уделять внимание лишь в военный пери-

од. Однако надо сказать, что в уже упоминавшемся цикле «В помощь самообразованию», который шел по будням во второй половине 30-х гг., иногда говорилось об анатомии и физиологии человека, о природе некоторых болезней. Так, 7 января 1936 г. профессор Тушинский рассказал о гриппе; редактор радиокомитета и биолог по образованию М. Голод 15 января сделал доклад о функциях эндокринных желез [18, 9–14], 19 апреля — об академике Павлове и его учении [21, 19]. В 1937 г. в этом цикле звучали: в марте — беседа М. Голода со слушателями о внематочной беременности и доклад профессора Ткачева о борьбе с инфекционными болезнями [23, 5–11], в апреле — лекция профессора Пучковского о значении витаминов [25, 13]. Полезным нововведением могли бы стать десятиминутные доклады Дома санкультуры, выходившие 2 раза в месяц, если бы они не представляли собой сводки статистических данных о смертности, рождаемости, заболеваемости, количестве грызунов в области и т.п. Конечно, журналисты в это время уже знали о том, что пространственные перечисления не воспринимаются слушателями, но нежелание спорить со специалистами брало верх. Приведенные факты также показывают, что программы такой насущной тематики, как медицинская, до войны были нерегулярны.

Пропаганда правовых знаний, в отличие от пропаганды здорового образа жизни, в Воронежском радиоэфире велась постоянно. Однако долгое время (вплоть до 1970 г.!) эти передачи не имели постоянного места в сетке вещания и звучали в основном в программах «В помощь самообразованию».

Приведем почти полную выборку правоведческих программ 1936–37 гг. Вечером 15 июня 1936 г. состоялась 10-минутная беседа «Советское законодательство о правах матери и ребенка» [22, 7]. 5 сентября в связи с обсуждением проекта новой Конституции СССР транслировалось выступление прокурора Воронежской области «Суд и право в Советском Союзе», и затем 23-го — беседа о государственном устройстве СССР [20, 6–16]. В 1937 г., после принятия «Сталинской» Конституции, ей посвятили ежемесячный цикл программ: 1 апреля слушателям рассказали об их новых трудовых правах [25, 5], 5 мая — о свободе печати [26, 5], 21 июня — о Верховном Совете Союза ССР [24, 10]. Говорили также о новых союзных республиках, об осуществлении в СССР принципа социализма и т.п.

Среди передач экономической направленности преобладали сельскохозяйственные. Их основной функцией также была пропаганда: колхозов, пятилетних планов, достижений передовиков сельского хозяйства и прогрессивных методов его ведения.

Тема сельского хозяйства изначально была одной из основных в воронежском радиоэфире и остается таковой по сей день. Это обусловлено экономической спецификой области. Уже в 1925 г., когда только от-

крылась первая радиовещательная станция и стали создаваться радиогазеты, одна из них была адресована крестьянству. К сожалению, никаких следов этих программ не сохранилось.

Известно, что в конце первой — начале второй пятилеток (1931–1934 гг.) «специальные передачи местного радио рассказывали о достижениях ударников и стахановцев в сельском хозяйстве края, освещали вопросы колхозного строительства, решения партии, касающиеся этой сферы, пропагандировали достижения колхозного строя» [12, 58].

В 1936–37 гг. и до конца 30-х гг. программам этой насыщенной тематики уделялось достойное внимание. В 1936 г., например, еженедельно в эфире звучала «Агротехпропаганда» — постоянный цикл, посвященный сезонным проблемам сельского хозяйства. В январе селянам напоминали о своевременном ремонте комбайнов и тракторов стахановскими методами, о подготовке к сверххранению сева и снегозадержании, о борьбе с грызунами в садах и питомниках в зимнее время. Апрельские темы: «Яровизация семян — важнейшее мероприятие в повышении урожайности», «Весенний сев по области», «Организация полевых таборов», «Борьба с сорняками». В июне начальник облземуправления подводил в эфире итоги сева, в сентябре на первом плане была подготовка к осенне-зимнему сезону, перевозка урожая, его хранение и переработка (в частности, 10 сентября начальник Южного свеклоуправления говорил об уборке сахарной свеклы и готовности заводов к производственному сезону [20, 8]). Все это подавалось слушателям в форме 15-минутных лекций, иногда — бесед. Областное земельное управление использовало эфирное время «Агротехпропаганды» для ежемесячных докладов.

Программы «В помощь самообразованию» тоже не оставляли без внимания сельское хозяйство. 3 января 1936 г. вышла передача «Яровизация по методу Лысенко» [18, 6], в феврале — лекция «Генетика на службе животноводства» [19, 14]. Всесоюзной сельскохозяйственной выставке была посвящена 25-минутная беседа внештатного автора Я. Б. Збарского 11 мая 1937 г. [26, 8], а спустя 2 недели с помощью автозвукопередвижки организована радиоэкскурсия по сельскохозяйственной выставке при Областном доме колхозника [26, 7]. С середины 1937 г. вопросы агротехпропаганды стали освещаться под рубрикой «В помощь самообразованию», тогда как доклады ОблЗУ, напротив, выходили отдельной передачей в два раза чаще.

«Последние известия» постоянно давали информацию о делах колхозов и совхозов. Дважды в месяц редакция выпускала дополнительные передачи-беседы, в которых обсуждалась главная тема прошедших недель. 16 января 1936 г. редактор М. Голод читал лекцию «На основе речи товарища Сталина добьемся высокого урожая» [18, 15], 26 февраля выступи-

ли трактористы и машинисты, доложив об изменениях в своей работе после совещания стахановцев полей [19, 24]. 16 апреля у микрофона были лучшие комбайнеры области, а в день рождения Ленина — директора лучших МТС [21, 17–21]. В 1937 г. такие специальные выпуски редакции «Последних известий» стал выходить дважды в неделю: по вторникам и четвергам.

Кроме того, ежедневно (кроме выходных) передавался специальный 15-минутный прогноз погоды для колхозов, совхозов и МТС, снабженный агрономическими и агротехническими рекомендациями.

Так продолжалось до Великой Отечественной войны, когда деятельность многих редакций была свернута. В это нелегкое время сельскохозяйственная тема, как и другие, освещалась лишь «Последними известиями».

Таким образом, Воронежская радиостанция имени Профинтерна стала одной из первых передающих станций в СССР. Первое десятилетие существования в Воронеже областного радиовещания характеризуется интенсивной радиофикацией. Тогда же в Воронежской радиожурналистике прошел радиогазетный период, который практически совпал по времени с радиогазетным периодом на Всесоюзном радио.

Работники обкома ВКП(б) стали понимать возможности радио и начали использовать его в качестве выгодного для себя средства массового просвещения.

В 1930-е гг. просветительская роль Воронежского радио заметно возросла. Важное место заняли сельскохозяйственные передачи, пропаганда правовых и медицинских знаний, но основное внимание уделялось повышению культурно-политического уровня населения. Этим занималась не только редакция «Последних известий», но и редакция литературно-драматических программ: в отличие от Всесоюзного радио, в Воронеже партийно-пропагандистские материалы часто звучали в новостных выпусках, в художественных передачах партийная пропаганда выражалась в подборе литературных произведений для эфира.

ЛИТЕРАТУРА

1. XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. — 1934.
2. «Без бумаги и типографских красок»: переключки радиогазет // Коммуна. — 1929. — 8 мая.
3. ГАВО, ф. 1, оп. 18, д. 3.
4. ГАВО, ф. 10, оп. 8, д. 44.
5. ГАВО, ф. 10, оп. 8, д. 46.
6. ГАВО, ф. 10, оп. 8, д. 44.
7. Глейзер М. С. Радио и телевидение в СССР. — М., 1965.
8. Даешь радио! // Воронежская коммуна. — 1924. — 5 нояб.
9. Докукин В. Воронежскому радиовещанию — 25 лет / В. Докукин // Коммуна. — 1950. — 12 нояб.

10. Докукин В. Радио в колхозе / В. Докукин // Коллективное радиослушание в колхозе. — Воронеж, 1949.
11. Когда заговорит Воронеж? // Радиофронт. — 1934. — № 19.
12. Кривцун Л. В. Деятельность партийных организаций Черноземного центра по развитию печати и радио в период социалистической реконструкции народного хозяйства / Л. В. Кривцун // Деятельность КПСС по развитию экономики страны. — Воронеж, 1972.
13. Куприянов В. В. Радиолюбители Центрально-Черноземной области / В. В. Куприянов // Советские радиолюбители. — М., 1976.
14. Открывается широкоэмитательная радиостанция // Воронежская коммуна. — 1925. — 6 нояб.
15. ПАВО, ф. 1, оп. 27, д. 31.
16. ПАВО, ф. 2, оп. 1, д. 1939.
17. ПАВО, ф. 2, оп. 1, д. 2185.
18. Программа передач по радиостанции имени Профинтерна РВ-25. — 1936. — Январь.
19. Программа передач по радиостанции имени Профинтерна РВ-25. — 1936. — Февраль.
20. Программа передач по радиостанции имени Профинтерна РВ-25. — 1936. — Сентябрь.
21. Программа передач по радиостанции имени Профинтерна РВ-25. — 1936. — Апрель.
22. Программа передач по радиостанции имени Профинтерна РВ-25. — 1936. — Июнь.
23. Программа передач по радиостанции имени Профинтерна РВ-25. — 1937. — Март.
24. Программа передач по радиостанции имени Профинтерна РВ-25. — 1937. — Июнь.
25. Программа передач по радиостанции имени Профинтерна РВ-25. — 1937. — Апрель.
26. Программа передач по радиостанции имени Профинтерна РВ-25. — 1937. — Май.
27. Радио // Воронеж: справочник. — Воронеж, 1953.
28. Радиостроительство // Новости радио. — 1925. — № 40-41. — 8 нояб.
29. Смолин В. С. Улучшить качество местного радиовещания / В. С. Смолин // Радиофронт. — 1940. — № 24.
30. Ткачев О. Г. История регионального радиовещания: проблемы изучения / О. Г. Ткачев // Медиаальманах. — 2004. — № 4-5.
31. Шестопалова Е. В. Становление радио- и телевидения в Иркутской области / Е. В. Шестопалова // Журналистика 2004. СМИ в многополярном мире. Ч. 2. — М., 2005.
32. Эй М. «Актуальные» передачи / М. Эй // Радиофронт. — 1933. — № 10.

Воронежский государственный университет
Цуканова М. И., кандидат филологических наук, доцент
кафедры телевизионной и радиожурналистики,
E-mail: tsmi@yandex.ru

Voronezh State University
Tsukanova M. I., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Television and Radio Journalism Department
E-mail: tsmi@yandex.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее

приводятся: дата поступления материала в редакцию краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавляется словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подписуемая подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутонные фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.